

Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО)

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

**Пространство современной России:
возможности и барьеры развития
(размышления географов-обществоведов)**

Москва – Ростов-на-Дону
2012

УДК 911
ББК 65.04
П 82

Издание подготовлено в соответствии с решением
совместного заседания Координационного и Экспертного советов
Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) от 16.09.2011.

Ответственные редакторы:
А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов

Редакционная коллегия:
П. Я. Бакланов, Ю. Н. Гладкий, Н. В. Зубаревич, А. Н. Пилясов,
А. И. Трейвиш, Г. М. Фёдоров, А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин

**Пространство современной России: возможности и барьеры
П 82 развития (размышления географов-обществоведов) /** отв. ред.
А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Вузовская книга,
2012. – 336 с.

ISBN 978-5-9502-0681-8

В издании, объединяющем профессиональные мнения-интервью
ведущих российских экономико-географов, идентифицированы важ-
нейшие проблемные ситуации и тренды территориальной органи-
зации общества в постсоветской России, предложена общественно-
географическая интерпретация детерминант, сценариев и стратегий
развития страны.

ISBN 978-5-9502-0681-8

**УДК 911
ББК 65.04**

© Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО), 2012
© Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических
и социальных проблем Южного федерального университета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив.....	5
Предисловие.....	7
1. Территориальная организация российского общества: итоги постсоветского двадцатилетия.....	9
1.1. Какие существенные изменения претерпела территориальная организация российского общества за постсоветский период? Что в ней осталось неизменным?.....	11
1.2. Каково взаимовлияние постсоветских социально-экономических изменений и наблюдаемых трансформаций в территориальной организации российского общества?.....	64
1.3. Важнейшие тренды развития российского социально-экономического пространства в постсоветский период: глобализация, регионализация, централизация, усиление периферийности и (или) маргинализация? Как они сказались на уровне и образе жизни людей?.....	78
2. Фундаментальные общественно-географические проблемы современной России: каковы пути решения?.....	103
2.1. Благоприятствующие и лимитирующие факторы социально-экономического развития регионов России: взгляд географа-обществоведа.....	105
2.2. Географические предпосылки и последствия природно-ресурсной детерминации российской экономики.....	128
2.3. Особенности процессов урбанизации и рурализации в российском пространстве. Изменения потенциала и влияния крупнейших городов в постсоветской России, их «плюсы» и «минусы».....	154
2.4. Геополитические и геоэкономические детерминанты пространственного развития постсоветской России. Проявления и проблемные ситуации трансграничной регионализации	168

2.5.	Крупные инвестиционные проекты постсоветской России: их целесообразность, приоритетность, эффективность, последствия.....	191
2.6.	Современное районирование российского общества: возможно и нужно ли оно, в чем его специфика и целевые установки? Какова его сопряжённость с административно-территориальным устройством Российской Федерации?.....	210
2.7.	Ментальная картина российского пространства в массовом сознании: экспертная оценка географа-обществоведа.....	235
3.	Будущее России: детерминанты, сценарии, стратегии (общественно-географическая интерпретация).....	245
3.1.	Социально-экономическая и этнокультурная регионализация: угроза или условие территориальной целостности и социально-экономического развития России?.....	247
3.2.	Грозит ли России «социально-экономическое опустынивание»? Как обустроить российскую территорию в условиях депопуляции? Как адаптировать систему расселения и территориальную организацию общества к этому процессу?.....	268
3.3.	По какому сценарию будет развиваться экономика России в ближайшие десять–пятнадцать лет (сырьевому, инновационному или инновационно-сырьевому) и как это отразится на ТОО? Каковы возможности и перспективы развития российских регионов по постиндустриальной модели?.....	292
3.4.	Обширность российской территории как ресурс социально-экономического развития: каковы стратегии использования?.....	316

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Бакланов Пётр Яковлевич, академик РАН, д.г.н., директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток).

Герасименко Татьяна Ильинична, д.г.н., профессор, заведующая кафедрой географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (Оренбург).

Дружинин Александр Георгиевич, д.г.н., профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Зубаревич Наталья Васильевна, д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Каганский Владимир Леопольдович, научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Клюев Николай Николаевич, д.г.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Колесников Юрий Семёнович, д.э.н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, главный научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Колосов Владимир Александрович, д.г.н., профессор, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН (Москва).

Кузнецова Ольга Владимировна, д.э.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Мироненко Николай Семёнович, д.г.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой географии мирового хозяйства МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Мошков Анатолий Владимирович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток).

Нефёдова Татьяна Григорьевна, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Овчинников Виктор Николаевич, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Пилясов Александр Николаевич, д.г.н., профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил (Москва).

Поросенков Юрий Васильевич, д.г.н., профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета (Воронеж).

Романов Матвей Тихонович, д.г.н., заведующий лабораторией Территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток).

Сдасюк Галина Васильевна, д.г.н., профессор, главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Стрелецкий Владимир Николаевич, к.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Трейвиш Андрей Ильич, д.г.н., профессор, главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

Файбусович Эрнест Львович, д.г.н., профессор кафедры региональной экономики и природопользования СПбГУЭФ (Санкт-Петербург).

Фёдоров Геннадий Михайлович, д.г.н., профессор, проректор по научной работе Балтийского федерального университета им. И. Канта, зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики (Калининград).

Чистобаев Анатолий Иванович, д.г.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Шарыгин Михаил Дмитриевич, д.г.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного университета (Пермь).

Шупер Вячеслав Александрович, д.г.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию глубокоуважаемых читателей книга «Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов)» по своему замыслу, способу подачи материала, кругу авторов (ведущих российских специалистов в области социально-экономической географии) и спектру очерчиваемой проблематики – во многом эксклюзивна, носит концептуальный характер, напрямую ориентирована на профессиональную интерпретацию сложнейших вопросов дальнейшего развития нашей страны.

Идея необходимости данного издания возникла в связи с приближением важной для современного российского социума, во многом трагической, рубежной, понуждающей к исследовательской рефлексии даты. В декабре 2011 г. миновало два десятилетия с момента распада Советского Союза – грандиозной драмы, сопровождаемой радикальной политической, экономической и социальной трансформацией, кардинальным «переформатированием» всего не только постсоветского, но и глобального геополитического и геоэкономического пространства. Данный временной период оказался для России, Российской Федерации, крайне непростым, насыщенным противоречивыми процессами и событиями, включая и глубинные подвижки в территориальной организации российского общества, фактическое выстраивание её новой архитектоники.

Каковы важнейшие тренды развития социально-экономического пространства России в постсоветский период? В чём суть фундаментальных общественно-географических проблем нашей страны? Как обустроить российскую территорию? Каковы возможности и перспективы развития российских ре-

гионов? Эти и другие аналогичные вопросы, неизбежно встающие сегодня не только перед научным сообществом, но и властью, бизнесом, обществом, были сформулированы группой высокопрофессиональных экспертов и, в качестве предметно-содержательной канвы данной книги, обращены к географам-обществоведам России, в первую очередь к научной элите, докторам наук, лидерам научных школ, руководителям научно-образовательных коллективов.

Выражая признательность всем авторам, внёсшим интеллектуальный вклад в подготовку данного издания, вместившего в себя широкую палитру представлений об общественно-географических реалиях современной России, надеемся, что книга вызовет интерес у широкого круга читателей, а содержащиеся в ней идеи и аналитика окажутся востребованными при разработке стратегий и программ социально-экономического развития нашего Отечества.

**Президиум
Координационного совета
Ассоциации российских
географов-обществоведов
(АРГО)**

**Ответственные редакторы
и редакционная коллегия
издания**

1.

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ИТОГИ ПОСТСОВЕТСКОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ**

1.1. КАКИЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕТЕРПЕЛА ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД? ЧТО В НЕЙ ОСТАЛОСЬ НЕИЗМЕННЫМ?

П. Я. Бакланов

Территориальная организация общества (ТОО) – явление сложное, многоуровневое. Одним из первых к рассмотрению ТОО в 80-е годы XX в. подошел известный советский экономико-географ Б. С. Хорев (1981). Затем анализом ТОО занимались Г. М. Лаппо, М. Д. Шарыгин, А. И. Чистобаев, А. А. Ткаченко и другие. Однако практически все до сих пор проводимые исследования ТОО остаются на обобщенном макроуровне.

Упоминание о ТОО, также в основном в обобщенной форме, можно найти во многих современных экономико-географических работах, благодаря чему создается впечатление, что ТОО уже глубоко и всесторонне изучено. Более того, каждый второй экономико-географ считает, что о ТОО он знает все или почти все. На самом деле (и это следует особо подчеркнуть) ТОО изучено крайне слабо и в основном на макроуровне.

В действительности, ТОО – это наиболее общее и целостное образование и как экономико-географическая категория – обобщающая. Если говорить о социально-экономическом пространстве страны или региона, то в размещении различных компонентов населения, хозяйства, инфраструктуры, в их отношениях всегда существует определенная упорядоченность, та или иная территориальная организация. ТОО понимается и как состояние, и как процесс его достижения. В процессе ТОО большая часть реализуется в виде самоорганизации, меньшая – в виде управления (размещением и т. п.) и экономического районирования.

В целом ТОО – сложнейшее макроуровневое образование, состоящее из множества иерархических территориальных социально-экономических структур (ТСЭС) с их пересечениями и сопряжениями. Такие структуры закладываются и существуют (в наиболее конкретной пространственно-временной форме) на микроуровне, затем их сочетания в обобщенной форме могут рассматриваться на мезоуровне и, наконец, множества ТСЭС в наиболее обобщенном генерализованном виде – на макроуровне, то есть в пределах страны или крупного региона. При этом в ТОО включаются и разнообразные связи, и сопряжения звеньев ТСЭС с природно-ресурсной средой через территориальные структуры природопользования. Членение, структуризация в

ТОО может идти по трем основаниям. Во-первых, можно выделить территориальную организацию отдельных видов деятельности, в том числе сельского хозяйства, промышленности, а также – отдельных сопряженных, связанных компонентов социально-экономического пространства. Во-вторых, можно выделять подобные образования для разных пространственных уровней – от локального, в рамках поселений, до районного и национального. Во всех случаях более полные и целостные сочетания представлены территориальными социально-экономическими структурами, где социальные компоненты (группы населения) и хозяйственные, экономические (предприятия и объекты инфраструктуры) сопряжены между собой и с территорией.

Из всего множества ТСЭС, пересекающихся между собой (через общие компоненты) и сопряженных различным образом, складывается ТОО в пределах больших территорий – районов и стран.

Как показывают опыт регионального развития и научные исследования, очень важным свойством ТСЭС и ТОО в целом является инерционность, т. е. способность ТСЭС в течение длительного времени (годы и десятилетия) сохранять многие их звенья и параметры неизменными или изменяющимися незначительно. В меньшей мере инерционность присуща звеньям ТСЭС на микроуровне, более всего – звеньям на макроуровне.

Поэтому, оценивая изменения в ТОО в России за последние 25–30 лет, необходимо в строгом смысле анализировать изменения ТСЭС на всех уровнях. На микроуровне – изменения (в том числе ликвидация и возникновение новых) отдельных предприятий, компаний и их сопряженных сочетаний, т. е. территориальных хозяйственных структур. Здесь, разумеется, произошли наибольшие изменения. На мезоуровне – изменения структур и функций, а также связей экономических центров, поселений, городов, агломераций. Здесь также произошли существенные трансформации, обусловленные изменениями на микроуровне. Сотни поселений исчезли полностью. Но, тем не менее, все крупные и средние города, большинство малых и подавляющее большинство других поселений, изменив многие свои виды деятельности, параметры, характеристики, остались «на месте», сохранились и многие их функции, транспортные связи. Поэтому говорить о радикальном изменении ТОО на уровне страны и даже крупных регионов – вряд ли возможно. Хотя отдельные ТСЭС и отдельные их звенья трансформировались самым существенным образом. Все это можно и нужно оценивать достаточно строго на содержательном количественном уровне.

Ниже приводятся наши оценки основных тенденций изменений территориальных структур хозяйства региона – Тихоокеанской России. Территориальные структуры хозяйства являются важнейшей основой ТСЭС, а следовательно, и составляющей ТОО.

Основными факторами, которые оказали существенное влияние на формирование современной пространственной структуры экономики, территориальной организации хозяйства Тихоокеанской России, являлись следующие:

1. Специфическое географическое положение Тихоокеанской России, широкий ее выход к морям и Тихому океану, а через них – ко многим странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также огромная вытянутость территории с юга на север, около 5 тыс. км, до Арктического российского сектора в Северном океане. В широком смысле в состав Тихоокеанской России необходимо включать и морскую экономическую зону, а также российский сектор арктического шельфа, что в целом составляет около 5 млн км².

2. Большой и разнообразный природно-ресурсный потенциал как суши, так и морской экономической зоны макрорегиона, его размещение и рост изученности.

3. Исторические этапы и особенности хозяйственного освоения отдельных районов.

4. Геополитические факторы – продвижение и укрепление российских интересов в Восточной Азии и Северной Пацифике, обеспечение территориального суверенитета и национальной безопасности страны на Востоке.

5. Стратегические цели освоения и регионального развития на различных этапах истории.

6. Фактор инерционности, относительно длительного сохранения многих звеньев и черт пространственной структуры экономики и социальной сферы, даже после того, когда начинает снижаться их эффективность. Инерционность более всего проявляется на мезо- и макроструктурных уровнях территориальной организации.

Под воздействием всех этих факторов к настоящему времени сформировалась пространственная структура экономики, в которой отчетливо выделяются следующие типы структур и крупные структурные звенья:

1. Линейно-узловые структуры в виде цепочек различных по величине экономических центров, узлов, сформировавшихся на крупных транспортных путях (линейных звеньях).

Во-первых – это линейно-узловые структуры вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали и ее ответвлениях к морскому побережью и к государственной границе, к приграничным центрам, узлам.

Во-вторых – сочетание экономических центров, узлов на морском побережье от Посьета на юге региона до Тикси на северном побережье. Подобные прибрежные линейно-узловые структуры сформировались также на побережье острова Сахалин и полуострова Камчатки. Роль линейных связующих транспортных звеньев в приморских структурах выполняют морские пути и

прибрежные акватории, через которые обеспечиваются транспортные связи между приморскими центрами, узлами.

Это самые крупные пространственные звенья экономики Тихоокеанской России, а в их пересечениях сформировались наиболее крупные экономические центры и транспортные узлы.

Менее крупные, но также пространственно очень выраженные и экономически важные линейно-узловые структурные звенья сформировались вдоль крупнейшей реки региона – Амура и вдоль новой железнодорожной магистрали – Байкало-Амурской. Специфическая линейно-узловая структура сложилась вдоль реки Лены, а также вдоль автодорожной магистрали – Амуро-Якутской, от железнодорожной станции на Транссибе до Якутска. В настоящее время вдоль этой автодороги заканчивается строительство железной дороги до Якутска, которая затем продолжится до Магадана.

2. Во многих глубинных, часто горно-таежных районах, сформировались очаговые экономические структуры, представленные одним-двумя экономическими центрами, узлами, осуществляющими добычу полезных ископаемых (в основном – металлов) или заготовку древесины. Часто к таким центрам имеются лишь автодороги низкого качества или только зимники.

3. В южных районах выделяются и ареально-площадные структуры, представленные значительными территориями сельского хозяйства или лесоразработок.

4. Специфические аква-территориальные звенья пространственных структур формируются в ряде прибрежных зон на основе освоения прибрежных морских природных ресурсов и тесных взаимодействий с береговыми базовыми центрами, например – нефти и газа на шельфе Сахалина, марикультуры в ряде южных районов. Аква-территориальные звенья пространственных структур экономики имеют в регионе большие перспективы развития.

Наиболее конкретными пространственно-временными образованиями в экономике являются территориальные структуры хозяйства, формируемые отдельными территориально компактными предприятиями, компаниями, их взаимосвязями и сопряжениями с территорией. Все их элементы и связи имеют строго определенное пространственное (территориальное) и временное измерение.

Территориальные структуры хозяйства (ТСХ) рассматривается нами как двухуровневые, двухслойные образования (Бакланов, 2007). Первый уровень образуют узлы – отдельные территориально компактные предприятия, компании, их локальные сочетания, промышленные узлы, а также линейные элементы – потоки ресурсов и готовой продукции узла, как точки отсчета структуры, и реализующие их транспортные средства. Второй уровень образуют территориальные зоны влияния отдельных узлов: территории их размещения, социально-инфраструктурные

зоны, ресурсно-экологические зоны, а также – рыночные зоны, в пределах которых формируются ресурсные и потребительские структуры.

В рамках данного подхода выделяются как первичные территориальные структуры, образуемые отдельными территориально компактными предприятиями со всеми их связями и сопряжениями, так и обобщенные, генерализованные структуры, выделенные для отдельных экономических центров (промышленных узлов) и экономических районов разного ранга (Бакланов, 1986, 2007). Выражением территориальных структур на обобщенном уровне является иерархическая система экономических районов – от крупных до мелких.

Важным для прогнозных оценок является ряд свойств территориальных структур хозяйства, таких как:

- *динамичность* – как пространственно-временная изменчивость отдельных звеньев территориальных структур за тот или иной период времени;
- *устойчивость* – способность территориальных структур и их звеньев сохранять свои пространственно-временные характеристики в течение определенного времени;
- *инерционность* – способность территориальных структур и их звеньев сохранять свои пространственно-временные характеристики в течение определенного времени без дополнительных инвестиций;
- *пространственные совмещения и пересечения* – в виде наличия звеньев, общих для двух или более территориальных структур;
- *рассредоточенность и замкнутость* – размещение звеньев территориальных структур в пределах определенного района или в системе районов.

Фундаментальным свойством ТСХ любого уровня является их динамичность, то есть пространственно-временная изменчивость структур и их звеньев, и инерционность – способность длительное время (годы) сохранять в той или иной мере неизменными основные структурные особенности.

В долгосрочном развитии любого региона, в данном случае российского Дальнего Востока, важно оценить основные тенденции изменения не только в отраслевой структуре, но и в трансформации ТСХ региона. Это, в общем, можно сделать на основе выделения и оценок свойств инерционности и динамичности ТСХ на различных уровнях обобщения. В целом необходимо выделять несколько уровней анализа территориально-структурных трансформаций экономики: общерегиональный, уровни субъектов РФ в пределах Дальнего Востока, уровни экономических центров, городов и уровни первичных территориальных структур, формируемых отдельными предприятиями (Бакланов, Мошков, Романов, 2011).

Как показывают исследования и прогнозные оценки, в перспективе до 2050 г. в территориальной организации и пространственной структуре эко-

номики Тихоокеанской России сохраняют свое ведущее значение структурные звенья вдоль Транссиба. Большое развитие получают структурные звенья экономики (экономические центры, порты, транспортные подходы) вдоль морского побережья, а также – вдоль БАМа и АЯМа. В целом, пространственные линейно-узловые структуры региона будут трансформироваться в сете-узловые и сете-ареальные с активным развитием экономических поясов между осями: Транссиб – морское побережье, Транссиб – Приграничье, Транссиб – БАМ. В удалении от этих осей, зон и поясов будут функционировать и отдельные очаговые структуры (в основном на базе вахтовых методов) освоения важных, востребованных на рынках АТР природных ресурсов.

Функциональная структура практически любого экономического центра определяется сочетанием элементов производства – предприятий, которые можно объединить в следующие функциональные блоки производств: 1) основные, продукция которых, преимущественно вывозится в другие экономические центры и районы; 2) обслуживающие потребности производства в границах экономического центра и 3) обслуживающие потребности населения данного поселения. Подобное закрепление за отдельными производствами определенных функциональных задач (по специализации или обслуживанию) осуществляется, в первую очередь, в соответствии с их местом в системе территориально разделения труда. В то же время – это важно для прогнозных оценок структурных изменений в экономическом центре.

Важнейшим, определяющим основную функцию экономического центра, является блок специализированных производств (видов деятельности). Сохранение или переспециализация этого блока определяет и общее перестроение в структуре экономического центра. Блок предприятий, обслуживающий производства, хозяйство – лишь частично определяется структурой блока специализации. Многие предприятия обслуживающего блока (строительные, ремонтные, энергетические, очистные сооружения, связи, транспортные и др.) обслуживают предприятия различной специализации. Поэтому их изменения в зависимости от перестройки в блоке специализации могут быть незначительными. Ещё менее зависят от блока специализации блоки предприятий, обслуживающих население. Главным образом они зависят от численности населения экономического центра. Таким образом, основные прогнозные оценки долгосрочных тенденций изменения экономических центров должны охватывать их блоки специализации.

Неравномерность развития элементов, объединенных в разные функциональные блоки, их относительная независимость друг от друга обуславливает лидирующее или отстающее положение отдельных блоков в структуре экономического центра. Уровни развития обслуживающих блоков становятся более определёнными, если в структуре экономического центра рассматривается и население.

Преодоление складывающихся диспропорций в соотношении между блоками структуры экономического центра (с учетом его населения) выступает одной из движущих сил его развития. При этом, разнообразие отраслевой принадлежности предприятий и неравномерность их развития обеспечивают определенную устойчивость и инерционность существованию экономического центра.

В целом же, определяющее значение в структуре и динамике экономического центра имеют предприятия основного блока специализации.

Именно они, в конечном итоге, определяют профиль экономического центра и основные звенья его территориальной структуры. Поэтому, для основных предприятий блока специализации прогнозные оценки выполняются в первую очередь и по следующей схеме: оценка изменений спроса на выпускаемую продукцию, оценка возможностей модификации производимой продукции, переспециализации предприятия, оценка спроса на эти виды продукции, оценка необходимых ресурсов и ресурсных рыночных зон, выделение и оценка сбытовых или потребительских рыночных зон готовой продукции, выделение и оценки эффективности потенциальных структур и вариантов их перестроений. Подобные оценки необходимо выполнить для всех основных производств блока специализации. Тем самым можно получить строгие оценки изменений в территориальной организации хозяйства.

Т. И. Герасименко

Изменения последних лет, происходящие в территориальной организации российского общества и, как следствие, территориальной структуре российского пространства, во многом обусловлены усилением вертикали власти, «смещением» границы, трансформацией геополитических и геоэкономических векторов, вовлечением в международное географическое разделение труда, углублением процесса регионализации на разных уровнях. После распада СССР и появления новой государственной границы произошла еще большая деформация российского пространства, которая проявляется усилением его централизации, поляризации и диспропорций. Территориальная структура российского общества претерпевает и уже претерпела существенные изменения на всех уровнях: на глобальном (или планетарном), региональном (мезоуровне) и микроуровне. Остановимся лишь на некоторых тенденциях, которые проявляются особенно ярко.

Наиболее существенны диспропорции по линии центр–периферия, между которыми практически отсутствуют переходные зоны. Сильное центральное

ядро, сконцентрированное на западе страны, по-прежнему не имеет никакого отношения к географическому центру. За последний период центральные регионы стали еще «западнее», что обусловлено не только приближением к ним государственной границы, но и доминирующей прозападной политикой государства. Значение реального географического расстояния между многими региональными центрами еще больше сократилось, поскольку кратчайшее экономическое расстояние (оцениваемое, по И. М. Маергойзу, по времени либо по стоимости перевозок) в большинстве случаев лежит через Москву. Нередко путь до соседнего субъекта федерации оказывается длиннее, чем за границу. Этому парадоксальному явлению способствовало сокращение внутрироссийских авиарейсов и железнодорожных маршрутов. Ментальная географическая картина россиян также деформирована. Мало кто задумывается над тем, что районы, которые мы называем центральными, в действительности с большим основанием следует считать приграничными. Увеличивается поляризация регионов и центров по уровню доходов, по качеству и образу жизни населения.

В результате изменения вектора миграций населения изменились демографическая и этническая составляющие разных частей пространства. Усилились диспропорции по линии северо-восток – юго-запад. Произошел отток населения из зоны Севера, составлявшей к началу 90-х годов 50 % территории СССР, или примерно 66 % территории России, с населением немногим более 11 млн человек. Территориальную структуру большей части этой территории можно характеризовать как редкоочаговую или очаговую, с элементами дисперсной, и лишь в южной части зоны – как линейно-узловую. В советский период высокие заработки и пакет социальных льгот способствовали росту населения в районах с комфортными и экстремальными условиями. Там в индустриальных очагах (промышленных узлах) формировались условия для уникального образа жизни. Изолированные сообщества полностью зависели от связей с южными регионами, имели в зоне с комфортными условиями свои подсобные хозяйства и дубликаты жилья. Как правило, приезжали туда временно, но задерживались на несколько поколений. В 90-е годы ситуация изменилась. Произошел отток постоянного населения. Обезлюдели районы Дальнего Востока и Сибири. Вместе с тем, освоение Севера продолжается, но сильно выросла добыча ресурсов вахтовым методом, что порождает психологию временщиков и не способствует рационализации природопользования и улучшению экологической ситуации.

Особо следует сказать об аборигенах, которые в советский период, вопреки прогнозам и политике, от индустриально-ресурсного освоения дистанцировались, в построенных специально для них домах практически не жили, корректировали маршруты кочевков, обходя очаги чуждого для них

образа жизни. Тем не менее, за период эксплуатации природных ресурсов изменился их уклад жизни. Сокращение оленьего стада в результате разрушения традиционных ландшафтов, обязательная необходимость обучения детей в интернатах привела к тому, что молодое поколение не получало навыков кочевой традиционной жизни. В результате был практически разрушен хозяйственно-культурный тип. Б. Б. Родоман назвал эту ситуацию хозяйственно-демографическим колониализмом. В этих условиях представляется единственно правильным путь создания резерваций с целью сохранения традиционной культуры.

Демографическое и социально-экономическое опустынивание происходит не только в зоне Севера. Даже в европейской части России сокращается население целых районов, прежде всего сельских, в результате прекращения сельскохозяйственного освоения («черные дыры» по Т. Г. Нефедовой).

Внутрирегиональные диспропорции также увеличиваются. Периферия все более неоднородна, она иерархична. Трансформируются региональные системы расселения, что проявляется в усилении концентрации отдельных центров и исчезновении мелких населенных пунктов. Продолжается процесс субурбанизации, но изменился ее характер: преобладавшие раньше неблагоустроенные окраины, традиционные дачные садово-огородные участки и зоны отдыха вытесняются новыми пригородами и престижными загородными поселками. Городские районы в ряде случаев утрачивают свои жилищные функции, превращаясь в офисные центры.

Изменилась этническая структура российского общества и его отдельных регионов в результате массовой эмиграции представителей отдельных этносов (немцы, евреи) и иммиграции, прежде всего русскоязычных граждан, с территории бывших союзных республик, а также представителей других этносов (казахи, армяне, узбеки и др.) на территорию России. Произошло также внутрироссийское перераспределение населения. Сформировались диаспоры и этнии, в ряде мест они селятся компактно и образуют неформальные этнические районы. В столичном регионе, других крупных урбанизированных центрах, в некоторых районах сельской местности реальностью стала сегментизация экономики по этническому признаку. К примеру, прибывшие армяне заняты или владеют предприятиями сферы услуг, корейцы заняты в сельском хозяйстве, таджики и узбеки – в строительстве. Как известно, в миграциях принимает участие наиболее активная и деятельная часть населения. Это порождает у местных жителей (особенно на фоне экономического кризиса) уверенность, что у них отнимают рабочие места. Привнесение иной культуры нередко является стрессовой ситуацией для местного населения и меняет культурный ландшафт и привычный ритм жизни. Так, опустевшие немецкие районы Оренбургской области заселяются башкирским населением

и выходцами из Средней Азии и Казахстана, по большей части горожанами, плохо приспособленными к сельским условиям. Села утратили безупречный вид и строгую планировку.

Изменение территориальной организации производства касаются форм собственности, управления и территориальной структуры. Здесь тоже происходит централизация и укрепление вертикали власти. Во многих случаях органы управления находятся за пределами локации самого предприятия, а регионы лишаются значительной части прибыли. Сократилось участие предприятий в социальных программах. Изменился характер и география связей при сохранившихся основных фондах и инфраструктурных объектах, построенных в период социализма; новых объектов построено немного. Во многих случаях производство направлено исключительно на экспорт природных ресурсов, импортируя при этом современное оборудование, как например, гелиевый завод в г. Оренбурге.

Продолжают функционировать территориально-производственные комплексы, однако они трансформируются. Происходящий процесс кластеризации экономики имеет в России свою специфику, обусловленную наличием созданных ранее форм территориальной организации. Мы с Э. Л. Файбусовичем уже не раз писали (2007, 2011 и др.), что отечественные теории и формы территориальной организации общества, созданные для условий директивной экономики, не ограничивались этими узкими рамками и могут быть использованы рыночными постиндустриальными системами. Пример – возвращение к проектированию развития Нижнего Приангарья, где формируется многоотраслевой кластер энергоемких предприятий на базе энергии Богучанской ГЭС и полезных ископаемых территории. Его можно считать аналогом созданного при советской власти Братско-Усть-Илимского ТПК. Это единственный пример замысла крупномасштабного и первого в России за последние 20 лет ТПК-кластера. Большинство кластеров имеет гораздо меньший масштаб, да и формируются нередко стихийно. Процессы стихийной кластеризации можно наблюдать в современной экономике ряда регионов России на новой основе в ряде сфер, которые получили импульс к развитию, как например кластер автосборочных производств в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Кластерные взаимосвязи в периферийных регионах формируются медленно, но примеры есть: так, рост автомобильного парка приводит к появлению обслуживающих предприятий-кластеров на автотрассах, включающих автозаправочные станции, магазины, кафе и, в ряде случаев, гостиницы. Кластеры складываются в сфере строительства с участием банков, в розничной торговле, сотовой связи, АПК (молочная промышленность, сеть предприятий по очистке воды), в сфере рекреации. Эффективен городской транспортный кластер в Оренбурге. Благодаря конкуренции, цены на услуги автобусных перевозок и такси весьма умеренные. Еще один пример класте-

ризации – экономическая деятельность православной церкви в Оренбурге. РПЦ не только предоставляет населению услуги ритуального характера, она производит и реализует предметы культа и религиозную литературу, организует экскурсионные поездки к объектам паломничества, а также занимается некоторыми другими видами коммерческой деятельности. Хорошие возможности появляются при интеграции в кластере учреждений науки, образования и производственных предприятий. Создаются особые зоны для хайтека – технопарки. Так, в числе подразделений Оренбургского государственного университета (который вместе с его филиалами и вспомогательными учреждениями можно считать образовательным кластером) – НПО «Стрела». Кластеризация в большинстве случаев происходит на уровне малого бизнеса, который занимает свои ниши. Благодаря образованию кластеров происходит прорыв акторов на рынок.

В. Н. Горлов в своем докладе «Современные проблемы географии промышленности России» на Ломоносовских чтениях МГУ (см. официальный сайт кафедры экономической и социальной географии России) отметил, что «в отечественной географии промышленности есть предпосылки для разработки «гибридного» понятия, которое сочетало бы в себе черты как концепции ТПК, так и концепции производственных кластеров». С этим трудно не согласиться. Кластеры – это, по сути, традиционные ТПК. Процесс кластеризации ведет к формированию кластеров, а комплексирование производства – к формированию программно-целевых (ПЦ) ТПК. Поскольку сегодня, наряду с процессом стихийной кластеризации, ведется разработка и стратегии территориального планирования, можно говорить о том, что в современной экономике России происходят оба эти взаимосвязанных процесса. Кластеризация – на уровне частного бизнеса, комплексирование – на уровне государства.

Дальнейшие перспективы кластерообразования, в отличие от советского периода территориально-производственного комплексобразования, связаны, в основном, не с освоением новых богатых природными ресурсами территорий, а с развитием высокотехнологичных производств в староосвоенных густонаселенных районах. При этом на одной и той же территории может существовать несколько самостоятельных кластеров, различающихся набором производств. Такие кластеры будут отличаться меньшей капиталоемкостью (что делает доступным участие в них малого и среднего бизнеса) и большей ориентацией на потребителя.

Еще одним серьезным изменением территориальной структуры российского общества является формирование трансграничных регионов в результате процессов делимитации постсоветского пространства и интеграционных процессов в результате восстановления и формирования на новой основе трансграничных связей, также представляющих собой примеры кластеризации.

А. Г. Дружинин

Территориальная организация современного российского общества является сложной результирующей как сформировавшейся в предшествующие периоды «историко-географической колеи», так и многообразных хозяйственных, политических и социокультурных изменений на постсоветском пространстве.

Наиболее значимые трансформации ТОО оказались инициированы, прежде всего, *распадом СССР*, появлением новых границ и геополитических субъектов, повлекших за собой переориентацию хозяйственных и гуманитарных связей, фактическую дезинтеграцию ранее единой системы расселения, инфраструктуры. Столь же фундаментальное воздействие на российскую ТОО оказали (и продолжают оказывать) глубокий *экономический кризис* (связанный, первоначально, с реформацией конца 1980-х – начала 1990-х гг. и, впоследствии, обретший циклический характер), равно как и дифференцированные «от места к месту» (по способу и результату) попытки его преодоления с неизбежным социально-территориальным расслоением. Приоритетный вектор фиксируемых изменений связан также с *глобализацией* и предопределяемой её логикой коррекцией позиций страны в международном разделении труда, сопровождаемой «выплеском» за её пределы населения и капитала при одновременном «экономико-демографическом опустынивании» обширных пространств самой России. Даже на отличающимся стабильным ростом численности населения её Юге (в пределах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) демографическому «опустыниванию» в настоящее время подвержено до 80 % всей территории, хотя ещё десятилетие назад аналогичный показатель не превышал 60 %.

Факторами спонтанной эволюции территориальной организации российского общества выступают и универсальные по своему характеру аспектно наблюдаемые изменения в технико-технологическом строе и социально-экономической системе, проявляющиеся в терциаризации, де- и реиндустриализации, частичном переходе к постиндустриальному укладу.

В итоге, российская ТОО в последние годы в существенной мере *утратила свою былую автономность*, «донастраиваясь» в матрице планетарных и метарегиональных сетевых и трансграничных взаимодействий, расширяя свою экзогенную компоненту. Кардинальным образом оказались реструктурированы доминантные формы пространственной организации жизнедеятельности общества. На фоне концентрации социально-экономического потенциала в ведущих городских центрах и тяготеющих к ним ареалах существенно усилилось территориально-социальное неравенство. Подавляющую часть российских регионов охватила депопуляция.

Многое в российском ТОО, одновременно, остаётся неизменным. Сохраняется, в частности, её общая *рентоориентированность* (при выраженной, особенно в последние два десятилетия, доминанте природно-ресурсной составляющей) и *«властоцентричность»*. Пролонгируется (и усложняется в процессе полимасштабной регионализации) *«многососедское положение»* России, сочетающееся с неустойчивой (пульсирующей) аттрактивностью иностранных (внешних) геоэкономических и геополитических центров. Несмотря на территориальные утраты двадцатилетней давности, современная Россия (в её общественно-географической проекции) продолжает оставаться *«единством разного»* (по этнодемографической структуре, культурно-ландшафтным особенностям, доминирующему хозяйственному укладу, уровню и образу жизни), совмещая общую пространственную целостность с выраженной социально-экономической и этнокультурной разнородностью её отдельных таксонов. Константой российского ТОО выступает и общая *«смещённость»* основных ареалов хозяйственной и селитебной активности к её общесистемным центрам, а также к южной и юго-западной периферии страны.

Н. В. Зубаревич

Базовые изменения обусловлены логикой рыночной экономики:

- Опережающая депопуляция и деградация регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока с максимальными экономическими издержками, относительно устойчивое развитие только тех локальных территорий, которые обладают конкурентными преимуществами в виде обеспеченности нефтегазовым и металлургическим сырьем, востребованным глобальным рынком.
- Сверхконцентрация экономики и населения в крупнейших агломерациях федеральных городов вследствие не только эффекта масштаба, но и сверхцентрализации управления.
- Сильнейшие институциональные барьеры развития других крупных агломераций.
- Негативное влияние высоких транспортных издержек (экономического расстояния) на развитие всех внутриматериковых территорий страны, усиливаемое неразвитостью инфраструктуры.
- Медленное, но уже заметное позитивное влияние фактора приморского положения на развитие южных и западных регионов страны.

В. Л. Каганский

Современная трансформация территориальной организации российского общества – я ее представляю как **культурный ландшафт** – прежде всего *проявление, выражение, следствие кризиса советского пространства, распада СССР*. Трансформация ландшафта описывается как переход конструкции «советское пространство» в новое состояние; проходя ряд последовательных этапов, советское пространство «размывается» и фрагментируется; все более значимыми становятся новые, уже независимые процессы. Самосогласованная конструкция «советское пространство», организовывавшая культурный ландшафт, в ходе острого кризиса пережила обычные для кризиса сложных систем децентрализацию и дезинтеграцию – суверенизацию структурных блоков (не только территориальных) и инверсии компонентов. Первый этап состоял в **регионализации** – выделении территориальных составных частей и/или повышении их статуса при открытии системы. Однако *главные ядра и линейные оси активной модификации культурного ландшафта*, как усложнения и насыщения антропогенными элементами (административные центры, вторые города, открытые контактные границы государства), так и деградации, спада освоенности, спонтанной ренатурализации – по-прежнему институциональные *элементы советского пространства* или производны от них. Зоны резкой трансформации природного ландшафта и возникающий вторичный «новый природный ландшафт» (Внутренняя Периферия, о чем ниже) *четко институционально детерминированы* и локализованы.

Можно компактно резюмировать многие важные процессы пространственной трансформации бывшего СССР. Главный процесс – сочетание статусной провинциализации территории с ландшафтной ее периферизацией. Распад СССР – статусная провинциализация большей части территории (периферии) как внутри РФ, так и остальной территории. Регионализация – повышение статуса существующих институциональных регионов вплоть до претензий на статус «Центр»; после его получения – провинциализация в иной системе (напр., страны Балтии ушли в Европу). На новых границах РФ формируются разные типы Границы, перерабатывающие не только Периферию, но и Провинцию; резко меняется ландшафт старых границ СССР со сменой доминант от барьерных к контактным.

Регионализация – не просто спуск власти вниз, но *процесс взаимодействия всех компонентов региональной иерархии*. Регионализация – процесс суверенизации структурных компонентов советского пространства типа «регион», при котором автономизируются и другие, функциональные компоненты; при этом, между теми и другими устанавливаются новые отношения уже в пределах нового регионального уровня, ставшего верхним. *Регионализация СССР и РФ еще не завершена*.

Второй логически и исторически этап трансформации структурированного советским пространством ландшафта – **инверсии структурных блоков**, смена функциональных позиций. *Современное пространство России – разгосударствляющееся инвертированное советское пространство на территории бывшей РСФСР.* Основные инверсии: «Центр – регионы», «Центр – граница», «Провинция – Периферия», «первые города (центры регионов) – вторые города», «военно-промышленный комплекс – топливно-энергетический комплекс» и т. д. Именно *повысившие статус элементы стали новыми центрами преобразования природного ландшафта* (вторые города, открытые государственные границы), тогда как понизившие – уменьшили нагрузку (ВПК и «советская провинция» в целом).

Для РФ все еще характерно доминирование структур советского пространства, равно она остается и империей по типу организации пространства. Однако главная специфика РФ относительно СССР состоит не столько в том, что эти структуры утрированы (новая поляризация!), сколько в том, что эти структуры инвертированы. Пространство РФ – **инвертированное советское пространство.**

Начнем снаружи. Произошло открытие ранее закрытых границ государства. Теперь границы являются не барьерными, что было особенно характерно для СССР, а контактными. Приграничные территории получают импульсы хозяйственной и культурной жизни уже не из далекого Центра, а от ближних зарубежных соседей: бывшая граница СССР становится осью развития. Это ощущается во многих приграничных регионах, таких как Калининградская область, Карелия и Псковская область (преимущественно запад), Южное Приморье и др. Есть основания говорить об **инверсии «центр – граница»**. И современный бум Москвы и (заметно меньший) Петербурга – не столько бум собственно центров, сколько бум центров-на-границе (впрочем, имеет место и своеобразный бум центров регионов).

Эти инверсии происходят спонтанно. Налицо и еще более массовая **инверсия «Провинция – Периферия»**. Хозяйственная роль, антропогенная нагрузка на ландшафт, общественное внимание, экономический статус и благополучие, влияние на общегосударственные дела теперь в большей мере удел периферии, слабоосвоенных малонаселенных территорий ресурсного сектора экономики, нежели староосвоенных территорий. Финансово-экономическим ядром РФ в этом смысле является уже не староосвоенная Центральная Россия, а молодая слабоосвоенная Северная Сибирь, хотя центры принятия стратегических решений остались прежними. В СССР главным ресурсом был статус, и его главный источник территориально совпадал с Центром. Допустив, что сейчас главный ресурс – финансы, а их главный источник – периферия, то это будет означать и потенциальную **инверсию «центр – пери-**

ферия». С ней сопряжена **инверсия «внутренний центр – внешний центр»**. В СССР не было территорий, для которых были бы существенны внешние центры, а в РФ таких территорий уже много и становится все больше.

Функциональное соответствие данной – **инверсия «ВПК – ТЭК»**; первые структуры ассоциированы с (внутренним) Центром (отчасти Провинцией), а вторые – с Периферией (отчасти – уже и с внешним центром). По технологическим импульсам, роли в экономике, обществе и политике, представленности в элите верхнего эшелона, принятии стратегических решений, даже формировании самого освоенного пространства нынешний топливно-энергетический сектор (включая и энергоемкие производства типа металлургии) заменил советский военно-промышленный комплекс. Как следствие – налицо и **инверсия «закрытые города (ЗАТО) – корпоративные города»**; это первый симптом **инверсии государственного и частного**. Теперь связность и форму культурного ландшафта страны формирует не комплекс «КПСС + ВПК», а комплекс **«Власть + ТЭК»**. Ресурсно-промышленные города играют теперь ту же роль, что еще совсем недавно играли города военно-промышленного комплекса – изолированные города процветания, обязанного исключительно их внешним положением на потоках – статусных (второй случай) или ресурсных (первый). Следует подчеркнуть, что инверсия «ВПК – ТЭК» – отнюдь не инверсия внутренне ориентированных и внешне ориентированных структур: ВПК был ориентирован на внешние задачи. ТЭК в РФ заместил ВПК в СССР в его главной роли взаимодействия с внешним окружением. Отчасти как конкретизация двух названных инверсий, но самостоятельная – **инверсия центров регионов и «вторых городов»**. Примеры сразу обозначат явление: Череповец - Вологда, Братск – Иркутск, Тольятти – Самара, Норильск - Красноярск etc. Вторые города, сопоставимые во многом с первыми, центрами регионов, не несут бремени регионов (им не надо их «содержать»). Поэтому их экономика эффективнее, а сами вторые города обнаруживают все признаки экономического роста, основанного на производстве, тогда как наблюдаемый (в разных местах в разной мере) «бум» региональных столиц во многом основан на больших объемах перераспределения ресурсов.

Теперь ресурсная периферия, приграничные территории, территории ТЭКа, вторые города заместили и поменялись ролями с провинцией, центром, территориями ВПК, закрытыми городами, центрами регионов.

Поселки городского типа возвращают статус сельских поселений, и нередко его получают поселения, никогда его не имевшие, что вместе с «дачным бумом», как реаграризацией формально городского населения, дает фундаментальную **инверсию «село – город»**.

Теперь неизбежен вывод: советское пространство (и даже исторически ему предшествующие структуры российского имперского пространства) пре-

бывает в современной РФ в сохранном состоянии, но лишь поэлементно, тогда как отношения элементов (структура в терминологически точном смысле) сменились на противоположные. *Более радикального изменения структуры советского пространства в ее собственных рамках теоретически нельзя себе даже представить* (еще большее изменение – выход за рамки структуры, размывание старых элементов и формирование новых). Инверсии знаменуют смену тенденции и начало уже необратимых изменений.

Все названные инверсии могут быть обобщены теоретически и сведены к ***инверсии статусного и географического пространства***. Советское пространство и СССР (как наиболее полная его реализация) были триумфом доминирования статусного пространства над географическим, его подчинения и вытеснения на периферию пространственной причинности. Именно сейчас наблюдается и все более набирает силу процесс возврата ведущей роли географического пространства, восстановления нормальной для ландшафта роли собственно пространственных связей и положения. *Заработала логика географического положения, которая в советском пространстве была подмята логикой положения властно-иерархического* (положение в пространстве статусов, в важной частности – административно-территориального деления).

Восстановление действия географического положения и вообще логики ландшафта означает и «реабилитацию» культурного ландшафта; следует говорить об ***инверсии «советское пространство – культурный ландшафт»***. Подчеркнем: *современные инверсии служат симптомами и частными реализациями фундаментальной нормализации ситуации, возвращения пространства РФ в пространство географическое*, тогда как СССР существовал, прежде всего, экстерриториально, в фазовом пространстве власти, каковое и генерировало географическое пространство и географические отношения.

Названные инверсии означают и радикальное перераспределение антропогенной нагрузки на природные ландшафты – как снижение для понизивших свой статус территорий, так и повышение для повысивших статус. Экологически угрожаемыми стали приграничные территории (особенно с Китаем) и зоны экономического бума вторых городов (нефтегазодобывающие, металлургические и т. д.); экологическая нагрузка усиливается на этих территориях как прямо – за счет роста производств, так и опосредовано – за счет роста активности и подвижности населения с ростом жизненного уровня и автомобилизации. Эффекты усиливают друг друга; например население Иркутска, центра крупного региона с несколькими экспортными отраслями промышленности, будучи автомобилизировано, наносит удар по Байкалу – режим ООПТ отнюдь не предотвращает несанкционированную активность. Одновременно улучшается экологическая ситуация в «советской провинции» в

связи со стагнацией ряда производств ВПК и на новых границах РФ и стран СНГ. Эти процессы следует учитывать при перспективном экологическом зонировании территории России, особенно при наращивании сети ООПТ.

Параллельно нарастает *пострегионализация* – резкая фрагментаризация и даже парцелляризация ландшафта, увеличение его дробности на несколько порядков. На территориях разных уровней, от страны до городских кварталов, появляются и быстро расширяются слабо внутренне дифференцированные и структурированные, но ярко контрастирующие с окружением «пятна». Новое явление – отнюдь не поляризация (она тоже имеет место), для которой характерны: а) охват всей территории; б) противоположные состояния позиционно и функционально противоположных полюсов; в) их взаимодействие; г) спектр промежуточных зон. В данном же случае налицо: а) фрагментаризация, выделение новых районов-«пятен», охватывающих часть территории; б) пятна не противостоят иной территории, это не полюсы; в) между ними и «фоном» (почти) нет взаимодействий; г) нет переходных зон.

Этот важный процесс – индикатор (и заметный символ, что важно) преодоления критической массы структурной инерции советского пространства. *Новые процессы уже не укладываются в существующие, хотя все еще и сильные, и детальные структурные рамки, а начинают понемногу самостоятельно и структурировать пространство, и размещаться в нем.* Тогда налицо ситуация, которую я предсказывал еще в 1992 г. – неизбежное появление и проявление новых структур пространства, независимых от его регионально-институциональной структуры; однако мне казалось, что это случится раньше, но ясным этот процесс стал в начале 2000-х гг.

Признак действия структурной инерции – во-первых то, что действующими «субъектами» (актерами) пространства остаются регионы, и, во-вторых, что самые разные новые явления строго детерминированы структурами этих акторов, например, размещаясь в соответствии с морфологией узловых районов (а это – «начинка» районов институциональных, например, зоны активности по обе стороны границ городов, забрасывание сельскохозяйственных земель и поселений на периферии узловых районов). Эта структурная инерция и комбинаторика – все еще сильный действующий фактор, но *она перестала быть единственным действующим фактором.* Появились и проявились структуры, «безразличные» к структуре советско-постсоветского пространства, независимые от него. Однако это не означает, что они лишены закономерностей в пространстве. *Вот эти закономерности следовало бы изучать.*

Н. Н. Клюев

Коренная ломка всех основ общественной жизни в период вторичного становления капитализма в России, естественно, отразилась и на территориальной организации общества, причём на всех уровнях иерархии.

Межрайонное перераспределение производства и населения. Рассмотрим, как в ходе реформирования страны перераспределялись между экономическими районами главные производственные отрасли – промышленность и сельское хозяйство, а также население.

Рассчитанные для экономических районов промышленные индексы в сопоставимых ценах 2004 г. (таблица) показывают, что промышленное производство заметно снизилось на Дальнем Востоке и в Волго-Вятском районе, а также на Урале и в Центре. На этом фоне растёт относительное промышленное значение Севера и Северо-Запада. Как это ни парадоксально, увеличивается и сельскохозяйственная значимость Урала и Западной Сибири, хотя аграрная сфера лучше сохранилась в Центральном Черноземье и Поволжье.

В то же время население смещается в Центр (исключительно в Московский столичный регион) и на Северный Кавказ. Грубо говоря, если исключить столицу (внезональную во всех отношениях) и тюменские округа, можно сказать, что население сдвигается в зону с оптимальным соотношением тепла и влаги и максимальной биологической продуктивностью ландшафтов. Это движение внешне выглядит как тяготение населения к экологически благоприятным местам, однако определяется оно экономическими и природно-ресурсными, а не природно-экологическими факторами.

Парадоксальным регионом – в плане расхождения экономической и демографической динамики – выглядит Северный Кавказ. Возможно, это расхождение – индикатор высокой доли здесь теневого хозяйственного сектора. Водопотребление, во всяком случае, на Северном Кавказе неуклонно увеличивается. Если за 1991–2002 гг. водозабор из бассейна Волги сократился на 22 %, бассейна Урала – на 30 %, то из Терека он возрос на 8 %, а из бассейна Кубани – даже на 82 %.

Наиболее сильное сокращение населения и производства отмечается в наименее освоенном Дальневосточном районе.

К 2004 г. (это последний год существования в данных Росстата промышленных отраслей, которые теперь заменили «виды деятельности») сохранилась высокая концентрация отдельных отраслей в узком круге экономических районов. Почти 60% продукции топливной промышленности концентрируется в Западной Сибири; 45 % продукции лёгкой промышленности – в Центральном районе. Доля первой тройки районов составляет более 50 % в продукции всех отраслей промышленности.

Индексы производства промышленной и сельскохозяйственной продукции и численности населения по экономическим районам России (%)*

Экономические районы	Индекс производства промышленной продукции** 2004 г. к 1990 г.	Индекс производства сельскохозяйственной продукции. 2006 г. к 1990 г.	Индекс численности населения. 2006 г. к 1990 г.
Северный	90	59	83
Северо-Западный	85	64	92
Центральный	68	68	99
Волго-Вятский	61	75	91
Центрально-Черноземный	77	90	95
Поволжский	80	89	98
Северо-Кавказский	70	79	111
Уральский	67	85	95
Западно-Сибирский	74	85	97
Восточно-Сибирский	77	71	91
Дальневосточный	59	43	81
Калининградская область	71	53	105
РОССИЯ	70	75	96

*Выделены районы с минимальными значениями индексов каждого ряда. Рассчитано по официальным данным Росстата.

** Из-за перехода на новую статистическую классификацию – с ОКОНХ на ОКВЭД – с 2005 г. аналогичный анализ динамики промышленной структуры не совсем корректен.

За 1990–2004 гг. Западная Сибирь значительно усилила свои позиции в топливном комплексе страны, а Восточная Сибирь, Центр и Северный Кавказ, наоборот, ослабили. В то же время очень существенно выросла доля Восточной Сибири в цветной металлургии страны. Эта экологически опасная отрасль одновременно сильно сократилась в Центре. Правда, в Центре были представлены верхние этажи пирометаллургического цикла цветных металлов (относительно менее вредные для человека и природной среды), а в Восточной Сибири концентрируются глинозёмное производство и выплавка алюминия, экологически агрессивные и энергоёмкие. Инвестиционно-строительный «бум» в Центральном районе (сильный рост относительно дру-

гих районов, а не по сравнению с советским периодом) вызвал значительный переток сюда промышленности строительных материалов, которая сильно сократилась в восточных районах страны. В пищевой промышленности страны сдают позиции Северный Кавказ и Дальний Восток и усиливают – столичные регионы. Рост роли Севера и Северо-Запада в лесной промышленности – свидетельство её приближения к относительно хорошо освоенным регионам. Но в результате растут и территориальные диспропорции между лесозаготовкой и её ресурсной базой. В Поволжье увеличивается доля отраслей его традиционной специализации – машиностроения и химической индустрии, а Центральное Черноземье характеризуется увеличением доли в российской черной металлургии. Отмеченные относительные сдвиги обусловлены главным образом неравномерным сокращением производства по экономическим районам страны, а не новым промышленным строительством.

Межрегиональное перераспределение производства. При анализе современной динамики производства следует различать «абсолютные» и «относительные» сдвиги. Первые сопровождаются реальным ростом производства. «Относительные» сдвиги отражают лишь увеличение доли региона в производстве страны (за счёт большего её спада в других регионах), но производство при этом уменьшается. Так, за 1990–2003 гг. в промышленности страны максимально возросла доля Ханты-Мансийского АО (на 5,5 %), Ямало-Ненецкого АО (1,2 %) и Самарской обл. (0,9 %), но промышленное производство в них снизилось соответственно на 19 %, 15 и 21 %.

За 1990–2004 гг. реальный рост промышленного производства показали лишь 6 регионов, в том числе: Ненецкий АО (307 %), Ленинградская обл. (145 %) Белгородская обл. (126 %). За тот же период промышленный индекс Еврейской АО составил 18 %, а Калмыкии – 28 %. Но калмыцкая промышленность составляет лишь 0,01% российской. Поэтому надо оценить и наиболее важные промышленные потери по абсолютной величине, то есть от страны в целом. Основной вклад в деиндустриализацию страны внесли Свердловская и Челябинская, Московская обл., Москва, а также Санкт-Петербург, который находится в противофазе с растущей Ленинградской областью.

Максимальное абсолютное снижение сельскохозяйственного производства за 1991–2005 гг. (потери не относительно своего региона, а в масштабах страны) наблюдается в Краснодарском крае, Московской, Ростовской и Оренбургской областях, а сколько-нибудь заметный прирост в сельском хозяйстве – лишь в Татарстане и Дагестане.

В постсоветский период наблюдается **экологическая деградация промышленной структуры страны**. В её составе заметно увеличилась доля природоёмких экологически «агрессивных» отраслей (электроэнергетики, металлургии, топливной и химической промышленности) и уменьшилась доля экологически более приемлемых производств (лёгкой промышленности

и машиностроения). Если индекс производства продукции топливной промышленности за 1990–2004 гг. составил 92,3 %, то легкой промышленности – лишь 14,2 %. «Утяжеление» промышленных структур произошло во всех регионах, кроме Самарской и Ленинградской областей. Обнаружена определённая корреляционная зависимость: чем выше в регионе доля «агрессивных» отраслей, тем значительнее она увеличилась за постсоветское время.

В постсоветский период **промышленные структуры** российских регионов ещё сильнее **дифференцировались**. В 1990 г. среднее отклонение региональных промышленных структур от национальной структуры составляло 30,7 %, а в 2004 г. – 41,3 %. Ранее максимальным отклонением от среднероссийской структуры отличалась Камчатская обл. (65,5 %) с её гипертрофией пищевой индустрии. Ныне наибольшим отклонением характеризуется нефтегазодобывающая Тюменская обл. (с округами) – 66,1 %. Минимальное отклонение тоже выросло – с 10,8 % (Ростовская обл., 1990 г.) до 19,3 % (Пермская обл., 2004 г.).

Новый географический феномен в постсоветской России – это **«аграризация»** региональных структур. Речь идет о соотношении в регионе доли сельского хозяйства и промышленности – главных сфер материального производства. Доля сельского хозяйства за 1990–2005 гг. выросла почти в половине регионов России. При этом более аграрные регионы в основном усилили свой сельскохозяйственный профиль, а промышленные – индустриальный.

Изменение аграрного профиля регионов. В ходе перестройки и реформ произошел и существенный структурный сдвиг в сторону растениеводства. В 1980-е годы растениеводство преобладало лишь в Краснодарском крае и Астраханской обл., ныне оно доминирует уже в половине регионов России. Таким образом мы видим масштабное продвижение границ преобладания в сельском хозяйстве растениеводства от степей в 1980-е годы до тундры в настоящее время. В результате изменились характер и масштабы аграрных воздействий на природные комплексы.

Важнейшая черта трансформации сельскохозяйственного производства в 1990-х гг. – кардинальное его **перераспределение между хозяйствами разных категорий**. Если в 1990 г. хозяйства населения производили 26,6 % продукции сельского хозяйства, то в 2009 г. – 47,1 % (а в кризисном 1998 г. даже 58,9%). Структура нашей сельскохозяйственной сферы (преобладание крупных хозяйств в товарном производстве и выпуск 1/2 продукции в основном для натурального потребления на базе ручного труда) напоминает скорее агросферу России накануне 1861 г., чем пореформенный 1913 г. Особенно сильное увеличение доли ЛПХ произошло на востоке страны и в Нечернозёмной европейской зоне.

За постсоветские годы выросла межрегиональная дифференциация по

величине **валового внутреннего продукта в расчёте на душу населения**. Ныне по этому показателю российские регионы располагаются в очень широком спектре – от мирового захолустья до экономического авангарда планеты. Среднемирового уровня достигают при этом лишь 2/5 субъектов РФ.

Различия между регионами по отношению доходов к прожиточному минимуму в 2007 г. составляли 6,1 раза. Показательна динамика расслоения регионов по **душевым доходам населения** за 1990–2007 гг. В 1990 г. в группу со среднероссийскими доходами попадали 58 регионов, и лишь в семи регионах доходы были ниже, чем в среднем по РСФСР. В 2000 г. регионов со среднероссийским уровнем доходов было лишь 12, а уже 57 не дотягивали до этого уровня. К 2007 г. дифференциация несколько снизилась, но не существенно.

Налицо тенденция усиления территориальных различий по **уровню безработицы**. Отношение максимума к минимуму по регионам в 1995 г. равнялось 7,9 раз, в 2001 г. – 15,9, а в 2007 г. – 66,3 раза (Москва по сравнению с Чечнёй). Но велики различия не только экстремумов (процветающей Москвы и послевоенной Чечни). Различия между отнюдь не столь преуспевающей экономической Тульской областью и невоевавшей Тывой тоже впечатляют – 2,6 % против 17,1 %.

В. А. Колосов

В постсоветский период отчетливо заметны несколько тенденций изменения территориальной организации российского общества.

Первая, наблюдаемая на всех территориальных уровнях – дальнейшая **поляризация** социально-экономического пространства, стягивание населения и производства в немногие крупные центры. Еще около 10 лет назад А. И. Трейвиш сравнил российское пространство с архипелагом городов, рассеянных в океане слабозаселенной и депопулирующей сельской местности и неосвоенных территорий. Градиенты «центр-периферия», ярко выраженные еще в советское время, еще более усилились. Это объясняется глубокими изменениями в структуре экономики – ростом третичных и, в первую очередь, торговораспределительных функций, наряду с упадком машиностроения и некоторых других отраслей с относительно дисперсным характером размещения, депопуляцией и обезлюдением большинства районов недавнего освоения, изменениями потребительского поведения и жизненных стандартов.

Как правило, областной центр – главное средоточие экономической активности региона, часто и главный промышленный центр, имеющий наиболее прогрессивную структуру хозяйства, сосредоточивающий самые при-

быльные отрасли и отличающийся наиболее высокими доходами. Та же закономерная поляризация пространства хорошо видна и на субрегиональном уровне: обычно районный центр – наиболее активное поселение на своей территории, к которому тяготеют самые жизнеспособные сельскохозяйственные предприятия.

Разумеется, есть и исключения – например, немногие полицентрические регионы вроде Вологодской и Кемеровской областей. В крупных курортных (Сочи) и портовых городах, сравнительно молодых центрах экспортных производств, ядерной и тепловой энергетики, нефтегазовой, а иногда и других отраслей добывающей промышленности, некоторых наукоградах и ЗАТО (закрытых территориальных образованиях) социальная обстановка сопоставима или даже лучше, чем в столицах их регионов. Но эти исключения лишь подчеркивают общую закономерность.

В отечественной литературе уже хорошо описаны различия между тремя категориями городов. Первую из них составляет Москва; иногда к ней причисляют и северную столицу – Санкт-Петербург, также значительно опережающий по основным показателям другие крупные города, хотя и с большим отставанием от столицы. Географы и экономисты в ряде работ показали, почему Москва оказалась наиболее готовой к переходу хозяйства на рыночные рельсы. Россия не стала здесь исключением: столичные регионы стали наиболее успешными во всех странах с переходной экономикой. Именно столицы в наибольшей степени вовлечены в процессы глобализации. Москва превратилась в крупнейший финансово-торговый центр и вошла в число мировых городов. Ее гипертрофия усилится в результате расширения территории столицы в 2,6 раза, планируемого вывода на новые земли федеральных и городских учреждений, освоения этого пространства под жилищное строительство и сооружения новых транспортных коммуникаций. Депрессивная демографическая воронка вокруг столицы станет еще глубже и шире. Уже теперь столичные агломерации стягивают 80% всей чистой миграции России.

Во вторую категорию входят другие города с населением более миллиона жителей или близкие к этому порогу, претендующие на роль центров тяготения не только своих областей, но и более обширных территорий, в частности, благодаря административным функциям в федеральных округах. В докризисный период наметилась робкая, но значимая тенденция к опережению ими столиц по росту некоторых показателей, а стало быть, к несколько более равновесной территориальной структуре. К этой же категории можно условно отнести и другие крупные города с населением свыше полумиллиона жителей, а также и наиболее «продвинутые» меньшие города – как правило, с населением более 250 тыс. человек, например, курортные или портовые центры, а также города, принадлежащие к столичным агломерациям.

К третьей категории принадлежат средние и малые города, многие из которых до сих пор зависят от деятельности немногих или даже одного градообразующего предприятия. Эти города наиболее уязвимы в случае кризиса; население их, как правило, сокращается.

Между этими тремя категориями городов существуют глубокие различия в характере занятости, социально-профессиональном составе и уровне образования населения, уровне жизни, потребительском поведении, политических предпочтениях.

Таким образом, проявляется вторая тенденция изменения территориальной структуры – **фрагментация пространства**. Она проявляется в возрастающей мозаичности, росте различий между населенными пунктами сходного ранга в зависимости от географического положения и других факторов, в том числе и субъективных. Прогрессирующее расхождение в траекториях развития заметно даже в небольшой группе крупнейших городов: одни из них вступили в постиндустриальную фазу, в других – производственные функции остаются одними из самых значимых.

Следствием первых двух тенденций является третья – **усиление меж- и особенно внутрорегиональных контрастов**. Перед экономическим кризисом 2008–2009 гг., в 2006–2007 гг., разрыв между субъектами федерации по объему производства промышленной продукции на душу населения составлял около 281 раз, по обороту розничной торговли на душу населения – около 27 раз, по налоговым и неналоговым доходам консолидированных бюджетов субъектов РФ на душу населения – около 194 раз, по объему инвестиций в основной капитал на душу населения – около 44 раз, по соотношению денежных доходов на душу населения и величины прожиточного минимума – 6 раз, по уровню зарегистрированной безработицы – около 33 раза. Степень дифференциации инвестиций в основной капитал на душу населения в субъектах РФ составляла в 2010 г. 73 раза. Разрыв в ВРП на душу населения в 2005–2008 гг. фактически увеличился: без учета Чечни и Ингушетии, в середине десятилетия еще только начинавших залечивать военные раны, он составлял 20 раз, а в 2008 г. – 24,3 раза. Три субъекта РФ с наиболее высоким ВРП на душу населения – Тюменская область, Москва и Чукотский автономный округ – далеко оторвались от остальных регионов.

Четвертая тенденция – **формирование и взаимоналожение новых сетевых структур разной конфигурации** в разных сферах деятельности: промышленности, оптовой и розничной торговле, различных отраслях деловых и личных услуг (например, быстром питании, гостиничном бизнесе, рекламе), транспорте (авиакомпания, аэропорты, формируемые ныне грузовые и пассажирские железнодорожные компании). Многие из этих сетей – транснациональные. Поскольку узлы этих структур располагаются прежде всего в

Москве и Петербурге, эта тенденция способствует поляризации пространства, хотя в перспективе может стать фактором интеграции и относительной гомогенизации территории.

Пятая тенденция – **сдвиг на запад**, ослабление и разрежение опорной сети расселения к востоку от Урала, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, связанное с закрытием искусственно поддерживавшихся нерентабельных производств, сокращением государственной поддержки транспортной и социальной инфраструктуры, свертыванием гарнизонов и т. п. У страны очевидно не хватает ни экономических, ни демографических ресурсов, ни политической воли для укрепления или, по крайней мере, стабилизации своего присутствия на Дальнем Востоке и на Крайнем Севере. Сменявшие одна другую программы развития Дальнего Востока не принесли успеха. Эта тенденция ведет к ослаблению межрегиональных взаимодействий и их компенсации связями с соседними странами, чреватými серьезными геополитическими последствиями. Так, на связи с соседними странами перед кризисом 2008 г. приходилось 18 % экономического оборота Дальнего Востока, с остальными регионами России – только 4% (остальные 78 % составляют связи внутри самого дальневосточного региона). На Китай приходится от 60 % до почти 100 % оборота ряда граничащих с ним российских регионов. Дальний Восток, по сути, уже представляет собой часть восточноазиатского экономического пространства, а не российского.

Шестая тенденция, вызванная сходными причинами – **сдвиг на юг** демографического и экономического потенциала, происходящий как на Европейской территории, так и к востоку от Урала. Именно южные регионы западной части страны, благодаря более благоприятным условиям, наиболее привлекательны для мигрантов наряду со столичными агломерациями. До сих пор, несмотря на общее сокращение населения, в некоторых городах Юга России (помимо северокавказских республик) отмечается рост числа жителей. Этому способствует и сдвиг на юг сельского хозяйства, хорошо проанализированный Т. Г. Нефедовой, и инвестиции в подготовку зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, и саммита стран АТР во Владивостоке.

Седьмая тенденция проявляется на мезоуровне, но имеет, безусловно, общероссийское значение: углубившееся **разделение Северного Кавказа** в границах бывшего Южного федерального округа на две части – северную и южную, состоящую из республик, хозяйство которых становится более обособленным от общероссийского вследствие архаизации его структуры. Деиндустриализация этих территорий привела к ослаблению кооперационных связей с остальной Россией и сокращению доли русских в населении не только республик в целом, но и их столиц, иным важным социально-политическим последствиям, подробно рассмотренным в работах А. Г. Дружинина и ряда

других авторов. Создание нынешнего Северо-Кавказского федерального округа, в границы которого наряду с большинством республик включен Ставропольский край, стало одним из следствий сложившейся ситуации.

На мезо- и микроуровнях выявились следующие закономерные тенденции: 1) усиление тяготения населения и хозяйства к транспортным магистралям и особенно их узлам (хабам) – морским портам, пунктам пересечения границы, крупным аэропортам (быстрое развитие территорий вокруг московских аэропортов, а также аэропортов Екатеринбурга и Новосибирска), в том числе и в связи с закрытием малоактивных линий; 2) «концентрация в деконцентрации» – выплескивание Москвы и Петербурга за их административные границы, вывод из них промышленности и некоторых других видов деятельности, начало реальной субурбанизации; 3) социальная дифференциация пространства крупных городов и их предместий.

О. В. Кузнецова

Изменения в территориальной организации российского общества, начиная с самого начала экономических преобразований в стране, т. е. с начала 1990-х годов, на наш взгляд, лучше всего оценивать по изменению численности населения регионов. Стоимостные показатели плохи тем, что либо они начали рассчитываться позже (например, ВРП только с 1994 г.), либо были существенные изменения в методиках их расчетов (пример – промышленность в связи с переходом от ОКОНХ к ОКВЭД). Неизбежно возникает вопрос о корректном учете межрегиональных различий в уровне цен, динамике цен. Численность населения прямой характеристикой уровня социально-экономического развития регионов не является, но косвенно о нем свидетельствует: если в регионе низкий уровень жизни, нет рабочих мест, то происходит миграционный отток населения, и наоборот.

В таблице представлены данные по изменению численности населения в разрезе современных федеральных округов по данным переписей населения, которые, как известно, были проведены в 1989, 2002 и 2010 гг. Отдельно в таблице представлены данные по двум столичным агломерациям и федеральным округам без учета этих агломераций.

Приведенные в таблице данные, аналогичные данные в разрезе субъектов Федерации (которые мы не приводим в силу их объемности), а также данные по естественному приросту населения и миграциям показывают наиболее значимые изменения в территориальной структуре населения:

– массовый отток населения из северных и восточных регионов страны;

Изменение численности населения в межпереписные периоды в России*

Регионы (ФО – федеральный округ)	Доля в населении России, %			Динамика числ-сти населения, %		
	1989	2002	2010	2010 к 1989	2002 к 1989	2010 к 2002
РФ	100,0	100,0	100,0	-2,8	-1,3	-1,6
Центральный ФО, в том числе	25,8	26,2	26,9	1,4	0,2	1,2
– Москва и Московская область	10,6	11,7	13,0	19,9	9,5	9,4
– Центральный ФО без Москвы и Московской области	9,8	10,2	10,3	-11,5	-6,3	-5,6
Северо-Западный ФО	10,4	9,6	9,5	-10,8	-8,3	-2,8
– Санкт-Петербург и Ленинградская область	4,5	4,4	4,6	-1,2	-4,7	3,6
– Северо-Западный ФО без Санкт-Петербурга и Ленинградской области	0,8	0,8	0,8	-18,3	-11,0	-8,1
Южный ФО	9,0	9,6	9,7	4,6	5,4	-0,8
Северо-Кавказский ФО	5,0	6,2	6,6	30,4	22,7	6,3
Приволжский ФО	21,6	21,5	20,9	-5,9	-2,0	-4,0
Уральский ФО	8,5	8,5	8,5	-3,5	-1,2	-2,4
Сибирский ФО	14,3	13,8	13,5	-8,6	-4,8	-4,0
Дальневосточный ФО	5,4	4,6	4,4	-20,9	-15,8	-6,0

*Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011.

– значительный миграционный приток в столичную агломерацию (Москва и Московскую область), а также в русскоязычные регионы Северного Кавказа (прежде всего Краснодарский край);

– существенное сокращение численности населения в проблемных регионах средней полосы России;

– сохраняющийся высокий прирост населения в национальных республиках, ведущий к росту их доли в населении.

При этом сохранились контрасты между западной и восточной частями страны в плотности населения, уровне развития инфраструктуры. Сохранилась проблема разрыва в темпах создания рабочих мест и роста численности населения на Северном Кавказе. Да и в целом экономическая специализация регионов в последние 20 лет была довольно консервативной.

А. В. Мошков

На структурные изменения в региональной экономике решающее влияние оказывают происходящие в стране общественно-экономические процессы, которые проявляются как результат совокупного действия ряда факторов: внедрения результатов НТП; включения страны в международные процессы экономической интеграции; разработки и реализации государственной стратегии развития регионов и поддержки стратегических, базовых видов экономической деятельности. Помимо этого, серьезные структурные изменения могут вызываться и местными региональными причинами, в частности, реализацией крупного инвестиционного проекта, имеющего общероссийское и даже международное значение.

Структурные изменения в территориальной организации регионов России зависят, в первую очередь, от следующих факторов: 1) общей тенденции развития экономики в Российской Федерации, 2) направлений трансформации структуры экономики самого региона-субъекта РФ, 3) динамики производства по основным видам экономической деятельности региона. Степень влияния каждого из этих факторов на структурные изменения в экономике региона можно изучить с помощью метода «структурно-долевого анализа» (Савалей В. В., Филичева Т. П., 2002). Представленный метод позволяет оценить региональные особенности распространения общероссийских тенденций развития структуры экономики страны, обусловленные как кризисными явлениями в финансово-экономической сфере, так и проблемами экономического роста.

В целом по России в середине 2000-х годов отмечался небольшой рост занятости населения. В Российской Федерации за период 2005–2006 гг. численность занятых в экономике в целом возросла на 383,0 тыс. чел. или на 0,6 % от уровня 2005 г.; за 2005–2007 гг. она увеличилась уже на 1227,6 тыс. чел. (или на 1,8 %); за 2005–2008 гг. численность занятых возросла на 1681,8 тыс. чел. (на 2,5 %). Увеличение числа занятых в России в первую очередь связано с ростом экономической активности в стране и сокращением численности безработных. По такому показателю как индекс физического объема валового регионального продукта отмечается стабильный рост. При этом следует отметить, что в целом по России по отдельным видам экономической деятельности изменения в численности занятых были неодинаковы. Высокий рост числа занятых был характерен для таких видов экономической деятельности как строительство (11 %), гостиницы и рестораны (9,5 %), оптовая и розничная торговля (8,4 %), коммунальные услуги (6,6 %) и образование (5,4 %). Особенно значительно возросла численность занятых в строительстве, оптовой и розничной торговле, в гостиничном и ресторанном бизнесе, в операциях с недвижимостью.

Федеральные округа России за период 2005–2008 гг. по характеру изменений в численности занятых в экономике можно разделить на несколько видов: 1) округа, где отмечен рост числа занятых выше среднего уровня по России, 2) округа, где рост числа занятых близок к среднему значению этого показателя по стране, 3) округа, где рост числа занятых значительно ниже среднего уровня по стране. (Мошков А. В., 2005). В Центральном и Южном федеральных округах отмечаются темпы роста числа занятых в экономике значительно выше среднероссийских значений. Близкие к средним показателям по России – отмечаются темпы роста числа занятых в экономике Сибирского федерального округа. Ниже средних значений – рост занятости населения в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах.

Следует отметить, что значительное снижение числа занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, рыболовстве отмечается во всех федеральных округах России. Такая же ситуация в обрабатывающих производствах по всем федеральным округам, кроме, Центрального, где отмечается небольшой рост занятых (0,2 %).

В Центральном федеральном округе наиболее существенные изменения (снижение занятости) затронули сельское хозяйство. Рост числа занятых отмечен в оптовой и розничной торговле, строительстве, здравоохранении и др. В Северо-Западном округе также растет число занятых в оптовой и розничной торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе. На Юге России наибольший рост числа занятых в экономике характерен для строительства, оптовой и розничной торговли, гостиницах и ресторанах, здравоохранении, а снижение – для обрабатывающего производства. Кроме этого, можно отметить (на фоне общероссийской тенденции снижения занятости населения в этом виде деятельности) небольшой рост занятых в добыче полезных ископаемых (3,6 %). В Приволжском округе – снижение числа занятых в сельском хозяйстве, в обрабатывающих производствах, здравоохранении. В более благополучном положении находятся строительство, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом. В Уральском округе наиболее существенное снижение отмечено в сельском хозяйстве. Более благополучное положение сложилось в строительстве. Небольшой рост числа занятых (0,9 %) – в добыче полезных ископаемых. В Сибирском округе – снижение числа занятых в экономике отмечается в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, производстве электроэнергии. Более привлекательные для населения виды экономической деятельности – строительство, оптовая и розничная торговля, где отмечается рост числа занятых.

Произошедшие изменения в структуре занятости населения федеральных округов в первую очередь могут быть следствием общих тенденций в стране,

а также определяться особенностями развития региональной экономики. Характеристика особенностей динамики численности занятых в отраслях экономики (R) в федеральных округах может быть представлена в следующем виде: $R = N + M + S$, где N – показывает изменения численности занятых в федеральном округе под влиянием общей динамики численности занятых в стране, M – насколько изменения в численности занятых в федеральном округе обусловлены изменениями отраслевой структуры российской экономики, S – компонента влияния структурных сдвигов в федеральном округе.

Особенно сильное положительное воздействие фактора «M» сказывается в Центральном и Южном федеральных округах. Для этих федеральных округов гипотетическое изменение численности занятых, обусловленное разницей в отраслевой структуре между федеральным округом и Россией в целом, выражается в увеличении численности занятых.

В остальных федеральных округах данный фактор негативно сказывается на изменении числа занятых в экономике (в наибольшей степени – в Приволжском, Уральском и Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном округах). В первую очередь такое положение обусловлено более значительным снижением численности занятых в сельском хозяйстве, добывающих и обрабатывающих производствах, образовании. В этих округах сложилась отсталая структура занятых (по сравнению с общероссийской), которая не оказывает положительного влияния на рост численности занятых, как в других федеральных округах Российской Федерации (например, в Центральном округе).

Сводные результаты «структурно-долевого анализа» компонентов динамики численности занятых по федеральным округам России за период с 2005 г. по 2008 г. представлены в таблице.

Сводные результаты «структурно-долевого анализа» компонентов динамики численности занятых по федеральным округам России

Федеральные округа	2005 г.	2008 г.	R	Компоненты динамики численности занятых, тыс. чел.		
				N	M	S
Центральный	18357,4	19016,9	659,5	458,9	201,9	-1,3
Северо-Западный	6737,9	6835,5	97,6	168,4	-67,4	-3,4
Южный	8922,4	9438,8	516,4	223,1	294,4	-1,1
Приволжский	14503,8	14665,3	161,5	362,6	-203,0	1,9
Уральский	6093,1	6104,5	11,4	152,3	-140,1	-0,8
Сибирский	8911,5	9097,2	185,7	222,8	-35,7	-1,4
Дальневосточный	3265,6	3315,4	49,8	81,6	-32,7	0,9

Таким образом, положительные значения прироста занятости отмечены во всех федеральных округах России. Низкий прирост занятости объясняется слабой активностью экономики, которая обусловлена во многом и отсталой по видам деятельности её структурой (характеризуется через показатель «М»).

Для федеральных округов можно отметить негативную роль внутрорегионального фактора S (рассчитывается как разность $R-N-M$). Он характеризует возможность негативного влияния на динамику численности занятых в экономике (для Северо-Западного, Уральского и Сибирского федеральных округов) сложившихся здесь специфических социальных и экономических условий и факторов хозяйствования (высокие издержки производства, в том числе обусловленные сложными природно-климатическими условиями, большой удаленностью регионов, слабым развитием собственных потребительских рынков и др.).

Наиболее рациональной общероссийской тенденцией перестроения структуры федеральных округов России в долгосрочной перспективе можно считать увеличение доли обрабатывающих производств. Однако для подобных перестроений необходимы налоговые льготы, компенсирующие их затраты на внедрение НИР и НИОКР. В долгосрочной перспективе подобные конкурентные условия будут способствовать эффективной работе предприятий, которые, в свою очередь, смогут обеспечить достаточные налоговые отчисления в федеральный и региональные бюджеты.

Т. Г. Нефёдова

Основные изменения пространственной организации российского общества за постсоветский период следующие:

- Поляризация городов, усиление значения их размера и положения.
- Усиление поляризации сельского пространства.
- Усиление сезонных миграций между городом и деревней.

Неизменными остаются основные перепады характеристик по осям «север–юг» и «пригород–периферия», хотя градиенты увеличились. Сформировавшийся в советское время подвижный сельско-городской континуум (нефиксируемые статистикой сезонные перемещения населения между городами и сельской местностью) имеет тенденцию к структурному и пространственному расширению за счет, с одной стороны, резкого увеличения центростремительных тенденций – доли отходников из периферийных сельских районов и малых городов в столицы регионов, Москву и Московскую область, а с другой стороны – расширения пространства центробежных импульсов за счет усиливающейся популярности, особенно у москвичей и петербуржцев, не только ближайших к городам, но и удаленных дач.

В. Н. Овчинников

Среди изменений в территориальной организации среды жизнедеятельности отечественного социума, обусловленных развитием процессов глобализации и регионогенеза, развитием инфраструктурно-институциональной среды, транспортно-логистической сети, информационно-коммуникационных технологий и рыночно-предпринимательской системы, в целом, представляется целесообразным выделить две тенденции.

Первая проявляется в сфере размещения и развития производительных сил в формате макроуровневой организации природохозяйственного комплекса России и связана с вектором продвижения экономической деятельности в регионы с высокими удельными затратами ресурсов на единицу продукции, вследствие их сложных климатических условий, а также значительной удаленности от сложившихся отечественных центров хозяйственной активности и от пограничных потоков, что удорожает жизнеобеспечение населения, а также производственно-хозяйственную и природосберегающую деятельность людей.

Эта тенденция мотивирована, в значительной мере, экспортно-сырьевой моделью ориентации российской экономики и глобализационными императивами рыночной востребованности, а также динамикой мировых цен на отечественные энергоносители, металл, древесину.

Влияние ее на российскую экономику неоднозначно. С одной стороны, эта тенденция ведет к хозяйственному освоению новых территорий (преимущественно, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера) и способствует укреплению рыночных позиций страны в этом сегменте мирового рынка, привлекает валютные поступления от внешней торговли в экономику, столь необходимые сегодня для осуществления программы неоиндустриализации и создания новых отраслей производства, снижающих зависимость России от импортных поставок, находящуюся сегодня за критической чертой порога национальной безопасности.

С другой стороны, эта тенденция приводит к росту зависимости российской экономики от мировых цен на энергоносители и к сохранению экспортно-сырьевой модели ее ориентации, а также к снижению производственной эффективности размещенческого фактора функционирующей схемы территориально-пространственного распределения производительных сил страны, вследствие вышеуказанного эффекта удорожания производства сырья и поддержания среды жизнедеятельности населения в сложных природно-климатических условиях. Наиболее явное проявление анализируемая тенденция имела в экстремальных условиях финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., породив, так называемый, «сахалинский эффект», вы-

явивший различные тренды динамики производства на полюсах диапазона пространственной дифференциации геоэкономической системы «метрополия – провинция» («центр – периферия»): при резком снижении ВРП и сокращении задействованных основных производственных фондов в Москве – рост этих индикаторов экономической активности на Сахалине.

Таким образом, в постсоветской России происходит постепенное формирование рыночной модели пространственно-территориального распределения производительных сил.

Другой заметной тенденцией в изменении модели пространственно-территориальной организации российского общества в постсоветский период явилось активное развитие процесса **субурбанизации**.

Субурбанизация, наряду с формированием городских агломераций, является одной из двух разновидностей развития процесса урбанизации, и в формате современной градостроительной парадигмы означает переход от концепции высокоплотной многоэтажной застройки селитебной территории с хаотичным приусадебным участком, парковкой с четким пространственным разделением функционально-специализированных зон.

Субурбанизация создает наиболее благоприятные условия жизнедеятельности населения, соединяя преимущества пользования инфраструктурой городского типа с проживанием в экологически здоровой природной среде.

Ускорению процесса субурбанизации способствовали: повышение спроса на землю пригодных территорий для развития дивизиональных сетей вспомогательных производств городской промышленности, предприятий сетевой торговли, автосервиса и других объектов производственной, социальной и природоохранной инфраструктуры и транспортно-логистических систем.

Существенный импульс развития этому процессу придала автомобилизация населения, породившая эффект «сжатия» пространства и времени, расширив радиус транспортной доступности мест работы объектов социального обслуживания от жилища, а также развитие информационно-коммуникационных систем.

В результате процесса урбанизации вместо точечной схемы концентрации производства и населения в городах формируются новые формы поселенческих структур – **урбанизационные регионы**, в которых сочетаются социально-экономические и культурно-ценностные преимущества города с экологическим и территориальным потенциалом городской периферии. Макроэкономическое значение этого процесса определяется соединением реструктуризации производства с созданием пространственных предпосылок для ускоренного роста благосостояния населения.

С позиции теории пространственно-функционального зонирования территорий городских поселений субурбанизация ведет к концентрации произ-

водственных ресурсов в пригородных ареалах при фокусировании направлений развития и хозяйственной специализации геоэкономических зон второго «пояса» на функциях организации рекреационно-туристической деятельности (эко-, этно-, агротуризм), а также средозащитной и природоохранной миссии.

А. Н. Пилясов

Если бы советские экономико-географы, работавшие в конце 1980-х годов, используя возможности машины времени, перенеслись бы, например, в конец нулевых годов, они были бы очень удивлены. Думаю, в первую очередь их ошеломила бы колоссальная экономическая неравноценность мест проживания людей – городов, поселков и сел России. В советском «выравненном» пространстве, во многих отношениях стандартизованном как по набору базовых социальных услуг, так и по ценам на основные компоненты потребительской корзины от Уэлена до Калининграда, современные контрасты экономической, транспортной и социальной доступности были немислимы.

За прошедшие с начала радикальных экономических реформ 20 лет в российском пространстве возникли сумасшедшие центрo-периферийные градиенты. Естественные преимущества экономико-географического положения, например, портовых городов, крупных транспортных узлов, южных курортных районов стали обеспечивать мощную экономическую ренту в региональные и муниципальные бюджеты. Конечно, это бы поразило советского экономико-географа, который не привык, что из местоположения, как от валютоемкого ресурса, может «высекаться» рента.

Современное комфортное и обеспечивающее карьерные возможности место жительства стоит дорого и за него многие россияне готовы дорого платить, как свидетельствует поведение рынка жилья крупнейших городов России.

Другое удивление наших коллег из советского прошлого вызвала бы колоссально возросшая централизация страны, когда, например, многие авиaperелеты даже между соседними региональными центрами необходимо совершать через Москву. И по причине ухода бывших союзных республик с их яркими столичными городами, и по причине колоссально возросшей финансово-бюджетной централизации Москва в новой России стала играть абсолютно беспрецедентную роль, какую она никогда не имела в СССР. Одновременно, наших коллег поразила бы растущая недоступность резко увеличившейся по площади российской периферии. Их изумило бы очень быстрое «набухание» десятка крупных городских агломераций России, которые стали

играть в национальной экономике существенно большую экономическую, социально-культурную и интеллектуальную роль, чем в советское время.

Другое удивление советских экономико-географов вызвало бы полное забвение идей экономического районирования под влиянием оборванных связей предприятий, утраченных многих экономических связей с бывшими союзными республиками, в целом затяжного экономического кризиса 1990-х годов, который привел к потере почти половины ВВП России.

Конечно, им была бы непривычна новая роль университетов, структур высшего образования в территориальной организации российского общества: ведь никогда в советское время университеты не разворачивали миграционные потоки в новом направлении. А в России, как показали исследования Н. Ю. Замятиной, возникновение в Красноярске федерального университета частично развернуло потоки образовательных мигрантов, например, из Барнаула от Новосибирска в Красноярск. Никогда в советское время родители с поселка колымской трассы не приобретали второго жилья в областном центре городе Магадане – не для себя, для того, чтобы обеспечить место проживания детям-студентам. И совершенно неслучайно в последние десять лет защищено несколько докторских и кандидатских диссертаций по теме территориальная структура учреждений высшего образования России – вспомним, что в советское время в чести были другие темы – территориальной структуры хозяйства, промышленных отраслей.

Фундаментальные изменения чертам пространственной организации новой России придают динамичные и мобильные фирмы малого и среднего бизнеса. Инерционное экономическое пространство советского времени становится под влиянием их деятельности более изменчивым.

Новые информационно-телекоммуникационные технологии вызывают новую поляризацию – цифровой разрыв российского пространства. Если физическая недоступность усиливается еще и информационной, то это приводит к полной отчужденности места от национальных процессов, состоянию депрессивной периферийности. Но нередко виртуальная доступность, наоборот, частично компенсирует транспортную недоступность, смягчает периферийность российских городов и поселков.

Конечно, советских экономико-географов в целом бы поразило существенно большее разнообразие конкретных ситуаций в территориальной организации жизни общества, сила контрастов, удаленность полюсов друг от друга. Например, никогда ранее так не различались территориальная мобильность одних, более успешных и образованных слоев российского общества, и просто в замороженность к месту, колоссальная иммобильность большинства россиян. Финансовые ограничения на перемещения людей стали играть даже более сильную роль для многих граждан нашей страны, чем ранее административные запреты в виде прописки.

В наших исследованиях советских экономико-географов поразило бы то, что мы ищем эффекты пространственных экстерналий, эффекты соседства, когда рост крупного центра проливается на соседние территории, когда креативная атмосфера крупнейших агломераций овладевает и окрестными пригородами и т. д. Для них эти акценты, которые под влиянием идей новой экономической географии стали уже просто научной модой, были бы новы и неожиданны в изучении пространственной организации российского общества.

На фоне этих значительных изменений в территориальной организации российского общества за последние 20 лет наших советских коллег бы удивило, что в сфере государственно-территориального устройства России по сути изменилось очень мало. Здесь сохранились принципы еще сталинского национального административного деления. Ни один из лидеров новой России не отважился покуситься на эту «священную корову» раннесоветских институциональных проектантов.

В некоторых других направлениях имела место смена терминов – ТПК на кластеры, экономические районы на федеральные округа, но существенных подвижек не произошло. Если брать за основу работу классика советской теории территориальной организации общества Б. С. Хорева, то можно отметить те аспекты, которыми тот не занимался, а для нового российского пространства они стали очень значимыми: рынок и рыночная экономика, которые определяют новые свойства российского пространства; институты, которые придают значение неосозаемым факторам комфортности, доступности мест в российском пространстве; давление сил глобализации, которые определяют размещение прямых иностранных инвестиций, направления товарных, финансовых, информационных и миграционных потоков существенно в большей степени, чем в СССР; факторы российской диаспоры в новых независимых странах СНГ и их сетевых экономических, культурных, информационных связей с россиянами России.

Заключая ответ на этот вопрос, хочется процитировать учебник «Основы региональной экономики» недавно ушедшего от нас лидера российской региональной науки А. Г. Гранберга по вопросам организации экономического пространства России: “Не следует надеяться, что новые реалии 21 века будут только сглаживать противоречивый характер экономического пространства России, а не создавать новые коллизии – необходимо будет решение новых сложных проблем” (с. 311). “Ось “запад–восток” теперь уже не выступает определяющей в трансформациях российского экономического пространства. В 21 веке к ней добавляются стратегические дилеммы “север–юг”, «центр–периферия» (с. 314).

Ю. В. Поросенков

С позиции системного подхода, территориальная организация общества (ТОО) представляет исключительно сложную геосистему, элементами (подсистемами) которой выступают, в первую очередь, территориальные системы производства, населения, природопользования, координируемые в целях обеспечения жизни общества системами управления. В этой связи устойчивая ТОО (определенный территориальный порядок) обеспечивается его территориальными структурами, которые формируются в процессе взаиморасположения и интенсивной взаимосвязи его элементов между собой, так и с внешней средой. Кроме того ТОО, в принципе, не может не зависеть от сущности общественных отношений, поэтому она для каждого исторического этапа определяется своими характерными чертами. Такой подход позволяет ответить на вопрос: какие принципиальные изменения произошли в территориальной организации российского общества в связи с его переходом к рыночной экономике и представительной демократии.

ТОО, как понятие, отражает не статику его состояния, а динамизм развития на каждом конкретном этапе функционирования. Такой подход позволяет исследователям выявить устойчивые тенденции (тренды) развития наиболее характерных процессов и явлений как отдельных элементов, так и всей ТОО в целом. Поскольку отдельные элементы и подсистемы ТОО выполняют разные функции, обладают только им присущей внешней средой и имеют свои собственные тенденции развития, то любая ТОО характеризуется внутренними противоречиями (диспропорциями, проблемами) развития. Их решение (преодоление) выступает главной движущей силой развития этой системы в целом. Развитие ТОО характеризуется исключительной сложностью, поскольку оно охватывает не только периоды устойчивой динамики, которую, в принципе, возможно прогнозировать, но и этапы «бифуркации», в пределах которых возможна реализация достаточно разных сценариев развития, а следовательно и формирование неодинаковых трендов, что существенно затрудняет их прогнозирование. Такой «временной период бифуркации», по нашему мнению, охватывает весь так называемый постсоветский период развития российского общества, функциональной сущностью которого выступает трансформация от индустриальной к постиндустриальной фазам развития.

Наиболее существенные изменения за последние 20 лет претерпела социальная структура хозяйства и населения. Произошла коренная смена форм собственности. Вместо прежней государственной преобладающей стала частная форма собственности, включая иностранную. Это нашло свое отражение в процессах и результатах формирования социальной структуры населения. Вместо среднего слоя советского общества (советско-партийная

бюрократия, высококвалифицированные специалисты, гуманитарная и техническая интеллигенция) центр экономической и политической власти сместился в небольшую по численности элитарную прослойку, представленную предпринимателями, банкирами и чиновниками высшего уровня. Вместо советско-государственного типа «народной» экономики сформировался в определенной степени бюрократическо-олигархический тип рыночной экономики. Все это привело к коренной смене организационных форм управления хозяйством страны: вместо министерств и ведомств, управляющих государственными предприятиями и учреждениями, возникли акционерные общества, корпорации и другие объединения собственников – гражданских и юридических лиц.

Коренные изменения произошли в отраслевой структуре хозяйства страны. Быстрое развитие получили сферы, непосредственно связанные с развитием рыночной экономики. К их числу относится, прежде всего, финансовая и торговая деятельность. Потребности рыночной экономики привели к значительному развитию российской финансовой системы, ее интеграции в систему мирохозяйственных связей, формированию на территории страны мощной (по сравнению с советским периодом) сети финансовых центров. В итоге даже возникло определенное противостояние так называемой реальной и «виртуальной» финансовой экономики.

Постсоветский период характеризуется быстрым развитием внутренней (оптовой и розничной) и внешней торговли России как важнейшей инфраструктуры ее рыночной экономики. Либерализация механизма внешней торговли и финансового обмена привела, с одной стороны, к массовому импорту товаров и в меньшей степени капитала из высокоразвитых стран, а с другой, к массовому экспорту российского сырья в высокоразвитые и развивающиеся страны, оттоку российского капитала в офф-шоры и в надежные мировые банки.

За последние 20 лет произошли кардинальные и весьма неблагоприятные для страны изменения отраслевой структуры ее хозяйства. В результате низкой конкурентной способности российских товаров интеграция страны в мировую экономику в качестве своего следствия имела разрушение высокотехнологических отраслей обрабатывающей промышленности (станкостроение, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, гражданская авиация и судостроительная промышленность и так далее) и текстильной промышленности. На мировом рынке страна специализируется на поставках сырья, особенно энергетических ресурсов, поэтому Россия во все большей степени становится сырьевым придатком не только высокоразвитых, но некоторых других динамично развивающихся стран. В целом же страна за последние 20 лет (если судить по структуре занятости населения и структуре ВРП) сделала попытку перейти к постиндустриальному обществу не столько

за счет развития сферы услуг, науки и образования, смены технологии, отраслевого и профессионального разделения труда, сколько за счет разрушения своего промышленного и сельскохозяйственного производства. Следствием всего этого стали определенные сдвиги в территориальной структуре хозяйства страны: повысилась значимость в ВРП сырьевых, особенно нефтегазовых регионов, основных торгово-финансовых и транспортных (особенно портовых) узлов и в то же время произошла деградация внутренних старопромышленных и агропромышленных регионов. В течение последних 20-ти лет из-за сложностей и неурядиц приватизации, формирования частного капитала и массового притока импортных товаров в стране почти ничего нового (за весьма небольшим исключением) не строилось, потому, в целом, неизменной осталась макротерриториальная структура производства и весьма низкая его технологическая база.

В. Н. Стрелецкий

За двадцать постсоветских лет территориальная организация российского общества сохранила свои главные характерные черты. Вместе с тем, изменения, которые она претерпела за эти два десятилетия, были весьма значительны.

На мой взгляд, важнейшая группа **изменений в территориальной организации российского общества** связана непосредственно с распадом СССР. Территориальная организация общества (ТОО) в советскую эпоху была, несомненно, *системой общесоюзного уровня*; «автономность» ТОО на уровне РСФСР, как одной из союзных республик, вызывает у меня очень большие сомнения; она была органично встроена в общесоюзную систему. С распадом СССР произошли масштабные **изменения в пространственной иерархии ведущих центров страны** (экономических, культурных, политико-административных и др.). Эта иерархия формировалась на протяжении длительного исторического периода в рамках всей бывшей Российской империи, а затем всего Советского Союза. С распадом СССР за пределами страны оказались не просто многие крупные города, но города – важнейшие центры общенационального значения, включая столицы бывших союзных республик, выполнявшие ключевые социокультурные, экономические, политико-административные функции в рамках единой пространственной системы. Как следствие, разрыв между Москвой (быстро укрепляющей при этом свои позиции безоговорочного лидера) и Санкт-Петербургом как центрами с наивысшим социокультурным и экономическим потенциалом и другими крупными городами в современной Российской Федерации значительно глубже и контрастнее, чем это имело место в Советском Союзе.

Второе важнейшее измерение глубинных сдвигов в ТОО лежит в плоскости **регионализации российского пространства** – тенденции, отчетливо проявившейся в 1990-е годы, но с начала XXI века столкнувшейся с контртенденцией нарастающего централизма. 1990-е годы в России стали, как известно, периодом «бума» регионализации. В первое постсоветское десятилетие регионализация страны была естественной и закономерной реакцией на крайности централизма советской эпохи. Деструкция командно-административной системы, переход от плановой экономики к рыночным экономическим механизмам, политические преобразования позднесоветских и первых постсоветских лет дали мощный импульс регионализации России, что было связано, прежде всего, со становлением федеративных отношений, передачей на уровень субъектов Российской Федерации реальных и практических функций государственного управления. Институциональной основой данного процесса стал Федеративный договор (заключенный как раз 20 лет тому назад – в марте 1992 г.), многие положения которого вскоре (в декабре 1993 г.) вошли, в том числе, и в новую Конституцию Российской Федерации.

На регионализацию, в ее синхронном разворачивании с федерализацией, в 1990-е годы возлагались немалые надежды. Подразумевалось, что в условиях начавшихся рыночных реформ становление реальных федеративных отношений и перераспределение полномочий в пользу регионов даст толчок инициативе на местах, «оформит» региональные интересы и региональное самосознание (прежде всего на уровне субъектов федерации), что, при определенных обстоятельствах, могло бы создать новые потенциалы и «полюса» социально-экономического роста и перспективы регионального развития. Однако в реальной социально-экономической и социально-политической обстановке 1990-х годов, в условиях глубокого экономического (и шире – системного) кризиса и слабости федерального Центра следствием «бума» регионализации стало **нарастание поляризации российского пространства**, его расслоение на небольшое число сравнительно успешных, более-менее адекватно адаптирующихся к новым социально-экономическим реалиям субъектов федерации и большую массу «регионов-неудачников» (причем, отнюдь не только регионов, по своим структурным параметрам «отсталых» или «депрессивных»).

Одним из процессов, оказавших на исходе прошлого века первостепенное влияние на трансформацию территориальной организации российского общества, стало усиление регионального протекционизма, способствовавшее, в том числе, и **фрагментации единого социально-экономического пространства страны**, складывавшегося на протяжении даже не десятилетий, а целых столетий. Политические элиты (и бизнес-элиты) стали стремиться выстраивать свою региональную стратегию с учетом приоритетов

местных компаний, банков, финансово-промышленных групп, обеспечения их защиты от внешней конкуренции и т. д. Пространственные эффекты регионального протекционизма 1990-х гг., как мне представляется, в полной мере отечественными экономико-географами еще не осмыслены, но они были, несомненно, очень значительными.

Курс на выстраивание властной вертикали и противодействие чрезмерной «вольнице» регионов, осуществляемый российским руководством с начала XXI века, не мог и не может перечеркнуть всех эффектов регионализации, накопленных в конце прошлого столетия.

Значительный территориальный сдвиг – заметное *изменение геодемографических пропорций между Европейской и Азиатской частями страны*. Удельный вес азиатских районов в численности населения России, достигший в 1980-е годы (от итога по тогдашней РСФСР) почти 1/4 (и неуклонно росший на протяжении почти всей советской эпохи), за двадцать лет сократился до 1/5. Растущая концентрация населения в пределах Европейской России, и, прежде всего, в его староосвоенной полосе, – это очевидный тренд, свидетельствующий о том, что в эволюции территориальной организации российского общества, в данном отношении, проявились уже принципиально новые, в сравнении с советской эпохой, черты.

За последние двадцать лет произошли важные *сдвиги в геокультурном и, в частности, в этнокультурном пространстве России*. Так, сравнение данных переписей населения 1989 г., 2002 г. и (пока лишь предварительных результатов) 2010 г. свидетельствует о двух четких трендах. Во-первых, происходит «коренизация» населения практически всех национальных республик России – рост удельного веса «титულных» национальностей и сокращение в этих республиках доли русского населения. Во-вторых, этносы России все более «стягиваются» в свои национальные республики, концентрируются в их пределах.

Национальные республики в составе Российской Федерации не только добились за последние двадцать лет высокой степени политической и экономической самостоятельности по отношению к федеральному Центру, но и пережили период быстрого подъема этнического самосознания, переориентации на исторически унаследованные (но в разной степени ранее поддерживавшиеся) этнические традиции, возрождения целых пластов национальной культурной жизни, развитие которых в советский период искусственно сдерживалось или было затруднено в силу ряда других причин. Больше внимание региональными властями стало уделяться развитию родных языков «титулных» народов национальных республик, их духовной, а также традиционной материальной культуры и т. д. Национально-культурное возрождение в регионах, имевших в советский период статус автономных республик и автономных областей (преобразованных ныне в республики – субъекты Фе-

дерации), стало одним из самых ярких и «осязаемых» индикаторов сдвигов в российском культурном пространстве в постсоветский период.

Постсоветский период характеризуется определенными изменениями конфигурации региональных культурных различий и в пределах этнокультурного мегаядра страны (основной полосы расселения крупнейшего этноса – русских). С конца XX в. в стране начался «ренессанс» регионального самосознания, *стала нарастать «горизонтальная» (межрайонная) геокультурная дифференциация пространства этого мегаядра*. Возрождение культурного регионализма, с одной стороны, опиралось на давние исторические традиции регионального самосознания населения, особенно в европейской части России (в советский период подвергшиеся сильной «эрозии»), а с другой стороны, протекало в значительной степени сопряженно с осознанием региональных интересов местным населением. К тому же, геоэкономическая дифференциация, углубление территориальных различий в условиях, уровне и качестве жизни, «расслоение» российского пространства, столь явно проявившие себя в последние двадцать лет, не могли не привести к существенным подвижкам в общественном сознании. Кроме того, лозунги отстаивания «особых» региональных интересов были широко взяты на вооружение местными властями, в том числе и в русских краях и областях. Конституционное закрепление статусных различий между российскими республиками, автономными образованиями и субъектами Федерации, лишенными какой-либо этнической атрибутики, актуализировало проблему «поиска» своей региональной идентичности в краях и областях страны, лишенных в рамках складывающейся Федерации тех или иных привилегий (фиктивных либо реальных), которыми оказались наделенными «этнообразующие» регионы.

В ряду многих **унаследованных от прошлых (советской и досоветских) исторических эпох особенностей территориальной организации российского общества** я бы здесь, с учетом лимитированности объема издания, особо отметил две, которые мне представляются наиболее важными:

Первая особенность – это **гиперцентрализация**, характеризующая современное российское пространство с точки зрения его внутренней структуры. Его вертикальная, иерархическая, в известном смысле – «статусная» (крупный город – средний город – малый город – село) дифференциация во многих отношениях «сильнее», выраженнее, очевиднее дифференциации плоскостной, горизонтальной, *региональной*. «Статусные» различия в российском пространстве – не просто демографические, экистические, экономико-географические; они носят, прежде всего, *социокультурный характер*. Соответственно, при описании местонахождения какого-либо локуса в российском пространстве (особенно в пределах русского этнического мегаядра) определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному району, но, скорее, его собственный

статус и близость к крупному центру. В этом отношении ситуация за двадцать постсоветских лет, как представляется, радикально не изменилась.

Характерно, что культурно-географическим выражением глубокой вертикальной иерархизации российского пространства является очень высокий вес «статусных» характеристик того или иного места как фактора культурной специфики. Так, обитателей «сопоставимых» (по размеру и статусу) российских городов-миллионников в разных частях страны (например, жителей Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Омска и Новосибирска) разделяет, как часто отмечают российские социологи, гораздо меньшая социокультурная дистанция, чем их же – с их соседями, проживающими в депопулирующей сельской местности или в небольших поселках городского типа всего в нескольких десятках километров от соответствующих областных центров.

Другая важнейшая «унаследованная» черта территориальной организации российского общества (всем очевидная и хорошо известная) – глубокие межрегиональные контрасты, *межрегиональный диспаритет*. Как уже отмечалось в части, посвященной изменениям за последние двадцать лет, внутрироссийские межрегиональные контрасты еще более углубились и обострились. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что, несмотря на происходящие сдвиги, главные оси и градиенты пространственной социально-экономической и социокультурной дифференциации в российском пространстве за постсоветское двадцатилетие остались, в целом, прежними.

А. И. Трейвиш

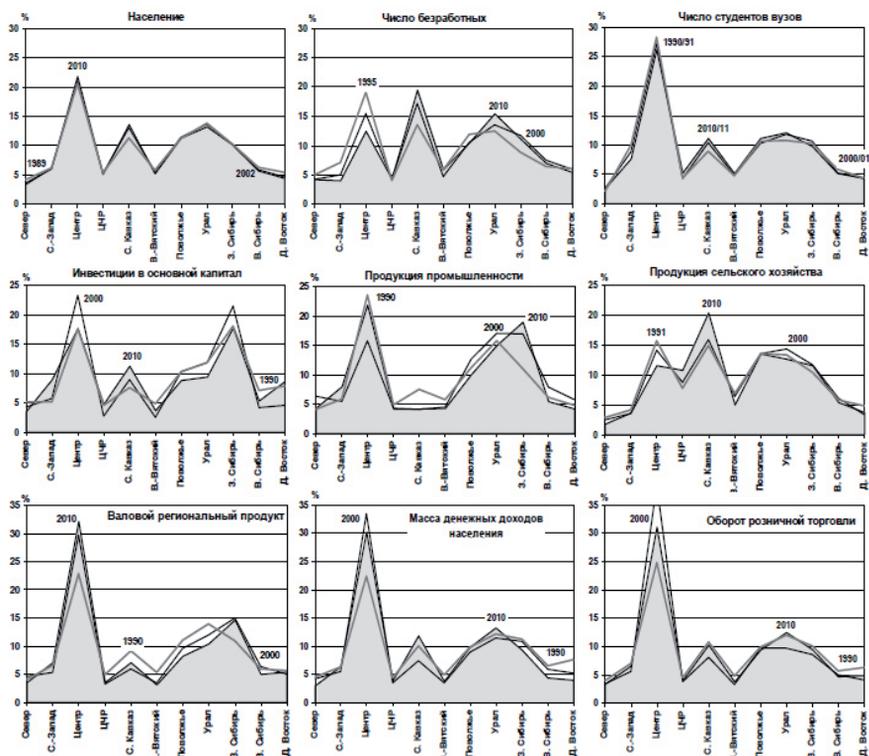
Территориальная организация – ёмкое понятие. Как и в «размещении», в нём слиты состояние и процесс, саморазвитие и целеустремление. Если первый вопрос задан о территориальной картине, структуре, а не о движущих силах, то начать надо с инерции фондоёмких производств, инфраструктур, ядер расселения. На небольшом историческом отрезке наследуемые черты у них найти легче, чем новационные. Правда, отрезок отрезку рознь.

В 1930–1950-х гг. сдвиги по районам и в промышленно-городском каркасе выглядели радикальными и созидательными; а село – ещё «полной чашей», из которой можно черпать дальше. Постсоветские 20 лет ближе к отрезку 1918–1938 гг., включавшему фазы глубокого кризиса, восстановления и две пятилетки нового развития. Размах колебаний сейчас меньше, фазы растянуты, новое развитие неочевидно: мобильные ресурсы скромнее, сами пространственные структуры стали более зрелыми (косными). Их угасающие звенья заметнее растущих, и вся география производительных сил выглядит более старой, «советской», чем отношения, связи и оргформы.

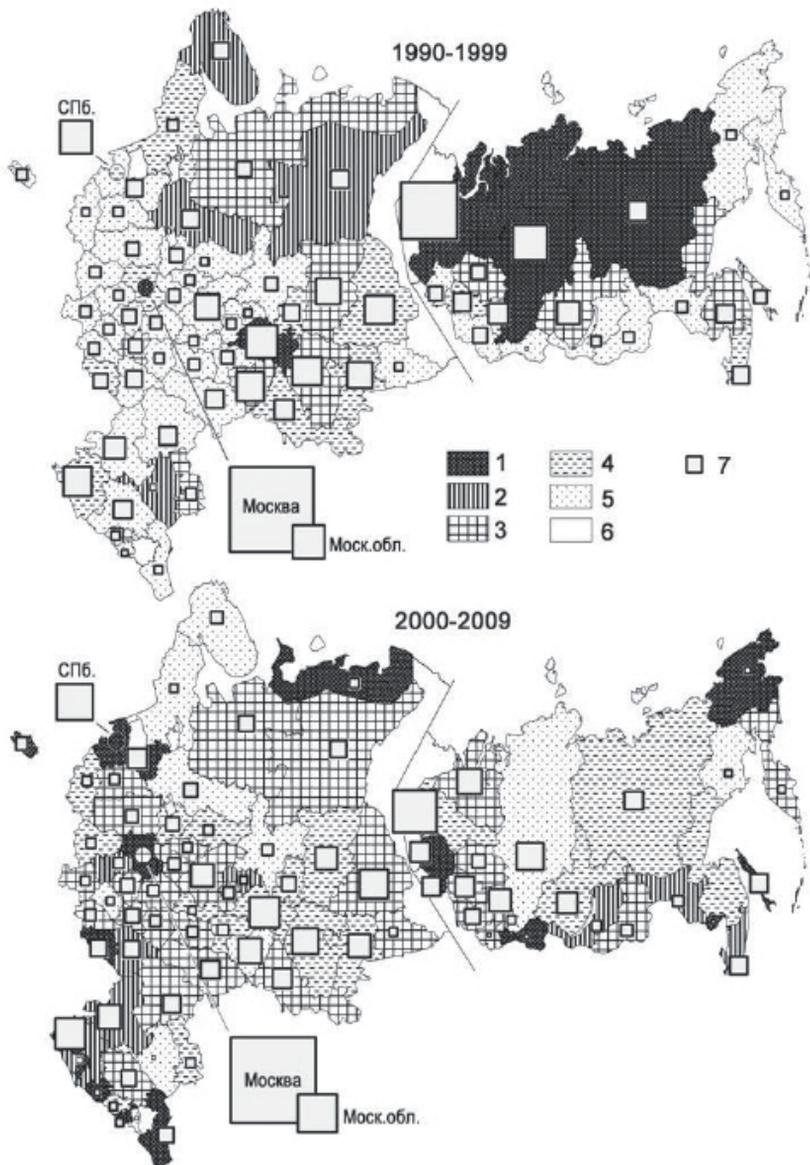
Сдвиги различаются по размаху, направлениям и бывают обратимыми, отчего пространство «пульсирует» (сжимается и растягивается), а не меняется в одном русле. Вот заведомо неполный перечень конкретных изменений в территориальной структуре общества:

1. Усилившееся, в основном за 1990-е гг., меж- и внутрирегиональное неравенство привело к поляризации социально-экономического пространства России. В 2000-х гг. неравномерность в производстве обычно ещё подрастала, а в уровне жизни стабилизировалась и стала убывать благодаря социальной политике. Всё же инвестиции и материальное производство распределены по основным районам равномернее доходов и потребления, что видно из серии геостатистических профилей (рис.).

2. Те же профили отражают направления и результаты сдвигов в виде разных макроструктур. У населения они менялись мало, но к двум его ядрам,

Условные геостатистические профили избранных показателей по крупным экономическим районам, 1990-е–2000-е гг., % к итогу по России

*Динамика вклада регионов в общероссийский ВРП, 1990–2009 гг.
 1 – резкое увеличение, 2 – умеренное увеличение, 3 – примерное сохранение
 вклада, 4 – умеренное уменьшение, 5 – резкое уменьшение,
 6 – нет данных, 7 – размер знака пропорционален вкладу в суммарный ВРП*

или пикам, Центральному и Срединному (Волга – Урал – Запад Сибири), добавился подростый Южный (Северный Кавказ). Он незаметен только в индустрии, зато стал главной аграрной базой страны и заодно – резервуаром безработицы. Центр остаётся лидером в образовании (и, добавим, в науке), промышленном и совокупном производстве, а сильнее всего выделяется по объемам доходов, торговли (и финансовых ресурсов).

3. Для 1990-х гг. характерны резкие сдвиги промышленности на северо-восток, «к сырью», а доходов и потребления – на запад, к Москве как полюсу обогащения и дистрибьютору товаров, особенно импортных. Хотя столица и с ней весь Центр с тех пор в этом отношении немного сдали, их доля всё равно выше, чем в советское время.

4. Попятные сдвиги измеряют как разницу суммы перераспределений долей районов за два десятилетия, взятые порознь, и за 1990–2010 гг. как один отрезок. У населения это всего 6 % суммы, что вызвано постоянством сдвигов с востока и севера на запад и юг, усиливших асимметрию в заселенности страны. У промышленности, инвестиций и торговли сдвиги на 57–67 % шли в режиме маятника: рост вклада района сменялся спадом и наоборот. По ВРП доля возвратности ниже: 24 %. В 1990-х гг. прибавляли или сохраняли свою долю в российском итоге добывающие регионы Севера и Востока, срединные Урал и Волга, а теряли – Центр и окраины. В 2000-х гг. рост, вернувшийся на окраины (в «регионы-ворота», новые сырьевые и южные республики), стал растягивать экономическое пространство (рис.).

5. Судя по статистике постоянного населения, сеть больших городов и агломераций (ГА) менялась мало. В 53 ГА, по методике Института географии РАН, живут 67 млн, или 47 % россиян. Оценка вклада 19 ГА с населением 1 млн чел. и более в российские итоги по ряду показателей показала, что его рост за 20 лет дали в основном ГА федеральных столиц, использующих статусную ренту от концентрации институтов власти, бизнеса, таможен и т.п. (см. таблицу). В иерархии ведущих центров позиции Москвы, в том числе относительно С.-Петербурга, усилились даже по населению, удаляя всю кривую от «нормы» (скажем, по Ципфу). Прочие ГА, с их рядовым муниципальным статусом и депрессивными обрабатывающими отраслями, лишаются части средств, перераспределяемых внутри регионов. Тем не менее, они укрепили функции центров управления и потребления (розничной торговли), отчасти благодаря спросу региональных элит.

6. О полных масштабах возвратных миграций с суточным, недельным и другими ритмами судить непросто. Ясно, что перепады в уровнях заработков и цен (особенно на жилье), затрудняя переезд в центры семей с периферии, вызвали трудовой отход их членов, которых, вместе с «гастарбайтерами» из-за рубежа, видимо, больше, чем советских «лимитчиков». Встречные потоки

из центров обычно носят сезонный – дачно-отпускной характер (зона освоения глубинки московскими дачниками простирается на сотни километров), так что сами центры становятся своего рода пульсарами. Изучать расселение без учета этих явлений уже нельзя, но сложно ввиду отсутствия, неадекватности статистики и социального заказа.

Доли крупнейших городских агломераций по избранным показателям, 1989–1990 и 2009 гг., % к суммарным по регионам России*

Группа и число ГА по людности и статусу	Численность населения		Промышленная продукция		Инвестиции в осн. капитал		Розничный товарооборот	
	1989	2009	1990	2009	1990	2009	1990	2009
Столичные: 2 ГА	13,2	14,8	15,4	20,0	11,6	17,4	17,6	25,6
С населением 1,5–2,5 млн чел.: 6 ГА	8,1	8,1	9,3	7,5	6,8	6,5	7,9	11,0
С населением 1–1,5 млн чел.: 11 ГА	9,3	9,3	10,2	10,9	8,8	7,9	10,1	11,8
Всего: 19 ГА	30,5	32,1	34,9	38,4	27,1	31,7	35,7	48,5

* Цифры (кроме населения) получены путем прямого счета по основным городам в составе ГА и оценочно – по остальным.

7. Трудно обобщать внутрирегиональные сдвиги. Чаще всего, особенно в Средней полосе, они ведут к сжатию освоенного пространства, стягиванию людей и их деятельности к центрам (узлам) при истощении человеческого капитала и демо-экономическом опустынивании периферии. По площади вышедших из оборота сельскохозяйственных земель (55 млн га за последние 40 лет по данным ФАО) Россия заняла 1-е место в мире. Не все потери восполнялись мобильностью и активностью горожан, ростом доступности пространства – информационной (через сотовую связь, Интернет), отчасти транспортной (автомобильный бум). В основном же, отмеченные процессы продолжают позднесоветские и вызваны теми же причинами.

Г. М. Фёдоров

Главное (и весьма отрицательное) макрорегиональное изменение – сильнейший «откат» населения на запад, в Европейскую часть страны. Одновременно в мезорегионах население и хозяйственная деятельность все более концентрируется в их центрах за счет периферии. Соответственно во все большей мере дифференцируется территориально, в пользу центра, уровень и качество жизни населения. То есть проявлявшаяся ранее в меньшей степени тенденция к поляризации осталась неизменной, усилившись количественно.

Второе важнейшее изменение – сокращение межрегиональных связей между макроэкономическими районами, между субъектами РФ в силу прошедшей деиндустриализации страны и изменения направлений преобладающих потоков сырья из восточных и северных регионов не в центральные регионы страны, как ранее, а за границу. В результате резко сократились экономические связи между востоком и западом страны, а основные внешние связи Дальнего Востока России замыкаются на соседние зарубежные страны.

А. И. Чистобаев

Изменения в территориальной организации российского общества за прошедшие 20 лет после крушения Советского Союза огромны. Главное состоит в том, что нет больше единого народнохозяйственного комплекса СССР. В составе его каждая союзная республика являлась как бы отдельным цехом мощного предприятия, в котором были задействованы все четыре формы организации территориального разделения труда: специализация и кооперирование, концентрация и комбинирование. В стадии развития находилась пятая форма – комплексирование; она, несомненно, получила бы своё завершение, если бы в конце 1970-х годов не произошло надлома всей государственной машины. Случилось это по субъективной причине – вследствие бездарного руководства страной немощными стариками. Нужны были действенные реформы, зачатки их были созданы (в период так называемой «козыгинской» реформы), но они были загублены теми же бездарными руководителями страны. Приход к власти «пустобреха» Горбачёва окончательно убил надежду на построение нового общества на 1/6 части суши.

Если теперь обратиться к осколочной территории бывшей державы – к Российской Федерации, то здесь наиболее зримо предстаёт картина разрушения сельской системы расселения. Подорван сам фундамент Российского государства: этно-конфессиональная культура, духовность, нравственность,

Последнее свидание

Я посетил родимые места.

С. Есенин

О, моя сторонюшка, –
поле, лес, сельцо,
песня – трель соловушки
на кладбище в Польцо.

Мужик, сосед, гуляет лихо,
в голове его дурман...
Ночью стало тихо-тихо,
поутру навис туман.

Я к полудню вышел в поле,
устремился взором вдаль...
У меня на сердце горе,
у меня в душе печаль.

Травы сочные не скошены,
не колышет ветер колоски,
дома в деревнях брошены
и негде скрыться от тоски.

Сельский храм разрушен,
на клумбах розам не цвести,
одичали яблони и груши...
Господи, ты варваров прости.

Родина

Место рождения – Польцо,
Место взросления – Попцово,
я края родного лицо
вспоминаю снова и снова.

Две русские деревни
с неброской красотой,
они с историей древней,
с нелёгкою судьбой.

Земля ныне тверская,
в прошлом новгородская,
по научной версии
здесь люди знатнородские.

Предки – царские изгои,
беженцы внутри Руси,
сюда переселились с горем,
со словами: Господи, спаси!

Царь московский Грозный
на них походы совершал
и Новгород Великий
не раз опустошал.

Люд бежал без мести
на Мологу и Медведицу
и назвал то место
Верхом Бежецким.

Срубили беженцы дома,
дворы, конюшни и сараи,
до края заполняли закрома
и место то считали раем.

Ныне происходят «чудеса»:
нет уже посевов льна,
исчезли хвойные леса –
моя сторонюшка больна.

На Верхе Бежецком
стояли сотни деревень,
но рухнули со скрежетом,
осталась дребедень.

Теперь дома не строят,
люди мрут как мухи,
могилу за могилой роют
ещё живущие старухи.

Пройдёт немного лет
и не станет Польца и Попцова,
вымрут люди, сгниют дома –
такова вот родина моя.

мораль. Исчезла самоидентификация населения российских местностей, особенно тех, на которых проживают русские. Нет даже признаков православных приходо́в – сёл с храмами и приписанными к ним деревнями. Их разрушение произошло ещё при Советской власти, но само сельское население до начала 90-х годов всё-таки оставалось, сегодня его почти нет (хочу проиллюстрировать сложившуюся ситуацию моими стихотворениями).

Вслед за деревнями и сёлами, если ничего не изменится в управлении страной, станут исчезать малые города, потом средние, большие. Не выживут и крупные агломерации, на которые сделали ставку управленцы-политики. Без единой системы расселения не быть и России.

Неизменным осталось одно – пренебрежение к народной культуре, к памяти о предках, к чувству патриотизма. Без всего этого бессмысленно говорить о совершенствовании территориальной организации общества, т. е. об организации того, что, к сожалению, утрачено. Будем надеяться на возрождение! И во имя этой надежды будем работать!

М. Д. Шарыгин

За прошедшее двадцатилетие существенно изменился статус регионов-субъектов РФ. Повышение статуса каждого региона дало простор для процессов природопользования и охраны природы, развития разнообразных форм собственности и хозяйствования, реформирования и модернизации социэкономикки. К сожалению, эти процессы оказались деформированы, что привело к спаду и застою экономики страны и ее регионов. На этом фоне усилился рост диспропорций в социально-экономической сфере регионов. Появилась межрегиональная асимметрия по уровню жизни населения, финансовому положению, демографической ситуации, динамике производства, состоянию рынка труда и т. д. Сформировались богатые и бедные регионы, регионы – доноры и реципиенты.

Для сглаживания территориальных диспропорций началось объединение богатых и бедных субъектов. Так Пермская область объединилась с Коми-Пермяцким автономным округом, Камчатская область – с Коряжским, Иркутская – с Усть-Ордынским Бурятским и т. д. Вместо 89 регионов стало 83, что заметно отразилось на территориальной организации российского общества. Последствия объединения оказались не только позитивными, но и негативными. Снижение диспропорций сопровождается уменьшением дотаций из федерального бюджета, деградацией культурно-этнического наследия и др.

Изменения в территориальной организации общества произошли не только на мезо-, но и на макроуровне. Крупные экономические районы – наследие

плановой системы хозяйствования – утратили свои функции. На их место стали претендовать Ассоциации межрегионального взаимодействия, созданные в 90-е годы 20-го столетия. Система Ассоциаций, предназначенная для разработки и реализации межрегиональных проектов, оказалась без поддержки государства и существует номинально. Она формировалась по инициативе самих субъектов и во многом повторяет контуры экономических районов.

В 2000 г. Указом Президента были созданы федеральные округа с политическими задачами, которые сейчас дополнились экономическими, социальными и культурными инициативами. Границы семи (сейчас восьми) округов совпали с границами военных округов, что свидетельствует о милитаристском настрое государственных деятелей. Военные округа сейчас расформированы, а федеральные – продолжают функционировать, регулируя развитие межнациональной социэкономике в искусственных границах. Наиболее дискуссионными являются границы Приволжского, Уральского и Сибирского округов.

Географы-обществоведы, активно работающие в области экономического (экономико-географического) районирования, заняли пассивную позицию, и вяло реагируют на деформацию территориальной организации общества на макроуровне. Видимо, назрела потребность обсуждения этих вопросов на специальном симпозиуме или научно-практической конференции.

Заметные изменения в территориальной организации жизнедеятельности людей произошли и на микроуровне. Новое территориальное устройство регионов в форме муниципалитетов на двух уровнях (городские и сельские поселения, городские округа и муниципальные районы) внесло изменения в территориальную структуру жизнедеятельности людей и систему местного самоуправления. Несовершенство ФЗ № 131 заметно осложнило процессы территориального деления и одновременно раскрыло простор для конструктивной деятельности географов-обществоведов. Территориальные и социально-экономические основы административного деления нашли обоснование в работах географов, что позволило избежать межмуниципальных конфликтов.

Следующим этапом исследования возможно станет разработка теории и практики социально-экономического районирования на микро-, топо- и наноуровнях. Особенно актуальным представляется научное обоснование межмуниципальных округов с управленческими функциями.

Заметные изменения в территориальную организацию российского общества внесли миграционные процессы. Наряду с внешними эмиграциями и иммиграциями в стране произошли внутренние миграции в направлениях «север–юг» и «восток–запад». В результате этих перемещений людей изменилась демографическая ситуация во многих регионах страны, что сказывается на уровне жизни населения и развитии региональных экономик.

На фоне изменений в территориальной организации общества неиз-

менным остается стремление правительства к укреплению «вертикали» власти и сохранению двойного стандарта в территориальном устройстве страны. В едином пространстве существует национально-территориальное и административно-территориальное деление, что объясняется полиэтническим составом населения. В то же время трудно поддается объяснению двойной стандарт отношений центра и регионов.

В. А. Шупер

Неизменной осталась западно-восточная асимметрия, но она, при этом, очень существенно усилилась. Таким образом, ситуация еще значительно ухудшилась. Более того, в условиях стремительной смены лидеров мирового развития, подобный дефект геополитического положения, причем постоянно усиливающийся, неизбежно приведет к драматическим последствиям. Если архитектура – застывшая музыка, т. е. во многом музыка прошедших эпох, то территориальная организация огромной страны – это застывшие представления о желаемом направлении развития, господствовавшие в обществе на предыдущих этапах. У нас же и нынешнее политическое мышление характеризуется крайним архаизмом и вторичностью по отношению к Западу. Понятно, что последний в высшей мере заинтересован в широчайшем распространении гигантского блефа относительно того, что будущее принадлежит ему, однако принятие всерьез этого блефа коренным образом противоречит нашим национальным интересам. Если возможности научного сообщества влиять на менталитет разложившейся элиты (у которой на Западе деньги, недвижимость и семьи) минимальны, то надо хотя бы самим твердо уяснить, что пятисотлетнему доминированию европейской цивилизации приходит конец, причем осталось до него от силы лет двадцать. Поэтому относиться с равной беспристрастностью к сжатию социально-экономического пространства в направлении север-юг и в направлении восток-запад едва ли пристало тем, кто не мыслит своего будущего в других странах и не имеет в них запасного аэродрома. Если не вытащить российский Дальний Восток из того захолустного состояния, в котором он сейчас пребывает, то лет через двадцать его вполне можно потерять.

1.2. КАКОВО ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ И НАБЛЮДАЕМЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА?

А. Г. Дружинин

Территориальная организация общества – субстанция столь же инерционная, сколь и динамичная, чутко реагирующая на любые (тем более масштабные и радикальные) социально-экономические изменения. Постсоветская трансформация ТОО – многоаспектна. Она пока лишь частично «на виду», поскольку наиболее существенные и глубинные преобразования (касающиеся социально-экономических предпосылок и механизмов функционирования и развития общественно-географической реальности) ещё не в полной мере проявили себя, либо в недостаточной степени идентифицированы, инкорпорированы в общественное сознание.

Территориальная организация общества современной России в сопоставлении с советским периодом – в существенной мере более *«экономизирована»*. *Её доминантной мотивацией является не социально-политическая целесообразность, а последовательная установка на экономическую (причём, в подавляющей массе ситуаций, групповую, персонифицированную) выгоду*. На фоне характерного для «нулевых» годов XXI столетия прева-лирования центростремительного вектора (территориальной концентрации ресурсов, полномочий и, соответственно, самопроизвольного «сгущения» населения, экономической активности, инфраструктуры в немногих ареалах) параллельно чётко обозначился полицентризм в принятии существенных для ТОО экономических решений. Возросла *многополюсность* территориальной организации российского общества, *полисубъектность* её «управляющей компоненты», формируемой не только генерируемыми «вертикалью власти» директивами, но и стратегиями крупных корпораций, интересами и «поведением» миллионов хозяйствующих субъектов, собственников.

В отличие от ситуации двадцатилетней (и более) давности, характеризующей доминантой в ТОО производственной и распределительной стадий хозяйственного механизма, в современном российском контексте на первый план вышли компоненты, связанные с *обменом и потреблением*. А это, в свою очередь, ускорило эрозию традиционных, сложившихся в индустриальную эпоху в условиях планового хозяйства экономических районов, заметно

усилив позиции в ТОО линейно-сетевых (по И. М. Маергойзу) элементов, коннекционных, централизованных (по Б. Б. Родоману) её составляющих. Одновременно, существенно снизила свою эффективность характерная для советской эпохи система социальной поддержки периферии (утратив, при этом, всеобщность, оказавшись сфокусированной на регионах либо генерирующих сырьевую ренту, либо создающих повышенные политические риски).

Рынок и, особенно, утвердившаяся в нашей стране в последние два десятилетия его квазиформа с доминантой бюрократизма, монополизма и финансизма – существенно усилили «властоцентричность» российского общества (включая и его территориальную организацию), содействовали повсеместному росту проявлений *территориально-социального неравенства* и шире – «*дегуманизации*» ТОО.

Корреспондирующее с рыночными метаморфозами превращение в «товар» не только компонент природного потенциала, хозяйственных и инфраструктурных объектов и трудовых ресурсов, но и в целом территориальных социально-экономических систем, углубление рентоориентированности российского социума (в том числе и по статусно-административному фактору, местоположению, транспортному обеспечению), способствовали ускоренному формированию властвующих элит городов-метрополий (метроэлит), укреплению их потенциала преобразования и координации ТОО в своих локально-групповых интересах. Дальнейшей *урбоориентированной кластеризации власти* и в целом метрополизации, представляющей, как видится, один из наиболее приоритетных аспектов постсоветской трансформации ТОО (Дружинин, 2009, 2010, 2011), – благоприятствовали: территориальная концентрация научно-инновационного потенциала, финансов, собственности (и доминантных собственников); неравномерная обеспеченность территорий инфраструктурой; предопределяемый традицией либо законом статус отдельных населённых мест, исторически сформированное в них (и продолжающееся воспроизводиться благодаря центрориентированным вертикальным и горизонтальным связям) наиболее благоприятное качество хозяйственной и поселенческой среды; наличие особого имиджа и основывающееся на нём культивирование моральной убеждённости в праве ведущих городских центров на политические и экономические решения и связанные с ними полномочия и привилегии.

Концентрация социально-экономической активности в крупнейших городах предопределила их притягательность для инвестиций, способствовала опережающему росту в них стоимости недвижимости. В конечном итоге во всех основных урбанистических центрах России в настоящее время сложились мощные экономико-институциональные барьеры дальнейшего терри-

ториального развития. Показательно в этом отношении недавнее решение о расширении территории Москвы. Потребность вырваться из «пут» переоценённой городской недвижимости и завышенных рыночных ожиданий её собственников испытывают и другие ведущие города современной России. В итоге, сложившийся политико-экономический механизм оказался не только детерминантой трансформации ТОО, но и превратился в тормоз её дальнейшего развития.

Оборотной стороной «фрагментарно-лоскутной» метрополизации явился процесс *маргинализации* (как абсолютной, так и относительной) обширнейших территорий, лишаемых ресурсов, полномочий и воли к социально-экономическому саморазвитию. За пределами редкой «россыпи» общероссийских и региональных метрополий оказались, при этом, пространства с «лишними» (по М. Кастельсу) трудовыми ресурсами и недоиспользуемыми, стремительно устаревающими активами.

Благодаря совокупному действию фактора транспортных тарифов и ситуации на рынке недвижимости, для подавляющей части населения его локалитеты стали своеобразными «собесами-резервациями». Ситуация фактической *анклавизации* постсоветской ТОО усугубляется установившейся ориентацией тяготеющего к ведущим метрополиям крупного бизнеса на минимизацию социальных нагрузок. Имеет место своего рода *«социальная дерегионализация»*, ситуация, когда позитивные эффекты от освоения и использования ресурсного потенциала аккумулируются и приватизируются, а социально-экологические издержки и экстерналии большей частью перекладываются на территориальные общности, лишь частично компенсируясь федеральным государством.

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. майнстримом территориальной организации российского общества, наиболее явным и ярким проявлением её *элитоцентричности* выступает **мегаметрополизация**, фактически означающая установление абсолютной политико-экономической доминанты общенационального центра – Москвы. В настоящее время на долю московского «сгустка» социально-экономической активности (0,27 % от всей территории РФ) приходится 12,2 % населения страны, 29,5 % её совокупного ВРП, что соответственно в 1,15 и 2,3 раза превышает ситуацию пятнадцатилетней давности. Сконцентрировав административные и хозяйственные полномочия (из 400 крупнейших по объёму реализации продукции компаний России – 306 локализованы непосредственно в Москве) и перенастроив в свою пользу отношения обмена и распределения (к примеру, если в 1990 г. доля Москвы в доходах от собственности составляла лишь 10,5 %, то все 2000-е годы – стабильно не опускалась ниже 48–50%), московская «метроэлита» уже к рубежу тысячелетий сумела обеспечить свою финансово-экономическую

гегемонию и, соответственно, преодоление «трения пространства», экспансию в регионы («московскую неокOLONиальную волну», по характеристике Б. Б. Родомана). Трансформируя российское пространство и лишь отчасти «покрывая» его, метрополизация (прежде всего её «мегавектор») параллельно усиливает социально-экономическую асимметрию, генерирует риски дальнейшей социальной маргинализации (в том числе и в крупнейших городах), активизирует процессы этнокультурного «замещения», продуцирует потенциал дезинтеграции.

О. В. Кузнецова

Произошедшие изменения в территориальной организации общества, конечно, связаны с постсоветскими изменениями. Массовый миграционный отток из северных и восточных регионов в значительной степени объясняется отказом от проводившейся в советское время северной политики. Активизация миграции в целом, особенно в крупные города, стала во многом следствием отмены жестких административных ограничений по перемещению населения, появлением массовой частной собственности на жилье и развитием рынка съемного жилья (хотя рынок этот, конечно, далек от того, что есть в экономически развитых странах). Экономические изменения связаны с открытием российского рынка: произошло заметное расслоение по степени благополучия регионов, специализирующихся на сырьевых экспортно-ориентированных отраслях, и регионов, производящих продукцию обрабатывающей промышленности на внутренний рынок. Благополучие Москвы усилилось благодаря специфике нового российского законодательства, приведшего к концентрации в столице финансовых потоков.

Влияние постсоветских изменений на территориальную организацию общества, как нам представляется, очевидно. В той или иной степени учитывает особенности российских регионов и бизнес. Возникает эффект «снежного кома»: регионы со снижающейся численностью населения и падающим уровнем жизни становятся все менее привлекательными для инвесторов, уровень социально-экономического развития таких территорий еще больше сокращается. Впрочем, это вполне соответствует сложившимся представлениям о закономерностях территориального развития в теориях регионального роста (кумулятивного роста).

К сожалению, специфика территориальной организации общества крайне слабо влияет на проводимую государством социально-экономическую политику, прежде всего федеральную региональную политику. Вполне можно

говорить о том, что до сих пор федеральные органы власти не смогли выработать такую систему регулирования социально-экономического развития регионов, которая соответствовала бы сложившейся специфике территориальной организации общества.

А. В. Мошков

Взаимовлияние постсоветских социально-экономических изменений и наблюдаемых трансформаций в территориальной организации российского общества проявляются в формировании кластеров и внедрении кластерных технологий в новых формах территориального планирования и управления.

В России имеется значительный опыт формирования различных локальных территориально-производственных систем, различающихся по составу, степени сформированности и взаимосвязанности их компонентной и территориальной структуры. По этим критериям выделяются промышленные центры, промышленные группировки, промышленные узлы (Хрущев А. Т., 1990). Однако, при анализе промышленных узлов преимущественно изучались внутренние производственные и производственно-технологические связи и отношения, формирующиеся и развивающиеся в их структуре. Особой формой дальнейшего развития промышленных узлов являются промышленные кластеры, которые в общеэкономическом смысле представляют собой группу географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских центров, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга в достижении конкретного хозяйственного эффекта и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и, следовательно, кластера в целом (Портер М., 2000).

Использование кластерной стратегии развития территориальной организации производства имеет большое значение в разработке и реализации приоритетных направлений социально-экономического развития регионов России, в частности, Дальневосточного федерального округа. В этом случае появляется возможность использовать главную идею кластерных технологий – создание и поддержание оптимального сочетания конкуренции и кооперации на географически ограниченной территории, где расположены специализированные производства, формирование и сохранение конкурентной среды.

Низкая плотность населения и слабая хозяйственная освоенность территории Дальнего Востока России представляет, как не парадоксально это звучит,

уникальную возможность начать здесь освоение на более высоком уровне хозяйственного развития, чем в более освоенных территориях Урала, Западной Сибири. Стадия освоения территории («с чистого листа» или greenfield) позволяет компаниям использовать в качестве основной стратегии инновационный подход. Для Дальнего Востока России наиболее перспективным можно считать формирование инновационных кластеров в традиционных видах деятельности региона (добыча природных ресурсов и др.).

А. Н. Пилясов

Думается, что речь идет все-таки не о взаимном влиянии, а о влиянии более быстрых, более динамичных социально-экономических изменений на пространственное размещение производительных сил. Вспомню, в этой связи, учебник «Основы региональной экономики» А. Г. Гранберга: «Многие региональные “напряженности” в экономике переходного периода являются проявлением противоречия между инерционностью размещения материальных элементов национального богатства (природных ресурсов, основных производственных и непроизводственных фондов) и возросшей динамичностью экономических условий производства, труда, жизнеобеспечения» (с. 260). Конечно, более быстро меняющийся фактор экономических условий ведет за собой, воздействует на менее подвижное размещение производительных сил в пространстве. Можно привести конкретный пример: в сети монопрофильных поселков как часто мы наблюдаем в последние 20 лет случаи умирания градообразующего предприятия и существенно реже – самого поселка.

В этой связи хочется отметить недавно защищенную докторскую диссертацию К. Э. Аксенова «Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России», как раз посвященную влиянию экономических реформ на трансформацию пространства крупного российского города – Санкт-Петербурга. Работа интересна тем, что является одной из очень редких в нашем сообществе попыток исследовать пространственные закономерности процессов радикального реформирования российской экономики на уровне отдельного крупного города.

Автор заставляет пространственно-временные системы стать инструментом анализа процессов трансформации городского пространства. Для того чтобы ввести экономические закономерности в ткань питерского пространства, чтобы переинтерпретировать язык рыночной экономики понятным для экономико-географов образом, он вводит понятие пространственного насы-

щения. Это, по сути, ситуация рыночного равновесия, когда предложение покрывает спрос. У К. Э. Аксенова – это рыночное равновесие в пространстве, пространственное насыщение.

Сама трансформация рассматривается автором как параллельное и одно-временное реформирование трех главных сфер общественного устройства – экономической, социальной и политической. И с этих трех ипостасей и характеризуется. Исследование структурировано на отдельный анализ каждой из этих инноваций – экономической, социальной и политической.

Мы все изучаем динамику социально-экономических процессов в регионах и научились делать это вполне неплохо. Но у многих из нас нет этого чувства живого времени, его пульса, его ритма, а у К. Э. Аксенова оно есть. У него скорость процесса трансформации дана отдельными страницами так, что возникает ощущение дыхания, живого ритма. Он пишет о том, что скорость процесса трансформации принципиально способна изменить сущность итогового состояния системы. О том, что «изменения, которые в стабильном демократическом обществе требуют десятилетий, в стремительно реформировавшейся России происходили в течение всего нескольких лет».

Ю. В. Поросенков

Наблюдаемые в настоящее время трансформационные процессы в территориальной организации российского общества имеют неодинаковую «природу». Отдельные элементы и подсистемы ТОО в силу своей функциональной специфики обладают неодинаковыми по времени и направленности трендами развития, в целом же «картина» трансформации российского общества имеет неоднозначный и противоречивый характер. Эта сложность его развития многократно усиливается достаточно противоречивыми в нашей стране процессами перехода к рыночной экономике и представительной демократии.

В аспекте глобальных социально-экономических отношений вся вторая половина XX в. характеризуется переходом наиболее развитых стран к стадии постиндустриального общества, где ведущее значение в экономике приобрели сфера услуг, наука, образование, информационная деятельность и коммуникации. Такая проблема общественного развития стояла и перед СССР, но она была «блокирована» экстенсивным развитием страны в условиях ее исключительно богатого и разнообразного природно-ресурсного потенциала, необходимостью поддержания военно-стратегического паритета с враждебным «западным» миром. Задача перехода к постиндустриальному

обществу стала особенно актуальной на постсоветском этапе развития страны, но она по целому ряду объективных и субъективных причин так и не получила системного и всестороннего решения.

В сфере демографии такой общей для советского и постсоветского этапов развития страны стала проблема демографического перехода. Этот процесс перехода к малодетной и бездетной семье, характерный для большинства высокоразвитых стран, в нашей стране обозначился еще со второй половины 60-х годов и существенно обострился уже в конце XX в. Однако массовая депопуляция в стране возникла в 90-е годы на этапе проведения экономического реформирования, что обусловило падение уровня жизни населения, дезорганизацию сферы медицинского обслуживания, массовые и неконтролируемые миграционные потоки населения. Следствием всего этого стало ухудшение здоровья населения, резкое падение рождаемости, существенный рост смертности и как следствие – широкое распространение депопуляции. В итоге это заставило российский истеблишмент разработать и реализовать специальную программу демографического развития страны.

Столь же общей проблемой для советского и постсоветского периода развития страны стала необходимость управления процессами урбанизации и расселения населения, но механизмы управления этими процессами оказались разными. Быстрый рост численности населения советских городов стал следствием проведения политики индустриализации (которая началась еще с конца 20-х годов – в 30-е годы и проводилась на протяжении всей второй половины XX в.) и массового оттока сельских жителей в города. Для регулирования этого процесса использовались сугубо административные меры в виде плановых миграций и механизма прописки в городах, а до 50-х годов стабильность численности сельских жителей обеспечивалась отсутствием у них паспортов. В постсоветский период на первый план в управлении процессами урбанизации вышли экономические механизмы. В первой половине 90-х годов (как следствие экономической разрухи) наблюдались даже процессы дезурбанизации и отток населения (особенно пенсионного возраста) из крупных городов. Но уже в первое десятилетие XXI в. опять набрали силу процессы, с одной стороны, концентрации городского населения в крупнейших городах, а с другой, обезлюдения сельской местности, как и «переток» населения из восточных районов в наиболее развитую и населенную Европейскую часть России. Поэтому в целях самосохранения российского государства и формирования его рациональной структуры необходима специальная государственная программа по управлению процессами расселения.

А. И. Трейвиш

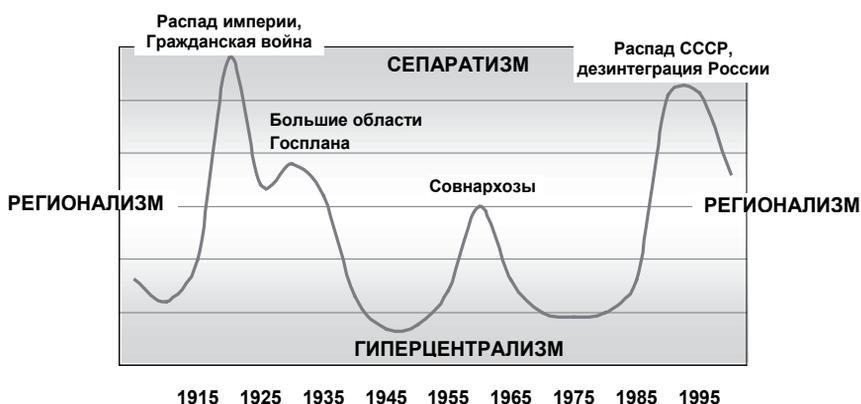
Многие территориальные сдвиги предопределила смена общественной системы, её институтов и регуляторов. Список таких влияний велик и вряд ли уместен. Ограничусь примерами из трех сфер жизни страны.

В экономике пришествие рыночных цен и критериев эффективности, а также приватизация, распад СССР, либерализация внешней торговли, сжатие внутреннего спроса привели к краху целых отраслей и к таким структурным сдвигам, как деиндустриализация и примитивизация, «сырьевизация» состава производства. Их географические проекции: смена типовых региональных структур на сервисные, сервисно-индустриальные, с преобладанием вклада нижних этажей даже в былых вотчинах верхних (в промышленной продукции Москвы, без искусственно приписанной к ней добычи сырья и топлива, доля ТЭКа близка к 50 %, а НПЗ в Капотне даёт 39 %); сдвиг индустрии на север и восток с приостановкой при буме импортозамещения после дефолта 1998 г.; переориентация экспорта на дальнее зарубежье вместо ближнего и «братских соцстран» (с тенденцией сдвига на восток, к странам АТР); многое другое.

В социальной сфере дифференциации групп населения сопутствуют её территориальные формы, меж- и внутрирегиональные. Бедные и богатые есть везде, но доля первых в лучших регионах – 7–10 %, а в депрессивных и отстающих (от Ивановской области до Калмыкии) – 20–37 %. На порядок и более различаются по регионам доли лиц с высокими доходами, безработных. Изучение таких явлений осложняет их изменчивость. С другой стороны, их очаги стали отдельными факторами устойчивого развития либо деградации и застоя, особенно при сочетании экономической депрессии (агро-сельской, ещё советской, и промышленно-городской) с депопуляцией и негативным демосоциальным отбором в местах, откуда бегут молодые активные люди. А если города и районы живут как бы в разных эпохах (мирах) и почти всё поступательное развитие обеспечивают не более 1/5 из них, это влияет на перспективы всей страны.

В политической сфере внимание привлекает смена регионализации (регионализма 1990-х гг. на грани сепаратизма) нецентрализацией, которая к исходу 2000-х гг. вновь сделала политический ландшафт РФ похожим на советский. Эти колебания вписываются в большой исторический, примерно 30-летний цикл, схематично показанный на рисунке. Если схема верна, то нового всплеска региональной и этнорегиональной активности надо ждать в начале 2020-х гг. О его силе, проявлениях и последствиях судить рано. На первые признаки массового недовольства политической системой власть ответила в декабре 2011 г. проектом её реформирования, включая возврат к

прямым выбором глав регионов (как до сентября 2004 г.). Но вряд ли этого будет достаточно.

Условная схема волн регионализации – централизации в XX в.

Влияние больших циклов, выходящих за рамки 20 постсоветских лет, ощутимо и в других сферах, хотя его анализ увёл бы слишком далеко. Можно лишь напомнить, что смена волн и их фаз обычно несёт с собой новые сдвиги и напряжения в обществе, имеющие своё пространственное измерение. Само пространство страны, его устойчивые параметры тоже влияют на ход многих процессов, особенно инновационных.

Г. М. Фёдоров

Происшедшие изменения форм собственности, отказ от планового ведения хозяйства, при недостаточно развитых рыночных отношениях, деформированных коррупцией и отсутствием конкуренции, дополнились неупорядоченностью территориальной организации российского общества, возникновением огромного количества конфликтов природопользования. В свою очередь, возникшие конфликты усложняют условия социально-экономического развития территорий.

А. И. Чистобаев

Постсоветские социально-экономические изменения обуславливают концентрацию населения в крупнейших агломерациях, городах. Одновременно остаются без людей огромные площади в восточных и северных районах. «Свято место пусто не бывает» – при ускоряющихся темпах роста численности населения мира эти пространства заселят другие народы. Без войны, без агрессии. Произойдёт это так, как был заселён некогда Бежецкий Верх, но различия в том, что тогда были «беженцы внутри Руси», т. е. русские, новгородцы. Теперь потенциал русских снизился: если не предпринимать никаких мер, то на незаселённые территории придут другие этносы.

Можно было бы говорить, что смена этносов произойдёт в соответствии с теорией Л. Н. Гумилёва, если бы этот выдающийся мыслитель XX века не говорил о том, что у русского этноса впереди как минимум 400 лет, что в настоящее время русский этнос пребывает в фазе надлома, в которой бывают временные провалы, а затем – подъёмы, что динамика жизни зависит от пассионарного потенциала людей, в первую очередь – от уровня пассионарности их лидера. Значит, надежда на возрождение ещё есть. Для того, чтобы она оправдалась, необходимо проводить самостоятельную региональную политику. И надо всегда помнить о главной цели региональной политики – сохранение целостности территории государства.

М. Д. Шарыгин

Переход плановой экономики в рыночную происходил частично, без четких стратегических ориентиров. Приватизация национального богатства, сопровождаемая коррупцией и расслоением общества, прошла под лозунгом «Обогащайтесь!». Целевые установки новых «хозяев», направленные на получение максимальной прибыли, вошли в противоречие с главной целью развития регионов – повышением уровня и качества жизни населения. Разноцелевая направленность развития регионов затормозила реструктуризацию и модернизацию экономики, «заморозила» долгосрочные проекты. Приоритетными стали ресурсные производства, ориентированные на эксплуатацию природно-ресурсного потенциала и приносящие огромную прибыль «хозяевам» и минимальные налоговые отчисления в региональные бюджеты.

Деградация обрабатывающей промышленности, объясняемая слабой конкурентоспособностью выпускаемой продукции, привела к деформации отраслевой структуры экономики страны и регионов. Внедрение наукоемких

технологий и выпуск современной техники тормозится отсутствием технополисов и технопарков в регионах («Сколково» проблемы не решает), обеспеченных высококвалифицированными кадрами.

Первоочередной задачей оживления региональной экономики является определение приоритетных территорий и производств перспективного развития. Для этого нужно выявить полюса территориального роста и пропульсивные отрасли хозяйства. Наиболее действенными представляются такие полюса роста, которые концентрируют высокотехнологические производства, интенсивно использующие НИОКР и способные инициировать инновационные процессы. К высокотехнологичным относятся приборостроение, электротехническое машиностроение, вычислительная техника, средства связи, авиакосмические производства, выпуск химических материалов, биотехнологии и т. д.

В современных условиях необходимо ориентироваться на интеллектуальный потенциал, наукоемкие и высокотехнологичные производства. Для этого федеральным органам власти следует обратить внимание на старопромышленные регионы, в которых сконцентрированы огромные материальные и трудовые ресурсы. Некоторые из этих регионов стали депрессивными, поэтому крайне необходимо нахождение компромиссных решений по выводу их из застойного состояния и согласованию общенациональных и региональных интересов.

Особое внимание нужно обратить на те регионы, в которых заложены основы территориально-производственного комплексобразования, и которые способны торговать не только сырьем и топливом, но и продукцией верхних «этажей» промышленности. Усиление политических воздействий, а также увеличение дотаций и бюджетных отчислений в базовые регионы позволит сохранить единое экономическое пространство страны и сгладить неравенство между регионами.

Экономическое неравенство обусловлено не только наличием или отсутствием природных ресурсов, оно осталось в наследие от предыдущего этапа развития. В социально-экономическом пространстве страны одновременно функционируют богатые и бедные регионы. Разрыв между самыми богатыми (например, Тюменская область с округами) и самыми бедными (Республика Дагестан) регионами достиг почти 20-кратной величины, что явно вносит дисбаланс в развитие и территориальную организацию общества.

Территориальные диспропорции развития регионов ощущаются в процессах формирования территориальных рынков. Во всех регионах создаются рынки труда, товаров, капитала, но при этом в слаборазвитых регионах формируются преимущественно рынки производителя, а в высокоразвитых – рынки потребителя. Такое разнокачественное состояние региональных рынков деформирует социально-экономическое пространство России и накла-

дывает отпечаток на всю систему географического разделения и интеграции труда. Для устранения «перекосов» в системе разделения труда целесообразно сочетать рыночные товарно-денежные отношения с государственным регулированием. Сочетание государственного регулирования хозяйственной деятельностью производителей, особенно монополистов, со свободным рынком потребителей вносит новую специфику в систему территориального разделения труда.

Новое территориальное разделение и интеграция труда должны послужить базисом формирования не только производственной специализации регионов, но и комплексного развития их хозяйства. Благодаря комплексированию и интеграции хозяйства происходит консолидация внутреннего природного, экономического и социального потенциалов каждого региона и формирование сбалансированных социально-экономических комплексов.

Особую роль в территориальной организации общества играет реализация национальных проектов «образования» и «здравоохранения». Так называемая оптимизация территориальной структуры школ и больниц приводит к «опустыниванию» сельской местности, к деградации деревни. Закрытие малокомплектных школ, фельдшерско-акушерских пунктов, сельских клубов и библиотек в малочисленных деревнях не только затрудняет их территориальную доступность, но и резко снижает качество жизни населения и социальную защищенность людей. Социальное неравенство проявляется в подушевом финансировании в гимназиях, лицеях и школах. Так в гимназиях Пермского края подушевое финансирование одного гимназиста составляет 33,6 тыс. руб. в месяц, ученика обычной школы – 21,5 тыс. руб. Разница в 1,5 раза делит учащихся и учителей на лиц «первого и второго сорта».

Различия отличаются и по регионам страны. Так в Москве на обучение одного гимназиста государство выделяет в месяц 120 тыс. руб. Московский гимназист обеспечен (а может быть дороже?) в 3,6 раза выше пермского. Комментарии, как говорится, излишни. Территориальное и сословное неравенство продолжает существовать в разных сферах жизни людей, что осложняет процессы развития и территориальной организации российского общества.

В. А. Шупер

Собственно постсоветские изменения в территориальной организации общества настолько хорошо видны на микрогеографическом уровне, что о них нет смысла писать. Они станут еще виднее, если будут меньше душить малый бизнес, прямо-таки выстреливший два десятилетия назад в виде мно-

жества предприятий сферы обслуживания, ютившихся во всяких подвалах, но работавших вполне эффективно.

Изменения на макрогеографическом уровне по большому счету едва ли напрямую связаны с постсоветскими трансформационными процессами, скорее это результат глобальных процессов, приводящих к прогрессирующей поляризации пространства. Как давно нам внушает Н. В. Зубаревич, две трети российского населения и две трети российских регионов совершенно неконкурентоспособны на глобальном уровне. Еще ранее, в начале 90-х гг. эту мысль высказывал и А. Б. Чубайс, правда, совсем не для широкого круга. Сейчас очень трудно предсказать, насколько благоприятным для национальной экономики будет вступление в ВТО, но для территориальной организации на макроуровне оно едва ли будет позитивным, поскольку еще более углубит поляризационные процессы, усилит региональную дифференциацию.

На мезоуровне (в первом приближении – на уровне субъектов федерации) нас, по-видимому, также ждет дальнейшая поляризация расселения и хозяйственной деятельности. Г. В. Иоффе еще в конце 70-х гг. показал, что сельское хозяйство (и сельская местность в целом) жизнеспособно в Нечерноземье только в пределах получасовой транспортной доступности от райцентра. Ю. В. Медведков даже ввел понятие «эффект Иоффе». Какие-то благоприятные тенденции могут быть связаны с большей гибкостью рыночного хозяйства по сравнению с плановым и возможностью перехода природопользования, расселения и хозяйства с интенсивного пути развития на экстенсивный там, где нет ни достаточных трудовых ресурсов, ни необходимой инфраструктуры. Об этом прекрасно пишут и говорят Т. Г. Нефедова и К. В. Аверкиева – молодой, но уже вполне сформировавшийся исследователь.

1.3. ВАЖНЕЙШИЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, УСИЛЕНИЕ ПЕРИФЕРИЙНОСТИ И (ИЛИ) МАРГИНАЛИЗАЦИЯ? КАК ОНИ СКАЗАЛИСЬ НА УРОВНЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ?

А. Г. Дружинин

Многоаспектные изменения в российской ТОО являются результирующей различных по своим масштабам, детерминантам и следствиям трендов. Важнейший из них на современном временном этапе – глобализация, предопределившая не только базовые условия для трансформации общественно-географических реалий постсоветской России (новые геоэкономические и геополитические позиции российских регионов и страны в целом), но и наиболее существенные изменения в архитектонике российской ТОО («сдвиги» в локализации хозяйства и расселении на макро-, мезо- и микроуровне, корреспондирующие с включением в мирохозяйственные связи; трансграничная регионализация; выстраивание пространственной конфигурации глобальных бизнес-структур и их кластеров; селективное инкорпорирование ведущих городов в планетарную сеть урбанистических центров).

Конструируя (и реконструируя) территориальные социально-экономические системы на всех иерархических уровнях, глобализация, параллельно, ведёт к их эрозии, инициирует дезинтеграционные процессы, «выпадение» территорий из общесистемного политико-экономического и социально-культурного контекста (маргинализацию), множит фрагментацию общественно-географического бытия и, в этом контексте, созвучна векторам регионализации. Под воздействием глобализации растёт взаимозависимость территорий, тиражируются универсальные модели социального (в том числе пространственного) поведения и, параллельно, углубляются межрегиональные различия в «количестве» и, что ещё существеннее, «качестве» ресурсов экономического роста, усиливается территориально-социальное неравенство.

Параллельно, сложилась существенная и устойчивая зависимость жизнеобеспечения периферийных территорий от растущих перераспределительных («компенсационных») потоков (в первую очередь межбюджетных и внутрисемейных трансфертов) – повсеместная для России, но наиболее выраженная для её Юга, оказавшегося, с одной стороны, на фактической периферии

глобализации, с другой – на одной из основных коммуникационных линий, обеспечивающих включение российской экономики в мирохозяйственные связи. Так, если в 1995 г. доля южнороссийского макрорегиона в общем объёме фактического конечного потребления домохозяйств страны превышала его же долю в суммарном ВРП РФ лишь на 5,6 % (данная цифра сопоставима с расходами прибывающих на Юг рекреантов; т. е. потребление в пределах южнороссийского макрорегиона фактически соответствовало производству), то в 2000 г. – на 30 %, 2005 – 58%, в 2008 г. на 53 и 2009 – на 46 %. В итоге, всё последнее десятилетие наблюдается выраженная тенденция «приближения» фактического конечного потребления «среднестатистического» домашнего хозяйства Юга России к среднему по РФ уровню. Если в 1995 г. отношение доли Юга России в общем по стране потреблении домохозяйств к его доле в населении составляло 58 %, то в 2008 – 76% и 2010 – 79 %.

Как это имеет место и в России в целом, территориальные общности российского Юга «расслаиваются»: одни их страты сконцентрированы в крупнейших городах (где тренды глобализации наиболее выражены) и тяготеющих к ним зонах (выделяющихся своей ориентированной на экспорт растениеводческой специализацией), другие (в силу возрастных, культурных, экономических либо иных причин) локализованы на обширной южнороссийской периферии, объединяющей, прежде всего, аридные территории (практически вся Калмыкия, восток Ростовской области, северо-восток Ставропольского края, север Дагестана, часть Астраханской и Волгоградской областей), а также горную зону (Дружинин, 2005).

Предельно выраженная разновекторность экономических и демографических трендов благоприятствовала масштабному, всё возрастающему (особенно в северокавказских республиках) **аграрному перенаселению** российского Юга. В то время как сельское население России в целом за 1989–2010 гг. сократилось на 3,4 % (1,4 млн чел.), в его южном макрорегионе оно, напротив, увеличилось на 1756 тыс. (на 12,5 %), в том числе в СКФО на 1246 тыс. (на 35 %), причём 607 тыс. прироста обеспечил Дагестан, а ещё 336 тыс. – Чечня и Ингушетия. При этом, занятость в агросфере Юга стабильно снижается (всё последнее десятилетие – на 35 тыс. рабочих мест или 2 % в год), продуцируя все 2000-е гг. **ежегодный дисбаланс между ростом населения и возможностями аграрной занятости в объёме 70–75 тыс. мест**. В итоге, в регионах СКФО прирост «экономически активных» в последнее десятилетие лишь на 55 % оказался обеспечен новыми рабочими местами, что усиливает социально-политическую напряжённость, миграцию (чьё сальдо из национальных республик Юга за последнее десятилетие составило около 800 тыс. чел.), геополитические риски.

Инвариантным проявлением глобализационного вектора выступает и

притяжение к морским побережьям производства и населения. Симптоматично, что за период 1989–2010 гг. численность населения приморской зоны Краснодарского края (одного из наиболее имплантированных в мирохозяйственные обмены регионов российского Юга) возросла на 14,6 % (при общем по Кубани росте в 11,3 %), а соответствующий показатель по Ростовской области (вместе с Краснодарским краем обеспечивающей две трети внешнеторгового оборота Юга России) составил 3,2 % (при общем сокращении населения области на 1,2 %). В настоящее время в Краснодарском крае в пределах прибрежной стокилометровой зоны сконцентрировано 69,5 % его жителей; в Ростовской области – 64,8 % (Дружинин, 2009). При этом, даже в масштабе Причерноморья (фактического юго-западного «фасада» РФ) талассоаттрактивность носит фрагментарный характер: наблюдается «чересполосица» сложившихся (либо активно формируемых) «коридоров взаимодействия» (таких аттракторов социально-экономического развития как Сочи, Новороссийск, заметно выделяющихся стоимостью рабочей силы, инвестиционной и торговой активностью) и маргинальных зон. Полагаю, что под воздействием глобализации в территориальной социально-экономической системе Юга и дальше будет продолжаться процесс дифференциации: на одном её полюсе окажутся сетевые структуры крупного бизнеса, образующие тяготеющий к важнейшим городам и морским портам «архипелаг» относительного социально-экономического благополучия; на другом – всё заметнее впадающая в состояние маргинализации и деградации периферия.

В. Л. Каганский

Основные современные процессы в ландшафте России – сложные, полимасштабные, неоднозначные, противоречиво-парадоксальные; они несут открытый поливариантный характер.

Значительно сходство новых процессов трансформации ландшафта в различных местах, но существенно, также, и начало диверсификации сходных территорий

Главными остаются последствия распада СССР, трансформация и деградация советского пространства.

Пройдя фазы регионализации, а затем инверсии советского пространства, российский ландшафт переживает пострегионализацию и быструю острую фрагментаризацию вплоть до парцелляризации; число самостоятельных и полусамостоятельных землевладений и отдельных земельных участков выросло на порядки. Резко сокращаются размеры регламентирующе-

организующих социальную жизнь пространственных структур. Все больше изолированных от окружения отдельных мест; по мере усиления фрагментаризации растет и сегрегированность ландшафта; бросается в глаза мания изоляции и огораживания новых земельвладений. *Ландшафт стал мозаичным.* Актуализируются и появляются новые внутренние границы: *становятся контактными внешние границы России – барьерными становятся внутренние границы.*

Преодолевается и функционально размывается регионально-плитчатая структура советского пространства. Налицо «уход» государства из пространства, резкая дерегламентация ландшафта и его фактическая приватизация, начало формирования частных пространств и систем частных (негосударственных) пространственных статусов; де-факто все больше территорий являются частными и можно говорить о мозаике государственных и частных пространств разных типов, в том числе поселений и неформальных районов (в некотором смысле ситуация возвращается к досоветской). Ландшафт формируется уже не только государством, но и частными (в широком смысле) структурами и населением. Существенно новое – мощное спонтанное взаимодействие разных массовых групп населения и ландшафта, порождающее и новые острые социальные и экологические проблемы. Резко сокращается сфера заботы о ландшафте (напр., упадок лесозащитных полос), растет хищническое использование природных ландшафтов населением; часть территорий просто забрасываются, выходят из зоны социального контроля и приобретают нулевое культурное содержание и отрицательную социальную ценность (источник проблем). *Ландшафтного творчества не видно...*

Это – *становление постсоветского пространства, в точном смысле слова, при сохранении советского пространственного наследия.*

Фундаментальный процесс – восстановление логики ландшафтного, географического пространства – означает «реабилитацию» культурного ландшафта. Не исключено, что появляется шанс становления **полноценных мест**, тогда как в советском пространстве были лишь ячейки для решения внешних задач. *Ландшафт, вне зависимости от словоупотребления, входит в сферу символически значимого.*

Происходит реставрация, регенерация, ревитализация культурного ландшафта, восстановление элементов досоветского культурного ландшафта налицо. Возможности этого были совершенно не очевидны еще 20 лет назад. Есть признаки некоторого оживления соседских горизонтальных связей.

Одновременно идет *новая нарастающая поляризация* по линии «центр – периферия» и централистическая концентрация населения. *Сокращаются или нарастают контрасты «центр – периферия»? – вопрос открытый!* При рецентрализации, особенно явной в финансовой сфере, идет и децен-

трализация в сфере массового образования, науки и культуры; «всеобщая филиализация» носит имитирующий характер, что относится и к очень многим аспектам культурного ландшафта.

Налицо *новая периферизация всё большей части территории*. Периферизуется бывшая «советская провинция» (эти процессы в зоне *Внутренней периферии* рассмотрены ниже специально).

Значительные территории ближних и дальних пригородов (в радиусе уже первых сотен километров от крупнейших городов) преобразованы (даже колонизованы) дачным и теперь дачно-коттеджным бумом. Налицо массовая реаграризация и рерурализация «горожан»; дезурбанизация, формирование нового комплексного культурного ландшафта и жизненно-экономического уклада. Города, не выйдя из тисков промышленно-городских агломераций, размываются в новых уродливых внутренне-конфликтных пригородах.

Культурно-символический компонент ландшафта переживает бум:

- культурная реабилитация и отчасти регенерация культурного ландшафта;
- бум культурно-символического самоопределения мест;
- поиск новой идентичности мест, ее реставрация, ревитализация, реконструкция и конструирование;
- краеведческий бум;
- музейный бум;
- ценностно-сакральная поляризация ландшафта (центр=город – заповедники и вообще особые внегородские урочища);
- культурно-мотивированный внутренний туризм, слитый с разнообразными паломничествами;
- элементы символической реставрации (генерации) обыденных, культурно, мифологически мотивированных районов;
- появление «новых старых» культурно-маркированных мест;
- появление и распространение квазирелигиозных ландшафтоориентированных групп (например, бажовцы на Урале).

Явна *спонтанная сакрализация ландшафта* (в том числе и особенно в экологизме) и бум (ландшафтного) язычества, что также объясняется общими причинами кризиса советского пространства («приватизация» государственно-идеологической псевдосакральности); явно наметилась и клерикализация ландшафта (Каганский, 2011).

Эти и другие процессы охватывают если не всю, то основную или большую часть территории РФ, носят непредсказуемый характер и потенциально опасны. Одновременно они богаты и возможностями, и ресурсами. Изучены и поняты эти процессы явно недостаточно.

Н. Н. Ключев

Суперлиберализация в 1992 г. внешней торговли на фоне развертывающейся **глобализации** выступала основным фактором обрушения российского производства. Проявления глобализации многогранны и наблюдаются на разных пространственных уровнях, вплоть до локального. Примером может служить ситуация в сахарной промышленности. Если в советский период сырьевая зона Льговского сахарного завода (Курская обл.) ограничивалась двумя административными районами, то в 2002 г. сахарную свеклу поставляли на завод уже 12 районов области. Однако из местного сырья на заводе производилось лишь 15 % сахара, а остальное получали из импортного тростникового сырца – из Бразилии, Гватемалы, Никарагуа, Кубы. Произошла замена местных внутрирайонных связей международными. Межконтинентальная миграция вещества оказывается ныне выгодной с сугубо экономических позиций.

Процесс **регионализации**, угасания ближних межрегиональных связей иллюстрируется данными проведенного нами учета интенсивности движения автотранспорта на магистрали Москва – Крым близ г. Курска. За 25 лет транспортная нагрузка возросла почти в 2,5 раза, более чем в 3 раза увеличилась доля легкового транспорта. В 2 раза увеличилась доля местного транспорта, что свидетельствует об усилении хозяйственной замкнутости региона (таблица).

*Интенсивность движения автотранспорта в 1977 г. и 2002 г.
на магистрали Москва-Крым, 20 км к югу от г. Курска*

	1977 г.	2002 г.
Средняя суточная интенсивность движения летом, авт./сутки	3000	7000
Доля грузовых автомобилей, %	68	20
Доля легковых автомобилей, %	32	80
Доля местного транспорта, %	28	55
Доля транзитного транспорта, %	72	45

Неуправляемая **концентрация** населения, хозяйства и природопользования в центральных местах – главная негативная тенденция. Она проявляется на разных территориальных уровнях и в разных отраслях хозяйства – в добывающей, лесной, рыбной промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте. На периферийных территориях хозяйственная активность заметно снижается. Происходит поляризация постсоветского пространства на островки относительного благополучия (но не экологического) и депрессивную архаичную периферию, характеризующуюся демодернизацией, примитивизацией, деградацией.

Происходит, к примеру, концентрация добывающей промышленности (а следовательно, и связанных с ней крупных изменений природных компонентов и комплексов) в ограниченном числе регионов. Если на первые 5 регионов в 1990 г. приходилось 37,2 % добычи, то в 2005 г. – уже 54,3 %. А доля первой десятки (двадцатки) регионов за этот период выросла соответственно с 52,5 (70,5) % до 66,5 (81,9) %. Этот процесс концентрации добывающей индустрии, обусловленный экономическими соображениями, с экологической точки зрения оценивается негативно.

В лесном комплексе в основных районах лесодобычи темпы снижения заготовок древесины выше, чем в прочих районах страны. Дальние лесосеки забрасываются, лесозаготовки концентрируются вблизи транспортных магистралей. В лесодефицитных районах наблюдается рост рубок. Средний в РФ уровень использования расчетной лесосеки в 2000 г. составлял 23 %, но во Владимирской обл. – 62, Ленинградской – 48, Московской – 44, а в Республике Коми – 27, Амурской обл. – 8, Читинской обл. – 6 %.

Продолжается масштабный вывод из оборота посевных площадей (свыше 40 млн. га за 1990–2005 гг.). При этом выводимые из оборота земли нарастают кустарником и мелколесьем. Наибольшие потери посевных площадей – в южных степных регионах страны, многие из которых выступают «житницами» страны. «Одичание» заброшенной периферийной пашни сопровождается активизацией землепользования в селах, пригородах и даже в городах. Так, за 1990–2006 гг. внесение минеральных удобрений в Курской обл. сократилось почти в 6 раз, а в г. Курске (в административной черте города) возросло вдвое.

Аналогичный процесс характерен и для современного использования пастбищных угодий. Перетравливание, переуплотнение, эрозия почв на ближайших к населенным пунктам пастбищах и зарастание удаленных угодий грубостебельным разнотравьем, их закочкаривание или превращение в залуненные или щебнистые пустоши (в горах) наблюдается в широком спектре природно-хозяйственных условий России.

В постсоветские годы ближайшие пригороды стали местом интенсивного дачного освоения и коттеджного строительства. Оно локализуется часто в водоохраных и лесопарковых зонах. Стихия хищнической неконтролируемой застройки не подчиняется никаким, даже минимальным природоохранным требованиям. В результате ухудшается качество питьевых водоемов и санитарное состояние пригородных территорий, сокращаются возможности массовой общедоступной рекреации, разрушаются пригородные пояса экологической безопасности. С экологических позиций значительная территориальная экспансия городов, эта новая мощная субурбанизационная волна – крайне нежелательный процесс.

Концентрация населения в центральных местах подтверждается, например, постсоветской динамикой сельского населения Курской обл. Независимо от природных и хозяйственных условий, для сельских поселений всех районов области наблюдается одинаковая тенденция: если количество населения в крупных селах изменяется незначительно, то малые поселения сильно теряют население.

В крупнейшей по территории стране мира наиболее яркая черта «региональной политики» (а вернее – «расхлябанного дрейфа») – это гипертрофия столичного региона на фоне запустения и даже одичания периферии. Это совсем не уникальный географический феномен. Такие сверкающие витрины периферийного капитализма разбросаны по всему мало развитому миру – Сан-Паулу, Манила, Лагос... .

В позднесоветское время (1990 г.) по строительству жилья на душу населения Московская область и особенно Москва («образцовый коммунистический город», крайне привилегированный) заметно отставали от среднероссийского уровня. Ныне они опережают его, а Московская область – многократно опережает. В то же время бывшие ранее среди лидеров Республика Тыва и Мурманская область ныне являются аутсайдерами. Размах вариации по регионам ввода жилых домов (в расчёте на 1000 чел.) вырос с 4,6 раз в 1990 г. до 78,1 раза в 2007 г. Это процесс катастрофического сжатия российского освоенного пространства, концентрации хозяйственной активности в центре. На периферии господствующей формой хозяйства всё чаще выступает «экономика выживания».

А. В. Мошков

Важнейшим слоем общего социально-экономического пространства страны в постсоветский период является сфера производства, особую форму территориальной организации которого можно представить в виде территориально-производственных систем (ТПС). Под ТПС понимается территориально-производственное сочетание взаимосвязанных предприятий и организаций, объединенных общим использованием совокупности географических и социально-экономических факторов территории, а также экономическими и производственными связями.

Структурные изменения в ТПС представляют собой процесс преобразования структур, форм и видов экономической деятельности в системах, которые обусловлены действием территориальной совокупности социально-экономических факторов. Подобные изменения предполагают повышение

эффективности производства в регионе за счет рационального использования имеющегося природно-ресурсного, производственного и демографического потенциала, экономико-географического положения и т. п., а также снижения производственных и транспортных издержек.

Структурные изменения ТПС регионов России (состоящих из специализированных производств, а также обслуживающих потребности производства и нужды населения) формируют региональный уровень структурных изменений ТПС и достаточно полно отражают общие тенденции этого процесса. В то же время регионы характеризуются еще и свойственными только им особенностями формирования и развития структуры.

Устойчивые структурные экономические отношения, сформировавшиеся в регионе (например, диспропорции между развитием отдельных элементов структуры ТПС, пропорциональность, завершенность структуры системы), проявляются в региональном аспекте в течение длительного времени и могут служить основой для выделения соответствующих этапов структурных изменений ТПС. Формирование структуры ТПС регионов России происходит под влиянием совокупности благоприятных и негативных факторов, которые вызывают диспропорционные отношения между структурными блоками ТПС. К числу благоприятных факторов относятся: выгодное экономико-географическое положение, богатый и разнообразный природно-ресурсный потенциал территории и акватории, достигнутый производственный и инфраструктурный потенциал и др. Негативные факторы – высокие производственные и транспортные издержки, низкая доля добавленной стоимости в произведенной продукции, низкая конкурентоспособность обрабатывающих производств и др.

Преодоление диспропорциональных отношений в структуре системы выступает одной из движущих сил процесса структурных изменений ТПС.

Важнейшие тренды развития социально-экономического пространства в постсоветский период России можно проследить на примере её дальневосточных регионов. Следует отметить, что формирование структуры ТПС регионов Дальнего Востока (с середины XIX в. до настоящего времени и, вероятнее всего, на перспективу) происходит как в процессе реализации геополитических и экономических государственных задач (закрепление России в Дальневосточном регионе, строительство предприятий оборонного комплекса, эксплуатация уникальных природных ресурсов и др.), так и под воздействием рыночных механизмов, в том числе международных рынков сырья и материалов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. На этой основе можно выделить несколько этапов развития социально-экономического пространства восточных регионов страны в постсоветский период.

Индустриально-добывающий этап с деградацией обрабатывающих производств (1992–2000 гг.). Основа хозяйственной специализации регио-

нов Дальнего Востока (цветная металлургия, лесная и рыбная промышленность) была заложена еще на первых этапах хозяйственного освоения территории. Эти отрасли сохраняли свое значение в структуре региональных ТПС на протяжении десятков лет и наиболее эффективно вписались в новые условия хозяйствования в регионах Дальнего Востока, завоевав свои ниши на мировых рынках сырья и материалов. Однако сравнительно эффективное сырьевое направление специализированных производств в значительной степени зависит от колебания мировых цен на металлы и топливо. Падение спроса на мировых рынках на цветные металлы (олово, вольфрам) оказало негативное влияние на развитие отраслей цветной металлургии в регионах Дальнего Востока. В это время были существенно снижены объемы добычи руды и производства концентратов на всех предприятиях, а некоторые горнодобывающие предприятия остановили работу.

Кризис затронул и обрабатывающие отрасли промышленности, отрасли, обслуживающие потребности населения и производства. Именно для этих отраслей в это время был характерен наибольший спад производства, обусловленный, в первую очередь, потерей традиционных рынков сбыта продукции в стране. Большие трудности с государственным заказом испытывали также машиностроительные предприятия, размещенные в Приморском и Хабаровском краях. Следует отметить, что все это происходило на фоне обвального старения производственного оборудования в большинстве отраслей промышленности региона, т. е. в регионе существует большой потенциальный спрос на машины и оборудование (в том числе и конверсионное).

Индустриально-добывающий этап с развитием производственной инфраструктуры и дальнейшей деградацией обрабатывающих производств (2000–2010 гг.).

На этом этапе (2000–2008 гг.), как в целом и по стране, отмечались высокие темпы прироста производства в промышленности, что было вызвано, в первую очередь, благоприятными условиями (высокими ценами на продукцию добывающих отраслей промышленности из-за устойчивого роста спроса на сырьё и топливо и др.) на мировых рынках. Это позволило инвестировать значительные средства в развитие линейных объектов инфраструктуры, способствующих развитию экспортных отраслей промышленности: нефте- и газопроводы, портовое хозяйство, линии электропередач, новые электростанции (например, строительство нефтепровода «Восточная Сибирь–Тихий океан», морского порта в б. Козьмино, Нижне Бурейской ГЭС) и т.д.

Индустриально-добывающий этап с развитием производственной инфраструктуры и обрабатывающих производств, обслуживающих добывающие отрасли специализации и транспортно-логистические функции (2011–2025/30 гг.). В структуре промышленности сохраняют своё значение

добывающие виды экономической деятельности с дальнейшим углублённым и комплексным (в зависимости от спроса потребителей) использованием местных и транзитных природных ресурсов на основе достижений НТП: 1) горно-металлургический кластер на базе железорудных месторождений и металлургических производств (ЕАО, Амурская область и Хабаровский край); 2) нефтегазохимические кластеры – на основе переработки местной нефти и природного газа (Сахалинская область) и транзитной нефти и газа (Хабаровский и Приморский края); 3) металлургические кластеры на базе месторождений руд цветных металлов в Республике Саха, Магаданской области, Камчатском крае, Чукотском АО; 4) топливно-энергетические кластеры на базе месторождений угля (Республика Саха) и гидроэнергоресурсов (Амурская область); 5) рыбохозяйственные кластеры (Сахалинская область, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Магаданская область); 6) лесохозяйственный кластер (Амурская область, Приморский и Хабаровский края) и др.

Дальнейшее развитие обрабатывающих видов экономической деятельности вероятнее всего будет происходить по направлениям, обеспечивающим добывающие производства и базовые отрасли экономики (в т.ч. и транспортно-логистические) необходимым оборудованием: 1) судостроительные кластеры (Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Магаданская и Амурская области); 2) авиационные кластеры (Хабаровский и Приморский края); 3) космический кластер (Амурская область); 4) автомобильный кластер (Приморский край); 5) электротехнический кластер (Приморский край, ЕАО) и др.

Стратегия ускоренного социально-экономического развития требует комплексного и полного использования сырья, производства на его основе разнообразной готовой продукции. Например, в лесной промышленности – перейти к механической и химико-механической обработке древесины; в цветной металлургии – получению из исходного сырья на месте разнообразных полуфабрикатов и готового металла. При этом важно сохранить позиции российских компаний на мировых рынках сырья и материалов, в т.ч. круглого леса, концентратов руд цветных металлов, металллома, алмазов. Таким образом, для Дальнего Востока отмечается необходимость пропорционального развития отраслей, обслуживающих производство и население, а также специализированных производств, осуществляющих не только добычу и обогащение сырья, но и производство готовой продукции.

Т. Г. Нефёдова

Основные тренды развития социально-экономического пространства в постсоветский период формируются в результате наложения двух процессов:

– относительного выравнивания за счет информационной составляющей глобализации (телевизоры, сотовые телефоны, интернет становятся доступны почти всюду, в то числе в удаленных районах);

– сильной экономической поляризации на всех масштабных уровнях (увеличение различий между регионами, муниципальными районами, городами, сельскими населенными пунктами, отдельными предприятиями и т. п.), усиливающей контрасты в обустроенности пространства России и в уровне жизни населения. Объективные процессы поляризации пространства и маргинализации внешней периферии страны (за исключением нефтегазодобывающих районов Севера) и внутренней староосвоенной периферии староосвоенных регионов особенно усилились на этапе выхода из кризиса в 2000-х гг., поскольку этот выход был характерен для небольшого числа районов при усилении депрессии на огромной территории.

Попытки бюджетного выравнивания в 2000-х гг. за счет роста пенсий, зарплат бюджетников и повышения их доли в структуре занятости не оказали долговременных результатов на пространственные процессы.

Оба процесса – глобализация (дающая возможность сравнить свой уровень жизни с уровнем жизни в других местах) и экономическая поляризация пространства, увеличившая незанятость населения, – только усиливают давно начавшийся отток населения из депрессивных городов и сельской местности в более успешные центры и районы.

Усиление поляризации городов особенно заметно в увеличении доли Москвы, региональных столиц и в целом больших городов в экономической жизни страны. Мои оценки состояния 1044 городов России, проведенные совместно с А. И. Трейвишем в 2010 г., показали, что чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии, которая часто связана с кризисом или отсутствием градообразующего предприятия. *60% городов менее 50 тыс. жителей можно отнести к депрессивным, доля таковых среди средних – 20 %, среди стотысячников – 10 %.*

Усиление поляризации сельского пространства связано с очень высокой ролью собственно пространства, его размеров, из-за его необустроенности, рассредоточенности расселения и преобладания в советское время землеёмких видов деятельности, часть которых держалась на огромных государственных дотациях. *В новых рыночных условиях пространственная организация, в том числе унаследованная от советского времени (path dependency), становится непосредственным фактором развития сельской местности.*

Помимо изменения в распределении сельского населения, которое весь XX век (помимо городов) стягивалось к их пригородам и к южным районам, индикатором изменений пространственных характеристик сельской местности служат изменения в почти повсеместном в советское время сельском хозяйстве. Например, с 1999 г. статистика фиксирует ежегодный прирост валовой продукции сельского хозяйства (в 2009 г. она составила 84 % от уровня 1990 г. с падением до 74 % в засушливом и пожароопасном 2010 г.). В то же время продолжалось сокращение посевных площадей и поголовья крупного рогатого скота. Это говорит о том, что посткризисный рост агропроизводства в 2000-х гг. происходил в отдельных ареалах и очагах за счет модернизации производства, изменения его специализации, роста производительности труда, при пролонгировании социально-экономической депрессии на огромной территории, *то есть о поляризации и сжатию освоенного сельского пространства России*. Те же процессы роста агропроизводства при тех или иных темпах сокращения посевных площадей (помимо черноземных регионов юга) и поголовья скота повторяются в каждом регионе, что говорит о сильной внутрирегиональной поляризации сельского хозяйства, порой превышающей межрегиональную, и маргинализации периферийных районов. Особенно заметна она в Нечерноземье и на востоке страны. С распадом советской инфраструктуры лесозаготовки также стягиваются в более освоенные зоны и лучше сохранились в сырьевых зонах крупных лесоперерабатывающих предприятий, что тоже усиливает поляризацию сельской местности и маргинализацию периферии. Главными трендами стали сдвиг сельскохозяйственного производства в южные и пригородные районы, лесохозяйственного – к экспортно-ориентированным пограничным регионам, а в староосвоенной зоне – к лучше заселенным территориям.

А. Н. Пилясов

К сожалению, российские экономико-географы, изучая динамику свойств российского пространства, не работают в парадигме федерализма, что могло бы обогатить их достижениями сопредельных дисциплин и углубить понимание пространственных феноменов новой России.

Модели федерализма многих государств мира, особенно обладающих значительной территорией, обычно допускают свободное экспериментирование регионов, которое позволяет федерации потом расширять успешные эксперименты на всю страну. Воспроизводство территориальных различий не отрицает укрепления вертикали федеральной власти. Например, в канадской

федерации, которая более централизована, чем американская, в провинции Альберта региональные власти владеют 80 % земель, в соседней Британской Колумбии федеральное правительство владеет почти 100 % земель.

Современной федеративной модели в России остро не хватает гибкости: однонаправленная централизация не сопровождается компенсирующими амортизаторами, которые способны нейтрализовать, например, отчуждение местных сообществ от природных активов. Логика межрегионального выравнивания на федеральном уровне при значительном уменьшении числа доноров содержит значительные издержки взаимодействия с регионами-реципиентами (определение величины необходимой помощи, дополнительные согласования и др.). Это один путь строительства российского федеративного государства. Другой путь – стимулировать появление новых доноров, с которыми у центра издержки взаимодействия много меньше. Второй путь стимулирует инновационное развитие.

Во всех дискуссиях в России по адекватности современной (очень централизованной, близкой к австралийской, т. е., по сути, почти унитарной) модели федерации современным вызовам, стоящим перед российскими регионами, не учитывается фундаментальное влияние глобализации и растущей наукоемкости мировой экономики. Среда наукоемкой экономики формирует и особые требования к федерализму. В основе любой современной модели федеративного устройства страны теперь лежат факторы знания, плотных информационных сетей. Новый федерализм в эру информатизации неизбежно оказывается более децентрализованным, менее иерархичным. Добиться креативности и конкурентоспособности национальной экономики, которая теперь обеспечивается, прежде всего, за счет нарастания ее инновационности, одновременно с укреплением вертикали федеральной власти невозможно. Нужны элементы децентрализации. Именно знание ограничивает возможности строительства сверхцентрализованной федерации.

Другой фактор, который оказывает воздействие на российский федерализм, – это глобализация. Участие в ней напрямую регионов России тоже объективно ограничивает эффективность вертикали федеральной власти. Сверхзадачей модернизации федеративного хозяйства должно быть не возведение прямолинейной вертикальной управленческой конструкции, а обеспечение конкурентоспособности региональных экономик и, в конечном счете, – конкурентоспособного качества жизни в российских регионах.

Расплата за сверхцентрализацию проявляется прежде всего в прогрессирующем истощении недр. Идеология централизации базируется на неисчерпаемости ресурсов: ресурсы в этой модели не являются ограничителем роста.

Централизованный рост опасен не только отчуждением местной власти и населения от ресурсов территории. По мере истощения ресурсов и нарас-

тания их дифференцированности увеличивается потребность делегировать полномочия по их управлению вниз, в силу ограниченных счетных способностей чиновника федерального уровня. Это именно для истощенных ресурсов важно, для ресурсов в активной фазе роста можно управлять и из центра. В советское время централизованного управления ситуация была иной, ведомственность несла издержки территории, но сама управляемость была возможна в условиях роста всех добычных показателей, а там, где были «сметовые» истощенные ресурсы, там система просто отступала, они временно забрасывались. Нынешняя ситуация истощенных ресурсов принципиально иная, это не повторение конца 1980-х годов, это новое качество и потому возникают еще большие императивы децентрализации.

В нефтегазовой России ресурсы в целом истощены, потому это сильный дополнительный аргумент за децентрализацию управления страной. Возможности узнавания бесчисленных особенностей места сверху очень ограничены. Планировать и управлять недрами только из центра практически невозможно. Сосчитать все по годам, по каждому месторождению страны, учесть триединство интересов (Федерации, ее субъектов, добывающих компаний), организовать информационные потоки, банки и базы информации – это неподъемный труд для центрального аппарата без активного участия субъектов Федерации.

Крепить вертикаль можно на экономическом росте, увеличивая централизованно сплочение нации. Но если при этом региональные власти теряют стимулы расти вслед за федеральным центром, то единственным его союзником в политике роста становятся тогда крупные корпоративные структуры, для которых рост означает увеличение прибыли на растущих рынках. Но тогда рост приводит к хищничеству на месте, любой ценой в условиях рынка означает безработицу, экологические издержки, которые будут вменены центру региональными властями или они не смогут справиться с ними все в большей степени.

Инновационный рост – локализованный, децентрализованный; централизованный рост – экстенсивный, нетворческий. Но нетворческий рост в современной ситуации не может быть устойчивым. Это означает, что нужно делегирование полномочий, иначе раскрепощение инновационных возможностей не будет происходить.

Современная ситуация характеризуется асимметрией между издержками и выгодами: выгоды от эксплуатации наиболее рентабельных видов природных ресурсов концентрирует центр, и издержки остаются на регионах и муниципалитетах. Поднять, например, экологические издержки на федеральный уровень, добываясь соответствия по уровню издержек и выгод, невозможно. Только в случае национальных катастроф экологические издержки признаются центром

как федеральные. Можно опустить уровень получения выгод или изменить формы их распределения. Нарастание централизации приводит к нарастанию отчуждения на локальном уровне от хозяйственной практики на месте.

Ситуация асимметрии, как показывает опыт СССР, может существовать не более двух–трех десятилетий (ведомственность 1960–1980-х годов), затем негативные стороны этой модели приводят ее к сдвигу в сторону большей децентрализации.

Современная централизация – это не просто проблема доноров, состояния бюджета, но глубже, это проблема региональной собственности, региональных прав контроля. В депрессивных республиках нет никакого отчуждения – сохраняется полнота контроля местной власти над аграрными, пусть не слишком привлекательными, ресурсами. С другой стороны, в регионах-донорах – предельное отчуждение власти, населения от ресурсов территории, прав контроля над ними.

О будущем способен думать только собственник. Но это означает, что по мере того, как размываются права региональной собственности, все более распространенной становится установка на временное проживание. Централизация приводит также к утрате стимулов заботиться о сохранении состояния ландшафтов и качества окружающей природной среды. Эти сдвиги в отношениях местных сообществ к пространству и времени происходят постепенно, но в итоге имеют разрушительный характер.

Ю. В. Поросенков

Последние 20 лет – относительно небольшой отрезок времени для того, чтобы выявить закономерности и тенденции формирования ТО российского общества в условиях развития его рыночной экономики. Однако, исходя из общей теории формирования интегральной территориальной структуры общественных систем, можно определить некоторые уже наблюдаемые в настоящее время тренды ее развития. Так, интеграция страны в систему мирохозяйственных связей стала причиной быстрого развития процессов глобализации, которые во все большей степени проявляют себя не только на страновом, но и региональном, и локальном уровнях. Эти процессы имеют универсальный характер и охватывают не только интенсификацию товарооборота, перетока капиталов, внешней миграции, но и общие технологии и идеи.

Вступление России в ВТО как бы юридически завершило такое развитие страны. Глобализация для России имеет не только позитивные, но и негативные последствия. Если страна четко для себя определит свое наиболее вы-

годное место в международном разделении труда, то получит значительный дополнительный стимул своего экономического развития за счет выхода на глобальный рынок. В то же время нужно готовить себя к увеличению конкуренции импортных товаров на внутреннем рынке и свертыванию целых отраслей отечественного производства, что потенциально будет оттеснять Россию в категорию стран, производящих почти исключительно сырье. Одним из последствий глобализации становится все большая зависимость страны от цикличности развития мировой экономики, в том числе регулярное вхождение в мировые финансово-экономические кризисы.

На современном этапе развития страны глобализационные процессы в какой-то степени блокируют развитие ее регионализации, если под ней понимать развитие и укрепление экономических, политических и иных связей между административно-территориальными единицами, входящими в один регион. Процессы регионализации активно использовались в плановой государственной экономике прошлого, в управлении которой экономические районы, выделенные по уровню развития и особенностям специализации хозяйства в системе государственного разделения труда, были объектами долгосрочного экономического планирования. В постсоветский период в условиях приватизации производства экономические связи в пределах прежних ТПК оказались в значительной степени нарушенными. Это сказалось на ослаблении связей внутри экономических районов, которые сохранились как историко-экономическая данность, но оказались ненужными в сложившемся механизме управления страной. На этой основе возникло территориальное несоответствие между экономическими районами и федеральными округами.

Характерной чертой развития современного российского социально-экономического пространства выступает быстрое усиление его контрастности, которое находит свое отражение в процессах централизации и периферизации. В самом общем понимании под централизацией понимается сосредоточение каких-либо видов деятельности населения в небольшом числе социально-экономических регионов и центров. Такие процессы характерны для экономики современной России, где концентрация производства, ВРП, финансовой деятельности, внешнеторгового оборота в небольшом числе субъектов страны в конечном счете находит свое выражение в формировании, с одной стороны, небольшого числа субъектов - спонсоров, а с другой, большого числа субъектов - реципиентов российского бюджета. На уровне субъектов РФ процессы централизации получили свое воплощение в концентрации экономической деятельности и населения в быстро растущих крупногородских агломерациях – административных их центров совместно с пригородной зоной.

В свою очередь, периферия – это внешняя часть, окраина территории, удаленная от центра. Потенциально она обладает менее благоприятными

условиями для своего развития, что приводит к ограничению выбора видов экономической деятельности, более низкому качеству и уровню жизни населения, а подчас и к другому образу жизни, чем в центре региона. Централизация и периферизация социально-экономического пространства тесно связаны между собой: чем выше уровень централизации, тем выше и уровень поляризации территории. С понятием периферизации связаны и процессы маргинализации, под которыми можно понимать такой уровень периферийности, который исключает территорию из общего процесса социально-экономического развития.

Все перечисленные процессы развития российского социально-экономического пространства нашли свое отражение в формировании уровня и качества жизни населения постсоветской России. Существенные различия в уровне жизни населения страны по социальным и профессиональным группам и отдельным регионам существовали на протяжении всего XX века. В их основе лежали неодинаковые природные условия, различия в профессиональной занятости, национальных традициях и типах поселений. Однако в рамках советской идеологии власть не допускала чрезмерно больших различий в уровне жизни населения за счет жесткого регулирования оплаты труда и развития общественных фондов потребления.

В постсоветской России резко выросла поляризация в уровне жизни и сформировались новые различия в образе жизни населения. Для элитарных слоев современного российского общества стандартом выступает образ и уровень жизни так называемого «среднего класса» населения высокоразвитых стран, а российские олигархи в этом отношении ничем не уступают соответствующему слою мировой элиты. В то же время в современной России сформировались обширные маргинальные слои, лишенные возможностей использовать позитивные аспекты «рыночной жизни» и ведущие, подчас, нищенское существование в условиях своего подсобного натурального хозяйства.

А. И. Трейвиш

Первый ряд трендов я бы перестроил и дополнил: глобализация, международная регионализация (интеграция), централизация на уровне государства (этатизация), внутристрановая регионализация, локализация (с вариантами вроде урбанизации либо рурализации). Их можно понимать как тенденции возвышения таксонов данного уровня, усиления их роли в жизни общества, управлении, географическом разделении труда и т. д., в том числе за счёт смежных и конкурирующих уровней.

В 1990-х гг. это выразилось в глобализации вместо интеграции в рамках СЭВа, в регионализации, ослабившей государственный централизм, и часто в урбанистической локализации развития, с которой связаны контрасты между центрами и периферией в регионах. Данные о связях скудны, а по оценкам, обмен между регионами, отнесенный к ВВП страны, после 1990 г. упал с 22 % до 12–14 %. Ещё памятны квазитаможенные огораживания регионов, запреты на вывоз местных продуктов; да и цены на них отставали от транспортных тарифов. Зато конкурентоспособные товары пошли на экспорт за валюту, инвестиции. Разные концы огромной страны осваивали разные внешние рынки и осваивались ими.

Подъем 2000-х гг. сопровождался восстановлением части внутренних экономических связей, но не до советского уровня и без сжатия внешних, кроме связей со странами СНГ и бывшего СЭВа. Глобализация вносит свой вклад в расслоение российского пространства, позиция в котором зависит от отношения регионов и мест к мировой экономике. Адапторы-трансляторы её норм и нужд, экспортно-сырьевые базы, транзитёры, импортёры технологий и просто готовых товаров (представителей последних типов больше) – все заняли свои места.

Периферизация и маргинализация тоже разномасштабны. Россия давно занимает полупериферийное положение в мире, и после 1990 г. признаков маргинальности прибыло, а центральности – убыло. Этому соответствует тренд сжатия внутренней «ойкумены» к архипелагу центров среди океана периферии. А встречное расширение коммерческого, коммуникационного и IT-пространств запаздывает или носит односторонний потребительский характер, делая разрывы в уровне и образе жизни центров и периферий всё более наглядными, но не менее резкими.

Глобализация теснит локальные слои хозяйства и жизни, порой на удивление слабо с ними взаимодействуя. Трудно не задуматься о парадоксах глобализации, видя на прилавке в Карелии банки с китайскими грибами, а блюда из мороженой морской рыбы – в приволжском ресторане (хотя личные погреба и базары полны дарами местной природы). И не вспомнить Ф. Броделя: древний, когда-то повсеместный “инфраслой” мелкого хозяйства и обменов слабеет, маргинализируется, но пока живёт.

Вопрос об их соотносительной устойчивости и перспективах – это, по сути, вопрос о нашей потребительской безопасности. Если верить тем, кто, видя в глобализации циклический процесс, сулит её нынешней волне скорый спад, и сопоставить их прогноз с тенденцией к оскудению наших земель, то есть о чём заботиться. На официальном языке это зовётся заботой о малом бизнесе. Он нужнее всего вдали от центров, если там нет нефти или банков. Но 41 % малых предприятий (и 46 % микропредприятий, где занято до 15 чел.)

с 50 % (62 %) оборотов приходится на 6 крупногородских регионов, включая два столичных, с 27% населения страны.

Пространство России таково, что волны инноваций и модернизаций с трудом добираются до обширной периферии. Используя типы микрорайонов Е. Е. Лейзеровича, было посчитано, что периферия, занимая в начале 2000-х гг. около 3/4 территории даже Европейской России, имела на ней 1/4 населения, а районы центрального типа – свыше 35 % населения на 15 % площади.

Когда импульсы реального развития не доходят до глубинки, а СМИ формируют заманчивый гламурный образ центров, получается эффект Тяни-Толкая (push-pull effect). Или “если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе”, что и показано на условной схеме.

Встречные направления потоков информации и мигрантов

Каковы пределы сжатия планетарной и российской “ойкумен”? Смотря как считать (см. таблицу). Чтобы построить всех землян, каждого на 1 м², хватит датского о. Зеландия. Одноэтажный дом для них (20 м² на душу) займет территорию Непала или Бангладеш. Для прокорма на пашне (по норме 0,23 га, фактической среднемировой) нужно распахать почти всю Россию. С лугами и пастбищами (0,4 га, как в Китае) требуется вся Африка. Для России цифры куда меньше. Наш общий дом уместится в Ингушетии, интенсивное земледелие прокормит за счёт Южного округа, даже без полупустынь, а 3,5% земель России (с Черноземьем) хватит и для более привольной жизни.

Площади для компактного помещения жителей Земли и России

Норма, м ² /чел.	1	20	2300	4000
Для жителей	Площадь в км ² , ниже примеры территорий с близкими размерами			
Земли (7 млрд чел.)	7000 о. Зеландия	140000 Непал	16100000 Россия	28000000 Африка
России (143 млн чел.)	143 г. Кострома	2860 Ингушетия	328900 ЮФО	572000 ЮФО+ЦЧР

Практического смысла в таких расчётах, конечно, нет. Они показывают только, как сильно зависит потребное пространство от образа действий в нём, сколь велик контраст между его общими размерами и площадями, где люди, в принципе, могут быть скучены. В России он огромен!

Г. М. Фёдоров

Важнейшими трендами развития российского социально-экономического пространства в постсоветский период являются глобализация и сопутствующая ей регионализация. В свою очередь, усиление регионализации сопровождается возрастанием межрегиональных и центр-периферийных различий, что обуславливает централизацию и усиление периферийности, вплоть до маргинализации наиболее отсталых, преимущественно аграрных, периферийных регионов. В итоге все более усиливаются территориальные различия в уровне, качестве и образе жизни населения.

А. И. Чистобаев

И глобализация, и регионализация, и централизация, и усиление периферийности, обуславливающее маргинализацию людей, имеют место в постсоветской России. Все эти процессы происходят как по объективным, так и субъективным причинам. Среди последних – принятие на веру и в качестве руководства к действию со стороны отечественных управленцев (и, чего греха таить, некоторых географов-обществоведов) рекомендаций западных партнёров по поводу управления развитием и территориальной организацией хозяйства и расселения на территории России. Заговорили на Западе, скажем, о выгодах глобализации для всего населения мира, и российские лица, принимающие решения, верят в это, перестраивают экономику на соответствующий лад. То же самое характерно и для централизации экономической деятельности: в одних странах она даёт немалый социально-экономический эффект, в других, включая РФ, она может привести к разделу территории. Следствием глобализации и централизации является усиление периферийности, а следствием последней – маргинализация. Что касается регионализации (она находится в явном противоречии с глобализацией), то она всегда была присуща нашей стране в силу её специфики. Отсюда и высокая значимость географической науки для бывшего СССР и современной России.

И в самом деле: можно ли сравнивать роль социально-экономико-географических факторов в формировании производственных комплексов и систем расселения, например, в Нидерландах и у нас, в России? Даже постановка такого вопроса наивна. Но почему же мы должны принимать на веру рекомендации проживающих в маленькой стране голландцев по обеспечению устойчивого развития российских регионов? Этот вопрос поставлен не абстрактно: на рубеже веков голландцы выполняли для Санкт-Петербурга и Ленинградской области исследования по названной проблематике и, разумеется, не бесплатно. После них пришлось заново осуществлять ту же работу, на этот раз – собственными силами. Или другой известный пример: разработка Генерального плана Перми архитекторами стран Северной Европы. В обоих случаях исполнители оконфузились, о чём сообщалось в СМИ, но должных выводов, похоже, не сделано.

На фоне вышесказанного нет смысла подробно останавливаться на вопросе о том, как названные процессы повлияли на уровень и образ жизни российских людей, поскольку ответ очевиден: по-разному. Тот слой населения, который именует себя элитой (это – слой негодяев), в ходе этих процессов неслыханно ранее обогатился и, оберегая свой капитал, всё делает во вред «соотечественникам» (в кавычках, потому что это отребье я не хотел бы считать своими соотечественниками). Эта «элита» вывезла за рубеж народные деньги, приобрела там недвижимость и обустроила территорию, заплатила тамошним университетам за обучение детей, выгодно трудоустроила их в транснациональных компаниях, заинтересованных в российском сырье, знающих ментальность нашего народа. Другой слой российских людей влачит жалкое существование, с болью в сердце смотрит на заросшие поля, вырубленные леса, разрушенные фабрики и заводы.

Такое расслоение российского общества не сулит ничего хорошего ни богатым, ни бедным, оно не может длиться долго. Богачи, украв у нас деньги, построив на них за рубежом дворцы и замки, яхты с позолоченными унитазами, вряд ли счастливы в этой жизни, ибо их жизнь – не «человеков разумных», а идиотов, не осознающих мерзости своей жизни, не имеющих Отечества, не испытывающих чувства долга перед народом, поскольку ни Родины, ни своего народа у них нет. Предвижу улыбки на некоторых лицах читающих эти строки – ведь есть мнение, что «патриотизм – последнее убежище подонка». Слышал я эти слова в свой адрес, они и сейчас придают мне дополнительные силы. Я горжусь, что живу в России, где, к сожалению, так много нерешённых проблем. Уверен, что я в этом смысле не одинок, не исключение. Более того, число российских патриотов быстро растёт.

М. Д. Шарыгин

Социально-экономическое пространство России является частью планетарного пространства и искусственная его изоляция наносит ущерб стране и мировому хозяйству. Поэтому снятие «железного занавеса» было закономерным явлением, которое раскрыло простор для всех процессов глобализации: политических, экономических, культурных, туристских и т. д. Но мир уже стал однополюсным, товарные рынки сформировались, культурные ценности определились, конкуренты объединились. Россия предстала перед миром как догоняющая страна с огромным природно-ресурсным потенциалом и мощными научными центрами. Россия вступила в ВТО с ресурсными товарами, в Болонский процесс – с «перекачкой мозгов» в другие страны, что принижает роль страны в территориальном разделении труда, науки, искусства и информации. В это же время страна становится импортозависимой в таких сферах, как машины, станки, оборудование, самолеты, швейные изделия, продукты и т. д. Выход из сложившегося положения видится в создании Евразийского Союза, ориентации на инновационные технологии, поддержке собственного производителя, модернизации социэкономике.

Процессы глобализации протекают в тесном контакте с процессами регионализации, что позволяет сохранить индивидуальность каждой территории. Хозяйственная специализация регионов, сбалансированность функционирования общероссийского и региональных рынков стимулирует участие в мирохозяйственных связях единым мощным конкурентоспособным Евразийским Союзом.

Повышение статуса и самостоятельности функционирования регионов расширило возможности территориального саморазвития, самоуправления, самоорганизации всех сфер жизнедеятельности населения. Появилась потребность поиска не только внутренних резервов, но и привлечения инвестиций со стороны государства и частных отечественных и зарубежных инвесторов. В каждом регионе формируется свой инвестиционный климат, включающий инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, инвестиционное законодательство.

Одним из резервов является раскрепощение населения, предоставление возможностей для проявления индивидуальных способностей и реализации внутреннего потенциала каждого человека. При этом интенсивно генерируется энергия и возрастает производство товаров, услуг, информации. В конкретных пунктах могут появиться новые источники активизации и возникнуть своеобразные технопарки – фокусы будущего роста. Ими могут оказаться творческие личности и первичные общности людей, деятельность которых носит преобразовательный характер и распространяется на остальную территорию региона.

Открытость российского пространства также сказалась на образе жизни людей. Появились элементы гражданского общества, о чем свидетельствуют митинги, прошедшие в конце 2011 г. во многих городах страны.

Повышенная подвижность населения привела к росту его концентрации в крупнейших городах, расширению периферийности и усилению опустынивания сельской местности. Обострились проблемы развития моногородов, поселков городского типа и малых деревень. Возросли различия между городским и сельским уровнем и образом жизни, социальными ориентирами горожан и селян.

В. А. Шупер

Главная проблема нашей страны – не в социальном расслоении, как это весьма часто утверждается. Действительно, значение коэффициента Джини у нас существенно выше, чем в ЕС, особенно в Скандинавских странах, но практически на уровне США и ниже Бразилии. Наше главное «диалектическое противоречие» – между высоким уровнем социального расслоения и вполне социалистическим менталитетом населения, требующим от государства патернализма, при одинаково низком моральном уровне и власти, и бизнеса, что не дает последнему никакого морального превосходства над первым и делает привлекательным далеко не для самых порядочных и принципиальных.

«Вообще для русских характерна привязанность скорее к их «малой родине», чем к стране в целом... Американцы гордятся своей принадлежностью к нации индивидуалистов, но на деле они скорее конформисты. Русские, наоборот, стремятся жить в созданных ими самими мирах, что приводит к их выдающимся достижениям в искусстве и литературе... Русские как люди не чувствуют друг с другом родства. Напротив, чувство, что они окружены врагами, есть как у государства, так и у каждого отдельно взятого человека по отношению к своим согражданам» – пишет Р. Пайпс (2011 г.). По его мнению, в России так и не сложилась гражданская нация. Так это или нет, но гражданское общество действительно лишь изредка подает признаки жизни на бескрайних просторах нашей родины с ее крайне разреженным расселением. Пока только Бразилия, если не считать стран переселенческого капитализма, может вдохновить нас успешным развитием, но это страна с совершенно другой демографической ситуацией.

При более благоприятной демографической ситуации можно было бы и нам надеяться на пробуждение нации, которая первым делом заставит власть с собой считаться, но также возьмется, засучив рукава, за решение

не только текущих, но и стратегических задач. Тогда пространства могли бы сыграть важную мобилизующую роль, а не быть поносимыми как фактор, постоянно толкающий страну на путь экстенсивного развития. Но на что можно мобилизовать стареющую и вымирающую страну (которой, по мнению Ж.А. Зайончковской, нужно привлекать по миллиону мигрантов в год, а при таком притоке бессмысленно даже ставить задачу ассимиляции или хотя бы интеграции «новых россиян») – сказать трудно.

2.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КАКОВЫ ПУТИ РЕШЕНИЯ?

2.1. БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ И ЛИМИТИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: ВЗГЛЯД ГЕОГРАФА-ОБЩЕСТВОВЕДА

П. Я. Бакланов

В социально-экономическом развитии России и ее регионов имеется много благоприятствующих и лимитирующих факторов. Глубоко оценить весь их баланс не может ни экономист, ни юрист, ни географ-обществовед. Нужны комплексные исследования и оценки. Наша задача – вычленить географические факторы регионального развития и дать их содержательные оценки для отдельных регионов и, видимо, страны в целом.

Таковыми (географическими) факторами регионального развития являются:

1. Экономико-географическое и геополитическое положение региона (страны).
2. Природно-ресурсный потенциал, его размещение и динамика. Территориальные и акваториальные сочетания природных ресурсов.
3. Природные условия и процессы, в том числе экстремальные. Их географическая дифференциация.
4. Основные территориальные структуры, в том числе хозяйственные и социально-экономические, тенденции их инерционности и динамики. Сложившаяся территориальная организация хозяйства (ТОХ) и общества (ТОО).
5. Эколого-географические проблемы и ограничения.

Для содержательной оценки этих факторов, их долговременного действия, необходима система географического членения, зонирования и районирования территории и морских акваторий, в том числе:

- физико-географическое районирование;
- природно-ресурсное, с выделением территориальных сочетаний (систем) природных ресурсов;
- функциональное зонирование с выделением приоритетных видов природопользования и ограничений;
- экономическое, в более полном виде – социально-экономическое районирование на макро-, мезо- и микроуровнях. Следует подчеркнуть, что экономическое районирование является в то же время и частью ТОХ и ТОО.

Одной из важнейших проблем современного развития России, имеющей большое экономико-географическое содержание, является резкое сужение обрабатывающего сектора экономики и преимущественное лидерство сырьевого. При этом накопление отрицательных последствий в регионе, напри-

мер, в Дальневосточном, происходит по всему кругу: мало современных обрабатывающих производств, сокращается добавленная стоимость, места занятых, причем – высокой квалификации, сокращаются доходы и инвестиции, возрастает неуверенность в завтрашнем дне и – отток населения, прежде всего молодежи. Представляется, в этой связи, что не зря из российской экономической географии «изживаются» идеи и конструкции энергопроизводственных циклов, территориально-производственных комплексов и систем. Сегодня «не в почете» изучение процессов комбинирования и комплексирования, так как они резко сужены и в действительности. «Высоконаучные разговоры» о постиндустриальном этапе общественного развития доходят до того, что вся индустриальная производственная сфера и ее исследования рассматриваются как чуть ли не анахронизм, пережитки прошлого. Да, действительно в общественной деятельности, в валовом внутреннем продукте в целом значительно возросла доля сферы обслуживания населения (в том числе за счет торговли, включая ее многие посреднические звенья связи, часто – гипертрофированной сферы финансовых, сервисных и страховых услуг и т.п.). При этом в возрастающих объемах продолжают добывать все основные виды природных ресурсов (нефть, газ, уголь, металлы, лес, химическое сырье, строительные материалы и др.).

В обществе используются, а следовательно и производятся, не только новые товары (компьютеры, сотовые телефоны, цифровое телевидение и др.), но и практически все виды старых: самолеты, автомобили, сельхозтехника, железнодорожный транспорт, морские суда, строительная техника, машины и оборудование для электростанций, а также – для всех самых различных добывающих и обрабатывающих производств, строительные материалы, оборудование и др. Разумеется, все эти товары, предметы совершенствуются, обновляются. Представим себе, что будет с экономикой любой развитой страны или региона при исключении из пользования какого-нибудь из этих товаров?

В территориальной организации все подобные процессы, безусловно, проявляются. Как указывалось выше, растут и расширяются звенья социальной инфраструктуры; более обширными, вплоть до глобальных, становятся рыночные зоны на многие виды товаров; возрастает их динамичность.

Тем не менее, основой экономики, хозяйства региона, страны является производственная сфера, хотя относительно и сокращающаяся. Соответственно, основой ТОО являются территориальные социально-экономические и территориальные хозяйственные структуры, которые изменяются в пространстве и во времени. Изучение того, как те или иные изменения отдельных элементов, в том числе и крупные инвестиционные проекты, «вписываются» в ТСЭС, включая и их сопряжения с природно-ресурсной средой, – важнейшая задача современной социально-экономической географии.

А для этого необходимо выделять и изучать разноранговые территориальные структуры хозяйств и ТСЭС в целом.

Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие в конце XX – начале XXI в. внесли много нового не только в отраслевые структуры хозяйства многих стран и регионов, но и в территориальную организацию. Процессы глобализации и прогресс в транспортной сфере существенно расширили рыночное пространство для многих видов товаров и услуг. Одновременно усилилась конкуренция однородных товаров и услуг, производимых в разных регионах мира. Эти же тенденции усиливают новые достижения в сфере коммуникаций. Развитие торговли через Интернет ведет к тому, что теоретически любая географическая точка может включаться в рынок (по спросу).

Рынок на определенный вид товара или услуг – явление, во многом, экономико-географическое. Любой рынок – это пересечение пространства спроса и пространства предложения определенного товара или услуги, как правило, достаточно четко определяемое на территории. Можно говорить о таких параметрах рынка, как площадь соответствующей территории, компактность или рассредоточенность, общая емкость, плотность, равномерность, устойчивость, динамичность.

Возможна ситуация, когда пространство потенциального спроса и пространство потенциального предложения пересечены не полностью. То есть, в течение определенного времени может существовать неудовлетворенный спрос и нереализованное предложение. Подобные части пространств и соответствующие им территориальные зоны также следует считать элементами рынка. В целом они обеспечивают определенную динамичность, гибкость рынка, подвижность его границ.

В последнее время существенно усилилось пересечение рынков как однородных, так и разнородных товаров и услуг. Например – рынки на различные автомобили, компьютеры, многие виды продовольствия. Теоретически наличие рынка спроса, да и предложения возможно в любой географической точке, до которой имеется транспортная доступность для доставки товара и связи через интернет – для заказа товара, как и предложений для рекламы.

Таким образом, рынки, как рыночные зоны, становятся важнейшей частью территориальных хозяйственных структур. Для отдельных производственных предприятий всегда существуют рынки ресурсов и рынки сбыта различных видов их готовой продукции. В более строгом виде такие рынки (в виде рыночных зон) формируются ресурсными и потребительскими структурами предприятий и потенциальными структурными звеньями (Бакланов, 2007).

Для производственных предприятий, компаний, в связи с ростом пересечения их рынков, резко увеличилась гибкость, динамичность связей как по

исходным ресурсам, так и по готовой продукции. В звеньях производитель – потребитель продукции появилось большое количество посредников – различных торговых, логистических фирм, которые перетягивают на себя функции организации поставок, снабжения ресурсами, реализации готовой продукции, слежения за их продвижением, а с другой стороны – ведут к росту добавленной стоимости на товары и услуги. Кроме того, в последнее время появилось много компаний, фирм, выполняющих не прямые производственные функции, а не менее важные экономические: финансово-кредитные, страховые, маркетинговые, консалтинговые, научно-образовательные и другие. Все подобные компании, фирмы, их филиалы, представительства имеют свое размещение и формируют свои связи и сопряжения с производственными и хозяйственными предприятиями, с объектами социальной инфраструктуры. То есть, все они включаются в те или иные ТСЭС.

В целом можно говорить о формировании в настоящее время кластерно-сетевой территориальной структуры хозяйства. В таких структурах выделяются:

- кластеры (территориальные сочетания) предприятий, компаний, выпускающих однородную продукцию и услуги;
- кластеры (территориальные сочетания) технологически взаимосвязанных предприятий, например, сборочных со смежниками;
- линейно-узловые структуры и сети, формируемые практически каждым предприятием из этих кластеров в процессе получения ресурсов и реализации готовой продукции и услуг в форме соответствующих рыночных структур;
- рыночные зоны, как территории, в пределах которых замыкаются рыночные структуры отдельных производственных предприятий и их локальных сочетаний – экономических центров.

Накладываясь друг на друга и взаимодействуя отдельными звеньями между собой, подобные кластерно-сетевые структуры образуют основной территориальный слой хозяйственных структур. Множество посреднических и вспомогательных структурных звеньев (с их связями и сопряжениями с основными) также образуют кластерно-сетевые обслуживающие структуры. В негенерализованном виде подобные кластерно-сетевые структуры представлены большим множеством предприятий, компаний, сконцентрированных в поселениях, в том числе в городах, связанных разнообразными вещественными, энергетическими, финансовыми, информационными потоками и связями, звеньями транспортной и энергетической инфраструктуры, другими коммуникациями.

В целом следует отметить возрастание на новом этапе связей и сопряжений производственных, хозяйственных звеньев структуры с социальными. Во-первых, происходит значительное расширение и увеличение сферы сервиса, обслуживания населения самыми различными видами товаров и услуг.

Такие компании, фирмы, с одной стороны, замыкаются на обслуживаемое население, а с другой, – на производственные предприятия, производящие соответствующие товары и услуги народного потребления. Таким образом, появилось большое количество новых структурных звеньев хозяйства, замыкающихся на большие группы населения непосредственно.

В связи с этим наиболее устойчивые, тесные и разнообразные (как непосредственные, так и опосредованные) связи и сопряжения стали формироваться в поселениях, особенно – в городах и агломерациях. Можно полагать, что в городских поселениях реализуется наиболее полная система связей и сопряжений между хозяйственными, социальными и инфраструктурными объектами и элементами. Другими словами – процессы комплексообразования на современном этапе реализуются более полно в социально-экономической сфере на локальном уровне. Одновременно на этом же уровне складывается наиболее «сгущенное», «многослойное» рыночное пространство. Периферийные части рыночных зон выходят далеко за пределы городов и агломераций, однако, наиболее многомерным и пересечённым является рыночное пространство в зонах влияния крупных городов и агломераций.

Поэтому, именно поселения с входящими и выходящими из них транспортными сетями и коммуникациями следует рассматривать в качестве основных структурных звеньев и в ТСЭС, и в современной территориальной организации общества.

А. Г. Дружинин

Региональное социально-экономическое развитие в современном мире детерминировано широчайшей палитрой факторов; число последних растёт, меняются доминанты, а продуцируемые ими эффекты поливекторны, неустойчивы, противоречивы.

Причинность социально-экономической ситуации в том или ином регионе современной России обусловлена сложным переплетением общественно-географических обстоятельств, спонтанно видоизменяющихся в глобальной трансформации конца XX – начала XXI вв. **Лимитирующие развитие факторы**, при этом, полагаю, оказались в целом многочисленнее, чем благоприятствующие; влияние их весомее, масштабнее по своим территориальным проявлениям.

Общемировой тренд последовательного повышения роли нематериальных, в том числе транзакционных факторов регионального социально-экономического развития (институция, организация, информация) в Рос-

сии проявляется с параллельным существенно возросшим (в контексте рыночных изменений и новой геоэкономической позиции) воздействием природно-географических (в том числе и ресурсных) детерминант, а также особенностей экономико-географического положения. Аспектное (но яркое!) свидетельство тому – масштабный «отток» населения из северо-восточных регионов страны (за последние двадцать лет число жителей Магаданской области сократилась в 2,4 раза, Чукотского АО в 3,2 раза и т. д.). Столь же показателен выраженный «сдвиг» сельскохозяйственной активности в зоны с наиболее благоприятными природно-климатическими условиями (на Юге России, к примеру, за 1990-е гг. сокращение площади пашни варьировало от 2,7-кратного в Калмыкии до 7 %-го в лидирующем по агроклиматическим условиям Краснодарском крае). О приоритетном влиянии на российскую ТОО фактора природно-ресурсной ренты свидетельствуют также демографическая притягательность и относительное социально-экономическое благополучие основных энергосырьевых регионов. Так, за постсоветское двадцатилетие численность населения Ханты-Мансийского АО выросла в 1,2 раза, Ямало-Ненецкого АО – на 12 %; среднедушевые доходы в них в настоящее время в 1,9 и 2,3 раза соответственно выше, чем в среднем по РФ.

Наряду с природно-географической детерминантой, в постсоветский период на региональное социально-экономическое развитие возросло влияние положения территории в общероссийской и макрорегиональной иерархии, «накопленного» ею в предшествующие периоды культурного, демографического и инфраструктурного потенциала. Дополнительные возможности, при этом, обрели важнейшие узловые элементы российской ТОО, способные улавливать и аккумулировать ренту по местоположению: столичные центры с развитыми управленческо-перераспределительными функциями, портовые города, любые иные крупные «сгустки» населения и инфраструктуры с хорошей логистикой. Вне их (в ситуации практически тотальной депопуляции, маргинализации, нестыковки спроса и предложения на те или иные профессиональные компетенции, эрозии системы образования) идёт устойчивая деградация «фактора труд» и декапитализация. В ситуации перманентного роста транспортных и транзакционных издержек сама обширность российской территории, разреженность её хозяйственного и поселенческого каркаса всё в возрастающей мере проявляет себя в качестве «антифактора» регионального социально-экономического развития. При этом повсеместно наблюдается фактическая *«глокализация факторов»*, ситуация, когда универсальный тренд в условиях каждого конкретного региона обретает собственную специфику в зависимости от позиционных, ресурсных и структурных особенностей территории.

Рентоориентированность создала (и продолжает создавать) весомые социально-экономические преимущества территориям, способным генери-

ровать (и, что ещё существеннее, улавливать) ренту. Она же консервирует региональную структуру, тормозит необходимые изменения. Концентрация активов, завышенная стоимость недвижимости и рабочей силы, равно как и «накачка» территорий бюджетными средствами – все эти имманентные тому или иному региону обстоятельства в современном российском контексте фактического «конфликта факторов» (следствия конфликтов моделей социально-экономического развития: рентоориентированной сырьевой и инновационной; экстравертной, геоэкономически открытой, и «замкнутой» на евразийском пространстве, на её доминантом центре) как благоприятствуют, так и препятствуют социально-экономическому развитию.

Разворачивающаяся глобализация, в частности, содействовала обособлению группы территорий-лидеров (успешно реализующих свои позиционные и иные возможности, прежде всего, в форме внешнеэкономических связей); она же высветила условность, относительность имеющегося у части регионов позитива, селективно теряющих и столь же аспектно наращивающих свой потенциал по мере роста мирохозяйственной открытости.

Так, к примеру, ареалы локализации важнейших компонент природно-ресурсного потенциала страны (контролируемые, кстати, инорегиональным бизнесом, что для соответствующих регионов само по себе «антифактор») преимущественно удалены от важнейших центров потребления и требуют повышенных издержек на добычу и транспортировку. Обширные морские побережья на значительном своём протяжении периферийны к основным коммуникационным линиям, инфраструктурно не обустроены и относятся к неблагоприятным природно-климатическим зонам. Тяготеющие к западному и юго-западному пограничью России фрагменты основной оси её селитебного и хозяйственного освоения в большинстве ситуаций в социально-экономическом отношении уступают «трансграничным» соседям. Так, по оси «Карелия – Финляндия» различия в плотности населения 4,5-кратные, валового продукта – 16,5-кратные. Псковская область уступает Эстония по аналогичным показателям соответственно в 2,4 и 7,3 раза, Смоленская область отстаёт от Беларуси в 2,5 и 4,8 раза, Ростовская область от Донецкой области Украины в 4 и 1,7 раза, Краснодарский край от Турции – в 1,5 и 1,7 раза. Для целого ряда российских регионов, в этой ситуации, пока во многом нереализованным фактором социально-экономического развития выступает налаживание эффективных *трансграничных взаимосвязей* (в рамках «еврорегионов», различных метарегиональных образований). Не менее важной является и общая целенаправленная организация общероссийского (и шире, в целом евразийского) пространства, реализация системных технико-технологических и организационно-экономических мер по повышению его «связанности».

Иная возможность социально-экономического роста (продуцируемая

глобализацией, агломерационными эффектами и рентоориентированностью российского ТОО) связана с управленческим, перераспределительным и сервисным потенциалом крупнейших российских городов-метрополий (характерно, что душевой валовой продукт в Московском регионе составляет около 60 % от аналогичного показателя по штату Калифорния, т. е. в целом приближается к уровню глобальных лидеров), диффузией генерируемых ими позитивных социально-экономических эффектов на сопредельные территории. Способность последних «притягивать» инвестиции и технологические достижения, при этом, в существенной мере предопределяется не только инфраструктурными и маркетинговыми обстоятельствами, но и ментально-психологическими особенностями территориальных общностей, практиками регионального менеджмента, наличием необходимых институтов согласования интересов регионов и корпораций.

«Догоняющее», «восстановительное», в существенной мере стимулируемое федеральными бюджетными трансфертами развитие традиционных российских регионов-аутсайдеров в целом ряде ситуаций (особенно Северного Кавказа) дополнительно иницируется прирастающим демографо-экономическим потенциалом, способностью «вписаться» в квазирыночный контекст, миграционной активностью. Наиболее убедителен здесь пример Дагестана, за неполные пятнадцать лет фактически удвоившего свою долю в суммарном российском ВРП, добившегося существенного снижения безработицы и продемонстрировавшего наивысшие на Юге России темпы роста душевых доходов. В основе подобного рывка – опережающий рост поступлений от предпринимательской деятельности и, особенно, так называемых «других» («скрытых») доходов (чья доля в Дагестане вдвое выше, чем в среднем по России).

Для всех без исключения российских регионов динамика, в итоге, становится *мультифакторной*; возможность реализации позитивных и «блокировки» (минимизации) негативных факторов (и их эффектов) выходит на первый план, а безусловным приоритетом социально-экономического развития той или иной конкретной территории выступает наращивание её позиционных преимуществ в иерархической архитектонике территориальной организации общества.

Н. Н. Клюев

В постсоветских условиях гораздо ярче проявляется рента плодородия и рента положения.

Благополучие нынешних «регионов-доноров» – это, в решающей степени, наследие советского прошлого, обеспеченное промышленным и транспортным строительством, вложением крупных средств в социальную инфраструктуру. В основном в советский период сформировались и региональные интеллектуальный и инновационный потенциалы. Ресурсы недр также большей частью разведаны ещё советскими геологами. Таким образом, современное относительное благополучие передовых регионов – это, в основном, не их заслуга.

Либерализация внешней торговли дифференцировала предприятия (а значит, и места, где они локализуются) на экспортно-ориентированные и работающие преимущественно на внутренний рынок. Первые, используя природную ренту и созданные ранее производственные фонды, получили при этом большие преимущества, стали анклавными относительного экономического благополучия.

Анализ соотношения душевого ВРП и продолжительности жизни показывает, что «богатые и здоровые» регионы России представлены субъектами федерации, эксплуатирующими статусно-столичную и природную ренту.

О. В. Кузнецова

Социально-экономическое развитие регионов России в значительной степени определяется, конечно, общими условиями ведения предпринимательской деятельности в стране, спецификой проведения реформ в социальной сфере и т. д. Тем не менее, действительно есть целый ряд факторов, традиционно изучаемых географами, которые сдерживают экономический рост в регионах, и эти факторы нельзя не учитывать.

Так, одним из лимитирующих факторов социально-экономического развития регионов является северное их положение. Суть проблемы здесь достаточно очевидна. В условиях Крайнего Севера существенно выше издержки на строительство, на содержание зданий (хотя бы в силу более продолжительного отопительного сезона), на заработную плату работникам (которым тоже приходится больше платить за ЖКХ, а также за продукты питания). В результате в северных регионах развиваются, условно говоря, два вида деятельности: добыча полезных ископаемых (которая ведется там, где есть полезные ископае-

ных) и производство потребительских товаров для местных нужд (зачастую произвести продукцию на месте оказывается все же дешевле, чем завести ее из других регионов). Третий важнейший вид деятельности – производство продукции обрабатывающих отраслей промышленности на внешние рынки (рынки других регионов) – не развивается или развивается крайне слабо, поскольку инвесторы вполне благоразумно предпочитают выбирать более южные регионы, где их издержки будут ниже. Таким образом, северные регионы заведомо обречены на довольно узкую отраслевую специализацию.

В демографических характеристиках важна, во-первых, численность населения крупнейшего города региона. Из теорий регионального роста следует, что если на территории региона нет крупных экономических центров, он заведомо обречен на определенное отставание в социально-экономическом развитии. Второй и даже более важный лимитирующий фактор – низкая плотность населения. Конкретным проявлением этого фактора в России является дифференциация между западной и восточной ее частями. Если предпринимателем стоит выбор, в каком регионе разместить производство товаров, ориентированное на общероссийский рынок, он никогда не выберет восточные регионы, поскольку его издержки на доставку продукции до потребителя будут заведомо большими.

Важным лимитирующим фактором является также недостаточный уровень развития инфраструктуры. При этом возможны два вида ситуаций. Первая – неразвитость инфраструктуры как таковой (транспортная изолированность регионов, отсутствие железных и автомобильных дорог, отсутствие развитой энергетики). Такая ситуация характерна для восточной части страны, где имеет место незавершенность формирования связывающего территории транспортного каркаса, наличие территорий с немалой численностью населения, не имеющих выхода в транспортную сеть страны (отсутствие железнодорожного сообщения со значимыми для востока страны городами).

Второй вариант – это отставание уровня развития инфраструктуры от потребностей социально-экономического развития, в том числе отставание темпов развития инфраструктуры в крупнейших городских агломерациях от темпов роста самих агломераций. Это наиболее очевидно в Москве, где одновременно имеют место перегруженность и общественного транспорта, и дорог для личных автомобилей, дефицит электроэнергии, недостаточные темпы жилищного строительства. В более плотнозаселенной западной части страны существует объективная потребность в росте объемов автомобильных перевозок, что сталкивается с недостаточной пропускной способностью и невысоким качеством автомобильных дорог.

Уровень развития инфраструктуры как ограничитель социально-экономического развития ярко проявляется на внутрирегиональном уровне, когда инвесторы не приходят в периферийные регионы из-за их транс-

портной оторванности. Ограничителем развития может выступать и низкий уровень развития социальной инфраструктуры. Даже если инвестор готов рассматривать возможность реализации инвестиционного проекта в периферийном регионе, он зачастую отказывается от этой идеи, поскольку понимает, что привлечь топ-менеджмент, квалифицированных специалистов в регион с низким уровнем жизни будет весьма затруднительно (это потребует по меньшей мере более высоких заработных плат).

Еще один ограничитель экономического роста регионов – низкий стартовый уровень экономического развития, который имеет по меньшей мере два проявления. Первое – дефицит внутренних инвестиционных ресурсов. Убыточность предприятий региона, небольшие их масштабы не позволяют аккумулировать достаточные ресурсы для реализации инвестиционных проектов, позволяющих продвигаться вперед. Упование в этом случае на развитие малого бизнеса, сферы услуг оказывается неоправданным, поскольку у населения нет денег не только на организацию собственного бизнеса, но и на потребление услуг. В такой ситуации можно надеяться только на сторонних инвесторов, но они могут придти только в том случае, если у отстающего в экономическом отношении региона есть какие-то конкурентные преимущества, что бывает крайне редко.

Второе проявление низкого стартового уровня развития – это недостаточный уровень развития профессионального образования, научных исследований, высокотехнологичных производств. Развитие профессионального образования, научных школ требует многих лет, и на пустом месте высокотехнологичные производства не появляются.

Конечно, рассматривая благоприятствующие и лимитирующие факторы социально-экономического развития российских регионов, очень важно говорить о социально-экономической политике государства (в том числе инвестиционной политике региональных властей), об институтах развития и т. д. Однако, как представляется, зачастую роль объективных лимитирующих факторов развития территорий сильно преуменьшается, если не вообще сбрасывается со счетов. Хотя учет таких факторов в социально-экономической политике государства крайне важен.

Т. Г. Нефёдова

На развитие и привлекательность городов, помимо размера, влияет их статус (особенно столиц регионов) и агломерационный эффект. Например, в 2005–2007 гг. из 100 тыс. чел. чистого миграционного прироста городского населения средних городов половину обеспечила Московская область. Но еще

четверть – города Юга Европейской России. Миграционно привлекательными остаются и некоторые небольшие города в нефтедобывающих районах.

Среди огромного разнообразия географических факторов, влияющих на возможности и ограничения развития *сельской местности*, можно выделить три основных: 1) *природные ресурсы и условия*, 2) *экономико-географическое положение, прежде всего удаленность от городов разного размера и транспортных магистралей, как воплощение центрально-периферийных различий*, и 3) *этнический состав населения*. Эти три объективных фактора в условиях России в совокупности определяют разнообразие многих остальных параметров, причем не только для сельской местности, но и для малых и средних городов: плотность, состав и миграции населения, его менталитет и традиции хозяйствования, транспортную и социальную инфраструктуру территории, экономическую специализацию и взаимоотношения с потребителями продукции и, даже, результаты деятельности, включая ее эффективность. Безусловно, сказывается унаследованность советской производственной структуры и всегда остается место исторически возникшим уникальным традициям, роли личности и даже случайности. Тем не менее, для данных макроэкономических и институциональных условий знание *направления и ширины коридора возможного развития конкретных мест и их географических типов*, во многом обусловленных сочетанием указанных трех географических факторов, позволяет систематизировать пространственные различия и избежать волюнтаристских решений.

Поляризация сельской местности и усиление влияния городов в наибольшей степени актуальна для Нечерноземья, где (в результате длительного оттока и отрицательного социального отбора населения) за пределами пригородных и отчасти полупригородных районов произошла деградация социальной среды. Важна она и для некоторых восточных районов, где фактор усиливающегося в последние 20 лет оттока населения за пределами пригородных очагов сочетается со сложностью природных условий и необустроенностью. Это ограничивает экономическую диффузию агрохолдингов в маргинальные районы, несмотря на наличие активов для покупки (депрессивные агропредприятия) и необработываемых земель. Поэтому они стремятся (например, московские агрохолдинги) в зону, переходную от Нечерноземья к Черноземью (где также сильны центрально-периферийные различия, много депрессивных предприятий, но человеческий потенциал сохранился чуть лучше) или южнее. В последнем случае они попадают в зону острых земельных конфликтов и интенсивную конкурентную среду, в ряде районов ограниченную срастанием бизнеса с властью.

В южных районах удаленность от крупных центров и низкая плотность более активного населения не является препятствием для развития. Здесь спе-

циализация и часто результаты деятельности во многом зависят от характера природных предпосылок и этнического состава населения.

Таким образом, определение конкурентных преимуществ как малых и средних городов, так и сельской местности не должно основываться только на агломерационном эффекте, что активно муссируется в последнее время. Хотя для значительной части территории России он оказывает на ее развитие огромное влияние.

А. Н. Пилясов

В советское время в среде социально-экономических географов была эйфория по части возможностей для развития одной шестой части мировой суши. Лидеры советской экономической географии, например Ю. Г. Саушкин, хорошо отразили эту атмосферу жизнеутверждающего послевоенного оптимизма по поводу возможностей территориального развития СССР. В новейшее время эта интеллектуальная ситуация сменилась на прямо противоположную – какие могут быть шансы у страны с огромной северной и арктической зоной, все производственные издержки которой существенно выше, чем у других. В условиях глобализации она по большинству направлений экономического развития неконкурентоспособна. Только ее нефтегазовые ресурсы могут представлять интерес для мировой экономики, но для национальной экономики, которая опирается только на них, не нужна такая численность населения.

Я думаю, что обе крайности ошибочны. В современной России есть значительные ресурсы для социально-экономического развития как национального, так и ее регионов. Это природные, интеллектуальные ресурсы, выгодное транзитное положение, ресурсы самих колоссальных российских пространств, которые можно конвертировать в аграрную, рекреационную, природно-ресурсную деятельность. Огромные возможности связаны с умелой конвертацией природной ренты в интеллектуальную, проще говоря – выращивании университетов и новых научно-исследовательских центров на нефтегазовых доходах, трансформации невозобновимых ресурсов энергоносителей и возобновляемые ресурсы нового знания, нового интеллекта.

Но я также убежден, что для активизации позитивных и нейтрализации негативных факторов развития российских регионов нельзя сохранять современное статус-кво в административном делении страны, что обязательно нужно провести укрупнение субъектов Российской Федерации. Вместо игр с часовыми поясами неотложно необходима продуманная, выверенная ре-

форма государственно-территориального устройства России – во имя создания экономически самостоятельных и политически сильных новых субъектов Российской Федерации. Это, одновременно, неизбежно обеспечит и большую децентрализацию российских государственных институтов, необходимость в которой давно назрела.

Ю. В. Поросенков

Выделение основных благоприятствующих и лимитирующих факторов социально-экономического развития страны можно осуществить по таким их аспектам, как географическое положение, природные предпосылки, социальные, экономические, политические и институциональные факторы. При этом, сферы основных благоприятствующих факторов развития страны можно определить следующим образом: географическое положение между основными мировыми ядрами социально-экономического развития – европейским и восточно-азиатским; сохранение функций социально-экономического и культурно-исторического ядра СНГ; богатейший в мире природно-ресурсный потенциал для промышленной деятельности; большой агропромышленный потенциал; большая численность населения и трудовых ресурсов; высокий профессионально-образовательный уровень населения; концентрация населения в крупных городах и городских агломерациях, что создает благоприятные предпосылки для инновационных видов деятельности; емкий внутренний рынок; высокий технологический уровень производства в сфере ОПК; сохранившиеся, хотя в ослабленном виде, хозяйственный комплекс и транспортная система страны; преемственность «крепкой» политической власти как один из элементов менталитета значительной части народа; сохранение статуса «великой державы» и одной из крупнейших военных держав, особенно в сфере ядерного и ракетно-космического вооружения; богатый предшествующий опыт управления процессами территориальной организации общества.

Несмотря на наличие этих благоприятных условий и факторов, более быстрое социально-экономическое развитие страны пока блокируется большим числом лимитирующих явлений и процессов, среди которых можно отметить следующие. Являясь одной из самых северных (в Северо-Восточной Евразии) стран мира, Россия характеризуется все более возрастающими затратами в процессе освоения своего природно-ресурсного потенциала. Значительная широтная протяженность в пределах многих часовых поясов. Выход на западе к внутренним морям (Балтийское, Черное), морские проливы из ко-

торых в Атлантический океан находятся под контролем других стран. Сложное геополитическое положение между военным блоком НАТО на западе, крайнем северо-востоке и потенциально второй супердержавой (Китай) на юго-востоке. Наличие новых трансграничных государств между Россией и Евросоюзом. Сложность для хозяйственного освоения значительной части территории страны (зона многолетней мерзлоты и высокогорные районы). Расположенность основных сельскохозяйственных районов в зоне рискованного земледелия. Удаленность основной части территории страны от морских побережий и соответствующей транспортной инфраструктуры. Существенные колебания погодных явлений по годам и сезонам, что неизбежно отражается на результатах хозяйственной деятельности. Систематическое проявление во многих районах страны (наряду с техногенными) катастрофических природных явлений: землетрясений, лесных пожаров, наводнений, схода лавин, засухи, смерчей и града. В связи с исключительно большой территорией страны значительная удаленность ее основных социально-экономических центров друг от друга. Низкий уровень заселенности страны и резкая ее контрастность, с одной стороны, основной полосы расселения, а с другой, – резервных территорий и территорий пионерного освоения. Явно недостаточный демографический и трудовые ресурсы потенциал по сравнению с величиной территории и природно-ресурсным потенциалом страны. Устойчивая депопуляция населения, которая в ближайшие годы будет нарастать. «Утечка мозгов» – миграционный отток высококвалифицированных кадров из страны. Диспропорция в развитии сферы профессиональной подготовки населения и востребованностью специалистов со стороны хозяйства и общества. Сложная этноконфессиональная структура населения и этноконфессиональные процессы, которые требуют научной разработки и реализации соответствующей общегосударственной и региональной политики. Резкая диспропорция в системе расселения населения страны, в первую очередь, между крупногородскими агломерациями (крупными городами), сельской местностью, мелкими и средними городами и городскими поселениями. Исторически сложившийся «сырьевой» характер экономики. Отсталая отраслевая и технологическая структура производства. Высокий уровень теневой экономики и коррупции в стране. Недоразвитость финансовой инфраструктуры и неблагоприятный в стране инвестиционный климат. Высокий удельный вес ОПК среди высокотехнологических отраслей. Недостаточно высокий морально-профессиональный уровень экономической элиты. Безинициативность определенной части населения и сомнения в справедливости существующего резкого разрыва в уровне жизни населения: с одной стороны, – немногочисленной элиты, а с другой – значительной части населения с низким уровнем жизни. Слабая структуризация политических отношений и недоразвитость

большинства политических партий. Частое реформирование политического механизма в интересах конкретных политических лидеров. Не всегда четкое распределение функций между законодательной, исполнительной и судебной властью. Административный фактор в системе экономических и политических отношений. Ангажированность властью значительной части средств массовой информации (газет, телевидения). Правовой федерализм страны и финансовая унитарность ее государственного устройства. Недостаточно четкое распределение функций государственной власти и местного самоуправления. Элементы субъективности во взаимодействии федеральной власти с субъектами федерации. Наличие элементов «телефонного права» в системе судебно-правовой власти. Случаи «ручного управления» в разрешении территориальных и локальных проблем.

При другом уровне генерализации число благоприятствующих и лимитирующих факторов социально-экономического развития регионов России можно увеличить, но уже приведенный их перечень помогает ответить на один из вопросов общественного мнения: «Если страна так богата природными ресурсами, то почему ее жители так бедны?». В условиях современной системы мирохозяйственных связей богатство страны природными ресурсами еще не дает гарантию высокого уровня жизни ее населения. Значительная часть приведенных условий и факторов имеют не только общенациональное значение, но и обладают четкой региональной обусловленностью. В результате, одной из задач комплексного социально-экономико-географического исследования страны должна выступать типология субъектов РФ по условиям и факторам их социально-экономического развития.

А. И. Трейвиш

Формулировки опять надо бы уточнить. Во-первых, факторы и (или) условия? Исповедуя подход А.П. Горкина и Л.В. Смирнягина, я принимаю за фактор, зависящий от времени (эпохи) спрос на территорию, её ресурсы, а за условие – предложение, обстоятельство места. Их «игра» порождает само развитие (хотя игры нет, если нет выбора). В этой трактовке факторы близки к универсальным трендам и шире сильно варьирующих условий. Во-вторых, каков масштаб условий: среднестрановой, привязанный к типам регионов? Попробую охарактеризовать факторы и общероссийские условия в основном регионального развития экономики, иначе изложение затянется.

К глобальным факторам последних десятилетий отнесу такие: развитие постиндустриальной экономики знаний, досуга и т. д., электронных, генных

и прочих технологий, гибких инновационных фирм, так или иначе связанных с международным капиталом, рост разнообразия товаров и услуг, колебания макроэкономических параметров, цен на сырьё и топливо... Как ни тяни фразу, всё в ней не уместить – факторов много. Важнее их географические следствия, результаты встречи с наличными условиями.

«Постиндустриализация» отстаёт в мировой торговле, как и при былых макросдвигах, тем более что есть услуги «неторгуемые». Во многих странах, включая Россию, вклад услуг и знаний в ВВП ниже их доли по занятым. Регионов с преобладанием третичного сектора занятости у нас тоже больше, чем по составу продукта, а у полутора-двух десятков гипериндустриальных – промышленность обеспечивает не менее 1/2 ВВП. Почти все они сырьевые и формируют лицо страны в мире, наполняют её бюджет. Постиндустриальной либо постаграрной третичной экономикой к 2006 г. обладало немногим большее число регионов, но сдвиги в эту сторону в структуре занятий были практически повсеместными.

Промышленный потенциал всё же размещен по российской территории равномернее сервисного и, особенно, информационного. Помогает ли это развитию страны или его лимитирует? Ответ зависит от модели развития и от характера самого потенциала. При сырьевой модели о равномерности речи нет вообще. Она обеспечивалась скорее старыми активами обрабатывающих отраслей, многие из которых не преодолели постсоветского кризиса. Кроме того, при своём климате, расстояниях, коррупции, дефиците кадров Россия и большинство её регионов не очень конкурентоспособны на рынках массовых и недорогих готовых изделий, когда важен каждый цент издержек.

Значит, ей не подходит и китайская модель. А переход от сырьевой модели к экосервисной лимитирует «неторгуемость» ряда подобных услуг, отсутствие их развитых рынков. Инвестировать же в Россию, как в мировой биосферный заповедник, капитал готов ещё меньше, чем в развитие тут самых передовых отраслей. Впрочем, это может быть делом времени.

Зато налицо такие выгодные условия, как образовательный уровень и творческий потенциал россиян, их склонность к техноинновациям, привитые сложной историей адаптивность и мобильность. Они позволяют надеяться на успех модернизационных усилий, хотя проблем с их реализацией немало. Тут предстоит нащупать баланс между эксклюзивными прорывными проектами (типа Сколково) и реанимацией советского научно-технического наследия во многих регионах. Да, в России немного мест, способных стать мощными инновационными кластерами, но их не так уж и мало. Как минимум, важно не растерять то самое наследие и качества человеческого капитала.

Такие географические условия, как размеры страны, её заселенность и суровые природные условия, слабо изменимы, но не фатальны ни в каком

смысле. Вопрос в их адекватном учёте и обустройстве хотя бы обитаемой трети территории. Даже по этим 5–6 млн км², не говоря об 11 млн пустынных, можно расплыться, растратив средства на утопические суперпроекты. А если вести дело так, как с автомагистралью «Амур» или с «Сапсаном», чья средняя скорость на пути из Москвы в Нижний Новгород не выше 100 км/ч, то не стоит и браться. По плотности железных дорог на всей территории мы близки к Австралии, а общая длина автодорог меньше, чем у всех стран-гигантов и даже чем у Японии и Франции; по обеспеченности ими Россия «соперничает» с Афганистаном и Ливией. Проблема налицо, и очень серьёзная. Кстати, восприятие размеров страны как стимула и барьера развития исторически изменчиво и зависит от способов, удобств, затрат времени и денег на их пересечение (см. ответ на вопрос 2.7).

На мой взгляд, только преодолев в очередной раз вопиющие факты отставания, мы сможем реально использовать преимущества большого и разнообразного по своим условиям пространства. Наладить интенсивные и выгодные взаимодействия в нём, в том числе «горизонтальные», а не только через главные центры (как известно, сейчас местные дороги зачастую рвутся, становятся непроезжими у границ регионов, будто эти рубежи – немирные политические). А также связи этого пространства с внешним миром и разных миров – через него (старая и слабо реализуемая идея трансевроазиатского транспортного моста). В общем, найти достойное место России и её регионов во всемирном разделении труда.

Г. М. Фёдоров

К благоприятствующим факторам социально-экономического развития всех регионов России относятся общие институциональные факторы федерального уровня, общие стандарты: экономические (единое экономическое пространство страны, расширяющееся за счет создания Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана) и социальные (государственный язык, общенациональные системы образования и здравоохранения и т. д.). Природное и социально-экономическое разнообразие регионов также может играть позитивную роль, способствуя углублению внутрироссийского территориального разделения труда.

Лимитирующие факторы развития, общие для всех российских регионов, также носят, прежде всего, институциональный характер – это бюрократизация и коррупция. Кроме того, проблемой является недостаточное, часто неудовлетворительное развитие производственной и социальной инфраструктуры.

Для регионов различных типов, различающихся по совокупности природных и социально-экономических показателей, и благоприятствующие, и лимитирующие факторы различны. Поэтому, необходима типологизация регионов для обеспечения дифференцированного подхода к регулированию социально-экономических процессов в регионах разного типа.

А. И. Чистобаев

По-моему, факторы социально-экономического развития нельзя чётко разделить на благоприятствующие и лимитирующие, поскольку они динамичны и дифференцируются как в пространстве, так и во времени. Кроме того, они зависят и от восприятия ситуации людьми. Один и тот же фактор может оказывать прямо противоположное влияние на социально-экономическое развитие регионов, расположенных в разных природных зонах. Например, длительное отсутствие дождей, низкая влажность воздуха для тундры благо, для степей бедствие. Или другой пример: уровень квалификации ненцев в северном оленеводстве несравненно выше, чем у пришлого населения. Но на шахтах Печорского угольного бассейна (в прошлом эта территория находилась в Ненецком округе) картина обратная: там нет ненцев, поскольку их квалификация (как бы старательно их ни учили) в этом виде труда «нулевая», говорить о производительности труда вообще не приходится.

Степень благоприятности природных факторов социально-экономического развития также весьма относительна. Так, природные условия Тверской области благоприятствуют специализации сельского хозяйства на возделывании льна-долгунца, а Брянской области – льна-кудряша. Проживающие в Киргизии дунгане выращивают превосходный сладкий чеснок, а титульное население той же страны занимается преимущественно животноводством. Как видим, и в данном случае одни и те же факторы по-разному влияют на структуру и специализацию хозяйства, а в сопряжении с профессионально-этническими навыками населения – и на уровень социально-экономического развития.

И, конечно, при оценке факторов социально-экономического развития регионов России нельзя не принять во внимание научно-технический прогресс, особенно в развитии технологий. Ещё сравнительно недавно нефелины (сопутствующая составляющая апатито-нефелиновых руд) отправлялись в «хвосты», сегодня этот природный ресурс служит сырьём для алюминиевой промышленности. О наличии бокситов на Ворыквинском месторождении (Средний Тиман) было известно давно, но они не осваивались, поскольку из-за содержания в них побочных примесей не было соответствующих технологий, а сегодня они есть, месторождение разрабатывается. В перспективе то же самое будет ха-

рактерно для Пудожгорского месторождения железных руд, Удоканского месторождения меди и многих других видов полезных ископаемых.

Однако нельзя не признать наличие удорожающих факторов производства на огромной территории Российского Севера. Они есть и существенно ограничивают круг осваиваемых ресурсов, отраслей промышленности и, тем более, сельского хозяйства. Это обстоятельство дало повод зарубежным специалистам утверждать о неразумной, по их мнению, региональной политике в бывшем СССР, обусловившей (вследствие освоения восточных и северных территорий) огромный ущерб для экономики, для решения социальных проблем. Вслед за ними о том же самом стали говорить и писать некоторые отечественные географы-обществоведы. Много шума произвела книга А. Паршева «Почему Россия не Америка», в которой обосновывался тот же вывод.

Спрашивается: как бы ныне жили пока ещё преуспевающие европейцы без российского газа, без российской нефти? И за счёт чего пополнялся бы российский бюджет? И кому бы принадлежали северные территории, если бы там не добывались не только нефть и природный газ, но и алмазы, золото, медно-никелевые, апатито-нефелиновые, железные и марганцевые руды, бокситы, каменный уголь? Вряд ли надо отвечать на поставленные вопросы: ответ, как говорится, и дураку ясен. Ведь без освоения полезных ископаемых на этих территориях проживали бы только малочисленные народы Севера, но и для них жизнь не была бы лучше.

М. Д. Шарыгин

Все факторы социально-экономического развития российских регионов можно подразделить на внешние и внутренние. Среди внешних факторов выделяются процессы глобализации и развитие планетарного пространства, уровень социально-экономического развития страны, сложившаяся политическая ситуация, степень сформированности общероссийского рынка, система территориального разделения труда и т. д.

Так под влиянием глобализации российские регионы приобретают новые стимулы развития, среди которых:

- социальная направленность региональной экономики, превалирование нравственных принципов в конкурентной борьбе за рынки сбыта товаров и услуг;

- трансформация традиционной экономики в неοэкономику с доминированием третичного и последующих (более высоких) секторов и наукоемких технологий;

- инновационные поиски и снижение инвестиционных рисков и др.

Реализация этих и других стимулов способствует развитию регионов и достижению стратегических целей по достижению высокого качества жизни населения на основе конкурентоспособной экономики. Процесс реализации, к сожалению, сдерживается целой совокупностью факторов. Среди них:

- отсутствие надлежащего правового обеспечения на всех уровнях территориального управления;
- постоянный дефицит инвестиционного обеспечения;
- высокий уровень теневой экономики;
- наличие коррупции и криминализации в экономической и управленческой сферах;
- низкий жизненный уровень населения, наличие сравнительно высокой безработицы и др.

Среди внутренних факторов наиболее мощное влияние оказывает региональный потенциал, включающий совокупность частных потенциалов. Среди них:

- 1) геополитический потенциал, определяемый географическим положением, общественно-политическими условиями и факторами развития;
- 2) природный потенциал – природные ресурсы и условия, которые окружают человека и используются им для обеспечения своей жизнедеятельности. Это силы природы, которые непосредственно задействованы в материальном и нематериальном производстве для удовлетворения потребностей общества. В условиях рынка они приобретают стоимостную форму, обеспечивают поступления в бюджеты регионов, составляют материальную основу роста благосостояния населения региона;
- 3) производственный потенциал – это материально-техническая база территории, овлеществленный капитал (фонды) в производственной и непроизводственной сферах;
- 4) демографический потенциал (трудовой) – численность и качество населения, его половозрастная структура. Характеризуется возможностью вовлечения активной части населения, трудовых ресурсов в производство;
- 5) потенциал социальной сферы, определяемый возможностями функционирования здравоохранения, образования, культуры, ЖКХ, торговли, сферы общественного питания и др.;
- 6) духовный потенциал определяется историческим опытом общества, традициями, состоянием науки, культуры, образования;
- 7) управленческий потенциал определяется уровнем кадров, состоянием организационных форм, методов управления и т. п.;
- 8) финансовый потенциал – финансовые ресурсы региона и возможности их привлечения и др.

Эффективное использование внутреннего потенциала сдерживается лимитирующими факторами объективного и субъективного характера. За-

метное влияние на структуру и функции экономики регионов оказывает их внутриматериковое размещение и отсутствие современной транспортной инфраструктуры, ограничение транспортно-экономических связей и разобщенность регионов в социально-экономическом пространстве страны. С трудом воспринимается тот факт, что в XXI столетии между двумя соседними регионами (Пермским краем и Республикой Коми) отсутствует наземная транспортная связь.

Социально-экономическое развитие российских регионов сдерживается отсутствием научно обоснованной региональной стратегии и политики, наличием монопольных структур и недостаточным развитием малого и среднего предпринимательства, слабостью многих региональных бюджетов и нестабильностью функционирования кредитно-финансовой и банковской системы, низким уровнем исполнения законодательных актов и др.

В. А. Шупер

Самое удивительное для географа-обществоведа – это ослабление эффектов позиционности на весьма зрелой стадии социально-экономического развития. В США мысль о том, что качество места становится важнее его географического положения популяризирует Джоэл Коткин, давая при этом достойную отповедь разглагольствованиям о «конце географии», которая на самом деле не кончается, а меняется. У нас эту идею развивает вдохновенный певец всего нового, прогрессивного, американского Л. В. Смирнягин. Только в постиндустриальной Западной Европе богатейшие страны могут не иметь выхода к морю; в других регионах, равно как и в самой Западной Европе до середины XX в., ничего подобного не наблюдается.

Можно предположить, что и в российских регионах все большее значение как фактор развития будет приобретать социальная инфраструктура в понимании Б. Н. Зимина (1929–1995). Этот исключительно самобытный мыслитель, чьи концепции не получили должного распространения в силу плохого состояния здоровья их творца, много лет почти не выходявшего из дома, понимал социальную инфраструктуру не как университеты, библиотеки и театры, а как *образ трудового мышления населения*. Библиотеки и театры, разумеется, тоже включались Зиминим в социальную инфраструктуру, но не играли определяющей роли.

Если второй по людности город Алтайского края – Бийск – приспособился к реалиям постсоветского периода много успешней третьего города – Рубцовска, то отнюдь не в силу более благоприятного экономико-

географического положения (ЭГП). Напротив, ЭГП значительно благоприятней у Рубцовска, расположенного на Турксибе у самой границы с Казахстаном. После распада СССР он стал воротами в Россию для большой и развитой в хозяйственном отношении Восточно-Казахстанской обл., прежде всего – для Семипалатинска (Семея), до которого менее 150 км и который вдвое крупней Рубцовска. Бийск же – железнодорожный тупик в 170 км от Барнаула. Однако в Бийске в советские времена производилось ракетное топливо, что обусловило существенно более высокую квалификацию рабочей силы, чем в Рубцовске, где выпускались трактора, сельхозтехника, а на самом современном предприятии – ходовая часть для гусеничной бронетехники.

Подобные явления наблюдаются и на уровне регионов, причем не только в аспекте образовательного и квалификационного уровня населения. Так, А. Н. Пилясов, выступая на методологическом семинаре ИГРАН, характеризовал население Псковской обл. как сонное, безинициативное, существенно отличающееся от значительно более предприимчивых новгородцев. Очень важно, что социальная инфраструктура не вполне может быть охарактеризована традиционными показателями – через образовательный уровень населения, отраслевую структуру хозяйства и т. п. При всем огромном значении, придававшемся категории ЭГП, географы так и не преуспели в его измерении. Пожалуй, одной из лучших идей остается работа В. С. Варламова почти полувекковой давности, где в качестве мерил ЭГП предлагаются суммарные издержки потребителей производимой в данном месте продукции. Едва ли такой подход существенно пригодится при изучении «экономики услуг». Если не найдем в себе сил научиться хоть сколько-нибудь удовлетворительно параметризовать социальную инфраструктуру, опять все сведется к словам, пусть и красивым, а иногда даже умным.

2.2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

А. Г. Дружинин

Наблюдаемый ныне выраженный сырьевой «крен» российской экономики – факт (и, отчасти, продукт) её географии и истории (Дружинин, 1994), итог перманентной и жёсткой геоэкономической конкуренции. Лишь на относительно коротких временных интервалах территориально-хозяйственная система России являла и «несырьевые» черты. Предопределялось это успехами очередного культурно-технологического «рывка», корреспондирующего с ситуативными позиционными обстоятельствами: обретением страной (рядом её регионов) «центрально-полупериферийных» функций в евразийском (в Российской Империи) и планетарном (в советский период) масштабе.

Географические последствия природно-ресурсной детерминации по множеству аспектов неблагоприятны. Это и гиперзависимость от внешних рынков (доступа на них, их ритмики), «вымывание» из страны финансово-инвестиционных ресурсов и квалифицированных кадров, т.е., в целом, **прогрессирующая периферийность территориальной социально-экономической системы России**; и связанная с недооценённостью «фактора труд» (за рамками высокодоходных сырьевых отраслей и столичных центров) перспектива маргинализации и депопуляции; и складывающаяся масштабная (по многим аспектам неэффективная) система межтерриториально-го и межотраслевого перераспределения ресурсной ренты, продуцирующая пространственные социально-экономические контрасты, дальнейшее хозяйственное и демографическое «опустынивание» значительной части территорий; и, разумеется, экологическая деструкция, деградация важнейших компонент природно-ресурсного потенциала.

Для современной России фундаментальная общественно-географическая проблема заключается, впрочем, не только в преимущественных поставках на мировой рынок нефти, природного газа, леса, металлов, но и в том, **как (и в чьих интересах) реализуется сырьевая специализация**. В ситуации, когда наша сырьевая рента ориентирована на развитие и обустройство российской территории, её социально-экономическую модернизацию и интеграцию лишь отчасти, а в основном – на стимулирование дальнейшей опережающей динамики центров глобальной экономики и, соответственно, последующее воспроизводство отечественной сырьевой «колеи», страна всё больше теря-

ет способность (мотивацию, волю) к реализации альтернативной экономической модели.

Н. Н. Клюев

Усиление дисбаланса в системе «производство – потребление – экспорт добытого минерального сырья и продукции его переработки» закрепляет сугубо сырьевой статус России, её прогрессирующее отставание от экономического авангарда планеты.

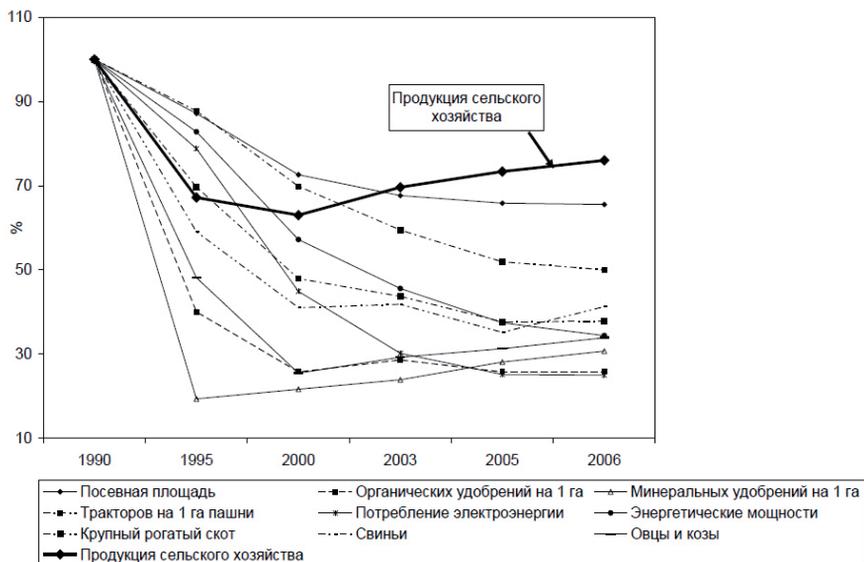
В процессе вывоза природных ресурсов из страны, по сути, экспортируется и ассимиляционный потенциал природных ландшафтов – их способность противостоять хозяйственным воздействиям. Нарращивание «экспорта» отечественных ландшафтов нельзя считать «рациональным» включением в международное разделение труда. Низкий уровень платежей отечественных экспортеров за энергию, землю, минеральное сырьё, загрязнение окружающей среды означает присвоение и беспощинный вывоз экологического ресурса страны – ренты от использования ассимиляционного потенциала природной среды.

Анализ постсоветских изменений эколого-экономических параметров показывает, что они не являются результатом целенаправленной природоохранной политики, поэтому весьма хаотичны. В то же время можно отметить некоторое оздоровление производства в европейской части страны и неустойчивую тенденцию ухудшения экологических характеристик промышленности в азиатской России и на севере европейской её территории, особенно в нефтегаздобывающих районах, выступающих главными «валютными цехами» страны (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий АО). Получается, что поставки на мировой рынок углеводородного сырья сопровождаются всё большим удельным нарушением отечественных ландшафтов; экологическая цена валютной выручки постепенно возрастает.

На первый взгляд, наблюдающаяся аграризация региональных структур – усиление в них роли аграрной сферы – это несомненный «плюс» с экологических позиций, ибо сельское хозяйство базируется на использовании возобновимых ресурсов. Однако, аграрная сфера у нас развивается чрезвычайно своеобразно и, к сожалению, неэкологично.

Сельскохозяйственное производство сокращается намного меньше, чем используемые ресурсы овеществленного труда (см. рисунок). На единицу продукции расходуется всё меньше ресурсов. Это – **«псевдо-интенсификация»** отечественного аграрного сектора. Прирост производства в пореформенном сельском хозяйстве достигается не за счет повышения технического уровня

(применения производительных машин, удобрений, новых технологий и т. п.), а за счёт усиления эксплуатации земельных ресурсов, «проедания» почвенного плодородия, а также ужесточения эксплуатации труда, прежде всего труда доиндустриальной эпохи – мускульной силы человека в личных подсобных хозяйствах населения, ставших ныне основными кормильцами страны. Особенно сильно этот процесс выражен в Саратовской, Омской, Тамбовской областях.

Индексы показателей сельского хозяйства РФ, % (1990 г.=100 %)

К началу 1990-х гг. на российских пахотных почвах был создан запас питательных веществ, но ныне баланс безнадежно отрицательный. Некомпенсируемое (внесением удобрений) земледелие, «проедание» почвенного плодородия сопровождается концентрацией сельского хозяйства на лучших землях, выводом из хозяйственного оборота менее продуктивных земель. Это чревато быстрым превращением лучших земель в бедленды; в дальнейшем неизбежно перемещение сельского хозяйства на менее плодородные земли, их последующая «бедлендизация» и т. д.

Чрезмерная эксплуатация природных ресурсов (здесь, прежде всего, биологических ресурсов) нашим бедным народом – важное условие его выживания. Население выживает за счет подрыва экологического потенциала страны – почвенного плодородия, браконьерства, незаконных рубок леса, самозаготовок дров, самозахвата земель и т. п. Кстати, на другом социальном

полюсе – богатое меньшинство нашего общества процветает на эксплуатации ресурсов литосферы, тоже чрезмерной эксплуатации. В целом же – усиливается влияние природно-географических факторов в жизни общества.

О. В. Кузнецова

Сырьевая специализация российской экономики существует в условиях, когда осваиваемые месторождения полезных ископаемых расположены в основном в малоосвоенных и малообжитых регионах. Поэтому возникает постоянная дилемма, на что тратить бюджетные средства – на обустройство инфраструктуры несырьевых, но плотнозаселенных регионов, создавая тем самым условия для развития обрабатывающей и, в том числе, высокотехнологичной промышленности, или же на обустройство инфраструктуры сырьевых территорий. С одной стороны, заниматься освоением новых территорий не имеет особого смысла, с другой стороны, без добычи полезных ископаемых Россия существовать не может. В итоге на сырьевые проекты тратятся значительные средства.

Н. С. Мироненко

История экономического развития показывает, что отдельные страны могут быстро разбогатеть при неожиданном открытии больших запасов сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Повысить уровень экспорта можно и при существенном росте мировых цен на уже разрабатываемые ресурсы, что, например, было характерным для стран ОПЕК в 1970-е гг. и последующие кризисные «пики» соотношения спроса и предложения нефти на мировом рынке.

Эффект огромных изменений благодаря открытию новых запасов углеводородов и повышения цен на них настолько негативно сказывается на макроструктуре хозяйства, уровне и направлении иностранных инвестиций, составе экспорта и на валютном курсе страны, что в журнале “Economist” (1977 г.) этот эффект получил название «голландской болезни», связанной с открытием в Нидерландах в 1959 г. месторождений природного газа. Вслед за этим последовало падение экспорта продукции обрабатывающей промышленности, увеличение инфляции и безработицы. А дополнительный приток иностранной валюты в добывающий сектор в конечном счете привел к реальному повышению курса национальной валюты и, следовательно, повы-

шению внутренних и экспортных цен. В перспективе “голландская болезнь” приводит к переводу ресурсов из обрабатывающего сектора в сырьевой и третичный. Последние создают меньшую величину добавленной стоимости, что понижает суммарный ВВП страны.

Более наглядное объяснение механизма «голландской болезни» можно получить с помощью теоремы Рыбчинского с такими допущениями: неизменные цены, наличие в экономике только двух секторов. Исходя из этих допущений, количественный рост одного из факторов производства (капитал, труд, земля) ведет к сокращению объемов выпуска одного из секторов экономики страны (Rybczynski, 1955; Киреев, 1997). **Перемещение экономических ресурсов** в добычу нефти и газа в течение определенного периода приводит к росту доходов населения. Последующее повышение цен на нефть и газ вызывает новую фазу «голландской болезни», в которой происходит снижение доходов населения, отток ресурсов из топливного сектора, вновь укрепляются позиции традиционных экспортных отраслей обрабатывающей промышленности.

Таким образом, согласно теореме Рыбчинского, «голландская болезнь» приводит на тот или иной по продолжительности период к сокращению производства несырьевых экспортных товаров. Как уже отмечалось, это связано с тем, что рост ВВП при буме в сфере добычи природных ресурсов приводит к оттоку капиталовложений (инвестиций) из ранее традиционного для страны экспортного обрабатывающего производства и их притоку в первичный (ресурсный) сектор. В 1981 г. это явление подробно исследовал Эллман, причем его работа была посвящена не столько проблемам связи открытия крупных месторождений газа и нефти и роста обменного курса валюты, сколько неэффективному вложению государством углеводородных доходов в социальную сферу (Ellman, 1981). Эмпирический анализ американских исследователей Дж.Сакса, А.Уорнера и Ф. Ларрена корреляции между долей ресурсного сектора в ВВП и темпами экономического развития (за период с очень высоким ростом мировой торговли в связи со снижением цен на транспортировку грузов – 1970–1990 гг.) установил обратную связь и привел к выводу: чем больше доля ресурсной составляющей в ВВП, тем меньше стимулов к движению вперед (Sachs, Warner, 1995; Сакс, Ларрен, 1996).

Россия по структуре экономики – “углеводородная” страна. Вполне закономерно, что российское хозяйство поразила “голландская болезнь”. Рост ВВП обеспечивается преимущественно ростом цен на энергоносители, что снижает ее конкурентоспособность в международном разделении труда и ведет к существенным рискам для экономической безопасности. И риски возрастают в связи с ролью России в глобальной геополитике, т. е. как супердержавы с некоторыми оговорками, которая наряду с США определяет соотношение сил в системе мирового порядка.

“Голландская болезнь” в России проявляется продолжительно и в очень тяжелой форме (Нидерланды «болели» не столь долго по сравнению с Россией – несколько меньше одного десятилетия). Давление экспорта углеводов на отечественную экономику существенно снижает ее конкурентоспособность в системе мирового хозяйства. Более того, тяжелая форма болезни приводит к деградации и даже потере пропульсивных наукоемких отраслей. Падение рентабельности в передовых отраслях из-за повышающего давления экспорта углеводов ведет не только к технологическому отставанию, но и к сохранению некро-экономики, производящей малозначимые или даже ненужные для рынка товары и не нуждающейся в серьезном обновлении технологии и притоке иностранных инвестиций (Папова В., 2009). Исходя из сложившейся ситуации, которая обладает долгосрочной инерционностью, остро стоит проблема сценариев (моделей), по которым будет развиваться экономика России в ближайшие 15–20 лет.

Другим фактором, угрожающим экономической устойчивости нашей страны, может стать так называемая «сланцевая революция», широко обсуждаемая как в научных публикациях, так и в СМИ. Данная революция (иногда ее уже называют «сланцевой лихорадкой» по аналогии с крупнейшей «золотой лихорадкой» в США в XIX в. в Северной Калифорнии и на Аляске) также связана, в первую очередь, с территорией США. Точнее, с месторождением Баккен (штаты Вайоминг, Монтана и Северная Дакота). Вторым крупнейшим месторождением является Найобрара (в пограничье Дакоты и Небраски). По данным же Аналитического портала химической промышленности (Россия), общие потенциальные ресурсы горючих сланцев оцениваются в 650 трлн тонн, из них 430–450 трлн тонн в США (штаты Колорадо, Юта, Вайоминг), на втором месте – Россия, на третьем – Бразилия. Россия обладает 12–13 % мировых запасов нефти, 42 % природного газа, около 20 % каменного и 32 % других углей, не считая огромных запасов альтернативных видов топлива, к которым относятся горючие сланцы (Сланцевая отрасль, 2011). В России известные крупные сланцевые месторождения находятся в Ленинградской области, Приволжье, также в Печоро-Тиманском и Вычегодском бассейнах. Однако их разработка нуждается в инвестициях, особенно в разведку и новые технологии.

В Соединенных Штатах интенсивно разрабатываются технологии по добыче газа и нефти, повышающие их рентабельность. Огромные перспективы, частично реализованные, в добыче нефти и природного газа на территории США могут закрыть для углеводородов из России часть крупнейших рынков Северной Америки, Канады, возможно, Европы. Пока идут дискуссии о «сланцевой революции», в печати все больше распространяется информация об интенсивной разработке нефти в Баккене, о резком снижении себестоимости ее добычи. Исключать то, что компании по добыче газа и нефти из

сланцев станут одними из крупнейших игроков на мировом рынке углеводородов, нельзя. Если резко возрастет предложение, цены станут ниже.

Многие достаточно обоснованные модели строятся на идеях умеренного либерализма. Они базируются на категории саморазвития национального хозяйства в рамках перехода (трансформации) к высшим и лучшим формам в условиях полноценного участия в глобальных и региональных процессах международного разделения труда. Как отмечал В. Л. Цымбурский о либеральном (великом в его изложении) мировидении: «Мир как он есть возник в силу определенного случайного стечения обстоятельств. Нарушая баланс этого мира, вмешиваясь в его строй, мы рискуем ввергнуть его в хаос и распад». Это абсолютно противоположный тезис, которым руководствуются социалисты, определенное число либералов, а точнее – либералов кейнсианского толка. «С точки зрения социализма ничего хорошего из этого мира не будет, если мы сами его не сконструируем и не построим» (Цымбурский В. Л., 2001).

Выход из этой ситуации «порочного круга» разного мировидения, на наш взгляд, состоит в историко-географическом исследовании конкретных процессов прогресса в конкретных странах и регионах. Все страны, достигшие существенных успехов в прогрессе экономики и общества в целом, при всех нюансах методов их достижения придерживались в той или иной степени идей либерализма и непременно участвовали в международном разделении труда. Для Японии и Новых индустриальных стран, не имеющих на своей территории существенных и разнообразных запасов сырья и топлива (и, следовательно, избавленных от «голландской болезни»), ведущим фактором прогресса стала их политика на последовательную (каскадную) интеграцию в такой мощный планетарный процесс, как международное географическое разделение труда. В целях полноценного участия в процессах интернационализации/глобализации на основе разделения труда эти страны (а теперь и их последователи, отказавшиеся от антилиберального протекционизма и импортозамещения) провели серьезные антифеодальные реформы, создали институт частной собственности и ввели демократические принципы функционирования общества.

Основным путём прогресса (модернизации) стала их преимущественная ориентация на внешнеэкономическое взаимодействие со странами-лидерами, являющимися экономическими инноваторами в системе мирового хозяйства. Как показал анализ опыта интеграции в мировую экономику Японии, страна - последователь (на старте – страна имитатор) экспортирует в страны-лидеры товары, производство которых у последователя дешевле, а качество их не хуже, а иногда лучше, чем у лидера.

Если же страна догоняющего развития выбирает другой путь – ориентации своего хозяйства на рынки экономически малоразвитых стран, которые предъявляют спрос на дешевую и морально устаревшую продукцию, то в стране до-

гоняющего развития в этом случае практически невозможны модернизация общества и технологический прогресс (Максаковский, 2003; Портной, 1996).

Опираясь на «идеологию» внешнеэкономического взаимодействия со странами-лидерами, страна-последователь действует в такт принципам либерализации, т. е. нащупывает свое место в саморазвитии мира «к высшим и лучшим формам». Схема стадий реализации интегрирования экономики страны в мировое хозяйство приводится на рисунке.

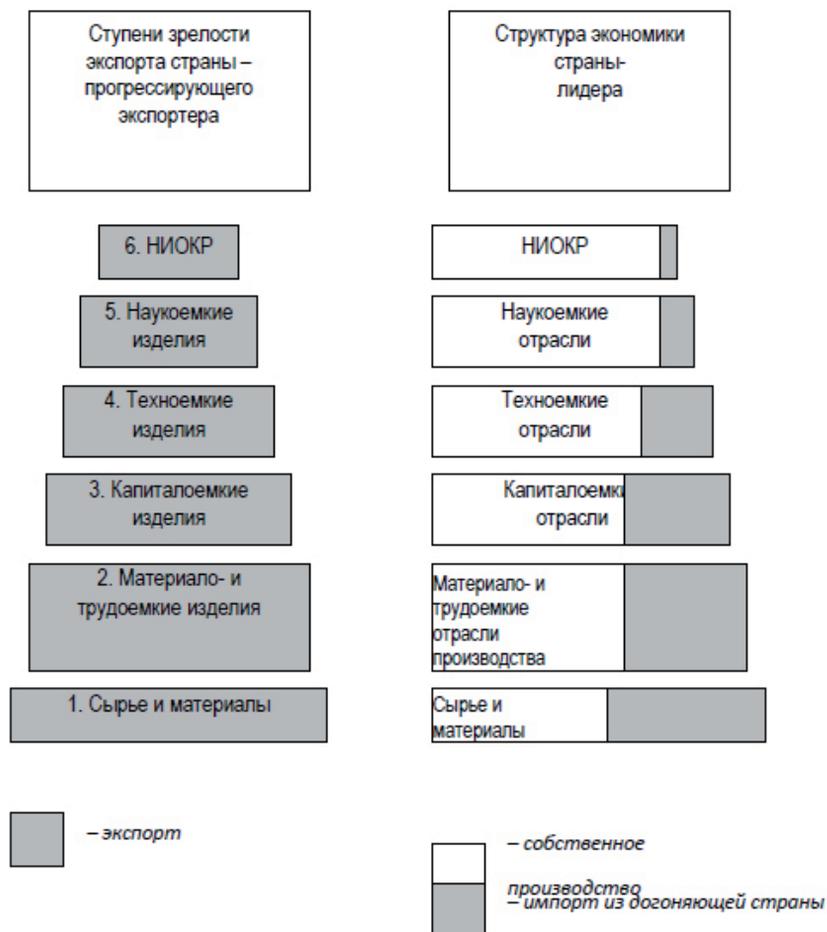

Схема стадий реализации процесса интегрирования экономики страны в мировое хозяйство (экспортно-ориентированная модель развития) (по Портному, 1996)

Первая стадия. Страна не имеет или имеет недостаточно конкурентоспособных на мировом рынке товаров. Однако у нее есть сырье и первичные материалы. К таким странам относится Россия с ее разнообразным и огромным потенциалом естественных ресурсов. Сырьевой и топливный экспорт для такой страны на начальном этапе реинтеграции в мировое хозяйство неизбежен. Тем не менее, данный тип экспорта в общей стратегии участия в международном разделении труда должен рассматриваться как первая ступень во взаимодействии с зарубежными странами и транснациональными корпорациями; ведущие стадии производства находятся в этих странах. Поскольку выручка от отраслей первичного сектора и прямые зарубежные инвестиции становятся основными источниками модернизации следующих по рангу отраслей (обрабатывающих в широком понимании), такой подход – веский аргумент в пользу этой идеи.

Вторая стадия. На второй ступени хозяйство страны становится экспортером материалоемких и трудоемких товаров, которые оттесняют по значимости сырьевой компонент на второй план. Наиболее типичные товары экспорта: продукция нефтепереработки, качественные строительные материалы, текстиль, товары химического производства, одежда, обувь и т. п.

Третья стадия. За счет модернизации очередных по рангу отраслей страна становится экспортером капиталоемких изделий. Типичные товары – стальной прокат, кузнечно-прессовое оборудование, строительные машины, суда.

Четвертая стадия. Страна экспортирует техноемкие товары: станки, точные линии, турбины, автомобили, автобусы, контрольно-измерительные приборы и инструменты.

Пятая стадия. Страна становится экспортером наукоемких изделий широкого ассортимента – продукции электротехники, электроники, авиатехники, оборудования средств связи, новые конструкционные материалы и т. п.

Шестая стадия. Как завершающая ступень – сотрудничество в области научных исследований и опытно-конструкторских разработок.

Приведенная схема не прямолинейна, но достаточно логична. Не создав, к примеру, мощной современной металлургии и двигателестроения, невозможно стать производителем и экспортером отечественных автомобилей. Логичность схемы подтверждается опытом послевоенной Японии, Республики Корея. Но специфика этих двух стран, в отличие от России, состоит в том, что при отсутствии сколь-нибудь существенных запасов сырья и топлива, им не нужно было преодолевать большие издержки, связанные с «голландской болезнью». Поэтому продвижение японского и южно-корейского экспорта по ступеням технологической лестницы шло от продукции легкой промышленности к преобладающему вывозу машин и оборудования. Такое восхождение в Японии заняло полтора-два десятилетия, и как страна-последователь

она прошла «текстильную», «стальную», «автомобильную», «полупроводниковую» войны со странами-лидерами, а с обновлением автомобилестроения с 1990-х годов – новую «автомобильную» войну, пока не осуществила широкое проникновение в США своих ТНК в виде трансплантных коридоров.

Взаимодействие Японии (страны, имитирующей передовые технологии и институциональную инфраструктуру) с США (инновационной страной-лидером) способствовало реструктуризации и повышению социально-экономической устойчивости последних.

А. В. Мошков

Российские регионы, расположенные в восточной части страны, традиционно имеют ярко выраженную природно-ресурсную детерминацию, которая проявляется в преобладании добывающих видов деятельности над обрабатывающими и сферой услуг. Сложившиеся здесь географические предпосылки, обуславливают формирование вертикально-интегрированных структур в региональных территориально-производственных системах, обеспечивающих эффективную добычу и переработку богатейших и во многом уникальных природных ресурсов.

Особенностью экономики Дальнего Востока является невысокий уровень вертикальной интеграции производства (по сравнению с европейскими регионами страны, Уралом и Сибирью), преобладание предприятий, преимущественно осуществляющих добычу и первичную переработку природных ресурсов, продукция которых имеет важное стратегическое значение для России и стабильный спрос на мировых рынках (в первую очередь, в странах АТР).

Изучение процессов формирования сетевых территориально-производственных структур является актуальной теоретической проблемой современной экономической географии, решение которой имеет также большое практическое значение для целей территориального управления. Рациональное развитие региональных социально-экономических процессов предполагает постоянное регулирование и координацию для обеспечения сбалансированности и эффективности составляющих их элементов (экономических, социальных и природных). Однако, существуют сферы хозяйства, в которых регулирование не может быть обеспечено ни рынком, ни иерархией. Поскольку здесь существуют неформальные механизмы взаимодействия независимых субъектов, их координация возможна только посредством переплетающихся цепей общественных, политических и хозяйственных отношений. В пространственном отношении подобные территориально-

производственные системы приобретают форму сети (Доманьски Р., 2010). В функциональном отношении, сети – это горизонтальная организационная форма, действующая в противоположность вертикально организованной иерархии.

Особенно эффективно проявили себя сети в процессе реструктуризации и реорганизации перерабатывающей промышленности в развитых странах, когда в условиях нестабильного спроса крупные корпорации стали снижать уровень вертикальной интеграции производства, т. е. избавляться от производств, расположенных в периферийных регионах.

Особый тип сетевых структур возникает на территории при реализации энергопроизводственных циклов (ЭПЦ) (Колосовский Н. Н., 2006; Хрущев А. Т., 1990), которые формируются на базе того или иного сочетания сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, включая всю совокупность производственных процессов – от добычи и обогащения сырья до получения готовой продукции, которую экономически и экологически выгодно производить на месте. Таким образом, на территории можно прогнозировать формирование элементов сетевых структур из элементов звеньев и ветвей формирующихся энергопроизводственных циклов.

На территории субъектов Дальневосточного федерального округа могут сформироваться следующие перспективные стадии и ветви ЭПЦ (см. таблицу): 1 – добыча железных руд; 2 – производство чугуна, стали и сплавов; 3 – коксование угля с получением бензола и др. полупродуктов органического синтеза; 4 – утилизация коксового газа для производства аммиака и ацетилена; 5 – производство азотных удобрений; 6 – производство разнообразной химической продукции; 7 – производство строительных материалов (цемента); 8 – металлоемкое машиностроение (в том числе производство металлоконструкций); 9 – добыча, обогащение и металлургический передел исходного сырья (руд цветных металлов); 10 – рафинирование черновых металлов; 11 – производство сплавов; 12 – утилизация серосодержащих отходов для получения серной кислоты и отдельных продуктов (например, фосфатных удобрений); 13 – машиностроение (электротехника, кабельное производство и др.); 14 – добыча и обогащение исключительно сырья; 15 – передел сырья с помощью химических или электрохимических методов; 16 – добыча нефти и попутного газа; 17 – переработка нефти на моторные топлива, смазочные масла и мазут; 18 – получение полупродуктов (мономеров) органического синтеза; 19 – получение синтетических смол и пластических масс, синтетического спирта, каучуков и волокон; 20 – производство аммиака (из ацетилена); 21 – производство азотных удобрений; 22 – производство серной кислоты и серы; 23 – нефтяное и химическое машиностроение; 24 – добыча природного газа; 25 – получение природного газа ацетилена и синтез-газа; 26 – получение аммиака и метанола для производства синтетических каучука и волокон; 27 – произ-

Современная структура энергопроизводственных циклов и тенденции их развития в ДФО

Субъекты ДФО	Энергопроизводственные циклы															
	металлургический черных металлов	металлургический цветных металлов	химико-металлургический редких металлов	нефтепереработочный	газоэнергетический	углеэнергетический	горно-химический	лесохимический	теплоэнергетический	теплоэнергетический	гидроэнергетический	машиностроительный	текстильный	промышленный	рыболовственный	индустриально-аграрный
Респ. Саха (Якутия)	С 1-8	А 10-13	С 14,15	А 17-22	А 25,26	А 30-33	С 34-36	А 38,39	АВ 41,42	С 43-46	В 47	В 47	В 47	А 55	АВ 58	АВ 61
Камчатский край	С 1-8	А 10-13	С 14,15	А 17-22	А 25,26	А 30-33	С 34-36	А 38,39	АВ 41,42	А 43-46	В 47	В 47	В 47	АВ 55	А 55	АВ 61
Приморский край	С 1-8	А 10-13	С 14,15	Д 17-22	Д 24-26	А 30-33	АВ 34-36	АВ 38,39	АВ 41,42	С 43-46	В 47	В 47	В 47	АВ 55	АВ 57,58	АВ 61
Хабаровский край	В 1-8	А 10-13	С 14,15	В 17-22	С 24-26	А 30-33	С 34-36	АВ 38,39	АВ 41,42	С 43-46	В 47	В 47	В 47	А 55	АВ 57,58	АВ 61
Амурская обл.	А 3-8	А 10-13	С 14,15	Д 17-22	Д 24-26	А 30-33	С 34-36	АВ 38,39	АВ 41,42	А 43-46	В 47	В 47	В 47	А 55	АВ 57,58	АВ 61
Магаданская обл.	Д	АВ 10-13	С 14,15	С 17-22	С 24-26	А 30-33	С 34-36	А 38,39	АВ 41,42	А 43-46	В 47	В 47	В 47	А 55	А 55	АВ 61
Сахалинская обл.	Д	С 10-13	С 14,15	А 17-22	А 25,26	А 30-33	С 34-36	АВ 38,39	АВ 41,42	Д	В 47	В 47	В 47	АВ 55	АВ 57,58	АВ 61
Еврейская авт. обл.	А 1-8	А 10-13	С 14,15	Д	Д	А 30-33	С 34-36	АВ 38,39	АВ 41,42	С 43-46	В 47	В 47	В 47	А 55	АВ 57,58	АВ 61
Чукотский авт. округ	С 1-8	А 10-13	С 14,15	А 17-22	С 24-26	А 30-33	С 34-36	Д	АВ 41,42	Д	Д	Д	Д	А 56	А 56	АВ 60,61

Примечание: А – начальные стадии добычи ресурсов, производство полуфабрикатов; В – переработка сырья и материалов; С – отсутствие элементов цикла при наличии природных ресурсов; Д - отсутствие цикла.

водство азотных удобрений; 28 – добыча и обогащение угля; 30 – коксование, полукоксование и гидрогенизация угля; 31 – производство аммиака и азотных удобрений; 32 – получение бензола, нафталина и т. п.; 33 – производство горно-шахтного оборудования; 34 – добыча поваренной и калийных солей, известняков (в том числе из морской воды); 35 – производство кальцинированной соды, хлора, магния и др.; 36 – производство хлорорганических соединений; 37 – заготовка и механическая обработка древесины; 38 – химико-механическая и химическая переработка исходного сырья; 39 – лесохимия; 40 – добыча топлива (угля); 41 – производство тепло- и электроэнергии; 42 – переработка нефелинов с получением глинозема, соды и цемента; 43 – получение электроэнергии; 44 – электрометаллургия (алюминий, магний, титан и др.); 45 – электрохимия (карбид кальция, цианамид кальция, фосфор, хлор и др.); 46 – электротермия; 47 – механическая обработка; 48 – сборка; 49 – первичная обработка сырья; 50 – производство тканей; 51 – производство трикотажных и швейных изделий; 52 – добыча и переработка рыбы и морепродуктов; 53 – специальное судостроение и ремонт; 54 – сетевязание, тарное производство; 55 – биохимия; 56 – переработка сельскохозяйственного сырья; 57 – производство сельхозмашин; 58 – производство удобрений, химикатов; 59 – производство нерудных строительных материалов; 60 – производство бетонных и железобетонных изделий, стеновых блоков; 61 – производство новейших строительных материалов.

Сетевой способ территориальной организации экономической деятельности в регионе является одним из важных условий масштабного экономического роста и распространения инноваций. В качестве основных географических факторов, обеспечивающих формирование территориально-производственных сетевых структур в регионе, выступают экономико-географическое положение, территориальное разделение и кооперация труда, природно-ресурсный и демографический потенциалы, факторы размещения производства и др. Именно на основе сочетаний географических факторов и видов горизонтальных связей на территории возможно выделение различных типов территориально-производственных сетевых структур.

В основе формирования и развития региональных территориально-производственных вертикально-интегрированных и сетевых структур лежит комплексность (взаимосвязанность) важнейших элементов структуры района. Именно она способствует эффективному выполнению региональным территориально-производственным сетям в субъектах Дальневосточного федерального округа основной межрайонной народнохозяйственной функции, а также рациональному удовлетворению местных экономических, социальных и экологических потребностей.

А. Н. Пилясов

В 1990-е годы мною был выполнен цикл работ совместно с американскими коллегами по Северу России. Основной их вывод состоял в том, что среди северных ресурсных регионов России четко обособляются рентные, т. е. генерирующие существенный доход от рентабельных природных ресурсов, и трансфертные территории, в которых природные ресурсы менее привлекательны и потому эти регионы существенно зависят от федеральных трансфертов. Понятно, что тонус развития в каждой группе регионов, политическая система, мироощущение местного сообщества существенно различаются.

Если говорить о стране в целом, то опасности голландской болезни для России очень высоки. Необходимо ежечасно думать о дисциплине расходов – как использовать ресурсную ренту не на политически привлекательное социальное проедание, но на строительство основ новой экономики знания, на интеллектуализацию очень экономически отставшей за 1970–1990 гг. страны. Об этом в последние годы нашими коллегами написано очень много, но, к сожалению, существенно меньше сделано российскими политиками.

Ю. В. Поросенков

Природно-ресурсная детерминация – одна из устойчивых тенденций развития российской экономики на протяжении нескольких столетий. Поскольку промышленный переворот в России осуществился значительно позже, чем в передовых странах Западной Европы, то внешняя торговля России определялась тем, что страна покупала высокотехнологичные товары в европейских странах, а вывозила туда преимущественно сырье. Правда, по отношению к приграничным азиатским странам Россия выступала и как промышленная держава.

В конце XIX в. в результате реализации крестьянской реформы в условиях отмены крепостного права Россия превратилась в одного из ведущих производителей товарного зерна, а основным экспортным товаром стала пшеница. Эта тенденция сохранилась и в начале XX века, когда после революций и гражданской войны для проведения индустриализации экспорт зерна оставался одним из важнейших средств получения валюты для оплаты массового импорта станочного оборудования. Однако во второй половине XX в. (в связи с внутренними трудностями развития российского АПК) страна не только потеряла статус мирового экспортера зерна, но и превратилась в одного из крупнейших его импортеров.

Исторически вся российская обрабатывающая промышленность (в том числе и ее высокотехнологические отрасли) всегда работала на использовании отечественных природных ресурсов. Это определялось, с одной стороны, изолированностью послереволюционной советской экономики от системы мировых хозяйственных связей, а с другой, – исключительным богатством страны различными собственными природными ресурсами, практически, для всех видов экономической деятельности. В условиях обострения отношений с западным миром СССР создал второй по мощи (после США) свой высокотехнологичный военно-промышленный комплекс, фундаментом которого стала «тяжелая промышленность», особенно производство станков и оборудования. Хотя уже тогда наметилось определенное технологическое отставание отечественной индустрии от высокоразвитых стран, но в условиях противоборства двух систем страна осуществляла массовый экспорт оборудования и военной техники в страны Совета Экономической Взаимопомощи и в новые страны, возникшие на месте колониальных империй. Одновременно, СССР стал основным поставщиком сырья для бывших европейских социалистических стран.

Совершенно иная ситуация сложилась за последние 20 лет. Переход страны к новой общественной системе и рыночной экономике, отказ от военного противоборства со «странами Запада» привел к роспуску военной организации стран Варшавского договора, а крах теории и практики международного социалистического разделения труда – к роспуску СЭВа. Возникшая в результате распада СССР Российская Федерация унаследовала мало связанные с социальными нуждами «тяжелую промышленность» и ОПК. Последующая либерализация внешней торговли России привела к массовому импорту промышленных товаров, в результате чего в стране были разрушены все высокотехнологические производства, за исключением (в основном) предприятий черной и цветной металлургии, нефтегазового сектора, электроэнергетики, некоторых химических производств и предприятий ОПК (ядерный комплекс, ракетно-космическое вооружение, военное авиастроение, производство стрелкового вооружения). На мировых рынках страна стала специализироваться исключительно на поставках сырья, главным образом энергетических ресурсов.

Сложившаяся природно-ресурсная детерминация российской экономики весьма устойчива и сохранится на многие годы, даже при реализации самого благоприятного сценария развития страны. Необходимо иметь в виду, что Россия уже не в состоянии восстановить ту отраслевую структуру экономики, которая у нее была до распада СССР и последующих экономических реформ. По большинству бывших высокотехнологических производств РФ не в состоянии конкурировать с изделиями мировых фирм; но аналогичная ситуация складывается и с некоторыми развивающимися странами (особенно Китаем), куда мировые фирмы переносят свое производство в поисках дешевой рабо-

чей силы и емкого внутреннего рынка. Вероятно, одним из решений этой проблемы для России выступает массовое привлечение иностранных инвесторов и строительство на своей территории предприятий иностранных фирм.

В сложившейся природно-ресурсной детерминации российской экономики нет ничего трагичного. Нужно извлекать максимум эффекта из того богатейшего природно-ресурсного потенциала, который подарила стране судьба. Однако, при этом, степень переработки сырья и получения из него готовой продукции на каждом этапе развития должна определяться экономической целесообразностью. По характеру своей экономики Россия во все большей степени будет походить на такие «ресурсные страны», как Канада, Австралия и даже Южно-Африканская республика.

Г. В. Сдасюк

Используя свои богатейшие природные ресурсы, Россия выступает как крупнейший в мире экспортер энергоресурсов. Однако, это не обеспечивает благополучие большинства ее населения. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) России снизился с 34 места в 1994 г. до 65 места в 2010 г. Отмечая неуклонное сокращение численности российского населения, зарубежные авторы называют нашу страну «исчезающей великой державой».

Энергетика, интегрированная с всемирными социально-экономической жизнедеятельности, играет ключевую роль в территориальной организации общества. Изменения в последнее двадцатилетие энергетики России – ее объемов, структуры, роли в хозяйстве страны и на мировой арене – противоречивы, что в большой мере определяет *риски и опасности развития страны и ее районов*.

Россия, занимающая первое место по запасам природного газа (23 % достоверных мировых ресурсов), является его крупнейшим экспортером, поставляющим 25 % газа на мировом рынке. Гораздо скромнее – восьмое место по нефтяным ресурсам (12 % достоверных запасов). Разведанные запасы нефти – 21,7 млрд т, из которых только половина технически доступна и экономически рентабельна. Имея ограниченные запасы нефти, Россия, тем не менее, занимает лидирующие позиции по объему добычи сырой нефти и обеспечивает 12 % мировой торговли нефтью, уступая по этому показателю только Саудовской Аравии, а в некоторые годы, обгоняя ее. *Вывоз углеводородного топлива превышает три четверти экспортных доходов России.*

Энергетическая «моноспециализация» российского хозяйства произошла при распаде СССР и последовавшей *деиндустриализации* – беспрецедентного

в мирное время экономического упадка 1990-х гг., одностороннего нефтегазового роста в 2000-е гг. Поныне страна не в состоянии подняться до экономического уровня 1980-х гг. Объемы энергетического производства, достигшие примерно «дореформенного» уровня (но ныне ориентированные на экспорт), контрастно выделяются на фоне общего хозяйственного упадка. Особенно в тяжелом состоянии находятся отрасли машиностроения – связующие звенья хозяйства страны. Так, производство турбин в 2010 г составило по сравнению с 1990 г. 48,8 %, тракторов – 2,9 %, металлорежущих станков – 2,7 % и т.п. Разрушение единого народнохозяйственного комплекса сопровождается резким ослаблением межрегиональных и внутрирегиональных производственно-территориальных связей, что влечет *риски дезинтеграции страны*.

Доля экспортируемой нефти, составлявшая 12 % в 1991 г., ныне достигает почти половины объема добычи; доля газа увеличилась с 14 % почти до трети. Решающая роль нефти и газа в экспорте чрезвычайно усиливает зависимость страны от мирового рынка. *Хозяйство России приобрело характер энергосырьевого придатка зарубежных стран*. Для обслуживания функций энергосырьевого придатка, в России ведется с 2000-х гг. строительство (все более расширяясь) экспортоориентированных трубопроводов. Это – главный вид крупномасштабного строительства в стране. Основные звенья мощной энергетической инфраструктуры, охватывающие громадные российские пространства, – это газопровод «Голубой поток» (16 млрд куб. м газа в год), Балтийская трубопроводная система (65 млн т нефти в год.), нефтепродуктопровод «Север» (8,4 млн. тонн), газопровод «полуостров Ямал – Европа» (33 млрд куб. м газа). С ноября 2011 г. начал действовать самый длинный в мире морской газопровод (1224 км) «Северный поток» (55 млрд. куб. м газа в год), обеспечивающий прямые поставки газа из России в Германию. Расширяется Прикаспийская система газопроводов. В декабре 2012 г. начинается сооружение газопровода «Южный поток» (30 млрд куб. м газа). Завершаются переговоры о строительстве нефтепровода Бургас – Александруполис (35 млн т нефти). В ноябре 2011 г. пущена в строй первая очередь газопровода Сахалин – Хабаровск – Владивосток, строительство которого было ускорено в связи с предстоящим в сентябре 2012 г. проведением во Владивостоке саммита глав стран АТЭС (правда, уже с начала 2012 г. пришлось работать комиссии по проверке технических недостатков этого газопровода).

Широчайший размах приобретает сооружение трубопроводов, ведущих в Китай. Строится нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) длиной 4188 км, мощностью 80 млн т нефти в год. Ведутся изыскания для определения маршрута прокладки газопровода «Алтай» (50 млрд куб. м в год), строительство которого планируется завершить в 2015 г.; 2700 км газопровода будут проложены по территории России. По ним газ будет перекачиваться

из западносибирских месторождений в Китай – к району Шанхая. Наиболее экономически выгодным считается прокладка газопровода на Алтае через национальный природный заповедник Укок, особую охраняемую зону ЮНЕСКО. Против этого выступают общественные организации.

Работа громадной, расширяющейся трубопроводной системы требует бесперебойного обеспечения нефтью и газом. К этому обязывают заключенные международные соглашения. Однако в России усиливаются *риски, связанные с истощением и качественным ухудшением сырьевой базы. Ежегодный прирост разведанных запасов топливно-энергетических ресурсов отстает от объемов добычи нефти и газа.* Финансирование теоретической и прикладной науки, составлявшее в СССР 4 % ВВП, в России снизилось до 0,4 %. Это повлияло и на состояние геологической науки, и геологоразведочных работ, объем которых резко сократился. Доказанных запасов нефти, по оценкам экспертов, в России хватит примерно на 30 лет. Запасы нефти в европейской части страны уже выработаны на 65 %, в том числе в Урало-Поволжском районе – более чем на 70 %. Выработанность гигантских западносибирских месторождений, где сосредоточено 54 % нефти и 41% газа страны, также возрастает. *Россия теряет потенциал наращивания добычи нефти, что остро переживают жители нефтедобывающих районов.* Для борьбы с топливным кризисом и удовлетворения регионального спроса в стране – приходится сокращать экспорт нефти.

Усиливается топливно-энергетическое развитие восточных районов России, что обусловлено богатством их природных ресурсов и целесообразностью диверсификации направлений экономических связей. Как предусматривается Энергетической стратегией, доля восточного направления в экспорте нефти и нефтепродуктов возрастет с 6 % до 22–25 % и в экспорте газа – с нуля до 19–20%. Однако реализация этого важного стратегического направления наталкивается на большие трудности, связанные с недостаточной разведанностью углеводородных запасов восточных регионов, дороговизной их освоения, слабой заселенностью и низким уровнем экономического развития.

Как предупреждает Министерство регионального развития РФ в опубликованной «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области до 2025 г.», перед регионом стоит «опасность превращения этой территории в источник энергоносителей и сырья для стран АТР». Эта опасность приобретает реальные формы в результате подписания в 2009 г. контракта на 20 лет на поставку Россией в КНР 300 млн. тонн нефти общей ценой 100 млрд долл. – из расчета менее 50 долл. за баррель. «Программа сотрудничества на 2009–2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока КНР» предусматривает создание более 200 совместных

проектов по разработке месторождений полезных ископаемых. Перерабатывающие предприятия будут размещаться на российской территории, но на них будут заняты рабочие из Китая.

Сложная ситуация уже возникла в ходе создания трубопроводной системы «Восточная Сибирь - Тихий океан» (ВСТО). Нефтепровод соединит нефтяные месторождения Западной и Восточной Сибири с портами Приморского края России. Он обеспечит поставки нефти в КНР, на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, США. 28 декабря 2009 г. была запущена первая очередь «ВСТО-1» – трубопровод от Тайшета в Иркутской области до Сковородино в Амурской области длиной 2694 км. Его мощность – 30 млн т нефти в год. Строительство ВСТО ведется с большими трудностями из-за массового воровства и коррупции. Остается нерешенной проблема, как загрузить ВСТО на планируемый объем в 80 млн тонн; пока освоенные промышленные запасы достаточны для закачки лишь 30 млн т.

Ситуация с развитием производства газа в России относительно более благополучна, но и она осложняется, так как высокопродуктивные, залегающие на небольших глубинах запасы газа истощаются. Прогнозные ресурсы газа оцениваются в 164,2 трлн куб. м, в том числе на континентальном шельфе России – 63,8 трлн куб. м. Разведанные запасы газа составляют 48 трлн куб. м, в том числе на континентальном шельфе – 6,9 трлн куб. м. Запасы газа главных западносибирских разрабатываемых месторождений (Медвежье, Уренгойское, Ямбургское) выработаны на 65–75 % – они перешли в стадию активно падающей добычи. Повышается доля сложных и трудно извлекаемых запасов. Освоение разведанных запасов низконапорного газа, в составе которых значительна доля жирных, конденсатных и гелийсодержащих газов, требует создания соответствующей газоперерабатывающей инфраструктуры.

Проблемы их освоения усугубляются сложными природно-климатическими условиями и удаленностью основных районов запасов природного газа от наиболее развитых частей страны: это Восточная Сибирь, Дальний Восток, полуостров Ямал, континентальный шельф арктических морей. Всё это *повышает стоимость разработки новых месторождений*. В целом, неизбежно увеличение расходов на освоение новых углеводородных запасов. При этом адекватное возрастание доходов от экспорта углеводородов отнюдь не гарантировано. Так, поставки российского Газпрома составляют около 30 % потребления стран Европы. Европейский Союз стремится диверсифицировать источники поставок газа. В ЕС разрабатывается новая энергетическая стратегия, цель которой – уменьшить зависимость от импорта. В Европе поставлена задача – поднять до 20 % долю использования возобновляемых источников энергии.

Россия все более испытывает проблемы с экспортом слишком дорогого газа.

Активно совершенствуется технология производства и перевозок сжиженного газа, цена которого может оказаться ниже трубопроводного газа. Конкуренция на мировом рынке усиливается. Благодаря технологическому прогрессу, США приступили к массовому производству сланцевого газа и стали в 2009 г. мировым лидером по добыче газа – 745,3 млрд куб. м (против 582,9 млрд куб. м в России). В ближайшие годы в США ожидается развитие производства сланцевой нефти. Себестоимость ее добычи оценивается в 10–18 долл. за баррель, в Сибири она составляет около 22 долл. Сланцевые бассейны известны и в ряде европейских стран. При эколого-технологическом совершенствовании добычи сланцевого газа экспорт российского газа может значительно снизиться. Действие этих факторов ведет к *снижению российских доходов от углеводородного экспорта, что, при чрезвычайной зависимости от него России, таит серьезные риски и угрозы.*

Мощная техносфера, созданная в советский период, находится в состоянии крайней изношенности. Степень износа основных фондов ТЭК достигает критического уровня: в нефтеперерабатывающей промышленности – 80 %; в электроэнергетике и газовой промышленности – почти 60 %, систем теплоснабжения – 65–70 %. Аварии и техногенные катастрофы усиливаются. Комиссия экспертов, исследовавших причины беспрецедентной катастрофы 17 августа 2009 г. на крупнейшей в стране Саяно-Шушенской ГЭС, подчеркивает опасное состояние, в котором находится энергетическое хозяйство страны в целом: *«Большинство причин аварии носит системный многофакторный характер, обусловленный коренными недостатками существующей системы организации и функционирования отечественной энергетики».* Цель максимизации прибыли заслоняет приоритет безопасности и надежности природно-техногенных систем. В России *нарастают техногенные и социально-экологические риски* – многие из них определяются состоянием ТЭК.

Один из главных пороков хозяйственной системы страны – ее чрезвычайно высокая энергоемкость. В докладе МФК и Всемирного банка «Энергоэффективность в России: нераскрытые резервы» определяется: «Низкая энергоэффективность оказывает отрицательное воздействие на российскую экономику и требует вмешательства государства». Эксперты считают: «Количество высвобожденной энергии благодаря повышению эффективности ее использования может удовлетворить рост спроса на энергию до 2020 г., при этом стоимость инвестиций в необходимое повышение энергоэффективности составит только одну треть от инвестиций в генерирующие мощности. Большинство барьеров для повышения энергоэффективности связаны с проблемами регулирования или недостатком информации, что требует государственного вмешательства».

ТЭК России в его современном состоянии – *основной источник загрязнения окружающей среды*: на него приходится свыше половины выбросов вредных веществ в атмосферу и 23 % сброса загрязненных сточных вод, около 22 % объема токсических отходов, свыше 70 % эмиссии парниковых газов. В «Энергетической стратегии» признается «несоответствие производственного потенциала топливно-энергетического комплекса мировому научно-техническому уровню, включая экологические стандарты». В стране происходит *деэкологизация государственной политики*. Экологические требования и надзор снижаются под предлогом создания благоприятного инвестиционного климата. Однако отток капиталов из России усиливается: в 2011 г. он составил 84,2 млрд долл.

В обозначенном выше контексте очевидна острая необходимость географического и междисциплинарного научного обоснования, демократического обсуждения и реализации на основе адекватной институциональной системы:

- программ и планов комплексного регионального развития России;
- объективной оценки состояния и гармонизации взаимодействия социального, экономического и природного потенциалов;
- выделения приоритетов развития, соответствующих долговременным национальным интересам;
- осознания и противостояния опасностям дезинтеграции страны;
- изменения пагубных тенденций превращения великой державы в энергосырьевой придаток мировой экономики.

Ю. Г. Саушкин, как бы предвидя проблемы развития России и географии в начале XXI в., предупреждал: «Наука, не дающая обоснованного прогноза, теряет свое значение. Стране, в которой не поддерживаются исследования, нацеленные на прогноз будущего, грозит опасность потерять перспективу и отступить на второй план».

А. И. Трейвиш

К предпосылкам отнёс бы обеспеченность страны ценными ресурсами, сравнительную простоту, в том числе нетрудоёмкость их получения (прежде всего минерального сырья), а также выхода с ними на мировые рынки. Россия веками торговала природными материалами и продуктами первых переделов. Пушнина, другие «дары» лесов и вод, зерно, металлы, топливо сменяли друг друга, определяя долговременные сдвиги в территориальной организации страны (тема специального исследования А. Б. Савченко). Исто-

рические отступления от этой линии развития оказывались эпизодами, общей картины не меняли, и сегодня она вполне очевидна.

С последствиями дело обстоит сложнее. Позитивное и негативное здесь смешано и спутано. Именно погоня за ресурсами широкого распространения и низкой концентрации на единицу площади со времён землепроходцев создавала саму территорию страны. Земли и их ресурсное изобилие не раз выручали страну в трудные времена, придавая уверенность и относительную автономность. При сверхвыгодной внешней конъюнктуре они позволяли делать накопления, богатеть если не всей нации, то её элитам, отдельным регионам и центрам – от Мангазеи, Великого Устюга, Архангельска до «нефтегазовалютного ствола» Север – Москва и Петербург (Новороссийск, Находка) с вывозными портами.

Куда пустить накопления – другой вопрос. Их ведь легко прокутить, в чём и скрыты корни того, что зовётся ресурсным проклятием, нефтяной иглой, голландской болезнью (имён много, а суть одна). Мораль проста. Надо учиться тратить средства на перспективную и эффективную диверсификацию всей экономики, самого ресурсного сектора и, заодно, на диверсификацию географических направлений внешней торговли. Это делается, но не всегда продуманно и быстро. Между тем в мире подвижно всё под влиянием смены факторов-трендов-эпох – наборы востребованных ресурсов, прибыльных изделий, популярных услуг. Если успокоиться и «заснуть», то легко опоздать и проиграть эту вечную гонку.

У природно-ресурсной детерминации экономики есть такое неприятное географическое свойство, как пространственная нестабильность, связанная с упомянутой сменой спроса на те или иные ресурсы, с их исчерпаемостью и с характером распространения. Природа, в отличие от людей, не заботится о том, чтобы собрать свои богатства в компактные «кластеры». Порой, по своей прихоти, она их рождает, помогая созданию устойчивых мощных комплексов добычи и переработки, но чаще – разбрасывает. Если их освоение разорвано временем и расстоянием, а его очаги лишены солидной инфраструктуры, других условий общего развития и жизнеобитания, то следы прежних волн освоения могут стереться до нуля, пока не нагрянет следующая. Иной раз те же места, века спустя, надо было осваивать заново. Угроза эфемерности ресурсных баз, пока цветущих «новых Мангазей», заставляет думать об их судьбе и страховать её если не экономически, то социально.

Г. М. Фёдоров

Что касается географических предпосылок и последствий природно-ресурсной детерминации российской экономики, то сомнительно, что именно географические факторы (если не считать самого по себе богатства России природными ресурсами) являются предпосылками природно-ресурсной детерминации российской экономики. Ведь ни Канада, ни Австралия, несмотря на большие размеры территории и относительно невысокую плотность населения не рассматриваются как «природно-ресурсно-детерминированные» страны. Речь идет скорее об уровне и особенностях социально-экономического и специфике политического развития Российской Федерации.

Что касается последствий чрезмерной роли сырьевых отраслей, при недостаточной развитости обрабатывающих отраслей и сферы услуг, то нынешние высокие цены на сырье способствуют аккумуляции средств на ускоренное развитие инновационных производств, техническое и технологическое переоснащение производства товаров и услуг и т. д. Вопрос состоит только в способе реализации такой ориентации дальнейшего развития, поскольку только такие изменения воспроизводственного процесса требуются для превращения России в экономически развитую страну.

А. И. Чистобаев

Географические предпосылки, безусловно, определяют структуру и специализацию российской экономики, её место в международном разделении труда. Сам Господь Бог, не наделив нашу страну благоприятным для жизни климатом, одарил нас природными ресурсами. Причём не только и даже не столько исчерпаемыми полезными ископаемыми, но и возобновляемыми биологическими (лес, рыба, марикультура, пушнина), и водными (включая гидроэнергетические) ресурсами. Можно сказать, что природно-ресурсная детерминация российской экономики обусловлена свыше. И надо быть последними олухами, чтобы не использовать Божий дар. Использовать его надо с умом! И если бы те, от кого зависит структура экономики страны, действовали бы с умом, то Россия была бы самой богатой страной мира. Сделать для этого нужно немало: сформировать такую систему цен и тарифов, чтобы добывающие сырьё компании вынуждены были перерабатывать его внутри страны, а не за рубежом. При этом, должна выполняться следующая зависимость: чем глубже переработка, тем больше доход. Рычагов для этого много. Следовало бы, например, вспомнить П.А. Столыпина, который учредил «челябинский перевал»

и, тем самым, предотвратил разорение производителей зерна в Европейской России. И, одновременно, это столыпинское решение позволило освоить сибирские и дальневосточные земли. Это был наш, доморощенный, русский рычаг управления, не применявшийся в других странах (он явно не соответствует рыночным постулатам). Нечто подобное следовало бы изобрести и нынешним правителям, чтобы ограничить (а ещё лучше – прекратить) экспорт сырья, заменить его на экспорт готовой продукции, готовых товаров. Сказочный русский герой сумел «блоху подковать». Пытливый ум и сноровистые руки соотечественников способны производить готовую продукцию, конкурентоспособную на мировом рынке. Но для этого должна быть сформулирована проблемная ситуация, поставлена цель (её надо направить на элиминирование проблемной ситуации) и обусловлен интерес производителя. Именно в таком подходе к делу и состоит умение управленца. А если не предпринимать кардинальных мер по совершенствованию структуры российской экономики, то последствия её природно-ресурсной детерминации выльются в крах России и россиян.

М. Д. Шарыгин

Россия имеет самый мощный в мире природно-ресурсный потенциал, оцениваемый в 24 трлн долл. По объему разведанных запасов газа Россия занимает первое место в мире, угля – второе, нефти – шестое, никеля, платиноидов и платины, алмазов, ряда других полезных ископаемых – первое-третье место в мире. Имеются крупные запасы апатитов, калийных солей, плавикового шпата и других неметаллических минеральных ресурсов. На территории страны размещены огромные земельные, водные и лесные ресурсы.

Этот потенциал послужил базисом индустриализации страны и мощным фактором расселения и хозяйственной деятельности населения. Чрезмерная эксплуатация природного и человеческого потенциалов привела к могуществу страны (СССР) на основе ресурсоемкой экономики. Социалистическое наследие сохранилось в России, приобретя более уродливые формы. На фоне разрушаемой обрабатывающей промышленности происходит наращивание мощностей предприятий добывающих отраслей. Россия стала экспортировать сырьевые товары: нефть, газ, лес, металлы, электроэнергию.

Россия стала обеспечивать сырьем не только собственную экономику, но и экономику высокоразвитых стран, перешедших на новый технологический уклад. Судя по проектам строительства нефте- и газопроводов в страны Евросоюза и Китай, позиция сырьевого придатка устраивает правительство и российскую элиту. Российский бюджет и финансовое положение страны стали

определяться рыночной ценой на нефть и газ. Последствия такой ситуации могут быть самыми непредсказуемыми.

Сырьевая детерминация отечественной экономики порождает иллюзии благополучия страны, построенного на иждивенческих настроениях. Взятый курс на модернизацию экономики с приоритетами наукоемких технологий во многом тормозится ее сырьевой зависимостью и монопольными структурами.

Переход страны на «рельсы» инновационного и устойчивого развития предполагает сохранение надежной минерально-сырьевой базы для удовлетворения перспективных потребностей экономики России с учетом экологических, социальных, демографических, оборонных и других факторов. Забота о будущих поколениях требует переоценки разведанных месторождений по критериям рыночной экономики. Многие месторождения имеют низкую конкурентоспособность, распылены по территории страны и слабую обеспеченность транспортной инфраструктурой. Уже сейчас происходит истощение лучших ресурсов, и Россия вынуждена импортировать бокситы, хром, ртуть, марганец, железную руду.

Эксплуатация природно-ресурсного потенциала в России имеет свою особенность, обусловленную местоположением. Она расположена в северной части евразийского материка и является самым северным государством мира. Для нее характерны сложные природно-климатические условия, масштабность территории, дефицит тепла, слабая транспортная обеспеченность Сибири и Северо-Востока и др.

«Северность» России накладывает существенные ограничения на освоение территории. Громадные издержки страна несет из-за необходимости обогрева зданий, увеличения объемов конструкционных материалов, производства теплой одежды и обуви, строительства и поддержания дорожно-транспортной сети, укрепления инженерных сооружений и т. д. Все это необходимо учитывать не только в процессах природопользования, но и в выборе путей модернизации социэкономки, внедрения инновационных технологий, формирования технополисов и технопарков.

В. А. Шупер

Природно-ресурсная детерминация не стала проклятием для норвежской или австралийской экономики, скорее напротив. Отечественные стенания по поводу «нефтяной иглы» связаны не с самой ресурсной зависимостью, а с крайним несовершенством институтов. Более того, А. Н. Пилясов, проана-

лизирувавший опыт Канады и других высокоразвитых стран, неустанно подчеркивает, что добывающая промышленность может быть и высокотехнологичной, и вполне себе инновационной. Особенно инновационны малые и средние фирмы, обслуживающие мощные добывающие компании.

Наш коллега Е. Ш. Гонтмахер, выступая в 2009 г. с докладом на восьмидесятилетии родной кафедры (кафедры экономической и социальной географии России МГУ), сказал, что мечтает о том, чтобы нефть стоила шесть долларов, ибо только тогда у нас начнутся реформы. Понятно, что подобные заявления возможны только в отсталых авторитарных странах – в США, например, карьера Гонтмахера на этом и завершилась бы. Но дело, разумеется, не в этом, а в том, что наша элита не способна стать другой при любых ценах на нефть – старого кобеля не выучишь новым фокусам. Кстати, и сам Гонтмахер не склонен ждать падения нефтяных котировок не то что до \$6, но даже ниже \$100 за баррель. Летом 2011 г. он призывал Д. А. Медведева баллотироваться на второй срок, в декабре стал участником «круглого стола», координирующего протесты против массовой фальсификации результатов выборов.

Модель развития экономики, основанная на постоянном росте цен на нефть, закономерным образом себя исчерпала, и социальная стабильность не может далее обеспечиваться раздачей денег. «Красный пояс» стал синим: наиболее консервативные регионы дольше других будут сохранять лояльность власти, а саму власть больше всего удручает отсутствие лояльной правой партии, которая могла бы ее поддержать в проведении непопулярных реформ. Если повторится сценарий последних советских лет, то нам надо просто перечитать старые работы по политической/электоральной географии СССР/России. Поправку, по-видимому, надо будет внести в отношении некоторых сырьевых регионов. Однако благоприятный сценарий – проведение глубоких реформ – едва ли даст симметричную пространственную картину, что отражает неустойчивость нашего общества как в социальном, так и в географическом аспекте. При этом одно усугубляет другое.

2.3. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ И РУРАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ИЗМЕНЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА И ВЛИЯНИЯ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ, ИХ «ПЛЮСЫ» И «МИНУСЫ»

А. Г. Дружинин

Высокая степень сопряжённости процессов урбанизации и рурализации сохраняется и в постсоветской России. Ситуация, однако, в целом такова, что города (особенно крупнейшие), отчасти сохраняя демографическую и финансовую «подпитку» из сельской местности и культурно-ментальную общность с её населением (в том числе, по многим аспектам, и свой «полусельский» облик), становятся всё более «независимы» от тяготеющих к ним руральных территорий. Характерная для 1990-х годов «съеживающаяся концентрация» (по удачному выражению А.И. Трейвиша) социально-экономической активности и последующая метрополизация (в сочетании с глобализацией и соответствующим выстраиванием логистики) привели к тому, что в извечном взаимодействии с сельской местностью крупнейшие российские города в настоящее время обрели определённую «самодостаточность». Им уже не нужны (в той мере как ранее) сельские товары и сельские потребители; единственное, в чём на современном этапе существенно нуждаются урбанистические центры (точнее их менеджмент) – «прирезка» к ним прилегающих сельских (уже «полусельских») территорий, основного фактора дальнейшего роста бюджетных доходов и привлечения инвестиций. Что же касается сельской местности, то её позитивная социально-экономическая и демографическая перспектива, напротив, как никогда ранее зависима от городов, их «доступности», активности, способности к экспансии на сопредельные руральные территории (переносе в них промышленных активов, развитии сельской рекреации, формировании устойчивых сбытовых зон для сельхозтоваропроизводителей, привлечении трудовых ресурсов на «городской» рынок труда и др.). В данном контексте **влияние урбанистических центров в ТОО закономерно возрастает**; при этом, **крупнейшие города, параллельно, частично утрачивают** (и «растрачивают», проявляя безразличие к сельской периферии, к малым и средним городам) важную основу своего последующего воспроизводства – **контролируемую и обслуживаемую поселенческую сеть** (рискуя превратиться в «полководцев без армии»!). Позитивные эффекты подобной динамики в существенной мере фрагментарны; негативные же – проявляются на обширных пространствах и продолжают

игнорироваться как научным сообществом, так и системой управления в силу «урбоцентричности» постсоветского общества, его конъюнктурности и неадекватности, вопиющего невнимания к бедным, тихим и слабым.

О. В. Кузнецова

Одним из важнейших трендов развития социально-экономического пространства является концентрация населения в ключевых городах и, в том числе, центрах субъектов Федерации. Факт этот, можно сказать, общеизвестный; в его подтверждение мы провели собственные расчеты долей населения регионов, проживающих в региональных центрах по данным двух переписей населения – 2002 и 2010 гг. (данные 2010 г. являются предварительными); результаты этих расчетов представлены в таблице.

Изменение роли центров субъектов РФ в территориальной структуре населения за межпереписной период

Регионы (ФО – федеральный округ)	Динамика численности населения, 2010 г. в % к 2002 г.		Доля центра субъекта РФ в населении субъекта РФ, %	
	Субъект РФ	Центр субъекта РФ	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	-1,6	3,3	36,5	38,3
Центральный ФО	1,2	6,1	45,9	48,2
Центральный ФО без Москвы и Московской области	-5,6	-0,9	33,6	35,3
Северо-Западный ФО	-2,8	2,2	50,5	53,1
Северо-Западный ФО без Санкт-Петербурга и Ленинградской области	-8,1	-1,4	31,3	33,6
Южный ФО	-0,8	1,3	26,4	27,0
Северо-Кавказский ФО	6,3	13,0	20,8	22,1
Приволжский ФО	-4,0	-1,1	33,6	34,7
Уральский ФО	-2,4	3,7	27,8	29,6
Сибирский ФО	-4,0	3,1	33,9	36,4
Дальневосточный ФО	-6,0	1,0	33,6	36,1

Как видим, доля региональных столиц в общей численности населения регионов увеличивалась повсеместно, но особенно в северных и восточных регионах. Оценивать такую тенденцию можно по-разному. Кто-то говорит об

опустынивании территории и видит в этом угрозу для страны; кто-то говорит о том, что концентрация населения – объективная тенденция и благо для экономики (при закрытии удаленных и бесперспективных населенных пунктов снижаются неоправданные затраты на инфраструктуру; рост численности городов приводит, согласно теории регионального роста, к увеличению их экономического потенциала). На наш взгляд, в концентрации населения есть два негативных момента. Во-первых, ухудшение жизни населения, причем повсеместное. Территории миграционного оттока сталкиваются с тем, что инфраструктура таких территорий начинает все хуже и хуже финансироваться (достаточно вспомнить программу закрытия малокомплектных сельских школ). А в городах-центрах миграционного притока строительство жилья и инфраструктуры не успевает за притоком населения. Не только в Москве, в региональных столицах, но и вообще во всех городах, где начинают появляться рабочие места, сразу начинается резкий рост цен на жилье (вместо массового его строительства).

Во-вторых, отток населения в ключевые города далеко не всегда объективен. Безусловно, часть населенных пунктов, действительно, можно считать бесперспективными. Но в значительной части населенных пунктов, откуда бежит население, есть потенциал для развития, и не реализуется этот потенциал из-за негативной общеэкономической ситуации (коррупции, административных барьеров, отсутствия нормального кредитования и т. д.), а никак не из-за объективных лимитирующих факторов. В этой связи еще раз уместно сказать о том, что России нужна адекватная государственная политика, в рамках которой государство сможет создать нормальные условия развития как для городов, так и для периферийных регионов, а при необходимости – выделять средства для переезда населения из закрывающихся населенных пунктов.

Т. Г. Нефёдова

Специфика влияния крупных городов в последние годы состоит в усилении подвижности сельскогородского континуума, который формируется двумя, в основном, сезонными потоками: 1 – отходников из малых и средних городов и сельской местности в крупные центры и 2 – городских дачников, в основном из крупных городов, стремящихся не только в пригороды, но и заполняющих староосвоенную периферию регионов. Оба процесса не фиксируются статистикой, и недооцениваются властями. Главным инструментом остается обследование поселений в разных регионах России.

Отходничество. Многолетние обследования периферии нечерноземных

регионов показали, что около половины прописанного там населения в трудоспособном возрасте не имеет работы на месте. Часть – постоянно живет и работает в городах, а от четверти до трети – периодически работают в Москве и Московской области. Уровень реальной безработицы (в большей степени мужчин, так как женщины заняты в бюджетной сфере) в разные периоды колеблется от четверти до половины населения в трудоспособном возрасте. При сильной депопуляции населения причиной усиления отходничества стала деградация советских «местообразующих» отраслей хозяйства на фоне качественной деградации человеческого капитала. Это не способствует приходу туда новых производств.

На Юге, при гораздо более высокой аттрактивности равнинных регионов для населения и для инвесторов (особенно растениеводства), также выявился избыток незанятого населения в деревне. Уменьшение рабочих мест произошло даже в относительно успешных районах в результате прихода агрохолдингов, развития фермерства, модернизации производства в колхозах, изменения его специализации на нетрудоемкое растениеводство. Сказывается и неразвитость сервисных отраслей в крупных селах и станицах, и бедность населения. Всё это также способствует отходничеству в крупные города (и даже в Москву) и указывает на недоурбанизированность Юга. В некоторых поселениях только от половины до трети трудоспособного населения имеют официальную занятость на месте. Остальные выживают с помощью приусадебных участков или подрабатывают в городах.

Дачная субурбанизация достигла в России огромного размаха и во многом заменила субурбанизацию западного типа. Последняя наблюдается в основном в коттеджных поселках бизнес- и, отчасти, эконом-класса.

Можно выделить несколько причин тяги горожан к сельской местности, в том числе и рурализации их занятий, ставшей российской традицией. Первая причина — экономическая: постоянный дефицит продуктов в прошлом и денег сегодня. Вторая причина — быстрая и недавняя урбанизация. В России мало горожан, которые прожили бы в городе несколько поколений, множество людей сохранило родственников в деревне, включая престарелых родителей, которых они регулярно навещают, помогают им, наследуют сельские дома и, зачастую, «замещают» родителей на огороде. Третья причина — социально-экологическая: бегство на дачу и временная перемена занятий для многих горожан является отдушиной. При этом, сельскохозяйственную деятельность горожане ведут и тогда, когда ее экономическая целесообразность сомнительна, то есть по инерции, а точнее — по традиции.

И все же в последние годы наметился явный отход от сельскохозяйственной деятельности на даче, причем в самых разных слоях общества. При заметном свертывании аграрной деятельности крупных предприятий это говорит о процессах постиндустриального развития сельской местности.

Помимо разных типов дач в основном в пригородах (старых деревянных дач, садоводческих домиков с небольшими участками, коттеджей) все больше распространяется покупка домов в деревнях – среднеудаленные (200–400 км) и дальние (более 400 км) дачи москвичей и петербуржцев в наиболее живописных местах. Например, на реке Унжа в Костромской области (600 км от Москвы) роль временного населения особенно велика в малых деревнях, где московские дачники являются собственниками более 70 % домохозяйств. В деревнях с населением 30-40 человек численность постоянного и временного населения почти равны; в центре поселений доля дачников – 20–30 %. В областях, окружающих Москву, в теплые сезоны население в сельской местности увеличивается в 2–4 раза.

Характер распространения дач, состав дачного населения, его предпочтения, взаимоотношения с местным сельским населением и перспективы постиндустриального дачного реосвоения староосвоенной сельской местности, из которой уходят советские отрасли сельского и лесного хозяйства, зависят от размера города, удаленности от него, типа сельского поселения, характера природных ландшафтов и много другого. Это очень интересная и важная задача социально-географического исследования (Нефёдова, 2011), хотя и сложного из-за отсутствия статистической информации.

А. Н. Пилясов

Процессы агломерирования неизбежны и, в основном, позитивны для структуризации российского пространства. Даже с учетом многочисленных издержек скученности, крупнейшие города России дают шанс самореализации талантливой молодежи, креативным кадрам, профессионалам мирового уровня. Эти процессы нужно всемерно поддерживать, но одновременно искать новые решения для минимизации издержек. Значительный потенциал вижу здесь в отказе от линейно-узловой, абсолютно более неадекватной структуризации российского пространства и поощрении создания сетевых конфигураций в транспортных внутригородских и межгородских системах. Их пропускная способность существенно выше, чем у линейных схем.

Ю. В. Поросенков

Понятия «урбанизация» и «рурализация» отражают особенности процессов городского и сельского расселения. При этом под урбанизацией пони-

мается сложный социально-экономический процесс, который находит свое выражение в росте городских поселений, концентрации населения особенно в крупных городах, формировании различных форм агломерированного расселения и в распространении городского образа жизни во всей сети поселений, в том числе и сельских. Этот процесс отражает глобальные структурные сдвиги, происходящие в экономике и общественной жизни, в том числе и в современной России.

В свою очередь, в понимании термина «рурализация» сложилась узкая и широкая трактовка. Например, по мнению Э. Б. Алаева, этим термином можно обозначать лишь мероприятия по интродукции в городском ландшафте экологических и эстетических элементов сельского ландшафта. По аналогии с пониманием предыдущего термина, при широкой трактовке сущности рурализации под ней следует понимать процессы роста числа сельских поселений и численности сельского населения, то есть интенсификацию процесса сельского освоения территории, распространение и сохранение сельского образа жизни в определенных территориальных элементах агломерационного расселения.

При этом, процессы урбанизации и рурализации могут наслаиваться, проникать друг в друга. Экстенсивный этап урбанизации, который пережила наша страна в эпоху индустриализации, сопровождался массовым оттоком сельских жителей в города и временно привел к усилению сельского образа жизни во многих старинных русских городах, окраины которых по характеру застройки, планировки, благоустройства и характеру поведения населения сохраняли руральный облик. Последнее относится и к такой промежуточной категории поселений, как поселки городского типа и рабочие поселки, многие из которых являлись городскими лишь по их административному статусу и структуре общественной деятельности населения.

В 90-е годы XX в. экономические реформы и обвал уровня жизни населения, особенно горожан, на каком-то этапе привел к оттоку из крупнейших городов их жителей (особенно лиц пенсионного возраста). Так возникла тенденция к их переселению в прежние места проживания, что привело к дальнейшей урбанизации сельской местности. С другой стороны, следствием экономических реформ стало массовое распространение личных подсобных садово-огородных хозяйств и соответствующая их сезонная заселяемость в пригородных зонах крупнейших городов, что стало отражением противоречивых процессов – урбанизации пригородных поселений и определенной рурализации образа жизни самих горожан.

Отечественная география населения, возникшая в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в., рассматривала все процессы населения и расселения (в том числе и процессы урбанизации) через призму марксистско-ленинского обществоведения. При этом, в качестве эталона рассматривалась ситуация в СССР, где процессы

расселения и миграционного перемещения населения жестко регулировались административными мерами. А процессы урбанизации, происходящие в странах рыночной экономики, объяснялись спецификой общественных отношений в них. По этой причине происходящие в нашей стране процессы формирования агломерированного расселения были восприняты в свое время как определенный сбой, «недосмотр начальства» в системе планового управления процессами территориальной организации хозяйства и населения. Поэтому именно с рыночной капиталистической экономикой, по мнению Э. Б. Алаева, связывалось формирование гиперурбанизированных зон.

Последние 20 лет социально-экономического развития России по пути рыночной экономики привели к формированию новых аспектов ее городского и сельского расселения. Обрушение многих отраслей обрабатывающей промышленности существенно изменило функциональный облик многих прежде промышленных городов, которые стали формироваться, прежде всего, как сервисные центры. Формирование рынка земли в городах, приватизация практически всей строительной инфраструктуры, резкое ослабление контроля со стороны государственных и муниципальных органов власти за внутригородским строительством привели к субурбанизации – стремительному развитию пригородов крупнейших городов. Административно это имело своим последствием образование городских округов, в состав которых, помимо собственно крупных городов, стала входить некоторая часть наиболее тесно связанных с ними городских и сельских населенных пунктов. При этом, одним из факторов стало более интенсивное использование их земельных ресурсов для нужд строительства крупных городов. Результатом явилось формирование гиперурбанизированных зон, где в результате неконтролируемого развития застройки и перегрузки естественного ландшафта антропогенными и техногенными элементами было нарушено экологическое равновесие.

Быстро растущие урбанизированные зоны, в отличие от руральных территорий, характеризуются динамизмом формирования новых видов хозяйственной деятельности, в том числе и в сфере «теневой» экономики, сосредотачивают наиболее квалифицированный трудоресурсный потенциал, выделяются более высоким уровнем и совершенно иным (по сравнению с периферийными территориями) образом жизни населения, поэтому выступают ядрами его миграционного притока. В результате происходит мегаполизация расселения, то есть срастание всех элементов агломерации и даже нескольких агломераций в единый урбанизированный ареал или мегаполис.

Морфологически урбанизация в условиях рыночной экономики находит свое выражение в процессах метрополизации и регионализации. Если метрополизация – процесс концентрации населения в единственном центре страны (как правило, в столице), то регионализация – явление, когда процесс

урбанизации концентрируется в региональных центрах страны. При этом оба этих процесса могут развиваться одновременно. Таким образом, реальная действительность постсоветской России фактически прекратила дискуссию в отечественной географии населения между сторонниками так называемой «единой системы расселения» и сторонниками агломерационной концепции. Последняя оказалась более адекватной для понимания сущности процессов урбанизации в современной России, однако это не снимает ответственность с федеральных, региональных и муниципальных властей за их пока мало эффективное управление процессами расселения населения.

Одним из результатов происходящей урбанизации и регионализации расселения выступает процесс обезлюдения (депопуляции, в широком смысле этого термина) сельской местности. В условиях рыночной экономики на первый план вышли сугубо экономические факторы развития территории. Фактически происходящая приватизация земли и внедрение современных агротехнических систем производства привели к резкому сокращению потребности сельского хозяйства в трудовых ресурсах. Исторически сложившееся густое заселение сельской местности становится не нужным, исходя только из экономических расчетов агропредпринимателей. Проведенное землеустройство и четкое определение границ собственно самих сельских населенных пунктов привело к формированию специфических «гетто», в пределах которых экономическая деятельность сельских жителей, как правило, ограничивается личным подсобным хозяйством и некоторыми промыслами. В этих условиях молодежь не находит себе занятий и мигрирует в крупные города. Этот процесс усиливается всё большей разреженностью местных сетей обслуживания. Так, процесс укрупнения больниц и особенно школ одновременно с разреженностью их сетей, вызываемый чисто экономическими соображениями, несет крайне негативные социальные последствия. В этих условиях для того, чтобы сохранить в хозяйственном обороте всю освоенную территорию, региональные и местные власти должны проводить политику сохранения и развития «центральных мест» – как опорных ядер сельской территории.

А. И. Трейвиш

Это, по сути, две темы в одной, и обе сложные.

Сложность первой связана с условностью грани между городом и селом по статусу, функциям, облику, образу жизни и «наполнению» места группами подвижных обитателей. Классическая стадия урбанизация у нас не вполне завершена количественно (хотя её замедление при доле горожан около $\frac{3}{4}$ –

мировая закономерность) и качественно. На этом фоне набирают силу новые процессы. Специфика российского крупногородского homo mobilis состоит в том, что он склонен “урбанизироваться” зимой и “рурализироваться” летом. А житель села, малого города посещает центры высшего ранга “с трудовыми и культурно-бытовыми целями”. В обоих случаях зоны перемещений выходят за рамки городских агломераций, хотя в них наиболее интенсивны.

Агломерации, дачно-садоводческие, коттеджные поселки формального статуса лишены, официально не выделяются и не “обсчитываются”, хотя методика для агломераций выработана наукой четверть века назад и просто не успела внедриться до краха СССР. Отсюда – схемы развития страны за счёт 20 агломераций, тогда как по любым критериям их не менее 50, а ресурсы, экспортом которых мы живём, “агломерированы” сами и снабжены густками городов не всегда (см. вопрос 2.2).

Сегодня печально именно отсутствие данных, спроса на них, “подачи” исследовательских программ, надёжных выводов насчёт того, где и как живёт постсоветский человек, перефразируя название книги А. В. Дмитриева, А. М. Лолы и М. Н. Межевича “Где живет советский человек” (1988). Тогда был всплеск интереса к пространственно-временным ритмам расселения, нашей жизнедеятельности (ранние работы Н. В. Петрова и др.). Похоже, теперь они мало кого заботят всерьёз.

А ведь дача, например, есть социальный бренд России, признаком чего служит внятность термина без перевода наравне с «бабушкой», «водкой», «калашниковым», с недавних пор «силовиками» и... мало чем ещё, притом без негативной коннотации. Не потому что дач нет больше нигде (хотя в ряде стран бывает и так), а ввиду их особой массовости. «Дачезация» населения у нас сильно опередила автомобилизацию, которую продолжает стимулировать. Сезонные обиталища разного класса, удалённости, сочетаний их селитебной, рекреационной, аграрных и преаграрных функций так разнообразны, что их изучением надо было заняться давно и иметь лучшие в мире результаты. Как раз наличие ближних и дальних, богатых и бедных, посещаемых с разной частотой дач делает их доступными многим слоям горожан.

Но то, чего много у нас и мало за рубежом, что теплится на обочине их науки, понимается и нашими властями, публикой, даже учёными как что-то несерьёзное. И наоборот: усердно ищем то, чего здесь нет. Такое эпигонство странным образом уживается с ура-патриотизмом и великодержавностью. Да, дачная миграция может перерасти и местами перерастает в субурбанизацию западного типа, т. е. в переезд за город «на ПМЖ», но без смены регистрации, отчего размер потока тоже неизвестен. Сводных данных теперь не найти и на местах; нужны недешёвые обследования, а их никто толком не ведёт.

Вторая тема о потенциале и влиянии крупнейших городов связана с территориальным неравенством (vs. эффективность), темпами и пределами

диффузии нововведений. Напомню ряд простых истин. Крупные города – это гигантские коммутаторы и “командиры” страны, её пространственная элита, где живут и правят элиты социальные. Они вырастают на широких внешних связях, но часто односторонних, “всасывающих” ресурсы периферии. В идеале центр её развивает, смягчая контрасты; в жизни так бывает не всегда. Напряжение отчасти снимают агломерации, где районы и города-центры вырастают друг в друга. Но их не хватает на все масштабы взаимодействий, особенно в России.

“Высокопоставленные” центры чаще тянутся друг к другу (если равных партнёров нет дома, то к другим мировым городам), чем к округе, считая её своим придатком, полем экспансии, складом ресурсов и отходов. А места почище – зонами отдыха и резиденций, своего рода тихими Преториями при опасном Йоханнесбурге. От такого впечатления трудно избавиться, обсуждая недавнее резкое расширение черты Москвы. При ряде плюсов, у него есть минусы, включая отношение к этой мере как к бегству от груза проблем столицы. В Интернете эту “Большую Москву” называли “Большой Рублёвкой”. Решение связано и со слабостью межмуниципальной координации, городской коммунальной традиции вообще, веками подавляемой централизмом. Но если продолжать в том же духе, то ничего и не изменится.

Один чиновник заявил, что единственным средством остановить рост и расползание Москвы было бы снижение уровня жизни до среднероссийского уровня. О подтягивании страны к столичному уровню он, видно, и не думал, но доля правды в его словах есть. Географической России не обойтись без её городских “монбланов”, как обществу – без политической элиты. А в более широком смысле они нужны, чтобы страховать от периферийных увяданий и спадов, сохранять каналы связи с миром, создавать импульсы развития.

Их иерархия меняется, не сводясь к возвышению Москвы. Примеры весьма наглядны в макрорайонах с соперничающими центрами. Так, Иркутск явно уступил Красноярску, Хабаровск – Владивостоку (в середине XX в. они были равны по размерам и влиянию), Краснодар как будто понемногу догоняет Ростов-на-Дону. Пример постсоветской реверсии представляет пара Харьков–Белгород. Последний долго пребывал «в тени» индустриального города-миллионера, важного железнодорожного узла, столицы УССР до 1934 г. Белгород молод как областной центр, он и теперь меньше. Но, отрезанный от Харькова границей, пользующийся своей долей налогов от эксплуатации руд КМА, привлекающий мигрантов, он расцвёл и готов если не прямо, то косвенно соперничать с именитым соседом.

Тут интересен эффект изменения внешней «рамки» и с ней – системы отсчёта, влияющей на развитие городов и регионов. Пересекая границу тех же Белгородской и Харьковской областей, можно заметить, что в первой –туда

здоровее сельское хозяйство: все поля распаханы, брошенных ферм мало и т.д. На украинской стороне культура обработки таких же по качеству земель до сих пор чуть выше, но состояние агросектора явно хуже. В чём же дело? Помимо прочего, возможно, и в том, что Белгородчина в рамках РФ – часть благодатного и плодородного юга, которого стране недостаёт, а Харьковщина на Украине особо не выделяется в этом смысле.

Все перестановки меняют контуры зон преимущественного влияния крупных центров. Ясно, например, что зона Москвы теснит питерскую, в том числе на Севере, долго находившемся под «патронажем» именно нынешней второй столицы. Однако этот вопрос требует специальных изысканий.

А. И. Чистобаев

Россия дольше, чем Великобритания, Германия, Франция и ряд других европейских стран, оставалась аграрной с резким преобладанием сельского населения над городским (5:1). Отсюда становится вполне понятным, почему темпы урбанизации в российском пространстве были очень высокими. Особенно в этом отношении выделяются два этапа: индустриализации страны (1945–1960 гг.) и становления постиндустриальной экономики (начиная с нового века). Городскими жителями становились бывшие крестьяне: сначала – по оргнабору, потом по лимиту, в настоящее время – по доброй воле, обусловленной безысходностью жизни в сельской местности. Можно сказать, что во все времена бывшие сельчане не легко привыкали к городскому образу жизни. Это я по себе знаю, хотя в деревне постоянно проживал лишь первые 14 лет (мой дед по линии отца безвыездно жил в городе на Неве с 1914-го по 1977-й гг.).

Вот таким было моё восприятие Москвы после переезда в этот город из деревни Попцово (отрывки):

Была Москва золотоглавая,
облака над куполами плавали
и разносился звон колоколов
над синью вод и зеленью холмов.

Как в скорлупе сидят в машинах,
как муравьи кучкуются в метро,
купаются в прудах паршивых,
где плавает вонючее д...

Теперь Москва застроена
высотками, стекляшками,
по площади она утроена,
а люди выглядят букашками.

А я о лошадях мечтаю,
жизнь в деревне вспоминаю;
там по земле шагал уверенно
и жил легко, размеренно.

Помню воздух ароматный,
курлыкающих в небе журавлей,
запах сена, черёмухи и мяты,
лесов прохладу, ширь полей.

Но деревенских тянет в город,
был бы только повод –
в машину, в поезд, в самолёт
и прощай, честной народ.

Так уж человек устроен –
жить в суете людской,
и он летит пчелиным роем
в огромный улей городской

Остановить пора «прогресс»,
на урбанизации поставить точку:
Земле необходим регресс...
Я низко кланяюсь цветочку.

Признаюсь, что я и сейчас

Ночами вижу зимние дороги,
сугробы и подмёрзшие пороги.
Хотел бы я в деревне жить –
Ведь по натуре я мужик.

В других строках своих сочинений я назвал эти грёзы лукавыми. И это правда! Правда, потому что поздно: жизнь клонится к закату. Но главное – власти сделали всё для того, чтобы крестьянская жизнь в России стала невозможной. Крупнейшие города, на которые делается ставка в нашей стране, не будут оказывать мобилизующего воздействия на развитие сельской местности; только иерархическое строение систем расселения (крупный город – большой город – средний город – малый город – посёлок городского типа – село – деревня) позволит возродить социально-экономическое пространство, сохранить целостность единой России.

М. Д. Шарыгин

Крупнейшие города являются каркасными ядрами территориальной организации общества. В них сконцентрирован огромный социальный, экономический, человеческий, культурный, инновационный, инвестиционный, пассионарный и иные потенциалы, реализация которых активизирует деятельность прилегающей территории. Города отличаются полиструктурностью и разнообразием функций. Среди них выделяются организационная, культурно-просветительская, научно-образовательная, экономическая, рекреационная, инновационная и другие функции. Крупнейшим городам присуща главная миссия, выражающаяся в организации и стимулировании развития человеческой цивилизации и повышении качества жизни людей.

Крупнейшие города являются мощными организаторами социально-экономического пространства, которое не замыкается в границах страны и регионов. Москва и Санкт-Петербург становятся мировыми городами. Другие российские города-миллионники распространяют свои миссию и функции на обширные территории макрозон и макрорегионов. Их роль как локомотивов постиндустриального строительства, постоянно возрастает в связи с концентрацией в них академических институтов, технопарков, федеральных и национальных исследовательских университетов.

Особенно велика роль крупнейших городов в формировании и развитии городских агломераций, как территориально-компактных совокупностей городских и сельских поселений, группирующихся вокруг мощного ядра и объединенных производственными, торговыми, культурно-бытовыми, трудовыми и иными связями. Как форма расселения, они имеют ряд положительных сторон:

1. Городские агломерации экономически и социально эффективны, так как при этом всесторонне используются все выгоды концентрации хозяйства и услуг на компактной территории.

2. На их территории значительно улучшились социальные условия жизни как городского, так и сельского населения в связи с раскрытием доступности всех благ и услуг крупных городов и расширения выбора профессий.

3. Значительно повышается обеспеченность населения объектами производственной и социальной инфраструктуры, уровень, ассортимент и качество предлагаемых услуг.

4. Появляется возможность регулирования численности населения крупных городов и активизирования роста малых и средних городов в составе агломераций.

5. Создаются благоприятные условия для деконцентрации промышленного производства в ядре и выноса в периферийную часть филиалов и цехов крупных предприятий.

6. Формируется городской образ жизни населения, повышается гражданская активность людей.

7. Возрастает возможность для расширения агропромышленной интеграции и интенсификации сельскохозяйственного производства и т. д.

В то же время городские агломерации имеют и негативные стороны, связанные с повышенной концентрацией промышленного производства и населения на небольшой территории. Это ведет к ухудшению экологической ситуации, удалению зон отдыха от сельтубы, росту транспортной протяженности и усталости, напряженности водного, топливного, земельного балансов, чрезмерной растянутости инженерно-коммуникационных сетей и т. д.

Несмотря на негативные явления, городские агломерации остаются веду-

щей формой территориальной организации российского общества, локомотивами социально-экономического развития страны и ее регионов.

В. А. Шупер

Мы не всегда подходим к расселению как последовательные эволюционисты. Между тем представления о стадиях эволюции расселения – по Джиббсу, по Холлу и Хэю или в соответствии с какой-то другой концепцией – не только привлекательны в методологическом отношении, но и весьма плодотворны в плане конкретных исследований. Видимая картина расселения образована «интерференцией» двух явлений – стадийными переходами в эволюции расселения и поляризациями социально-географического пространства, причем последний процесс протекает много быстрее. Интересно, что на определенных стадиях эволюции расселения оба процесса протекают одновременно, взаимно усиливая друг друга. Так, на четвертой стадии Джиббса наблюдается максимальная концентрация, резко усиливаются центр-периферийные контрасты, ослабевают горизонтальные связи в глубинке. Возможно, только Подмоскovie вполне достигло пятой стадии Джиббса, стадии деконцентрации. В целом зрелость расселения в нашей стране много ниже, чем в сопредельных странах Европы. Наши необъятные пространства, конечно, усиливают поляризационные процессы, которые протекают и в Западной Европе. Это ускоряет переход к стадии максимальной концентрации, но, вероятно, способствует более длительному пребыванию в ней.

2.4. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

А. Г. Дружинин

Современная территориальная организация российского общества формируется в условиях углубляющейся геоэкономической и геополитической взаимозависимости. Воздействие глобализации на ТОО носит, при этом, избирательный, неравнозначный по своим эффектам характер и сопровождается дальнейшей её фрагментацией (по условиям и степени включённости в интеграционные процессы, влиянию сопредельных государств, иных «центров силы»), появлением новых форм территориально-хозяйственной активности (геоэкономически значимых транспортно-логистических узлов и коридоров, ареалов экспортоориентированных производств, кластеров импортозамещения, регионов особых геостратегических интересов и др.). Выраженным (но не всеобщим) следствием «приоткрытия» российской ТОО стало и «перемещение» в приграничные регионы экономического потенциала, наиболее устойчивыми аттракторами которого выступили, в частности, Ленинградская и Калининградская области (в последние полтора десятилетия их доля в совокупном ВРП регионов РФ возросла с 0,87 до 1,33 и с 0,38 до 0,53 % соответственно). С середины 2000-х гг. опережающую (в сопоставлении со средней по России) экономическую динамику демонстрируют также Краснодарский край (рост с 2,07 до 2,67 % суммарного российского ВРП), Ростовская область (с 1,46 до 1,73), Приморский край (с 1,03 до 1,15 %), Белгородская область (с 0,80 до 0,95 %), Астраханская область (с 0,39 до 0,41 %), Смоленская область (с 0,36 % до 0,39 %). На этом фоне ряд приграничных регионов (Мурманская и Псковская области, Республика Карелия, Хабаровский край и др.) стабильно снижают свою долю в российской экономике, что предопределяется не только жёсткой межрегиональной конкуренцией за трансграничные потоки, но и практиками хозяйственного взаимодействия с сопредельными зарубежными территориями, пролонгирующими деиндустриализацию, закрепляющими и усугубляющими периферийный статус.

Позитивные социально-экономические эффекты «приграничной активности» оказываются, в итоге, сфокусированными в ограниченном числе российских регионов (субрегионов, городских агломераций), а продуцирую-

щая их трансграничная регионализация во многих случаях либо *декларативна*, либо маскирует неэквивалентные, невыгодные для российских территорий обмены. Показательна в этом отношении ситуация с созданным полтора года назад еврорегионом «Донбасс», объединившим Ростовскую область, а также Донецкую и Луганскую области Украины. Провозглашённый, при этом, формат хозяйственных и гуманитарных контактов пока не способен компенсировать ни существующие дефициты ресурсов и инфраструктуры трансграничного сотрудничества, ни выраженную асимметрию (не в пользу российского приграничья) сопутствующих ему социально-экономических условий и эффектов, равно как и общий не быстрый, но последовательный геоэкономический «отрыв» постсоветской Украины от России.

Феномен «трансграничности», впрочем, и в целом претерпевает существенную эволюцию, требующую концептуального пересмотра представлений о сущностных сторонах адекватной глобализации ТОО. Её базовая архитектура (и в России, и в мире в целом) такова, что фокусными элементами глобализационных процессов в подавляющей массе выступают не только приграничные территории, но и крупнейшие (столичные по масштабу и миссии) города с соответствующими сферами (ареалами) влияния. **Граница** (в единстве её барьерно-контактных функций), в подобном контексте, **представляет не только линией, но и «точкой»**. Она способна, также, принимать контуры **ареала** (в том числе очерчивающего морскую акваторию, группу стран-транзитёров) и **полосы**. Всё это, в совокупности, инициирует расширенную интерпретацию как «трансграничности», так и трансграничной регионализации, признание их полимасштабности, потенциально возможной полисубъектности и инвариантности по отношению к складывающейся в контексте глобализации **«транстерриториальности»**.

Н. Н. Ключев

Наряду с геополитическими и геоэкономическими факторами, определяющими условия развития России, в современном мире всё большее значение приобретают факторы геоэкологические. Извержения исландского вулкана Эйяфьядлайёкюдль и авария на АЭС Фукусима-1 показали это со всей убедительностью. В этой связи актуальна оценка эколого-географического положения России, определяющего её подверженность внешним экологическим угрозам.

Россия формирует тесные экологические взаимосвязи со своими соседями. Эти взаимосвязи обусловлены огромными размерами российской тер-

ритории, близостью ко всем крупнейшим на Земле ареалам экономической деятельности; несовпадением государственных границ РФ с границами водосборных бассейнов; западным переносом воздушных масс.

На более чем 1/2 своей сухопутной границы Россия соседствует с бывшими советскими республиками, социально-экономическая политика которых вынужденно носит антиэкологический характер. Это, естественно, негативно влияет на уровень внешнеэкологической безопасности России.

По нашим расчетам, площадь водосборных бассейнов, где формируется «импортируемый» Россией речной сток, составляет более 2 млн кв. км (это примерно площадь Мексики). В зоне наших гидроэкологических интересов за рубежом проживает 78 млн чел. (это лишь немного менее чем население Германии). Российские части международных речных бассейнов менее освоены по сравнению с зарубежными. Например, производственная нагрузка на территории межгосударственных речных бассейнов в Китае в 6 раз выше, чем на территории России, а демографическая нагрузка на эти бассейны в Китае превышает российскую в 17 раз.

К слабоосвоенным российским дальневосточным рубежам непосредственно примыкает сплошной ареал высокоосвоенной китайской территории, а также северо-корейской. Китай – не только демографическая держава 1-го ранга, но и страна высочайших темпов экономического роста, который сопровождается и ростом экологических угроз.

Близкое соседство наименее освоенной и наиболее уязвимой российской территории со странами, отличающимися огромным демографическим потенциалом и высочайшими темпами экономического роста, формирует на Дальнем Востоке потенциальную политико-экологическую напряженность.

Российский вклад в использование и трансформацию бассейнов внутриматериковых межгосударственных морей существенен лишь для Каспийского и Азовского морей. Доля России в нагрузке на эти бассейны ориентировочно составляет от 60 до 80 % суммарной нагрузки. Вклад России в антропогенное изменение бассейнов других внутриматериковых морей, омывающих ее территорию, не превышает 10 %.

Для окраинных морей основные пути распространения экологического риска к России связаны с Норвежско-Нордкапским течением, выносящим загрязнители в Баренцево море из Северного и Норвежского морей, где находится один из крупнейших в Евразии очагов хозяйственной деятельности. Северное море уже свыше 150 лет используется как крупномасштабная свалка отходов наиболее развитыми европейскими государствами. В послевоенные годы море активно «осваивается» ядерной энергетикой (радиоактивные отходы в него сбрасывает Франция; Великобритания т. д. в Ирландское море) и морскими нефтегазопромыслами. Благодаря Гольфстриму широкий спектр

загрязнений – от бытовых отходов до радионуклидов – прослеживается до Карского моря. Российско-норвежской экспедицией установлено, что фоновое радиоактивное загрязнение Баренцева и Карского морей значительно (на порядок величины) ниже, чем Ирландского и Балтийского морей. По оценкам, сбросы радиохимических заводов – английского Селлафилда и французского Ла-Хага – обеспечивают около 30 % загрязнения Карского моря стронцием-90 и около 60 % его загрязнения цезием-137. Добавим, что приток воды из Северного моря в Балтийское составляет 465 куб. км в год, то есть загрязнения Северного моря «экспортируются» и к прибалтийским берегам России.

Вследствие «открытости» российских границ к западу и западного переноса воздушных масс зона «атмосферно-экологических» интересов России простирается вплоть до Пиренейского полуострова. Главными «экспортерами» в Россию атмосферных загрязнений являются Украина, Германия, Польша, Великобритания.

Очагами концентрации внешних угроз экологической безопасности России являются:

А) Китайское Приамурье – провинция Хэйлуцзян и большая часть провинции Гири. В последней плотность населения доходит до 300 чел. / кв.км (в России столь плотно населённые районы находятся лишь в Московской обл.). Регион специализируется на «грязных» отраслях тяжелой индустрии, опирающихся на местную сырьевую и топливную базу (добыча угля, цветных металлов, нефти, нефтепереработка, нефтехимия, электроэнергетика, химическая промышленность). Здесь находится двухмиллионный Харбин и полтора миллиона Чанчунь.

По приближённым данным (данные о загрязнённых сточных водах в КНР закрыты), доля Китая в общем сбросе составляет:

- в р. Амур (от устья Аргуни до устья Сунгари) – 75 %;
- в р. Амур (от устья Сунгари до устья Уссури) – 98 %;
- в р. Уссури – 97 %.

Б) Казахское Прииртышье – Павлодар-Экибастузский и Усть-Каменогорский промышленные районы со специализацией на угледобыче, электроэнергетике, цветной металлургии. В регионе локализуются Ульбинский металлургический комбинат, производящий топливо для АЭС, четыре крупных водохранилища на Иртыше.

В) Украинская часть бассейна Северского Донца – Харьковская агломерация и украинский Донбасс. Высокоурбанизированный регион (с плотностью населения свыше 100 чел. / кв. км), специализирующийся на угледобыче, металлургии, химической и нефтехимической промышленности.

Г) Район Чернобыльской АЭС – зона реального радиоактивного загрязнения и потенциально опасный «саркофаг».

Экологическую угрозу для России представляет также атмосферный вынос солей из Средней Азии, усилившийся вследствие усыхания Арала. Ухудшения в этой связи эколого-геохимической обстановки можно ожидать прежде всего в областях Южного Урала и юга Западной Сибири.

Цусимское течение обеспечивает вынос вод из Желтого, а отчасти и из северной части Восточно-Китайского морей и создает угрозу Приморью от китайских, корейских и японских источников экологического риска. Крупномасштабной ядерной энергетикой отличается Япония, которая занимает третье место в мире после США и Франции по общей мощности ядерных установок.

Аляскинское течение влияет на формирование водных масс Берингова моря, что может способствовать загрязнению побережий Чукотки и Камчатки с нефтепромыслов Аляскинского шельфа.

Протяженные границы РФ, из них 13,5 тыс. км – новые, с бывшими союзными республиками, не оборудованные и не оформленные в правовом отношении, создают широкие возможности контрабандных операций, в том числе по незаконному вывозу природных ресурсов и ввозу отходов. Проблема охраны границ приобретает, таким образом, и экологическое значение.

В целом, в рамках «нормального» (внеаварийного) функционирования хозяйства, Россия представляет меньше опасности для соседей, чем они для нее. К примеру, потоки антропогенной серы, поступающие на Русскую равнину из Западной Европы, в 10 раз превосходят ее обратные потоки. Наша страна реально более страдает от соседей (в экологическом плане), чем они от нее. Это, конечно, надо учитывать и использовать во внешнеполитической деятельности.

В. А. Колосов

Известно, что вдоль государственной границы возникает специфическое пограничное пространство разной глубины, представляющее собой зону пересечения разнообразных интересов соседних стран – борьбы за влияние на жителей приграничных районов, контроль над коммуникациями и товарными потоками и т. п. Вполне естественно, что трансграничные взаимодействия могут порождать конфликты, особенно в случае резкой асинхронности, асимметричности и разнонаправленности социально-экономических процессов по разные стороны границы, вызывающих социальную нестабильность. Именно такая ситуация складывается на многих участках российского пограничья.

Задача географической науки состоит в выделении целостных природ-

ных, природно-ресурсных, социально-экономических и комплексных трансграничных геосистем, внутренних связей, динамики, взаимодополняемости элементов, расположенных по разные стороны границы, оценке природно-ресурсного потенциала и социально-экономических предпосылок приграничного сотрудничества. Выполненные в последние годы географические исследования приграничных и трансграничных геосистем позволили разработать практические рекомендации к региональным программам бассейнов Днепра, Северского Донца, Урала, Амура, Туманной, озера Ханка и других. Географические разработки, наряду с другими исследованиями, необходимы, чтобы превратить приграничное положение из тормоза – в ресурс развития приграничных территорий и выбрать формы приграничного сотрудничества, подходящие для конкретных географических условий.

Приграничное положение дает регионам немало потенциальных преимуществ:

- расширение рыночного пространства для определенных товаров и услуг;
- увеличение числа рабочих мест, расширение экономической деятельности и базы налоговых поступлений за счет обслуживания функционирования границы и развития посреднических функций;
- стабилизация социальной ситуации: единый трансграничный рынок труда позволяет людям самостоятельно решать проблему занятости и поиска источника доходов. Возможность совершать покупки там, где дешевле, также позволяет людям повысить уровень жизни, что, в конечном итоге, сказывается на снижении социальной напряженности;
- расширение спектра социальных услуг без значительных дополнительных затрат: дефицит социальной инфраструктуры и кадров частично компенсируется за счет ресурсов профильных учреждений по другую сторону границы. Привлеченный платежеспособный спрос способствует развитию собственной социальной сферы;
- объединение усилий и совместное финансирование дорогостоящих проектов, в реализации которых заинтересованы обе стороны, придание совместным проектам более высокого статуса;
- повышенное внимание центральных властей к проблемам приграничных территорий, способствующее улучшению их имиджа и инвестиционной привлекательности;
- возможность использования средств международных организаций для реализации трансграничных проектов.

Новые границы между Россией и странами-республиками бывшего Советского Союза рассекли исторически сложившиеся социально-экономические геосистемы – группы поселений, хозяйственные комплексы и т. п. Взаимо-

действия между ними значительно ослабли. Однако, в некоторых районах, наоборот, возникли ядра новых локальных трансграничных геосистем.

Приграничное сотрудничество с Украиной, Казахстаном и другими новыми независимыми государствами критически значимо для успешного развития двусторонних отношений и подъема приграничных регионов. Весьма важно развитие приграничного сотрудничества с Финляндией и новыми членами ЕС. Следует учитывать, что Европейский союз исходит из того, что в XXI в. «Европа стран» станет «Европой регионов».

Приграничное сотрудничество в восточных районах России развивается в условиях их особого геополитического положения: значительной удаленности от Центра и близости к крупнейшим странам мира – США, Китаю, Японии. При этом, многие восточные приграничные районы России входят в крупные трансграничные системы – от бассейнов рек Урала и Иртыша до бассейнов Селенги, Амура, Уссури, Туманной, озера Ханка. Наконец, всё Тихоокеанское побережье России входит в трансграничные бассейны морей Берингова, Охотского, Японского. Развивать устойчивое природопользование в подобных трансграничных регионах можно лишь на основе межгосударственных договорных отношений и формирования международного мониторинга.

К сожалению, в целом территориальные структуры России и большинства соседних стран повернуты друг к другу «спинами» – сравнительно малоосвоенными и слабо урбанизированными районами. Крупных городов в пограничье мало.

Особого внимания требует новое пограничье России. Развитию приграничного сотрудничества сильно мешает *противоречивость отношений* с новыми независимыми государствами: одновременно необходимость сотрудничества и неудовлетворенность исторически сложившейся асимметрией отношений, застарелые комплексы национального самоутверждения и различия геополитических ориентаций. Население и субъекты хозяйственной деятельности приграничных территорий оказались заложниками «большой» политики.

Жители новой приграничной зоны прошли длительный и до конца еще не завершившийся период адаптации к трудностям пересечения границы. В течение многих лет приграничные районы страдали от коррупции, разрыва хозяйственных связей и ограничений в контактах между соседними территориями, столетиями входившими в одно государство, от сложностей с устройством на работу из-за разницы в гражданстве, расхождения систем образования, труднодоступности социальных и медицинских услуг, оказываемых по соседству, но в другом государстве, ощутимых различий в оплате труда и пенсионном обеспечении. В ряде мест контрабанда надолго стала важным источником доходов населения.

За двадцать лет углубились социально-экономические контрасты как между российскими регионами и соседними территориями, так и в пределах пограничья. Усилия региональных и муниципальных органов власти по поддержанию трансграничных контактов смогли лишь несколько смягчить последствия событий 1990-х гг. Приграничное сотрудничество пока не стало лабораторией выработки новой национальной идентичности, основанной на взаимном уважении и доверии. Оно пока еще крайне неустойчиво, сильно зависит от превратностей межгосударственных отношений и международной политической конъюнктуры, доброй воли политических лидеров, региональных и местных руководителей. Пока далека от необходимого уровня пограничная инфраструктура: редка и не соответствует современным требованиям сеть автодорог, не до конца реализованы межгосударственные соглашения о местных пунктах пропуска. Фактически нет общего рынка труда и доступной жителям обеих сторон социальной инфраструктуры. Отсутствует координация общеэкономического и территориального планирования, соседние регионы предпочитают в стратегиях своего развития опираться на собственные силы.

Вместе с тем, отчетливо проявились новые тенденции в приграничном сотрудничестве, опирающиеся на опыт европейской интеграции. Получает признание необходимость совместного финансирования приграничного сотрудничества и применения программно-проектного подхода в распределении выделяемых на него средств. Формирующиеся на западном пограничье России еврорегионы, как один из инструментов приграничного сотрудничества, должны превратиться в координирующие центры, которые с помощью своих программ способствовали бы концентрации усилий на наиболее значимых направлениях деятельности. Они должны располагать собственным бюджетом. Действуя вместе с профильными центральными ведомствами и региональными властями, еврорегионы призваны обеспечить в приграничном сотрудничестве переход от отдельных проектов к реализации долгосрочных стратегий. В то же время слепое клонирование европейских институтов без институциональных реформ и расширения возможностей местного самоуправления и самоорганизации было бы явно бесплодным.

В обозримой перспективе областные и муниципальные власти останутся главной движущей силой приграничного сотрудничества. Это крайне важно для деполитизации приграничного сотрудничества. До сих пор жители приграничных территорий остаются заложниками усилий национальных лидеров по укреплению или изменению политической идентичности, частью которой являются геополитические ориентации и отношение к соседней стране. В идеале приграничное сотрудничество не должно иметь отношения к геополитике, ибо направлено на удовлетворение важнейших потребностей граждан.

Однако, международный опыт показывает, что если приграничные взаимодействия ограничиваются контактами лишь между администрациями, их польза и мультипликационный эффект ограничены. В приграничное сотрудничество через общественные организации должны быть вовлечены различные социально-профессиональные группы местных жителей. Только тогда будут более полно артикулированы их интересы и использованы возможности реальных изменений к лучшему в разных сферах жизни приграничных районов.

Сотрудничество не станет устойчивым и результативным без участия частного, в том числе среднего и малого, местного бизнеса, без государственно-частного партнерства. Общественные средства должны расходоваться таким образом, чтобы вызвать эффект «снежного кома» – приток частных инвестиций. Важнейшее условие для этого – выбор приоритетных направлений сотрудничества и концентрация инвестиций в приграничных центрах – перспективных опорных базах сотрудничества, а также вдоль полимагистралей.

Вовлечение местных властей и общественных организаций в приграничное сотрудничество важно и для устранения присущего постсоветским странам увлечения крупными, громкими проектами, осуществление которых могло бы служить доказательством успехов внешней политики и которые могли бы быть легко представлены общественному мнению государственными средствами массовой информации. От приграничного сотрудничества нельзя ожидать быстрой, немедленной выгоды. Его успех определяется последовательной, терпеливой «политикой малых дел» на региональном и местном уровне.

Оценка эффективности весьма сложна. Успешность и долгосрочный эффект многих направлений сотрудничества, например таких, как взаимодействия в сфере культуры, обмен студенческими, школьными, профессиональными группами, вообще трудно оценить с помощью количественных показателей. И все же критерии оценки любого направления приграничного сотрудничества можно найти и согласовать. Это – степень гармонизации нормативной базы; товарообмен; инвестиции и число предприятий, установивших между собой кооперационные связи; число, стоимость и виды совместных проектов; участие деловых кругов в их финансировании; число неправительственных (общественных организаций), поддерживающих между собой связи; интенсивность социально-профессиональных обменов (от органов охраны общественного порядка до религиозных организаций); наличие и активность культурных центров; совместная деятельность по мониторингу окружающей среды и продвижению к устойчивому развитию; количество и качество информации о соседней стране и регионе в средствах массовой информации и т. п.

Перед Россией и соседними государствами в приграничном сотрудничестве, на наш взгляд, стоят три важные задачи. Во-первых, в каждой стране

необходимо создать адекватную современным требованиям нормативно-правовую базу. С российской стороны она должна обеспечить:

- взаимосвязь проектов (осуществляемых в рамках приграничного сотрудничества) с нормативно-правовой базой региональной политики и внешнеэкономической деятельности на общегосударственном и региональном уровнях;
- формирование долгосрочных программ межрегиональных и приграничных внешнеэкономических связей с участием государственных администраций, объединений предпринимателей и торгово-промышленных палат, общественных организаций;
- развитие современных форм приграничного сотрудничества, в первую очередь евروهгионов;
- закрепление в федеральном законодательстве возможности участия субъектов федерации в софинансировании национальных, а в приграничных регионах – региональных фондов развития приграничных территорий или приграничного сотрудничества;
- стимулирование участия приграничных субъектов федерации во внешнеэкономических связях, повышение их инвестиционной привлекательности.

Во-вторых, предстоит создать механизм согласования и гармонизации интересов многочисленных субъектов деятельности, участвующих в регулировании пограничных взаимодействий, между которыми нередко противоречия. В их числе – министерство иностранных дел, «силовые» министерства и ведомства, экономические министерства, включая министерства регионального развития, областные администрации. В России ведущая роль принадлежит «силовым» министерствам. Полномочия региональных органов власти в области приграничного сотрудничества в России сравнительно узки. Муниципалитеты имеют еще более ограниченные возможности.

Положения многих российских федеральных законов, касающиеся международного сотрудничества субъектов федерации и органов местного самоуправления, не подкреплены подзаконными актами и нормативами и не могут быть реализованы. Так, федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрены полномочия муниципальных образований в сфере международного сотрудничества, однако на практике до сих пор воспользоваться ими они не могут. Поныне не принят федеральный закон о приграничном сотрудничестве. Хозяйственная и иная деятельность на приграничных территориях регулируется законодательными актами, принятыми в интересах разных ведомств. Целый ряд их положений противоречит друг другу. Некоторые положения российских законодательных актов не соответствуют международному праву.

В-третьих, для действительно успешного приграничного сотрудничества необходима координация соответствующей нормативно-правовой базы России и соседних стран. Следует согласовать принципы отчетности и аудита между партнерами по приграничному сотрудничеству. Естественным развитием и условием интенсификации приграничных взаимодействий станет координация региональной политики двух сторон, в особенности, устройства приграничных территорий.

Ю. В. Поросенков

Современные геополитические детерминанты пространственного развития страны отражают определяющие подходы (в основе которых лежат реальные общенациональные интересы и целевые установки) в решении ее наиболее сложных проблем политических отношений. С определенной долей условности их можно выразить в следующем виде. Обеспечение территориальной, акваториальной и аэротериальной целостности страны. Реализация российских экономических и политических интересов в Центральной Арктике. Обеспечение реального экономического, политического и социально-культурного равенства всех субъектов РФ, в том числе отказ от привилегированности столичных метрополий и отдельных ее субъектов. Повышение эффективности и экономичности административно-политического устройства РФ, ограничение таких затрат определенным процентом от ВРП региона. Разработка и реализация специальной региональной политики в регионах особого военно-стратегического назначения (республики Северного Кавказа, Приморье, Приамурье, Сахалин, Курилы, Камчатка, Мурманская и Калининградская области). Взаимовыгодная политическая и экономическая интеграция со странами СНГ. Решение проблем с трансграничными европейскими странами для устранения политических барьеров в транспортировке российских энергоресурсов в страны Евросоюза. Обеспечение гарантии свободного выхода в мировой океан из российских портов Балтийского, Черного и Азовского морей.

Как показала практика составления «Концепции 2020» и других долгосрочных документов, современное российское общество пока не в состоянии однозначно определить даже генеральные направления развития и территориальной организации производительных сил. Поэтому можно говорить лишь о некоторых геоэкономических доминантах пространственного развития постсоветской экономики. Наверное, общей целью должно выступать получение (насколько это возможно) экономического и социального эф-

факта от использования российского пространства. Гигантские размеры страны, исключительно большие расстояния между ее основными социально-экономическими центрами и основными существующими и потенциальными горнопромышленными районами, резкая диспропорция в размещении демографического и природно-ресурсного потенциалов, континентальность страны и удаленность ее основных социально-экономических регионов от морских побережий и портов – все это определяет территориальную организацию хозяйства и расселения. В основу определенных геоэкономических доминант страны необходимо положить сочетание, с одной стороны, высокотехнологичных и конкурентоспособных (как на внутреннем, так и внешнем рынках) производств в ограниченном числе ядер инновационного развития в староосвоенной части страны, а с другой, – дальнейшее освоение природно-промышленных ресурсов во все новых регионах пионерного освоения. Залогом успешной работоспособности такой конструкции должно быть развитие высокотехнологичного транспорта, магистральные «коридоры» которого должны связать страну с наименьшими транспортными издержками в единое экономическое пространство. Вероятно, одним из примеров такой пространственной организации экономической жизни для России выступает Канада.

М. Т. Романов

Обширное географическое пространство России, особенно его восточная часть, все еще остаются слабо освоенными и слабо заселенными. В результате политических перестроек и экономического кризиса 1990-х годов демографический и экономический потенциал востока России еще больше снизился. В то же время здесь, на восточных рубежах, Россия непосредственно граничит с крупнейшими, весьма динамичными странами: США, Китаем, Японией (Бакланов, Романов, 2009). В целом, здесь складывается достаточно сложное геополитическое положение.

В этих условиях поддерживать геополитическое равновесие на восточных рубежах Россия может, лишь проводя адекватную демографическую и экономическую политику. На достаточном, в целом адекватном соседним странам, уровне должен оставаться и оборонный потенциал. Как нами отмечалось ранее, длительное сохранение или усиление различий, контрастов в геополитических потенциалах стран-соседей и их регионов в конечном итоге приводит к появлению геополитических проблем, а нередко – и к серьезным конфликтным ситуациям (Бакланов, Романов, 2009). Поэтому для России страте-

гически важной задачей является наращивание на своих восточных рубежах геополитического потенциала, ускорение пространственного развития.

В то же время, несмотря на обширность и слабую освоенность российского пространства, остроту геополитического положения, проблемы пространственного развития России должного отражения в экономико-географических исследованиях пока не получили. Лишь в последние два–три года проявился определенный интерес к этим проблемам, о чем свидетельствуют, например, Программа 24 фундаментальных исследований Президиума РАН на 2009–2011 гг. – «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», курировавшаяся академиком А. Г. Гранбергом, и Программа фундаментальных исследований Президиума РАН на 2012–2014 гг. № 31 – «Роль пространства в модернизации России: Природный и социально-экономический потенциал», курируемая академиком В. М. Котляковым.

Под пространственным (территориальным) развитием нами понимается прогрессивное изменение, усложнение территориальных социально-экономических структур географического пространства, включая и освоение новых пространств, формирование новых территориально-хозяйственных и селитебных элементов, упорядочение и развитие связей между ними.

Используя термин «пространственное развитие», мы в большей мере акцентируем внимание на территориально-структурной составляющей данного процесса и явления – на усложнении *территориальной* структуры хозяйства и населения, их *территориальной* дифференциации, *территориальной* диверсификации, энтропии социально-экономических географических полей, их структурировании, поляризации или выравнивании, концентрировании и деконцентрировании, районообразовании, складывающихся территориальных пропорциях, диспропорциях и пр. (Романов, Бучнева, 2009).

Процесс пространственного развития в условиях России может включать в себя: 1) развитие, модернизацию, усложнение сложившихся территориальных социально-экономических структур; 2) хозяйственное освоение, заселение неосвоенных, слабоосвоенных его районов, связанное с формированием новых элементов территориальных социально-экономических структур; 3) совершенствование территориальной организации (устройства, упорядочения) хозяйственно-селитебных образований. Совершенствование территориальной организации социально-экономических структур нами рассматривается как составной элемент процесса пространственного развития.

Процессы пространственного развития должны вести к прогрессивному изменению территориально-компонентных структур социально-экономических систем, совершенствованию их территориальной организации, приводящему эти структуры, в конечном итоге, в соответствие с географическими свойствами регионов. Понятием-синонимом *пространственного развития*

правомерно рассматривать понятие *региональное развитие* – как пространственное развитие хозяйственных, селитебных структур конкретного региона (Алаев, 1983), т. е. развитие территориальных социально-экономических структур конкретных регионов.

Как нам представляется, процесс *пространственного развития*, прежде всего, выражается в *диверсификации компонентно-территориальной структуры* географического пространства, его отдельных таксонов. Процесс диверсификации хозяйства также является усложнением как его отраслевой (компонентной) структуры, так и территориальной структуры.

При рассмотрении проблем пространственного развития Дальнего Востока России (ДВР) крайне важным представляется учет следующих принципиальных его особенностей (Бакланов, Романов, 2009):

1. ДВР имеет *контактное географическое положение относительно крупнейших стран мира*: США, Китая, Японии, с которыми возможны как активное экономическое, научно-техническое, гуманитарное и пр. сотрудничество, так и определенные противостояния;

2. ДВР – *приокеанический макрорегион*, выходящий протяженной береговой линией к побережью морей Тихого океана – на востоке, и морей Северного Ледовитого океана – на севере;

3. ДВР – *огромный макрорегион* (площадью более 6 млн км², равной двум Индиям или 2/3 США или Китая) с *весьма значительным ресурсным потенциалом* (земель, недр, лесов, морей);

4. ДВР – *новый регион*, история активного российского хозяйственного освоения и заселения южных территорий которого (территорий Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Еврейской автономной областей) насчитывает около 150 лет (а Южного Сахалина и Курил – и того меньше, всего 65 лет), что для развития любой страны, региона крайне незначительный период;

5. *Значительная дифференцированность и определенная экстремальность природно-климатических условий ДВР* и, обусловленная в значительной мере этим, неоднородность и даже полярность в уровне его освоённости и заселённости.

Несомненно, что эти *специфические особенности географического положения ДВР* весьма важны и значительны как с позиций экономики, так и геополитики, поэтому их учет в пространственном развитии, пространственной организации хозяйства и населения становится важным и обязательным.

В силу масштабности для нашей страны проблем пространственного развития, особенно для восточных ее регионов, необходимо усилия государства концентрировать на «ключевых» территориях (Бакланов, Романов, 2009). Одной из этих трёх ключевых зон Тихоокеанской России является Приморско-Приамурская зона (наряду с Курило-Сахалинской и Камчатско-Берингий-

ской) – в силу своего уникального геополитического и экономико-географического положения в контактной зоне с крупнейшими мировыми «центрами силы».

Пространственное развитие Приморско-Приамурской зоны, как наиболее освоенной и структурно развитой в пределах ДВР, может и должно происходить преимущественно по интенсивному варианту на основе формирования территориально-хозяйственных структур индустриального и постиндустриального типов.

Пространственное развитие на «новых» или практически не затронутых человеческой деятельностью территориях Тихоокеанской России может сводиться к их «первичному» (или «пионерному») освоению. Это выражается в формировании ресурсно-информационных баз территорий, возникновении первичных элементов хозяйственных структур гомогенного, преимущественно ресурсодобывающего типа, первоначальном создании элементов транспортной, энергетической и прочей инфраструктуры.

Следует отметить, что в *нынешних политико-экономических условиях* бизнес ориентируется лишь на инвестирование производств и прочих сфер, которые «обещают» быструю и большую отдачу вложенных средств. В этих условиях инвестирование частным бизнесом пространственного развития слабоосвоенных регионов, освоения новых территорий, даже если они располагают значительным природно-ресурсным потенциалом, – мало реально. Более того, в нынешних условиях на таких территориях скорее реален обратный освоению процесс, что сегодня характерно большинству территорий востока России.

В этих условиях государство может обеспечить предварительное инфраструктурное обустройство таких территорий и привлечь частный капитал – с помощью имеющихся у него механизмов.

Г. М. Фёдоров

Геополитические и геоэкономические детерминанты пространственного развития постсоветской России пока не вполне определены, однако их общие направления, на наш взгляд, могут быть представлены следующим образом.

А. Отношения со странами СНГ:

Формирование более тесных, интеграционных экономических, культурных и политических связей в рамках Союзного государства России и Белоруссии, а также – Единого экономического пространства (ЕЭП).

Налаживание взаимовыгодных связей с Украиной; стремление к более тесному сотрудничеству и вхождению Украины в состав ЕЭП.

Усиление влияния в других странах СНГ, имея в виду в последующем их вхождение в ЕЭП.

Б. Западное направление. Расширение взаимовыгодного сотрудничества со странами ЕС.

В. Восточное направление. Совершенствование форм экономического сотрудничества с Китаем, Республикой Корея, Японией, другими странами Восточной и Юго-восточной Азии, с Австралией и Океанией.

Г. Североамериканское направление. Достижение равноправного политического партнерства с США, расширение экономических и культурных связей.

Д. Латиноамериканское, Африканское, Ближневосточное, Южно-азиатское направления. Усиление, по возможности, политического и культурного влияния России, развитие взаимовыгодных экономических связей.

Проявления и проблемные ситуации трансграничной регионализации сильно различаются в территориальном плане, поскольку и приграничные субъекты РФ, и их зарубежные соседи имеют весьма значительные различия. К приграничным можно отнести 48 субъектов РФ, из них 17 находятся в европейской части страны (включая Северный Кавказ). Для большинства приграничных регионов размещение вдоль государственной границы в удалении от федерального центра сопряжено с худшими условиями социально-экономического развития (более 70 % приграничных субъектов РФ относятся к депрессивным).

Трансграничное сотрудничество в разных частях страны активно изучают П. Я. Бакланов, В. А. Колосов, В. С. Корнеевец, Н. М. Межевич и др. Общим выводом является то, что развитие трансграничных связей и участие в различных формах трансграничного сотрудничества помогает преодолевать негативные последствия периферийности приграничных территорий.

Конечно, наиболее благоприятными были предпосылки развития многостороннего сотрудничества приграничных российских регионов с соседями из постсоветского пространства, особенно из стран СНГ. Но, к сожалению, все 1990-е годы господствовала вышедшая из недр Гайдаровского Института экономики переходного периода идея, что СНГ – это просто способ «цивилизованного развода». И лишь в 2000-е годы, и то не сразу, позиция руководящих органов страны стала меняться в сторону ориентации на опыт Европейского союза.

Для регионов России чрезвычайно актуально изучение мирового (прежде всего европейского) опыта развития трансграничных связей и формирования на их основе трансграничных регионов. Хотя на границе с Евросоюзом расположены только 5 субъектов РФ (Мурманская область, Республика Карелия, Ленинградская, Псковская и Калининградская области), именно эти регионы

наиболее активно участвуют в трансграничной кооперации и уже сегодня выступают своего рода лабораторией интеграционных процессов между Россией и ЕС. Здесь осуществляются торговые отношения и возникают производственные контакты между хозяйствующими субъектами соседних стран. В течение последних двух десятилетий в Балтийском регионе возникла плотная сеть горизонтальных связей и контактов, обеспечивающая взаимодействие между отдельными организациями и правительственными программами, органами местного самоуправления и негосударственными организациями. Эти новые международные структуры и отношения продолжают развиваться и в будущем внесут свой вклад в становление отношений между сообществами, составляющими Балтийскую Европу. Балтийский регион из физико-географического понятия, подразумевающего акваторию Балтийского моря и территорию бассейна рек, впадающих в него, становится также экономико- и социально-географическим понятием, предполагающим определенную социально-экономическую общность.

В то же время потенциал трансграничного взаимодействия используется далеко не полностью. Более глубокое изучение трансграничной кооперации должно стать основой для формирования механизмов совершенствования политики приграничного сотрудничества на национальном уровне, определения стратегических направлений и разработки инструментов взаимовыгодной кооперации между приграничными регионами России и Евросоюза.

Значительную роль в развитии приграничных регионов играет реализация совместных проектов в различных сферах (экономической, социальной, экологической, культурной и т. д.). Как правило, помимо достижения основной цели проекта, такая форма сотрудничества дает важный побочный результат: в ходе совместной работы между акторами формируются механизмы долгосрочного взаимодействия. Это, в свою очередь, позволяет не только осуществлять новые проекты в развитие достигнутых ранее результатов, но и решать системные задачи, входящие в компетенцию вовлеченных организаций и групп интересов. Фактически, происходят институционализация трансграничного сотрудничества и формирование устойчивой сетевой структуры — первый этап в создании новой формы пространственной организации социально-экономической жизни общества, получившей название «трансграничного региона».

Трансграничные регионы могут возникать на различных уровнях в зависимости от уровня участвующих в них приграничных регионов. Если участниками зарождающегося или действующего трансграничного региона являются соседствующие муниципалитеты, такую территорию сотрудничества можно назвать *трансграничным микрорегионом*. Если сотрудничество развивается между административными регионами стран-соседей, такую трансгра-

ничную территорию следует относить к *мезоуровню*. Балтийский регион, объединяющий целые страны и территории стран, включающие несколько административных регионов, можно считать зарождающимся трансграничным макрорегионом. Здесь уже сформирована институциональная инфраструктура поддержки интеграционных процессов в самых разных сферах: пространственного планирования (инициатива VASAB), бизнеса (Baltic Development Forum), охраны окружающей среды и устойчивого развития (Helcom и Balticum-21), образования, науки, туризма и др. Сотрудничество активно развивается при финансовой поддержке специальной программы Евросоюза Interreg, в софинансировании и реализации многих проектов которой участвует Россия. Четвертый этап программы начался в 2007 г. и продлится до 2013 г. (к сожалению, участие в нем России сопряжено с неожиданно возникшими трудностями, и реализация проектов с российским участием к началу 2012 г. пока не началась).

Одной из относительно новых форм трансграничного сотрудничества являются еврорегионы, часто составляющие ядра трансграничных регионов. Они представляют собой группы регионов стран ЕС, либо также граничащих с ЕС государств, между которыми заключено соглашение о сотрудничестве. Предметом сотрудничества выступают различные сферы деятельности, относящиеся к компетенции регионов.

В Балтийском макрорегионе насчитывается 23 еврорегиона, и в 7 из них участвуют субъекты Российской Федерации и/или их муниципальные образования (таблица).

Еврорегионы в макрорегионе Балтийского моря с участием субъектов РФ

№	Название	Год создания	Страны-участницы
1	Неман	1997	Польша, Литва, Белоруссия, Россия
2	Балтика	1998	Польша, Литва, Латвия, Швеция, Дания, Россия
3	Сауле	1999	Литва, Латвия, Россия, Швеция
4	Карелия	2000	Финляндия, Россия
5	Лына-Лавя	2003	Польша, Россия
6	Шешупе	2003	Россия, Литва, Польша, Швеция
7	Псков-Ливония	2004	Россия, Эстония, Латвия

Вне зависимости от формулировки целей их создания, деятельность еврорегионов реально направлена на развитие приграничного сотрудничества с целью преодоления недостатков приграничного (то есть периферийного) положения входящих в них субъектов и, если говорить об экономике, то, в конечном счете, для получения конкурентных преимуществ по сравнению с

другими регионами. Не случайно сотрудничество регионов все более переносится из социально-культурной плоскости в сферу развития производственной и социальной инфраструктуры. Особенно активно реализуются проекты по созданию общей транспортной сети (автомагистралей, а также железные дороги, паромные линии).

По нашему мнению, стратегическое планирование в еврорегионах могло бы способствовать и формированию новых промышленных кластеров, основанных на кооперации производителей соседних стран. Для этого требуется, чтобы органы власти, которые определяют формирование и развитие еврорегиона, привлекали представителей бизнеса к своей деятельности по разработке проектов приграничного сотрудничества.

И вовсе не случайно идеи экономического сотрудничества касаются еврорегиона «Балтика» – наиболее продвинутого из всех еврорегионов с российским участием. Именно здесь возникла идея производственной кооперации, затрагивающей часть еврорегиона: польский профессор-географ из Гдыни Тадеуш Пальмовский предложил формирование биполярной российско-польской территориальной системы «Трехградье (Гданьск – Гдыня – Сопот) – Калининград» (расстояние между Трехградьем и Калининградом – 120 км).

По нашему мнению, имеются предпосылки для создания даже более крупной триполярной системы, включающей также литовскую Клайпеду, отстоящую от Калининграда на 125 км. В советское время между двумя городами, особенно в рыбопромышленном комплексе, существовали тесные связи, которые после распада СССР оказались разорванными. Осуществлялись попытки добиться некоторого взаимодействия торговых портов Калининграда и Клайпеды в обслуживании российских и белорусских экспортно-импортных грузов (Проект «2К»), но они не увенчались успехом.

Промышленная кооперация возможна и экономически эффективна в судостроении, нефтепереработке, производстве телевизоров и сложной бытовой техники, мебельной, рыбной, янтарной и других отраслях. Большой интерес она представляет в координации деятельности морских портов и аэропортов, в обслуживании транзитных автомобильных и железнодорожных потоков. Здесь может сформироваться крупнейший на Балтике туристско-рекреационный район, использующий как ресурсы морского побережья, включая принадлежащую Польше и России Вислинскую (Балтийскую) косу и поделенную между Россией и Литвой Куршскую косу, так и возможности посещения расположенных здесь культурно-исторических памятников. Значительны ресурсы экологического туризма и велотуризма. Города предоставляют возможности развлечений и досуга, а морские порты – позволяют организовывать морские круизы (как вдоль побережья, так и с портами Северных стран).

Развитие трансграничной кооперации через формирование еврорегионов, включающих в свою сферу не только сотрудничество в социально-культурной сфере, но и производственную деятельность, не только снижает недостатки приграничного положения регионов, но и может содействовать их превращению в своеобразные «коридоры развития» между внутренними регионами различных стран. Некоторые из таких регионов, через которые осуществляются внешние связи соответствующих стран (например, Санкт-Петербург и, при определенных условиях, Калининград), могут вместе со своими партнерами стать не «двойной периферией», а трансграничными «полюсами роста» экономики. Поэтому российским регионам целесообразно активно участвовать в деятельности еврорегионов и способствовать разработке и реализации стратегических планов их развития. А опыт их формирования и развития целесообразно использовать и в других частях российского пограничья, где субъекты РФ будут играть активную роль (какую играют сейчас обычно субъекты ЕС в еврорегионах на Балтике).

А. И. Чистобаев

Геополитическое положение современной Российской Федерации, конечно, намного хуже геополитического положения бывшей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, входившей в состав бывшего Советского Союза. Только эти преимущества РСФСР над РФ не использовались в полной мере. Была «империя наоборот»: РСФСР не приращивала своё национальное богатство за счёт национальных окраин, а, наоборот, отдавала им значительную часть своего богатства. Что было, то было! Не будем печалиться по этому поводу, а сделаем из данного исторического факта соответствующие выводы, чтобы не допустить подобных промахов впредь.

Высказанное опасение имеет под собой почву. Об этом, в частности, свидетельствует состояние дел в приграничных регионах РФ. Как известно, специалисты полагают, что приграничное положение является важным фактором социально-экономического развития сопредельных территорий. Именно так и рисуется картина в ряде стран мира, причём не только высокоразвитых, но и развивающихся. Возьмём, к примеру, Китай: на его территории вблизи границы с Россией быстро растут города, всё в большей мере концентрируется население. В нашей приграничной с Китаем полосе картина обратная: экономика городов движется вспять, численность населения в них убывает. Значит, нужно сделать такой парадоксальный вывод: приграничное положение российских регионов благоприятствует социально-экономическому раз-

виту сопредельных зарубежных территорий. Этот вывод вселяет тревогу за будущее нашей страны. В чём причина? Да всё в том же – непрофессиональном управлении страной, обусловившим коррупцию, воровство, потакание интересам той самой «элиты», о которой я говорил выше.

Если воровство является национальной чертой россиян (вспомним слова классика: «воруют»), то и политика должна быть такой, чтобы изжить этот порок в людях. И, по-видимому, мало следовать принципу «вор должен сидеть в тюрьме», поскольку наличие нар в тюремных камерах не беспрдельно, всех вороватых чиновников не посадишь. Очевидно, нужны и другие меры. Какие? Не знаю. Это дело юристов, психологов, социологов, а у нас, географов-обществоведов, другая сфера деятельности: мы знаем, где и как развивать экономику, какие факторы необходимо учесть для того, чтобы это развитие было эффективным, чтобы оно соответствовало специфике территории, интересам людей, её населяющих. К сожалению, такими знаниями не обладают представители властных структур, включая министра регионального развития. Они не интересуются (в отличие от их предшественников) нашим мнением. А вот в Китае мой ученик даёт дельные советы лицам, принимающим государственные решения в области регионального развития. При этом он основывается на знаниях, полученных в России, и удивляется тому, что у нас эти знания почти не востребованы.

М. Д. Шарыгин

Особенности развития трансграничных регионов во многом зависят от функциональной структуры государственной границы. Границы, оставшиеся в наследство от СССР, на западе несут барьерную функцию с элементами контакта – в южной части Карелии и Финляндии, на юго-востоке – контактную функцию с элементами барьера в зоне с КНДР. Наиболее проблемная ситуация сложилась на границе России и Японии в Сахалинско - Южно-Курильско - Японском регионе. Разрешение конфликтной ситуации может произойти путем изменения структуры границы: а) в пространстве и б) в функциях. Более приемлемый вариант связан с повышением контактных функций, расширением пограничной полосы и созданием зоны совместного развития.

Своеобразная ситуация сложилась в трансграничных российско-китайских регионах, что обусловлено спецификой развития экономики России и Китая, повышенной контактностью и транзитностью границы. Национальные ресурсы Хабаровского края и Амурской области стали активно эксплуатироваться с помощью китайской рабочей силы и поступать в дальнейшем на предприятия

китайской экономики. Появились устойчивые экономико-технологические «цепочки» с начальными стадиями в России и конечными – в Китае. В трансграничных регионах возросли приграничные контрасты не только в структуре экономики, но и в уровне жизни населения. Сглаживание контрастов возможно лишь путем наращивания мощности производств обрабатывающих отраслей на территории России.

Распад СССР сопровождался формированием государственной границы России с новыми государствами. Административные границы приобрели статус и функции государственных границ. Появились новые трансграничные регионы с обострением экономических, социально-демографических, культурно-этнических и иных проблем. Традиционно-контактные границы приобрели барьерные функции, что резко отразилось на образе жизни и поведении людей.

Государственные границы с Эстонией и Латвией выявили проблемные территории, вопрос с которыми, по существу, решен. Границы со странами СНГ становятся контактными, чему способствует создание Таможенного Союза и вступление России в ВТО. Трансграничные регионы получают новый импульс для повышения организации и сбалансированности социально-экономического развития.

В. А. Шупер

Дефекты геополитического положения России, возникшие в результате распада СССР, хорошо известны, однако самый важный из них – это наша крайняя слабость на Дальнем Востоке, которая пострашней утраты балтийских и черноморских портов. Необходимо учесть существеннейшие различия в геополитическом положении России и Украины, стремящейся всеми силами вступить в ЕС. Разумеется, Украину охотно приняли бы в НАТО, а со вступлением в ЕС придется подождать, возможно, не меньше, чем Турции, но Украина имеет на своих западных рубежах ЕС, пусть и представленный не самыми развитыми странами, а на восточных – Россию. При этом западные области Украины развиваются динамичнее восточных, значительно более индустриальных, что связано как с благотворным влиянием ЕС, так и с перераспределением средств с востока на запад, в результате которого «прозападные» регионы отчасти поднимаются на деньги «пророссийских», о чем писал Л.Б. Вардомский. В совсем ином положении Россия, имеющая на западных рубежах Украину, которую всеми силами стремится обойти газопроводами с се-

вера и с юга, а на восточных – вторую экономику мира, которая в обозримой перспективе может стать первой, да еще Японию и Южную Корею.

Развитие трансграничных регионов – дело прекрасное, но можно ли рассчитывать на преодоление политических препятствий? Пока есть только один положительный пример – с Польшей, но и этот проект может быть закрыт в случае ухудшения политической конъюнктуры, ведь имела Калининградская обл. такой же режим с Литвой, но от этого остались только приятные воспоминания. Продолжающийся экономический кризис – а нам предстоит еще лет 15–20 крайне неустойчивой конъюнктуры – будет способствовать активизации поисков любых решений, в том числе и для приграничных регионов. Однако не следует возлагать чрезмерные надежды на здравый смысл. Только ввод в эксплуатацию «Северного потока» и успешное продвижение переговоров по «Южному потоку» побудили наших украинских соседей в лице президента Януковича всерьез подумать о допуске Газпрома к приватизации украинской газотранспортной системы. А ведь можно было сэкономить многие миллиарды, причем отнюдь не рублей и даже не гривен, а потом с удовольствием их поделить! Всегда хочется надеяться на разум, но чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу. Причем, в самом примитивном и близком понимании.

2.5. КРУПНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ; ИХ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, ПРИОРИТЕТНОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ

А. Г. Дружинин

В постсоветской России с её перманентным дефицитом инвестиционных ресурсов (лишь на 1/3 контролируемых государством и в существенной мере диверсифицированных по территориям и отраслям) по-настоящему крупных инвестиционных проектов – *фактически единицы*. Как правило, практически все они связаны с развитием энергосырьевого сектора, с освоением крупных месторождений нефти и газа, со строительством магистральных трансграничных трубопроводов. *Их территориально сфокусированные эффекты в своей массе – фрагментарны и лимитированы во времени*. Из числа же ныне реализуемых, наиболее масштабным, резонансным, комплексным, напрямую ориентированным на конкретную территорию проектом следует признать организацию и проведение XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в Сочи, развитие города как горноклиматического курорта. Бюджетные инвестиции в сочинскую инфраструктуру и олимпийские объекты весомы даже в общероссийском измерении (в частности, в Федеральной адресной инвестиционной программе РФ на 2012 год «на Сочи» ориентировано 6,3 % всего объёма финансирования, то есть 58,3 млрд руб., что примерно вдвое превышает показатель бюджетных инвестиций в основной капитал Чеченской Республики). Тем более существенны они для экономики Краснодарского края, за последние четыре года переместившегося с седьмого на третье место (после Москвы и Ханты-Мансийского АО) по инвестиционной активности (в 2005 г. удельный вес Краснодарского края в инвестициях в основной капитал РФ составлял 3,1 %, в 2006 г. – 3,2, 2007 г. – 3,4, 2008 г. – 3,8, 2009 г. – 4,5 %). Благодаря «олимпийскому проекту», на пятилетие край фактически обрёл весомую (на 1/3) ежегодную «прибавку» в инвестициях, сопоставимую с общим объёмом вложений в основной капитал в Белгородскую область или Ставропольский край. А это, в свою очередь, проецируется на рост стоимости недвижимости, особенно в самом Сочи и на других участках Черноморского побережья, создаёт мультипликативные эффекты на всех основных региональных и локальных рынках, стимулируя хозяйственную активность, притягивая население. Иная значимая экономико-географическая результирующая подготовки к проведению в Сочи Олимпийских игр – создание «полюса роста» макрорегионального масштаба (с перспективой формирования трансрегио-

нального, транскавказского туристско-рекреационного комплекса на основе кооперации с Адыгеей и Карачаево-Черкесией), призванного хотя бы частично уравновесить чётко просматриваемую в течение последних лет тенденцию «сдвига» инвестиций в пользу северных и северо-восточных регионов страны. У «олимпийского проекта» есть и выраженный потенциальный геоэкономический аспект – усиление социально-экономического контроля России над стратегически значимым Черноморским побережьем, проявление реальной заинтересованности доминантных российских политико-экономических субъектов в процессах, протекающих не только в южнороссийском макрорегионе, но и в целом на Кавказе, во всём Большом Причерноморье. В числе же параллельно проявляющихся отрицательных эффектов – неизбежность как дальнейшего удорожания предоставляемых городом курортно-рекреационных услуг (лимитирующего спрос, снижающего конкурентоспособность), так и экологических деструкций, миграций, этнической трансформации. На этом фоне сохраняются существенные геополитические риски (Дружинин, 2008). Крупные инвестиции в развитие Сочи актуализируют, кроме того, неизменно проявляющуюся во всех аналогичных ситуациях (и обретающую особую остроту в полиэтничном федеративном государстве) проблему нереализованной (вследствие произвольного перераспределения бюджетных инвестиций) альтернативы. И в данном контексте усилия по реализации отдельных крупных инвестиционных проектов, разумеется, не способны заменить системную, внятную и адекватную локальным условиям региональную политику.

Н. В. Зубаревич

Все реализуемые инвестпроекты разделяются на две группы:

– *нефтегазовые (добыча и транзит)* – их влияние на развитие регионов может быть очень значительным (Сахалинская область, Ненецкий АО), но в целом приводит к усилению сырьевого профиля экономики страны;

– *пиар-политические* (Сколково, саммит АТЭС, Олимпиада и др.) – огромные затраты финансовых ресурсов не дают модернизационного эффекта, средства тратятся нерационально. В 2011 г. 25 % всех инвестиций из федерального бюджета получили два региона – Приморский и Краснодарский края, причем окупаемость объектов Олимпиады под большим вопросом, а в структуре расходов на саммит АТЭС наибольшую долю занимает строительство мостов, без которых Владивосток вполне мог обойтись, поскольку в городе есть гораздо более острые и нерешенные инфраструктурные проблемы (канализация, дороги и др.).

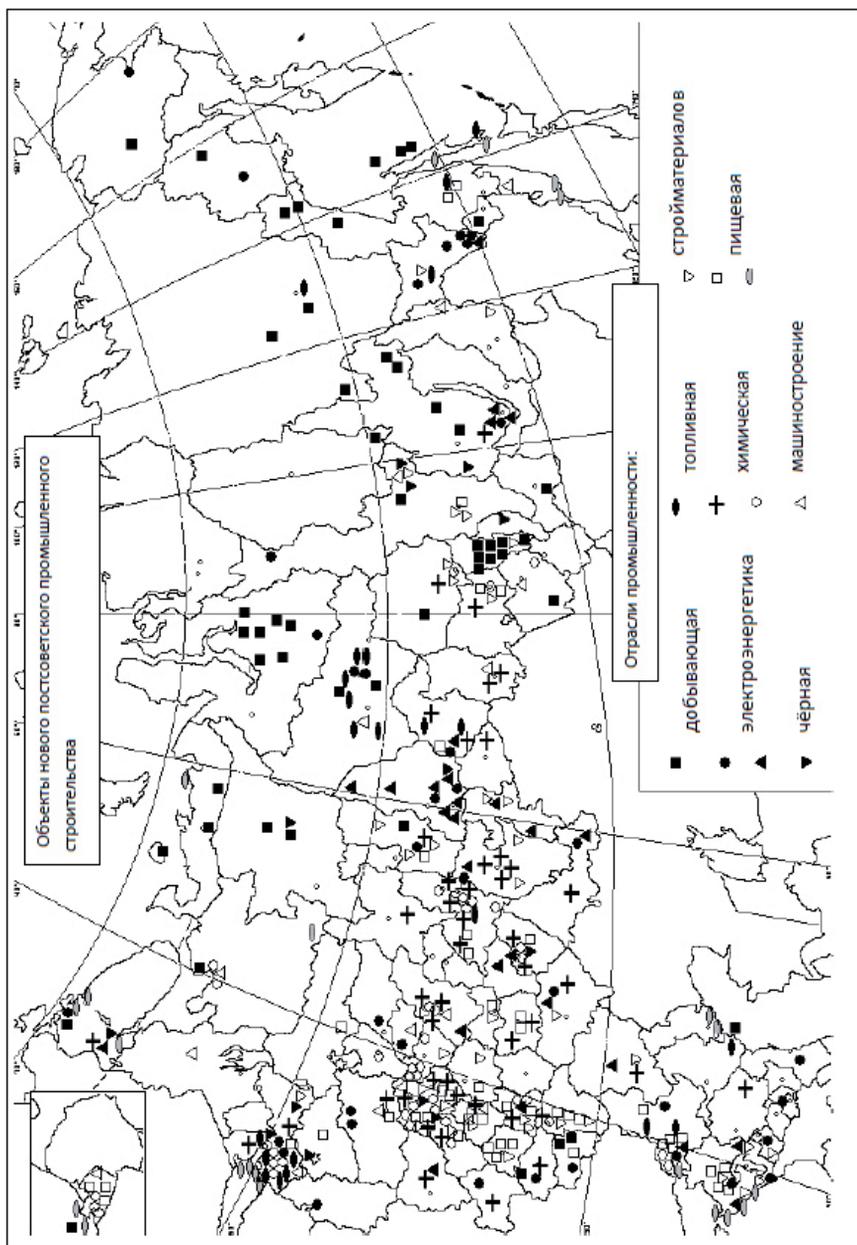
Н. Н. Клюев

В начале 1990-х гг. создавалось впечатление, что наметился сдвиг хозяйства на север и восток страны. Однако пока этого в широких масштабах не происходит, что подтверждается распределением по районам страны инвестиций (таблица). Налицо их концентрация на относительно хорошо (по российским, конечно, меркам) освоенных территориях, где они и ранее были велики. За Уралом по уровню концентрации инвестиций выделяются лишь тюменские округа. Установлен высокий коэффициент корреляции (+0,85) между долей регионов в инвестициях и их долей в производстве промышленной продукции страны.

Двадцать первых регионов по инвестициям в основной капитал за 1992–2006 гг., % от РФ

Регионы	Средняя доля за 1992–2006 гг., %	Регионы	Средняя доля за 1992–2006 гг., %
г. Москва	11,60	Кемеровская область	2,18
Ханты-Мансийский автономный округ	7,62	Красноярский край	2,14
Ямало-Ненецкий автономный округ	5,36	Пермский край	2,04
Московская область	4,24	Челябинская область	1,99
Республика Татарстан	3,24	Нижегородская область	1,87
г. Санкт-Петербург	3,21	Ростовская область	1,73
Краснодарский край	3,19	Ленинградская область	1,61
Республика Башкортостан	2,88	Республика Саха (Якутия)	1,46
Свердловская область	2,76	Республика Коми	1,36
Самарская область	2,30	Иркутская область	1,33

Вместе с тем, главным образом на востоке и севере России реализуются и планируются крупные проекты по освоению недр (добыча нефти и газа на шельфе Сахалина, начинающееся освоение нефтяных ресурсов Восточной Сибири, продвижение газодобычи в Ямало-Ненецком АО на север и др.), а также создаются опасные предприятия обрабатывающей индустрии (промышленный комплекс в Нижнем Приангарье, Уренгойские ГРЭС и нефтехимический комбинат, строящийся Тайшетский алюминиевый завод и др.). В России готовится государственная программа (до 2030 г.) освоения нефтега-

зовых месторождений на российском шельфе – Штокманского и Прилазломного в Арктике, в Охотском (блоки Магадан–1, 2, 3), Чёрном (Вал Шацкого) и в Каспийском (Тюлений блок) морях. Эти объекты, представляющие новые экологические угрозы, на предлагаемой картосхеме (рисунок выполнен по материалам деловой журналистики, поэтому он отражает лишь *репрезентативную выборку* наиболее крупных инвестиционных проектов) выглядят как локальные очаги освоения. Существенный сдвиг производительных сил на восток пока опять откладывается.

Зато пока хорошо заметна инвестиционная активность в столичных областях, причём Ленинградская область не уступает Московской. Конечно, это большей частью пищевая промышленность, машиностроение, но также и энергетика, промышленность строительных материалов, химическая индустрия.

На фоне существенного сокращения транспортной работы (в 2–3 раза) в постсоветской России наблюдается «трубопроводно-портовый бум». Здесь можно выделить: газопровод «Голубой поток» по Черному морю, проекты газопроводов «Голубой поток – 2» и «Южный поток»; Приморский нефтеперевалочный порт; Балтийскую трубопроводную систему (Кириши-Приморск); газопровод «Северный поток»; Сахалинские трубопроводы; строящийся нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан; проекты нефтепроводов к Мурманску и (или) к Индиге/Варандею; проект поставок газа в Китай по газопроводу «Алтай» и др.

Интенсивное строительство преимущественно экспортной трубопроводной инфраструктуры закрепляет позиции России в качестве мировой «бензоколонки и кочегарки».

Проектируемый с 2010 г. так называемый «туристический кластер» Северного Кавказа (в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестане и Ингушетии) преимущественно горнолыжного профиля мыслится, по-видимому, в качестве альтернативы альпийским курортам. На мой взгляд, скорая окупаемость этого проекта вряд ли возможна. Горнолыжные курорты предназначены для «среднего класса» в западном его понимании, который в России невелик. Для иностранных же туристов барьерами будут соображения безопасности и качество кавказского сервиса. Предназначенные для этого «кластера» инвестиции (15 млрд долл.) целесообразнее было бы направить на обустройство климатических и бальнеологических курортов Азово-Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод – для массовой, а не элитной рекреации.

О. В. Кузнецова

Вопрос о том, какие инвестиционные проекты считать крупными, неоднозначен. Тем не менее, один однозначный пример федеральной поддержки крупных инвестиционных проектов привести можно – с помощью средств Инвестиционного фонда РФ. Инвестфонд был создан осенью 2005 г. С тех пор нормативно-правовая база фонда неоднократно пересматривалась, произошла также передача Инвестфонда осенью 2007 г. из ведения Минэкономразвития России в ведение Минрегиона России. Последнее означает, что Инвестфонд стал непосредственно инструментом региональной политики, хотя изначально в качестве такового не рассматривался.

Основной целью создания Инвестиционного фонда РФ в 2005 г. было объявлено развитие государственно-частного партнерства в стране. Изначально за счет средств Инвестиционного фонда поддерживались так называемые проекты, имеющие общегосударственное значение, т. е. направленные на достижение целей социально-экономического развития Российской Федерации. Стоимость таких проектов должна составлять не менее 5 млрд рублей, т. е. это действительно крупные проекты. Доля частных инвесторов в таких проектах должна составлять не менее 25 %, а срок реализации проекта – не более 5 лет. Средства Инвестфонда РФ могли выделяться как непосредственно на реализацию инвестиционных проектов (капитальные вложения), так и на разработку проектно-сметной документации по проекту. При этом, выделение средств на разработку документации по проекту еще не означает автоматического выделения денег непосредственно на реализацию проекта, решение об этом должно приниматься отдельно (что уже не исключает «пустую» трату средств).

Важно также отметить, что за счет средств Инвестиционного фонда могут поддерживаться комплексные инвестиционные проекты, под которыми понимаются несколько взаимосвязанных инвестиционных проектов, реализуемые двумя и более ответственными исполнителями или инвесторами. На практике в таких проектах под государственно-частным партнерством стала пониматься реализация следующей схемы: государство вкладывает средства в инфраструктуру, необходимую для реализации промышленных инвестиционных проектов, а частные инвесторы – в строительство промышленных предприятий (что «классическим» государственно-частным партнерством не является).

Отбор проектов, претендующих на поддержку за счет средств Инвестфонда, осуществляется на основе целого ряда критериев. Помимо стоимости инвестиционного проекта и минимальной доли частного инвестора, это:

– наличие инвестора, подтвердившего готовность к участию в проекте (за исключением концессионного проекта);

– соответствие решаемой задачи при реализации проекта целям социально-экономического развития Российской Федерации и государственного инвестирования на среднесрочную перспективу, а также отраслевым стратегиям развития, утвержденным Правительством РФ;

– достижение положительных социальных эффектов, связанных с реализацией проекта;

– обоснование невозможности реализации проекта без участия бюджетных ассигнований Фонда;

– наличие финансовой, бюджетной и экономической эффективности.

Таким образом, инициатор проекта должен доказать значимость проекта для экономики страны и обосновать необходимость поддержки проекта за счет средств Инвестиционного фонда РФ.

Казалось бы, Инвестфонд должен был стать эффективным инструментом поддержки крупных инвестиционных проектов (учитывая заинтересованность в таких проектах частных инвесторов), оценки их эффективности. Однако на деле оказалось все не так просто. Это видно, в том числе, и по отобранным для поддержки за счет средств Инвестфонда проектам. Их отбор был начат весной 2006 года и продолжался вплоть до передачи фонда в ведение Минрегиона России. Всего был одобрен 21 проект, из них по 14 проектам предусматривались капитальные вложения, по 7 – разработка проектно-сметной документации (таблица).

Финансируемые за счет средств Инвестиционного фонда РФ инвестиционные проекты общегосударственного значения*

№ п/п	Проекты	Срок реализации, год	Инвестиции, млрд руб., на 1 января прогнозного года	
			всего	инвестфонд
1	Строительство в г. Санкт-Петербурге автомобильной дороги «Западный скоростной диаметр»	2004–2014	212,725	50,710
2	Строительство в г. Санкт-Петербурге Орловского тоннеля под р. Невой в рамках развития Волго-Балтийского пути	2005–2015	47,741	15,578
3	Строительство нового выхода на Московскую кольцевую автомобильную дорогу с федеральной автомобильной дороги М-1 «Беларусь» Москва – Минск	2008–2012	23,661	13,172
4	Строительство скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург на участке 15 км – 58 км	2008–2012	66,081	29,487
5	Комплексное развитие Нижнего Приангарья	2006–2015	273,727	41,192

№ п/п	Проекты	Срок реализации, год	Инвестиции, млрд руб., на 1 января прогнозного года	
			всего	инвестфонд
6	Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Забайкальского края	2007–2016	104,598	24,18
7	Комплекс нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в г. Нижнекамске	2006–2012	129,615	15,83
8	Строительство железнодорожной линии Кызыл – Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Республики Тыва	2008–2014	131,622	49,272
9	Строительство и последующая эксплуатация многопрофильного перегрузочного комплекса «Юг-2» в морском торговом порту Усть-Луга	2005–2010	8,502	1,953
10	Организация производства интегральных микросхем на пластинах диаметром 300 мм с проектными нормами 65–45 нм	2008–2010	58,43	26,92
11	Промышленный комплекс г. Новомосковск Тульской области	2007–2016	45,59	7,968
12	Организация скоростного движения пассажирских поездов на участке Санкт-Петербург – Бусловская Октябрьской железной дороги	2007–2012	79,486	27,777
13	Реконструкция участка Оунэ – Высокогорная со строительством нового Кузнецовского тоннеля на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань	2008–2016	59,584	17,264
14	Комплексная программа строительства и реконструкции объектов водоснабжения и водоотведения г. Ростова-на-Дону и юго-запада Ростовской области	2004–2021	33,125	6,66
15	Строительство и эксплуатация на платной основе автомобильной дороги М-4 «Дон» на участках 21 км – 117 км и 300 км – 464 км	Утратил силу		
16	Строительство и эксплуатация на платной основе автомобильной дороги Краснодар – Абинск – Кабардинка	2014–2015	1,254	1,254
17	Строительство скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург на участке 58 км – 684 км (с последующей эксплуатацией на платной основе)	2008–2011	11,59374	11,59374
18	Урал Промышленный – Урал Полярный	2008	5,76907	3,82907
19	Комплексное развитие Южной Якутии	2008–2013	10,064478	7,428278
20	Строительство Центральной кольцевой автомобильной дороги Московской области	2008–2011	8,819571	8,819571
21	Южная трансрегиональная водная система	Утратил силу		

*Составлено автором на основе распоряжений Правительства РФ от 30 ноября 2006 г. № 1708-р (в редакции от 12 сентября 2011 г.) и от 18 августа 2007 г. № 1082-р (в редакции от 7 сентября 2011 г.), которыми утверждены паспорта инвестиционных проектов.

Как видим, из всех одобренных проектов только один – проект ОАО «Ситроникс» – можно считать однозначно инновационным. Остальные проекты инфраструктурные, хотя и они многообразны.

Значительную часть проектов составляют проекты строительства платных автомобильных дорог в густонаселенных районах страны, причем реализовывать эти проекты предполагается на основе концессионных соглашений. Учитывая проблемы с обеспеченностью автомобильными дорогами, в принципе проекты строительства дорог вполне целесообразны, хотя по отдельным проектам вопросы все же возникают.

Несколько поддержанных за счет средств Инвестфонда проектов – это проекты строительства инфраструктуры, необходимой для освоения месторождений полезных ископаемых. К числу таких проектов относятся проекты по Нижнему Приангарью, Забайкальскому краю, Республике Тыва, Южной Якутии, «Урал Промышленный – Урал Полярный». Все они предполагают строительство новых железнодорожных линий (по уральском проекту речь идет о строительстве железной дороги из Свердловской области в Ямало-Ненецкий автономный округ).

Особо можно отметить проект строительства железнодорожной линии Кызыл (Республика Тыва) – Курагино (Красноярский край). Связан этот проект с освоением месторождений полезных ископаемых, прежде всего богатейшего Элегестского угольного месторождения. Вместе с тем, любопытен этот проект тем, что он, в отличие от всех остальных проектов, действительно имеет значение для всего субъекта Федерации. Республика Тыва, как известно, – это один из немногих российских регионов, который вообще не имеет железнодорожного сообщения; и, в том числе, в силу этого обстоятельства социально-экономическое развитие республики находится на крайне низком уровне. Строительство железнодорожной линии станет интересным экспериментом, поскольку покажет, может ли строительство железнодорожной линии стать серьезным стимулом для развития экономики целого субъекта Федерации.

Целесообразность поддержки «сырьевых» проектов неоднозначна. Они закрепляют сырьевую специализацию страны. А доминирование сырьевых проектов связано как раз с размерами проектов – требованием о минимальной стоимости инвестиционного проекта в 5 млрд руб. Как-то оправдывает рассматриваемые проекты лишь то, что они должны реализовываться в проблемных восточных регионах.

Нельзя не сказать и о том, что на поддержку Инвестфонда постепенно стали претендовать все более и более грандиозные проекты, поддержка каждого из которых эквивалентна годовому объему Инвестфонда. Из уже называвшихся проектов к числу таковых относятся «Урал Промышленный – Урал

Полярный» и «Комплексное развитие Южной Якутии». Немалые размеры проектов привели к тому, что еще в докризисный период стали говорить о нехватке средств Инвестиционного фонда.

С немалыми сложностями столкнулась и реализация проектов за счет средств Инвестиционного фонда РФ. Сроки реализации многих проектов стали затягиваться, неоднократно принимались решения о продлении проектов, а также уточнении объемов их финансирования. К началу 2011 г. из 21 проектов, получивших поддержку, к реализации б не приступали. От двух из них, предусматривавших разработку проектной документации, в итоге вообще отказались. Несмотря на формальное завершение в 2009 г. разработки проектной документации по проекту «Урал Промышленный – Урал Полярный», собственно проект к концу 2011 г. одобрен так и не был. Причин подобной ситуации несколько, в том числе недостаточные темпы развития нормативно-правовой базы по государственно-частному партнерству – как новому для России явлению. Но еще одна причина – это опять-таки размеры проектов. Качественно проработать крупные проекты оказалось довольно сложно, оценить реальную потребность в таких проектах – тем более (проект по Уралу – одна из самых наглядных иллюстраций этого).

Относительно благоприятной оказалась ситуация с реализацией проектов общегосударственного значения «Промышленный комплекс г. Новомосковск Тульской области» и «Комплекс нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в г. Нижнекамске», по которым в 2010 г. было завершено создание инфраструктуры. Лидерство этих проектов неудивительно, поскольку из 14 одобренных проектов, предполагавших капитальное строительство, именно эти два проекта предполагали не освоение новых районов, а дальнейшее развитие сложившихся промышленных центров, причем специализированных на вполне благополучных отраслях (нефтепереработке, нефтехимии и химической промышленности). Другое дело, что возникает вопрос, а нужна ли реально эти проектам была поддержка за счет средств Инвестиционного фонда РФ.

Таким образом, ориентация на крупные инвестиционные проекта привела к появлению «гигантомании» – плохо проработанных проектов, преимущественно сырьевых, целесообразность реализации которых далеко не всегда очевидна. Поэтому, даже в рамках Инвестиционного фонда фактически отказались от отбора проектов общегосударственного значения, перейдя к поддержке так называемых региональных инвестиционных проектов, минимальная стоимость которых должна составлять не 5 млрд руб., а 500 млн руб. (при доле частных инвесторов от 50%). Такие проекты гораздо более реалистичны, предложить такие проекты могут все (или почти все) субъекты Федерации.

Таким образом, опыт Инвестиционного фонда РФ показал, что делать ставку на крупные (или особо крупные) инвестиционные проекты не имеет особого смысла.

А. Н. Пилясов

Есть две позиции по поводу мегапроектов современной России. Первая – они затратны и для страны пока неподъемны. Кроме того, бюджетные инвестиционные ресурсы на эти проекты обречены быть потрачены крайне неэффективно. Нужно поэтому заниматься малыми проектами, а крупные инвестпроекты отложить до лучших времен. Вторая позиция – мегапроекты неотложно нужны России, нужно не откладывая приступить к реализации некоторых из их перечня, прежде всего инфраструктурных.

Мне ближе вторая позиция – не нужно путать целесообразность мегапроектов с во многом утраченным за 1990-е годы искусством их реализации. Отсутствие сегодня в России грамотных управленцев крупными мегапроектами и самой институциональной среды их эффективного сопровождения не должно снимать с повестки сам вопрос их необходимости и целесообразности. Нужно вновь, как в 1930-е годы, обучаться западному менеджменту для мегапроектов современной России. Это действительно критичная задача.

Подготовленная при моем участии Стратегия развития Арктической зоны России предполагает реализацию нескольких крупных инвестиционных проектов. Эти крупные новые стройки, помимо экономической, выполняют еще и геополитическую функцию укрепления присутствия страны на отдаленных территориях. Они обеспечат устойчивый позитивный эффект в бюджетных доходах, доходах местных домохозяйств, станут генераторами прямой и опосредованной занятости, в итоге обеспечат большую, чем сегодня, защищенность жителей Арктики, комфортность и безопасность их существования. Мегапроекты приведут к формированию здесь нескольких центров экономического роста и по-новому определят роль и место Арктики в России и мире. Каждый из них имеет сметную стоимость в десятки миллиардов рублей (в последующей характеристике использованы материалы проекта Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., в подготовке которой автор принимал участие вместе с коллегами из Совета по изучению производительных сил А. М. Коноваловым и И. В. Гришиной, а также с директором Центра «Север» В.И.Павленко).

Среди них можно выделить группу проектов, которые интегрируют Ар-

ктику с освоенными районами страны, и другую, проекты которой целиком приурочены к Арктической зоне. К первой относится создание новых транспортных коридоров в меридиональном и широтном направлениях – «Урал Полярный – Урал Промышленный» и «Белкомур». В результате строительства железной дороги Полуночная – Обская, достройки линии Обская – Бованенково с последующим выходом на порт Харасавей, создания железнодорожного сообщения Надым – Салехард и далее через Салехард до Лабытнанги, также линии Коротчаево – Игарка с перспективой выхода на Дудинку и Норильск, строительства автодороги Тюмень – Урал –Агириш – Салехард рудные ресурсы Полярного Урала, зона нефтегазодобычи Ямала будут связаны по железнодорожной трассе с освоенными районами Промышленного Урала, т. е. промышленными предприятиями-потребителями Челябинской и Свердловской областей.

Проект «Белкомур» предусматривает строительство недостающих участков (Карпогоры – Вендинга) железной дороги по трассе «Архангельск – Пермь» для связи Архангельского морского порта с Сыктывкарком, Кудымкаром и Пермью (Соликамском), что обеспечит выход на внешние рынки продукции этих регионов.

Вторая группа арктических мегапроектов включает освоение крупной Тимано-Печорской нефтегазовой провинции и месторождений углеводородов на шельфе Баренцева и Печорского морей. Освоение новых крупных ресурсных объектов в Арктике будет происходить поэтапно для уменьшения рисков в результате использования опыта, накопленного на предыдущих стадиях, и на принципах проектного управления и финансирования, учета интересов широкого круга потенциальных участников. Новые ресурсные проекты будут реализованы на вахтовой основе, без существенного увеличения круглогодичной занятости: предполагается контрактная система набора работников, предусматривающая проживание их на стройплощадке без членов семьи; расселение работников в модульных, полностью укомплектованных жилых помещениях; вахтовая система труда и отдыха с продленным рабочим днем в период вахты, использование мобильных производственных предприятий для обслуживания техники.

Предусматривается использование механизмов государственно-частного партнерства, которые предполагают кропотливое согласование интересов каждой из сторон, соединение финансовых сил государства и бизнеса при реализации пространственно локализованных сочетаний инвестиционных проектов. Государство в лице федеральной и региональной власти участвует в сооружении инфраструктурных объектов; компании разрабатывают месторождения природных активов, осуществляют первичную их переработку, выплачивают налоги в бюджетную систему всех уровней, генерируют новую за-

ность и доход для местных жителей. При этом, инфраструктурные объекты будут преимущественно создаваться в районах пионерного освоения не для одной отрасли производства, а для комплекса отраслей и предприятий. Компенсация государственных инфраструктурных затрат будет проходить через бюджетные (налоговые) доходы от вводимых в строй новых производственных мощностей.

В арктических мегапроектах освоения новых месторождений углеводородов на суше, на море (с отработкой с суши), и в шельфовой зоне будут участвовать предприятия российского судостроительного комплекса, оборонно-промышленные, строительные, транспортные и другие крупные и малые предприятия-субконтракторы в центральной России и в зоне Арктики.

Значительную специфику имеет мегапроект освоения ресурсов углеводородов на шельфе арктических морей, который начнется в прогнозный период и продлится несколько десятилетий. Поскольку ни одна страна в мире не имеет надежных и безопасных технических решений для промышленного освоения месторождений углеводородов на глубинах более 200 метров в акваториях со сложной ледовой обстановкой, предполагается мощное и постоянное научное сопровождение этого мегапроекта на всех его стадиях (от проектирования до эксплуатации и ремонта оборудования) и тесное международное сотрудничество экспертов. Данный проект несет значительные экологические, социальные и технологические риски и потому имеет характер опытно-экспериментального производства. По мере накопления знания будет происходить сдвиг к месторождениям на больших глубинах. Меры государственного участия и регулирования этих проектов будут гибко корректироваться в зависимости от конкретных природных и экономических условий отработки шельфовых месторождений.

Мегапроект освоения месторождений углеводородов на шельфе опирается на создаваемый специально для его сопровождения наукоемкий морской сервисный комплекс в составе мобильной мультисервисной связи, морской геологоразведки, служб промышленной безопасности, спутникового комплексного мониторинга, ледового обеспечения и экологической безопасности. Ядром этой системы арктического производственного сервиса являются средства мобильной связи, потому что сама возможность реализации суперпроекта и эффективной деятельности остальных составляющих сервисного комплекса напрямую зависят от ее устойчивости. В современных условиях в полярных широтах России (севернее 70 градуса) нет устойчивой мобильной связи. Поэтому важнейшей составляющей проекта является создание новой системы космической связи, состоящей из космического сегмента – трех новых групп космических спутников (связи, гидрометеорологических и дистанционного зондирования; всего семь), и наземного сегмента – комплек-

сы приема, обработки, распространения данных, планирования работы и управления.

Морская геологоразведка (поисковые и оценочные работы) в условиях арктического шельфа приобретает характер венчурного производства. Она будет осуществляться малыми и средними специализированными компаниями.

Еще одним структурным элементом арктического производственного сервиса при освоении шельфа будут службы промышленной безопасности, призванные оперативно реагировать (предупреждать и ликвидировать) на чрезвычайные ситуации при разведочном и эксплуатационном бурении. Они будут тесно интегрированы с глобальной морской системой связи при бедствии.

Спутниковый всепогодный круглосуточный мониторинг обеспечит оперативное наблюдение за погодными условиями, гелиогеофизической, ледовой и экологической обстановкой. Для реализации мегапроекта освоения углеводородов шельфовой зоны предусматривается строительство нескольких новых ледоколов.

Создание ключевого для проекта блока арктического производственного сервиса целесообразно осуществить на принципах государственно-частного партнерства, предполагая выход его в перспективе на коммерческую устойчивость (самокупаемость).

Россия обладает максимальной в мире шельфовой зоной, перспективной на нефть и газ, но пока отстает от более чем 20 стран, которые уже осваивают морские месторождения углеводородов. Освоение морских нефтегазовых месторождений в сложных ледовых условиях – это высокотехнологичный процесс, который обуславливает инновационное развитие отраслей и видов деятельности, занятых созданием средств разведки, поисков, добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Поэтому изучение и освоение ресурсов арктического континентального шельфа станет катализатором для перехода и арктической, и всей российской экономики на инновационный путь развития.

Безусловными достоинствами месторождений российской Арктики являются значительные запасы при относительно простой геологической структуре, близость к крупным рынкам сбыта Европы и Америки. Сложности эксплуатации месторождений российского арктического шельфа состоят в больших глубинах, длительном ледовом периоде, необходимости повышенных затрат на сохранение и поддержание ранимой морской экосистемы Арктики. Хозяйственное освоение этих ресурсов сопряжено с необходимостью поддерживать сложные коммуникационные системы мониторинга, аварийно-спасательные отряды, осуществлять значительные мероприятия по охране морской среды и соблюдению норм экологической безопасности и др.

Серьезными вызовами для реализации шельфового мегапроекта являются институциональные, финансовые, кадровые, инфраструктурные проблемы. В России не сформирована законодательная база для недропользования в условиях арктического шельфа. Не определены фундаментальные понятия (например, что такое хозяйственно осваиваемый шельф). Современная система государственного регламентирования недропользования чрезвычайно негибка и бюрократична. Неопределенности налогового и таможенного законодательства приводят к дополнительной нагрузке на инвестора при освоении шельфовых месторождений. Для уменьшения институциональных рисков необходима радикальная ревизия существующей федеральной нормативной правовой базы и разработка новых технических и образовательных стандартов по вопросам морской геологоразведочной и добычной деятельности.

Значительные инвестиционные риски связаны с фискальным бременем – высокой долей изъятий доходов государством, снижающих экономический эффект от освоения месторождений на континентальном шельфе, генерирующих повышенные издержки на изучение, поиск, разведку и освоение этих месторождений. Пакет финансовых стимулов может включать различные налоговые и таможенные льготы инвестору: применение нулевой ставки НДС с начала промышленной эксплуатации на определенный срок; отказ от дискриминации шельфовых проектов в части режима НДС; долгосрочное применение амортизационной премии в размере 30 % при учете в составе расходов первоначальной стоимости основных средств; нулевую экспортную пошлину для сжиженного природного газа; режим особой экономической зоны в арктических портах, где размещены предприятия-субконтракторы; налоговые льготы для производителей оборудования.

В России нет сегодня достаточного числа специализированных научных и проектно-конструкторских (инжиниринговых) организаций для таких проектов, квалифицированных кадров в сфере обслуживания и управления подводными техническими средствами, морскими нефтепромысловыми установками и платформами, системами навигации, для проведения экологического мониторинга морских объектов, выполнения аварийно-спасательных работ. Нужны тысячи специалистов в области проектирования, строительства, эксплуатации и ремонта подводных буровых и добычных платформ, морской транспортировки, ледакольной проводки. В проектировании систем навигационно-гидрографического обеспечения освоения, эксплуатации нефтегазовых месторождений на арктическом шельфе, а также в производстве морских инженерных изысканий для обеспечения проектирования портов и отдельных гидротехнических сооружений на арктическом шельфе и выполнения морских инженерных изысканий в обеспечении проектирования и строительства

подводных трубопроводов и линий связи могут участвовать подразделения военно-морского флота, которые накопили необходимый опыт и знания.

Подготовка высококвалифицированных кадров для освоения арктических месторождений требует адаптации образовательных программ десятков технических вузов России. Нужны новые тренажеры для обучения экипажей судов геологоразведки, добычных комплексов, судов перевозки газа.

Привлечение молодых специалистов в эти области требует формирования новой миграционной, образовательной, информационной политики для Арктики. Государственный и корпоративный социальный пакет арктического шельфового мегапроекта должен быть привлекательным для квалифицированных кадров СНГ и России. Политика в сфере профессионального образования должна обрести упреждающий характер, реагируя на кадровые потребности крупных инвестиционных проектов. Информационная политика должна быть направлена на формирование позитивного имиджа российской Арктики, создавая «повестку дня» для современной российской молодежи.

Инженерные проблемы связаны с отставанием в развитии отечественных технологий морской добычи на шельфе, производства и реализации сжиженного и сжатого газа. Создание морских ледостойких платформ является новой организационной и технической проблемой в целом для мировой науки и промышленности. Модернизация ВПК-предприятия позволит создать технологическую базу для производства и ремонта оборудования мегапроекта. Морские трубопроводные сети и емкости для сжиженного природного газа будут сделаны из отечественных материалов с заданными свойствами устойчивости к холоду, коррозии и усталостной прочности.

Информационные проблемы реализации мегапроекта связаны с отсутствием единой общегосударственной информационной базы по континентальному шельфу, распыленности информации по разным организациям. Очевидно, что такая систематизация сведений из разных источников требуется уже на самом старте проекта.

Инфраструктурные проблемы связаны с отсутствием береговых баз обеспечения, средств оперативного космического мониторинга. Морские порты западного сектора Арктики станут многофункциональными, чтобы обеспечить весь спектр услуг для шельфовых добычных комплексов. Будет построен новый морской порт для судов с любой осадкой с нефтяным отгрузочным терминалом в бухте Индига и железная дорога Индига – Сосногорск – Нарьян-Мар. В Мурманском порту будет создан рейдовый перегрузочный комплекс, в котором нефть и газовый конденсат малотоннажных танкеров-челноков будут перегружаться на крупнотоннажные суда на экспортные рынки.

Для реализации мегапроекта освоения месторождений арктического шельфа потребуется строительство около двух десятков ледостойких буро-

вых и нефтегазодобывающих платформ, сети трубопроводов, насосных станций, перерабатывающих заводов и терминалов по сжижению газа, морской техники – челночных газозовов ледового класса, танкеров-накопителей и крупнотоннажных танкеров, универсального ледокола, геофизических судов и судов экологического контроля, сотен судов снабжения. Это приведет к возрождению на инновационной основе отечественного арктического судоходства.

Предстоит огромная работа по кадровому, информационному, научно-техническому, нормативно-методическому обеспечению проектов морской добычи и транспортировки углеводородов арктического шельфа.

А. И. Чистобаев

Научно обоснованных крупных инвестиционных проектов в постсоветской России нет. Всё внимание, все усилия – вокруг нефти и газа: Северный поток, Южный поток, Ямал – Европа, Ванкор – Китай и т. д., и т. п. В машиностроении – сборочные производства. В агропромышленном комплексе – только первичная сфера. В лесопромышленном комплексе – то же самое. В части «чубайсовских» нанотехнологий все усилия направлены на избавление от «лампочек Ильича», а на что направлены усилия «ваксельбергского» Сколкова, народу пока не известно. Почему в строительство мостов с материка на остров Русский вложены такие огромные средства – не понять здравомыслящему человеку. Последствия таких проектов налицо: деньги на ветер.

М. Д. Шарыгин

Среди крупных инвестиционных проектов особое место занимают проекты Уральского региона, имеющие стратегическое значение для развития всей страны: «Урал промышленный – Урал полярный», «Белкомур», «Титановая долина» и др.

В настоящее время важнейшим и наиболее значимым проектом, ориентированным на развитие экономики Урала и способным дать мультипликативный эффект, является «Урал промышленный – Урал полярный». Главная его задача – формирование транспортной инфраструктуры, которая должна отвечать стратегическим интересам развития всей российской экономики. Формирование транспортного коридора вдоль восточного склона Уральских

гор позволит осуществить доступ к богатейшей минерально-сырьевой базе, сохранить индустриальный Урал (создав предпосылки для его последующего динамичного развития) и обеспечить устойчивое развитие базовых отраслей экономики не только Урала, но и всей России.

На территории Приполярного и Полярного Урала сконцентрирована мощная минерально-сырьевая база. На сегодняшний день разведанные прогнозные запасы железной руды превышают 50 млрд т, энергетических углей – 25 млрд т, хромитовых руд – 850 млрд т, марганцовых руд – 1 млрд т, фосфоритовых руд – 500 млн т, бокситов – 1 млрд т. На этой территории подтверждены запасы золота, свинца, цинка, вольфраммолибденовых руд, редких металлов, пьезооптического кварцевого сырья. Общая стоимость твердых полезных ископаемых (при вовлечении их в хозяйственный оборот) составляет, по оценкам ученых УрО РАН, порядка 290 млрд долл. При освоении хотя бы части прогнозных природных ресурсов появляются возможности для создания новой горнорудной базы России, способной обеспечить потребности отечественной промышленности на период до 2050 г. и далее. Более того, возникают надежные предпосылки для ликвидации импортозависимости страны по основным стратегически важным видам сырья.

Реализация этого проекта также позволит вовлечь в оборот богатейшие запасы углеводородного сырья полуострова Ямал, шельфов Карского и Баренцева морей, приступить к использованию сырьевой базы лесных массивов, примыкающих к транспортным коридорам.

Создание нового горнорудного района потребует значительного количества транспортных машин, горных экскаваторов, бурового оборудования, металла и т. д. Для освоения этой территории необходимо создание соответствующей энергетической базы, что является стимулом развития обрабатывающей промышленности, роста электроэнергетики, расширения рабочих мест.

Инвестиционный проект «Белкомур», в основе которого лежит строительство железной дороги Соликамск – Сыктывкар – Архангельск, позволит создать новый транспортный коридор, соединяющий Урал со странами Скандинавии. Предполагаемый выход к бухте Индига и строительство нового морского порта даст выход уральским и транзитным грузам на мировой рынок.

Строительство дороги финансируется из бюджетов Пермского края, Республики Коми, Архангельской области и Российской Федерации с привлечением инвестиций крупного и среднего бизнеса. Стоимость окончательного строительства оценивается в 300 млрд рублей. Грузовой поток с Урала будет включать, в первую очередь, экспортные товары: минеральные удобрения, целлюлозу, бумагу, пиломатериалы, машины, оборудование, черные и цветные металлы.

Третий проект «Титановая долина» носит инновационный характер и нацелен на производство титановых изделий для авиационной, космической, машиностроительной и судостроительной отраслей промышленности, энергетики, наземного транспорта, цветной металлургии и т. д. На территории Пермского края и Свердловской области планируется создать особую экономическую зону, базисом которой станет мировой производитель титана «ВСМПО-Ависма» и вновь созданные машиностроительные предприятия. Для реализации проекта необходимы инвестиции около 12 млрд руб.

Три рассмотренных проекта имеют разные направления: комплексное освоение северных территорий, формирование нового транспортного коридора, инновационное использование внутреннего потенциала региона. В то же время они тесно взаимосвязаны и интегрированы в единую систему, нацеленную на дальнейшее развитие и совершенствование территориальной организации российского общества.

В. А. Шупер

С точки зрения бизнеса, уровень развития инфраструктуры, наряду с низким качеством и недостаточным количеством рабочей силы, даже в большей степени препятствуют инвестициям, нежели, мягко говоря, несовершенство институтов, регулирующих хозяйственную деятельность. Соответственно, развитие инфраструктуры – задача № 1. Однако нам не следует забывать старого доброго Б. Н. Зими́на, понимавшего социальную инфраструктуру, прежде всего, как образ трудового мышления населения, который он и считал главным фактором развития страны. Об этом уже шла речь выше. Извечная российская проблема – дороги и дураки – не может быть решена только путем дорожного строительства, тем более, что и здесь не намечается никаких прорывов. Между тем, постсоветский период ознаменовался катастрофической и продолжающейся деградацией социальной инфраструктуры не только в понимании Б. Н. Зими́на, но даже и в более традиционном смысле – в плане образовательного уровня населения и профессиональной квалификации работников. Какие дороги, несмотря на все это, приведут нас в светлое будущее?

2.6. СОВРЕМЕННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНО И НУЖНО ЛИ ОНО, В ЧЕМ ЕГО СПЕЦИФИКА И ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ? КАКОВА ЕГО СОПРЯЖЁННОСТЬ С АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ УСТРОЙСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

А. Г. Дружинин

Любые изменения в ТОО (тем более, существенные) сопряжены с коррекцией районирования, с пересмотром его базовых подходов. Процесс этот идёт в современной России крайне медленно, диссонируя с региональными реалиями – сохраняющейся (и заметно усложняющейся) социально-экономической дифференциацией территории на фоне фактического превращения в феномен истории привычных «госплановских» экономических районов, а также перманентного «сжатия» пространства возникшей в матрице постсоветского федерализма так называемой «региональной экономики». На смену ТПК (основы бывшего районообразования) приходят территориально-локализованные сети и кластеры бизнеса, а привычная, воспроизводящаяся в формате административно-территориального деления страны система общественно-географического районирования всё отчётливее трансформируется в иерархию метрополий (специфических узловых районов), своими «ядерными» элементами приуроченных преимущественно к крупнейшим городам. Формирующаяся, в итоге, существенно обновлённая схема общественных (социально-экономических) районов (научным сообществом пока, к сожалению, фактически не идентифицированная) обретает выраженную *полисубъектность*, базируется на большем (чем два-три десятилетия ранее) числе факторов и, соответственно, *инвариантна* (в том числе «многослойна») а, к тому же, во многих ситуациях *лишена явных границ*. В ней возрастает значимость саморефлексии (не только на общегосударственном уровне, но и в масштабе крупных корпораций, этнических и региональных общностей) и, в этой связи, на приоритетные позиции выходят факторы этнокультурной самоорганизации, ментального (вернакулярного) конструирования общественно-географической реальности. Параллельно актуализируется учёт многообразия пространственной стратификации рыночной среды, трансграничной регионализации, «территориализации» крупного бизнеса, воздействия на районирование общества инноваций, креатива, информации. В данном контексте **районирование превращается в**

сложнейшую профессиональную задачу, решение которой (пусть далеко не исчерпывающее и полномасштабное, учитывая, что обрести универсальную схему достаточно проблематично), тем не менее, крайне необходимо (и как процесс, и как некий относительно корректный результат), в том числе и для самого сообщества российских географов-обществоведов.

В. Л. Каганский

Феномен районирется – будь то общество или что-то иное – если он имеет некоторые черты, существенные признаки:

- явную и сопряженную пространственную проекцию;
- это пространство сплошно хотя бы потенциально;
- эта сплошность существенна для самого явления;
- пространство имеет черты или аспекты континуальности;
- пространство насыщено содержанием, которое оформлено и организовано, в существенной мере пространственно;
- пространство – важный атрибут, фактор, актор **etc. предмета районирования**;
- действует логика географического положения;
- действует логика соседства.

Не всякое пространство райониреуемо, не всякое районирование существенно или нетривиально.

Сама идея, логика, техника и даже субкультура районирования сформирована для одного из типов пространств – уже уходящего. Коль скоро в общем случае предмет районирования в точном смысле (по крайней мере, географического районирования) – ландшафт (Каганский, 1989), я и буду далее говорить о нем. Этот **ландшафт-1 – традиционный природно-культурный** (культурная составляющая – продолжение и выражение природной), *несложно-зональный, преимущественно континуальный, сплошной, состоящий в основном из однородных районов*. Здесь различающиеся места почти всегда далеки друг от друга, а сходные чаще близки; высокий резонанс структур территориального (физического) и признакового (фазового) пространств дифференцируют места, прежде всего, расстояния. Человеческая деятельность (культура) в основном вписана в природную основу и нанизана на природный каркас, кроме немногих азональных урбанистических и индустриальных ландшафтов. Основная урбанистически-индустриальная среда еще век назад наследовала и концентрировала природную основу ландшафта, прежде всего зональную и приморско-озерно-речной каркас.

Ландшафт-2 – «современный», это точнее **ландшафтная пространственная среда** «современных обществ» уже после индустриализации, урбанизации, революции масс. Это ландшафтное пространство уже преимущественно антропогенное; природной дифференциации это не отменяет, важный природный дифференциатор – размещение природных ресурсов. *Такое пространство соткано, прежде всего, сложными узловыми антропогенными районами. Ландшафт-2* нанизан на несколько разноскоростных сетей магистралей и потому дискретизован и фрагментирован, часто «дыряв и рван», *целиком или преимущественно составлен сетями, а не ареалами*, крайне и даже экстремально поляризован. Его ареально-сетевые компоненты могут быть функционально специализированы и разведены.

Но ведь именно для ландшафта-1 главным и почти полным способом его представления и является районирование, тогда как для пространства-2 проблема такого представления не решена. Если в первом пространстве антропогенные сети порождались фоновым-площадным, в основе природным ландшафтом, и, в свою очередь, выражали и оформляли ландшафт, то здесь ситуация сложнее. Местами ситуация почти противоположная – *автономия антропогенных сетей и порождение ими ландшафтной ткани. Как же районировать такое пространство и районировать ли?* А если нет, что же будет методологическим и эвристическим эквивалентом районирования?!?

Ландшафт-3 – именно наше российско-советско-российское пространство и *утрирует черты пространства-2 и отрицает его*. Это не природно-культурный, а природно-государственный, даже **природно-имперский ландшафт**. Его главный каркас – также транспортные полимагистралы, начинающие и организующие узловые районы. Но *в основе ландшафта-3 лежат универсальные полифункциональные районы административно-территориального деления, институциональный каркас*; в предыдущем случае он малозначим. *Статусное, институциональное, «вертикальное» властно-государственное пространство важнее ландшафтного, создает, трансформирует и подчиняет его*. Морфология этого пространства парадоксальна, оно нередко инвертировано; в нем полярно-различающиеся места часто соседствуют, направления куда более значимы, чем расстояния, экзотика не далеко, а рядом; инверсия экзотики – это Внутренняя Периферия (ниже специально).

Для ландшафтов 1 и 3 есть доминирующее, базовое, почти универсальное районирование. Для 1 – это комплексное природно-культурно-хозяйственное районирование ландшафта; кроме того, это еще и слой ландшафтной ткани, трансформированной, не элиминируемой пространством-2 (еще зональный аграрный сельский ландшафт вне городских агломераций). Для ландшафта-3 привилегированное районирование – институциональное

районирование на каркасе административного деления: районирование природно-государственного ландшафта. *Пространству-2 доминирующее районирование не свойственно, его трудно представить с помощью районирования.*

Для пространств-1 и отчасти 2 действует именно позиционный принцип – детерминирующая роль пространственного положения; для пространства-3, советского пространства, напротив – **статусная детерминация**, хотя положение в пространстве статусов может рассматриваться и как особая разновидность пространственного положения (в той мере, в какой осмысленно говорить о «статусном пространстве»). В пространстве-3 статусное и ландшафтное пространство связаны, но необычно: **статусное пространство генерирует, порождает ландшафтное пространство.**

Постепенно все более важным становится ландшафт-4 – полисетевой ландшафт меньшинств наступившей эпохи постмодерна.

Районирование общества – но какого именно пространства? *В силу сказанного, районирование современного культурного ландшафта (а то, что районирование в обществе – именно ландшафт) представляется сложнейшей проблемой, не имеющей прототипа.* Но стоит попробовать, по крайней мере, для той части его содержания, которая имеет (может быть выражена) районную форму, что не отменяет грандиозной задачи уяснения морфологии и систематизации сетевых пространств.

Для этой попытки мне представляется необходимым:

- создать, наконец, строгую, честную и безжалостную реконструкцию советского экономического районирования и его «теории» и его практики, включая и всю его значительную мифологию;
- решить его нерешенные задачи – создать интеллектуально честное экономическое районирование СССР на его последней стадии, учитывая ВПК, ГУЛАГ, частный сектор, теневую и неформальную экономику, статистические мистификации и т. п., притом иерархически полное: немногие макрзоны – демистифицированные и критически переработанные экономические районы – забытые мезорайоны (это далеко не всегда регионы ранга области) – микрорайоны;
- из локальных задач этой школы – если это школа – просто кричит проблема нерешенности разработки фона общеэкономических карт (да и самих таких карт);
- конструктивизировать концепцию институционального каркаса районирования (не только АТД);
- научиться описывать внерайонные и трансрайонные структуры и инкорпорировать их в районирование и карты районирования;
- учитывать культурную почву, оказавшуюся удивительно сохранный

- под гнетом советского пространства, и современные культурные процессы;
- выявить все реальные, даже экзотические факторы и поводы формирования районов; есть районы на контрабанде, клерикализованные зоны, де-факто частные районы корпораций и т. п.;
  - учитывать природную основу, но не в форме эклектического природно-хозяйственного районирования;
  - использовать, дополнить и критически развить районирование Е. Е. Лейзеровича;
  - усвоить опыт природно-ландшафтного районирования в части его полиаспектности, четкой систематичности, ясности картографического выражения, богатства систем районов и их форм, наконец – детальности;
  - быть готовыми ввести типологическое начало в районирование культурного ландшафта;
  - судя по всему, не обойтись без матричности, многомерности etc.;
  - выявить новые типы районов (они есть!).

Наконец, самое главное. Экспертным путем я пришел к выводу, что *главное различие с привычным экономическим районированием будет состоять в числе. Не районирование общества – а районирования групп! Многомерное полицетевое районирование пространств меньшинств, если такое окажется возможным.*

Остро необходимы теоретические и методологические работы в сфере районистики, которые сейчас никто не организует.

Н. Н. Клюев

Районирование было и останется важнейшим инструментом географического познания. Оно необходимо и для образования, государственной статистики. В современных российских условиях, когда хозяйство превратилось в некий архипелаг несвязанных между собой субъектов экономики, потребности в районировании в целях управления невелики. Однако, в конечном счёте, рациональное территориальное обустройство страны будет востребовано. Поэтому работы в области районирования актуальны – это задел на перспективу.

О. В. Кузнецова

Переход от плановой экономики к рыночной привел, как известно, к демонстративному отказу от территориального планирования и, соответственно, к утрате роли унаследованных с советских времен экономических районов. Однако, как показал опыт последних двадцати лет, на практике если не экономическое районирование, то, по крайней мере, разработка специальных сеток деления страны все равно оказались востребованными. Причем, спрос возник на формирование дополнительного уровня территориального деления страны, предусматривающего более крупные по сравнению с субъектами Российской Федерации территориальные единицы (макрорегионы).

Наиболее простое объяснение «спроса» на макрорегионы – довольно большое число субъектов Федерации. Федеральным органам власти довольно сложно взаимодействовать с 83 (ранее 89) субъектами Федерации, представлять картину межрегиональных различий, заниматься территориальным планированием.

Использование в целях статистического учета – самая простая функция макрорегионов, причем существовавшая с самого начала 1990-х годов. Госкомстат (потом Росстат) продолжил публикацию статистических данных по экономическим районам. Такие данные приводились и во многих официальных аналитических материалах, в разного рода мониторингах федеральных министерств и ведомств. Хотя об экономической сущности районов никто особо не задумывался (не вникали в то, сохранились ли реальные экономические районы в своих старых границах или нет).

Исчезли экономические районы из российской статистики и официальной аналитики с появлением в стране в 2000 г. федеральных округов. Формально федеральные округа возникли для оптимизации управления – институт полномочных представителей Президента РФ в субъектах РФ (появившийся еще в самом начале 1990-х годов) был преобразован в институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, т. е. число полпредов Президента РФ на местах сократилось с почти 90 до 7.

На полпредов Президента РФ в федеральных округах возложен целый ряд задач, в основном политических. Считается, что в начале 2000-х годов полпреды сыграли важнейшую роль в приведении регионального законодательства в соответствии с федеральным. В 2005–2009 гг., после отмены прямых выборов глав регионов, важнейшей функцией полпредов стало внесение предложений по кандидатурам глав регионов. Преимущественно политические функции полпредов Президента РФ определяются их местом в системе федеральных органов власти. Аппараты полпредов входят в структуру Администрации Президента РФ, тогда как федеральная социально-экономическая

политика разрабатывается и реализуется Правительством РФ, профильными министерствами и ведомствами.

Тем не менее, попытки задействовать полпредов и их аппараты для решения вопросов социально-экономического развития регионов предпринимались и предпринимаются. Среди формальных функций полпредов экономической можно считать разработку программ социально-экономического развития территорий в пределах федерального округа. В середине 2000-х годов весьма насущной стала задача координации региональных стратегий (в части увязки планов по развитию инфраструктуры, привлечения новых производств и т. п.), и на полпредства возлагалась надежда как на возможную площадку для развития межрегионального сотрудничества (правда, на практике это реализовать почти не удалось). В 2011 г. распоряжением Президента РФ за заместителями полпредов Президента в федеральных округах был закреплён статус инвестиционного уполномоченного. Попытки определить место полпредств Президента РФ в экономической жизни регионов предпринимались и путем организационных решений. Самым важным стало решение по Северо-Кавказскому федеральному округу, полпред Президента РФ в котором стал одновременно вице-премьером Правительства РФ, получив, тем самым, реальные полномочия в социально-экономической сфере.

Специфика федеральных округов как сетки территориального деления страны – отсутствие специальной работы по ее разработке, сетка федеральных округов повторила сетку военных округов. А пригодность этой сетки для решения экономических вопросов по меньшей мере спорна.

Стоит также отметить, что для оптимизации управления в России существует еще целый ряд «отраслевых» сеток макрорегионов. Например, у прокуратуры есть своя сетка транспортных прокуратур. Есть межрегиональные органы власти и, следовательно, свои сетки макрорегионов и у ряда экономических ведомств (например, у Федерального агентства водных ресурсов, Федерального агентства по рыболовству).

Еще одна задача (наряду с оптимизацией управления), которая решается с помощью создания сетки макрорегионов, – это непосредственно совершенствование системы территориального планирования. Примерно к середине 2000-х годов в России для федеральных чиновников и экспертов стала очевидной необходимость долгосрочного стратегического планирования, а с ним и территориального планирования, от которого опрометчиво отказались в самом начале 1990-х годов. В 2006–2008 гг. шла работа над Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (так называемой Стратегия-2020).

Стратегия-2020 готовилась довольно длительный период, появлялось несколько существенным образом отличающихся версий раздела по регио-

нальной проблематике. Одна из идей, которую в ходе Стратегии-2020 пытались реализовать, – определение перспектив развития территорий страны в разрезе макрорегионов. Как говорилось в одной из версий проекта Стратегии-2020, новая сетка макрорегионов должна была быть разработана, во-первых, для мониторинга социально-экономической дифференциации российского пространства, во-вторых, – в качестве основы для территориального планирования.

Соответственно, встал вопрос о том, какую сетку макрорегионов использовать для регионального стратегического планирования. Эксперты пришли к консолидированному мнению о том, что советская сетка экономических районов устарела, а федеральные округа не могут считаться экономическими районами и, соответственно, их сетка является далеко не лучшей для целей территориального планирования. В ходе работы над Стратегией-2020 группа экспертов разработала новую сетку макрорегионов, в основе которой лежала немного видоизмененная сетка экономических районов.

Несмотря на продекларированное желание начать стратегическое планирование в разрезе макрорегионов, от этой идеи отказались. Причин тому было несколько. Начнем с того, что разработка сетки макрорегионов велась на протяжении очень короткого промежутка времени узким кругом экспертов, тогда как серьезное экономическое районирование требует гораздо больших трудозатрат. Важно также учитывать, что границы экономических районов никогда не могут быть выделены однозначно, всегда есть спорные случаи. Вместе с тем, с точки зрения принятия практических решений, гораздо большую роль в отказе от сетки макрорегионов сыграли не названные выше проблемы, а политические и управленческие. В частности, неизбежно возникал вопрос, как будет новая сетка макрорегионов соотноситься с существующей сеткой федеральных округов; стал обсуждаться вопрос о том, а не является ли образование макрорегионов очередной попыткой федеральных властей запустить широкомасштабную реформу укрупнения субъектов Федерации.

Таким образом, федеральным органам власти надо было либо выносить идею создания макрорегионов на публичное обсуждение с широким кругом экспертов, либо отказаться от идеи. Второй вариант оказался более простым. Является ли принятое решение правильным, вопрос далеко не однозначный. С одной стороны, вопрос о новой сетке макрорегионов, действительно, был не до конца проработан. С другой стороны, в принципе отказаться от территориального стратегического планирования в разрезе макрорегионов (т. е. крупных частей страны) невозможно, и лучше такое планирование проводить в разрезе реальных экономических районов, а не условно выделенных федеральных округов.

О невозможности отказа от территориального стратегического планирования в разрезе макрорегионов свидетельствует начавшийся после утверждения Стратегии-2020 процесс разработки и утверждения стратегий социально-экономического развития федеральных округов (макрорегионов). К настоящему времени такие стратегии утверждены по всем макрорегионам. Причем важно, что стратегии стали разрабатываться как по федеральным округам, так и по произвольно очерченным макрорегионам. Так, была разработана стратегия развития не Дальневосточного федерального округа, а Дальнего Востока и Байкальского региона. В ряду стратегий развития макрорегионов разрабатывается Стратегия развития Арктической зоны. Таким образом, при отказе от официального утверждения новой сетки макрорегионов, на практике потребность в новых макрорегионах возникает.

К сожалению, качество утвержденных стратегий социально-экономического развития федеральных округов вызывает большие сомнения. Стратегии являются довольно формальными документами, в них сложно найти новации, касающиеся определения перспектив развития округов и, тем более, государственной экономической политики. Стратегии представляют собой обобщение известных фактов и закономерностей, а также уже сложившихся направлений социально-экономической политики органов власти разных уровней. Некоторым исключением является только Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, поскольку активная стадия ее разработки проходила в тот период времени, когда в принципе разрабатывались новые направления федеральной поддержки Северного Кавказа.

Четвертая задача, которая решается с выделением макрорегионов, – это разработка и реализация различных мер федеральной поддержки проблемных территорий. Причем, как показывает и зарубежный опыт, и существующий российский, в рамках региональной политики вовсе необязательно опираться на существующие границы макрорегионов и разрабатывать, при этом, сетку макрорегионов для всей территории страны. В предельном варианте может быть выделен один макрорегион исключительно для разработки отдельно взятой федеральной программы его развития.

Наиболее очевидным примером использования макрорегионов в федеральной региональной политике России являются федеральные целевые программы. В настоящее время действуют две программы – по Дальнему Востоку и Забайкалью и «Юг России» (последняя разрабатывалась для Южного федерального округа в старых границах). Можно упомянуть и создание двух специальных комиссий – Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области в 2007 г. и Правительственной комиссии по

вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа в 2008 г.

Макрорегионы, точнее, формируемые на их основе организационные структуры, могут решать и еще одну важную задачу – быть площадкой для взаимодействий субъектов Федерации. Такое взаимодействие нужно, по меньшей мере, для обмена опытом между региональными органами власти, выработки представителями регионов общей позиции по тем или иным вопросам, согласования региональных планов социально-экономического развития, особенно в отношении инфраструктурных объектов.

Еще до появления федеральных округов, на решение задачи взаимодействия региональных властей были ориентированы Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации, которые появились в 1990–1992 гг., т. е. задолго до федеральных округов. Межрегиональные ассоциации являются весьма интересным примером экономического районирования «снизу», поскольку объединение субъектов Федерации в ассоциации происходило в основном по инициативе региональных органов власти.

Таким образом, макрорегионы заняли довольно прочное место в социально-экономической и политической жизни России. К настоящему времени появился целый ряд сеток макрорегионов, использующихся в самых разных целях. Пожалуй, важнейшими функциями макрорегионов являются функции, связанные с оптимизацией управления и территориальным стратегическим планированием. К сожалению, в части последнего пока возникает немало вопросов и проблем. Так, не существует экономического обоснования выделяемых макрорегионов, неочевидна реальная значимость стратегий социально-экономического развития федеральных округов (макрорегионов) в общей системе стратегического планирования, не отработаны механизмы отбора проектов для федеральной поддержки. Все эти проблемы, как представляется, необходимо решить в ближайшее время в рамках федеральной региональной политики.

А. Н. Пилясов

Н. Н. Колосовский создал логически целостную схему, состоящую из трех элементов: экономическое районирование – территориально-производственные комплексы – энергопроизводственная цепочка. Эта схема работала для индустриальной эпохи. В новых условиях необходима ее реконструкция, с сохранением системной целостности идеологии Н. Н. Коло-

совского. Это означает, что под императивы инновационного развития России необходимо новое государственно-территориальное устройство страны в направлении укрупнения субъектов Российской Федерации, опирающихся на крупные агломерации как центры новой экономики, экономики знания, внутри которых находятся современные кластеры, функционирование которых осуществляется на принципах конвертации знания. Имеем те же три элемента, что и у Н. Н. Колосовского (районирование – комплексообразование – производственная цепочка), но уже для других (постиндустриальных) условий. В настоящий момент вместе с аспирантами, в рамках проекта РГНФ 11-02-00443а «Региональная инновационная система как фактор модернизации российской экономики», мы проводим конкретизацию этой логической схемы.

Ю. В. Поросенков

Богатейшая история отечественных и мировых исследований процессов районообразования, делимитации районов (регионов) и их использование в интересах общества позволяет более или менее определенно ответить на этот вопрос. Формирование экономических районов (регионов) стало результатом территориального разделения труда в условиях рыночных отношений. В России они стали интенсивно формироваться со второй половины XIXв. и выделялись, прежде всего, различиями в специализации, уровне и темпах развития хозяйства. В советский период, в условиях плановой государственной экономики, экономические районы (как и страна в целом) рассматривались официальной наукой как «комбинаты», обеспечивающие пропорциональное, взаимосвязанное функционирование всех их хозяйственных элементов в общих интересах страны. Поэтому официально принятая сетка экономических районов использовалась не только в целях обработки информации, но и как инструмент территориального планирования. На этой основе в 20-х годах XX в. была предпринята попытка совместить сетки экономического районирования и административно-территориального деления страны, но такое совмещение оказалось кратковременным. В сфере науки, как результат исследований и подготовки кадров московской университетской экономико-географической школой, теория экономического районирования стала основой методологии отечественной экономико-географической науки и получила отражение в работах по региональной экономике.

В постсоветский период в условиях приватизации хозяйства эти функции экономического районирования оказались не нужными. Для надзора за реги-

ональными органами власти федеральный центр образовал так называемые федеральные округа, которые в принципе не совпадают с экономическими районами. Однако последние, как объективная реальность, конечно, сохранились даже при ослаблении экономических и социальных связей между образующими их субъектами федерации. Поэтому возможность практического использования экономического районирования для управления страной во многом зависит от ближайших перспектив ее социально-экономического развития. При условии дальнейшего ослабления управленческих функций государства и отказа его от всеобщей структурной перестройки экономики даже в рамках декларируемого инновационного развития экономические районы, как таковые, будут не нужны. Одновременно, при современном состоянии политических отношений в стране и явной тенденции к укрупнению субъектов РФ, крупные экономические районы также мало полезны для реформирования ее административно-территориального устройства. Поэтому, скорее всего, крупные экономические районы сохранятся как один из инструментов научного исследования процессов формирования территориальной организации современного российского общества.

М. Т. Романов

Экономическое районирование страны рассматривается как выделение многоуровневой системы соподчиненных экономических районов, объективно отражающих сложившееся территориальное разделение труда. Основной целью районирования является создание оптимальных условий для территориального управления, в том числе – территориального планирования и осуществления социально-экономической региональной политики. Практический интерес к экономическому районированию, особенно генеральному, всегда возрастал на переломных этапах развития страны.

В основе административно-территориального переустройства России в сложившихся условиях, по-нашему мнению, должна лежать новая, унифицированная сетка многоуровневого экономического районирования, в большей мере отвечающая изменившейся политико-экономической ситуации в стране. В той же мере оно должно адекватно отражать и изменения в экономико-географическом, геополитическом положении регионов, субъектов РФ.

Нами выполнено унифицированное многоуровневое экономическое районирование России, на основе которого впоследствии предлагается провести соответствующее административно-территориальное устройство (Романов, 2006).

При разработке новой многоуровневой схемы экономического районирования и соответствующего АТД мы руководствовались следующими, по сути «сквозными» для всех уровней, принципами:

1. Приближение районов к финансово-экономической, ресурсной самодостаточности.

2. Выравнивание и унификация административно-территориального устройства страны (установление единообразия, приведение к единому статусу и равновесности субъектов).

3. Исторический принцип, учитывающий общий ход развития страны и регионов, их перспективы развития в рыночных условиях.

4. Учет новых черт геополитического, экономико-географического, транспортно-географического положения и районообразующей роли магистральных транспортных сетей.

5. Достижение территориальной компактности, относительной равнодоступности всех окраинных территорий района.

6. Принцип относительной природно-географической целостности, предполагающий совмещение в меру целесообразности экономических, административно-территориальных границ с естественными границами бассейнов рек, морей и др..

7. Обеспечение сбалансированности, хозяйственной комплексности, диверсификации и достаточной производственно-экономической специализации.

В пределах России, с учетом ее территориальных масштабов, выделяются 3 уровня экономического районирования:

- на **генеральном уровне** с выделением крупных экономических районов;
- на **мезоуровне** с выделением экономических районов губернского (краевого) уровня;
- на **низовом уровне** с выделением низовых экономических районов (в том числе муниципального уровня).

Первый (генеральный) уровень – макрорайонирование. На генеральном уровне осуществлено к настоящему времени членение России на федеральные округа и крупные экономические районы. Федеральные округа – это, по сути, политико-административные территориальные единицы, а крупные экономические районы, в отличие от них, это экономические территориальные единицы. Границы их не всегда совпадают, что неизбежно ведет к снижению функциональной эффективности такого членения территории. На наш взгляд, границы федеральных округов и крупных экономических районов должны быть идентичны. Округа и районы должны стать едиными политико-экономическими таксонами. В таком случае генеральный уровень экономического районирования станет функциональным, а следовательно, фактически используемым в управлении.

С учетом этого на пространстве трех федеральных округов (Приволжского, Уральского и Сибирского) целесообразно провести соответствующую корректировку политико-административных и экономических границ между ними. Так, целесообразно объединить Уральский (без Тюменской области) и Приволжский (без правобережных субъектов) регионы в единый Волжско-Уральский федеральный округ и идентичный ему крупный экономический район. В этом случае он по размерам занимаемой территории станет более «равновесным» с другими округами. Следует также провести деление Сибирского округа на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский округа в соответствии с идентичными им крупными экономическими районами. Тюменскую область следует вернуть в состав Западно-Сибирского района. А Центральный округ целесообразно территориально увеличить – за счет отдельных субъектов Приволжского региона (таблица).

Основные количественные характеристики федеральных округов и крупных экономических районов по рекомендуемой сетке

Районы генерального уровня (крупные экономические районы и идентичные им федеральные округа)	Территория, тыс. км ²	Численность населения, 2010 г., тыс. чел.
1. Центральный	838,1	45928
2. Северо-Западный	1686,9	13593
3. Южный	591,4	23361
4. Волжско-Уральский	1203,4	31093
5. Западно-Сибирский	2454,1	14481
6. Восточно-Сибирский	4155,0	8174
7. Дальневосточный	6169,3	6284

Второй уровень – мезоэкономическое районирование. Выделение экономических районов мезоуровня следует рассматривать как основу формирования сетки АТД на уровне субъектов Российской Федерации – краев, областей, республик (в последующем, возможно, – губерний).

В целях упорядочения многоуровневой сетки экономических районов на мезоуровне целесообразно обеспечивать такой же уровень дробности, как и на генеральном уровне. То есть, в пределах каждого крупного экономического района целесообразно выделить порядка 7 таксонов областного (губернского) уровня.

На настоящий момент в России насчитывается 80 административно-территориальных единиц мезоуровня и 83 субъекта Федерации. Административно-территориальные единицы мезоуровня и субъекты федерации – это основной уровень экономического, политического, административно-территориального деления страны, основной уровень управления социально-экономическим, демографическим развитием территории. Все таксоны этого иерархического уровня имеют исполнительные, законодательные, судебные-правовые, ведомственные и прочие органы управления. На этом же уровне осуществляются основные (после федерального) финансово-распорядительные и природопользовательские функции.

С учетом уровня освоенности территорий на перспективу нами предложены следующие количественные критерии по уровню дробности районов: в Центральном, Волжско-Уральском и Южном федеральных округах занимаемая субъектом площадь должна ограничиваться 70–120 тыс. кв. км. В западной части Северо-Западного и в южных частях Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного федеральных округов – приближаться к 200–400 тыс. кв. км. В восточной части Северо-Западного и северных частях Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного округов площадь субъекта Федерации может достигать до 1 млн кв. км и более (таблица).

*Рекомендуемое административно-территориальное деление
в рамках рекомендуемого окружного деления, 2010 г. **

Но- мер субъ- екта	Наименование субъекта (губернии)	Субъекты РФ, включаемые в состав губернии	Пло- щадь, зани- мае- мая субъ- ектом	Чис- лен- ность насе- ления субъ- екта
Северо-Западный федеральный округ				
1	Мурманская (Карело- Мурманская)	Мурманская обл. и Республика Карелия	325.4	1439
2	Архангельская (Коми- Архангельская)	Архангельская обл. и Республика Коми	1006,7	2124
3	Архангельская	г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская обл.	100.4	7525
4	Петербургская (Петровская)	Псковская и Новгородская обл.	109.9	1304
5	Псковско- Новгородская Вологодская	Вологодская	144,5	1201
Итого СЗФО	5 губерний	10 АТЕ	1686.9	13593

Центральный ФО					
6 7 8 9 10 11 12 13 14 15	Верхневолжская	Ярославская и Тверская обл.	120.4	2621	
	Западная	Брянская и Смоленская	84.7	2259	
	Верхнеокская	Калужская, Тульская и Орловская обл. г. Москва и Московская обл.	80.2	3346	
	Московская	Ивановская и Костромская обл.	46.9	18656	
	Ивановско-Костромская	Рязанская и Владимирская обл.	81.6	1727	
	Рязанско-Владимирская	Курская и Белгородская обл.	68.7	2594	
	Курско-Белгородская	Воронежская, Липецкая и Тамбовская обл.	57.1	2658	
	Центрально-Черноземная	Пензенская обл. и Республика Мордовия	110.7	4596	
	Пензенско-Саранская	Нижегородская обл., Республика Марий Эл и Чувашская	69.5	2217	
	Средневолжская		118.3	5254	
	Итого ЦФО	10 губерний	23 АТЕ	838.1	45928
	Южный ФО				
	16 17 18 19 20	Донская (Ростовская)	Ростовская обл.	101.0	4276
		Волгоградская	Волгоградская обл.	112.9	2609
		Южная (Краснодарско-Ставропольская)	Краснодарский и Ставропольский края, Республика Адыгея	149.5	8454
Нижневолжская		Астраханская обл. и Республика Калмыкия	123.7	1300	
Северо-Кавказская		Республика Северная Осетия Алания, Дагестан, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Ингушская, Чеченская	104.3	6722	
Итого ЮФО	5 губерний	13 АТЕ	591.4	23361	
Волжско-Уральский ФО					
21 22 23 24 25 26 27 28 29	Ижевско-Кировская	Кировская обл., Удмуртская Республика	162.5	2861	
	Камская (Пермская)	Пермский край	160.2	2634	
	Екатеринбургская (Екатерининская)	Свердловская обл.	194.3	4297	
	Казанская	Республика Татарстан	67.8	3787	
	Саратовская	Саратовская обл.	101.2	2519	
	Ульяновско-Самарская	Ульяновская и Самарская обл.	90.8	4505	
	Оренбургская	Оренбургская обл.	123.7	2031	
	Уфимская	Республика Башкортостан	142.9	4072	
	Южно-Уральская	Челябинская и Курганская обл.	160.0	4387	
Итого ВУФО	9 губерний	12 АТЕ	1203.4	31093	

Западно-Сибирский ФО				
30	Нижнеобская	Сев. часть Тюменской обл. (Ямало-Ненецкий и сев. часть Ханты-Мансийского АО)	1073.4	1313
31	Тюменская	Тюменская обл. без Ямало-Ненецкого и части Ханты-Мансийского АО	390.8	2092
32	Новосибирская	Новосибирская и Омская обл.	318.9	4643
33	Томская	Кемеровская и Томская обл.	410.1	3809
34	Алтайская	Алтайский край и Республика Алтай	260.9	2624
Итого ЗСФО	5 губерний	7 АТЕ	2454.1	14481
Восточно-Сибирский ФО				
35	Енисейская	Сев. часть Красноярского края, включая Таймырский, Эвенкийский округа и сев. часть Иркутской обл.	1865.0	162
36	Красноярская	Южная часть Красноярского края	555.7	2650
37	Саянская (Кызыло-Абаканская)	Республика Тыва, Хакасия и южн. часть Красноярского края	240.4	857
38	Иркутская	Иркутская обл. без сев. части плюс юго-зап. часть Республика Бурятия	722.7	2417
39	(Предбайкальская) Забайкальская	Республика Бурятия (без юго-зап. части) и Забайкальский край	771.2	2050
Итого ВСФО	5 губерний	6 АТЕ	4155,0	8174
Дальневосточный ФО				
40	Ленская	Республика Саха (Якутия)	3083.5	958
41	Охотская	Магаданская обл. и 2 сев. р-на Хабаровского края	789.7	169
42	Камчатско-Берингийская	Камчатский край и Чукотский АО	1185.8	372
43	Амурская	Амурская обл. и часть Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края)	409.9	829
44	Хабаровская	Еврейская АО и Хабаровский край без северных и Бикинского р-нов	446.1	1479
45	Приморская**	Приморский край и Бикинский р-н Хабаровского края	167.2	1980
46	Сахалинская**	Сахалинская	87.1	497
Итого ДВФО	7 губерний	9 АТЕ	6169.3	6284

*Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб./Росстат. М., 2011. 847 с.

** Примечание: Субъекты № 45 (Приморский край) и № 46 (Сахалинская обл.) по показателям размеров территории и численности населения могут быть объединены в Приморскую губернию. В этом случае площадь губернии составит 255.5 тыс. кв. км, а численность населения – 2533,2 тыс. человек, что по количественным критериям более целесообразно. Однако при этом, в силу территориальной удаленности и разорванности ареалов, возникнут проблемы эффективного управления как единым экономическим и социальным пространством.

Для России, с учетом размеров ее территории и нынешнего уровня хозяйственной освоенности, заселенности, 45–46 административно-территориальных единиц, на наш взгляд, представляется близким к оптимальному их количеству (рисунок).

Учитывая специфику самой холодной страны мира, Россия должна подразделяться, прежде всего, на южные (по российским меркам), где возможно и допустимо интенсивное хозяйственное и селитебное освоение территории, и северные территории, где наиболее приемлемыми формами освоения являются очаговые и вахтовые.

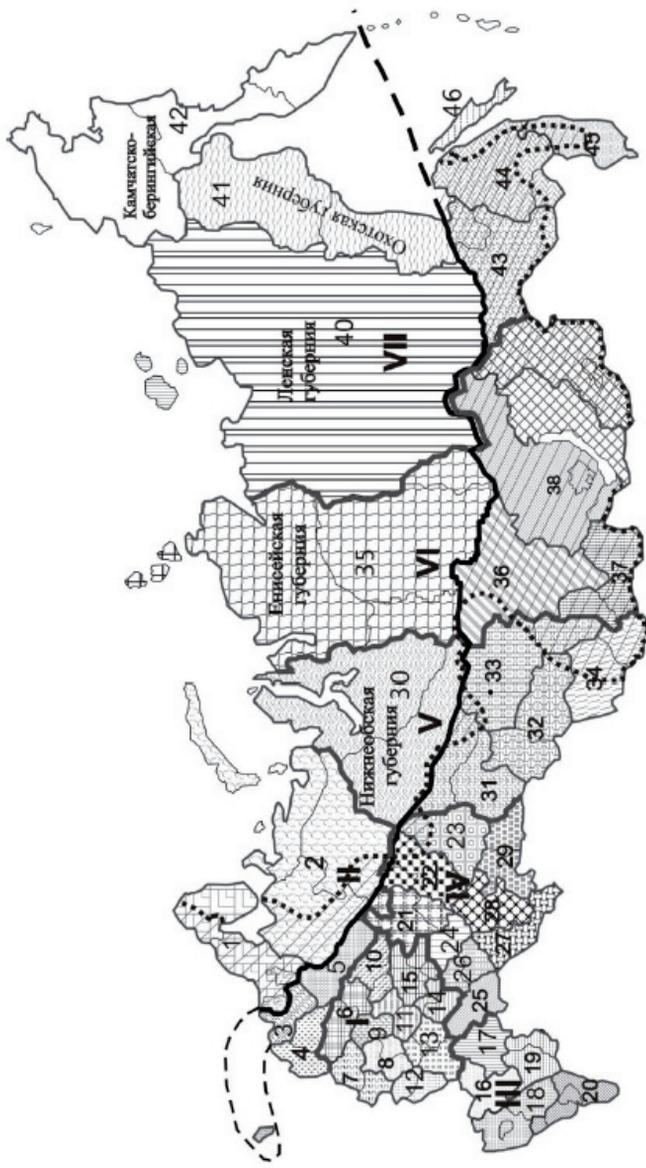
Третий уровень – микроэкономическое районирование, нацеленное на экономико-географическое обоснование границ муниципальных районов и сопоставимых с ними по занимаемой площади муниципальных городских округов. На этом уровне также необходимо определенное упорядочение, унификация, формирование единых подходов в экономическом районировании и соответствующем административно-территориальном устройстве.

В пределах Российской Федерации насчитывается 1824 муниципальных района и 515 городских округов. Они существенно различаются между собой по размерам занимаемой площади, численности проживающего в них населения, производимой в пределах района валовой продукции. Особая дробность отмечается в Центральном федеральном округе. А наибольшие по площади районы размещены, естественно, на Дальнем Востоке, наименее освоенном регионе России. Различия между ними почти 30-кратные.

В целом, административно-территориальное устройство региона остается несовершенным – отсутствует единый подход к формированию сетки АД, субъекты разновелики, выделены на основе различных принципов и не обеспечивают эффективной территориальной организации его экономики. В этих условиях представляется неизбежной корректировка административно-территориального устройства и на низовом уровне.

При определении дробности низовых районов на перспективу необходимо учитывать, что на уровне низовых районов осуществляется непосредственная производственная деятельность, реализуются взаимоотношения с природной средой, удовлетворяются основные устойчивые потребности населения в труде, учебе, отдыхе, обеспечиваются многие социальные потребности. Поэтому районирование на этом уровне необходимо осуществлять снизу, прежде всего исходя из 1,5-часовой доступности райцентра от любого поселения. На этом уровне определяющими становятся принципы социального, территориально-хозяйственного плана.

В связи с экономическим районированием, при корректировке административно-территориального деления на низовом уровне следует, также, рассматривать наметившуюся в последний период тенденцию объединения городов с прилегающими к ним сельскими районами. Эти районы зачастую

Рекомендуемое административно-территориальное деление Российской Федерации по предлагаемой окружной сетке.

- условная граница северной и южной частей России.
- границы губерний по рекомендуемой сетке
- Федеральные округа и их границы
- южная граница распространения "вечной" мерзлоты

- I - 46 - административно-территориальные единицы РФ (области, края, республики) по рекомендуемой сетке
- и их границы

— рекомендуемая сетка нового административно-территориального устройства России на уровне субъектов Федерации и ее границы.

- территории, которые могут быть приравнены к районам Крайнего севера.

имеют с соответствующими городами одноименные наименования. Наряду с такими процессами происходят административные подчинения крупному городу прилегающих к нему малых городов, поселков и сел. То есть, происходит своеобразное агломерирование, движение сел к городу.

Это естественные, закономерные процессы. В основе такого административного объединения городов и их фактически пригородных зон лежат усиливающиеся между ними производственно-технологические, социальные и прочие связи. По сути, это процесс формирования городских агломераций, производственно-экономическим каркасом которых являются смешанные хозяйственные системы локального типа. А города в них выступают «полюсами роста» для всей прилегающей территории. В сложившихся условиях такие агломерации могут стать наиболее устойчивыми и самодостаточными структурами, в которых наилучшим образом решаются финансовые, ресурсные, трудовые, социально-инфраструктурные, продовольственные и тому подобные проблемы.

В отдаленной перспективе, по мере экономического и демографического развития территорий, центры каждого муниципального района необходимо преобразовывать в города – как фактические «полюса роста» для прилегающих населенных мест. В настоящее время лишь около 38 % райцентров России являются городами, а на Дальнем Востоке – лишь 27 %. То есть, подавляющее большинство райцентров здесь являются лишь поселками или даже селами.

В силу того, что большинство райцентров представлено лишь поселками и селами, где нет крупных предприятий и других сопоставимых с ними хозяйствующих субъектов, в нынешних условиях эти районы находятся в сложном финансово-экономическом положении. Методом объединения средних или малых городов и прилегающих к ним сельских районов (с административным подчинением крупным городам их фактических пригородных зон), корректировкой границ районов или их объединением можно частично решить и эти финансовые проблемы.

То есть, новое экономическое районирование и приведение административно-территориального деления в соответствие с ним могут явиться действенным механизмом более эффективного регионального развития.

А. И. Трейвиш

Могу только кратко повторить то, что писал в книге «Город, район, страна и мир» (2009). Читавшие её коллеги найдут мало нового, а другим, быть может, выжимки небезынтересны.

Говоря о районировании, я исхожу из выдвинутого Л. В. Смирнягиным (1989) приоритета задачи осмысления процесса районообразования, самой районной проблемы страны над процедурами различения и разграничения районов. Эта задача «районистики» не устаревает. Новые схемы возможны всегда, а если мы не знаем, зачем и кому они нужны, то, во всяком случае, не мешает присмотреться к районной жизни, движению, районопреобразующим процессам – они что-то подскажут. К тому же я убеждён (хотя доказать это трудно), что районная система страны не есть произвольный конструктор, что за ним стоит географическая реальность, пусть нами и не познанная.

Экономические, административные, «демо-расселенческие» и прочие социальные районы, как и сама их природная основа, могут укладываться в общую иерархию, отражающую ритмику данного пространства. Тот же Смирнягин писал, что у районов любой страны есть характерный шаг (ритм). И что районирование аграрной, индустриальной экономики, любой частный опыт, включая культурный и перцептуальный (районы восприятия), по сути, общесоциален. Это всегда районирование социума, каким он является и осознает себя в данное время. Велико и обратное влияние районов, особенно давних, устойчивых на восприятие пространств страны.

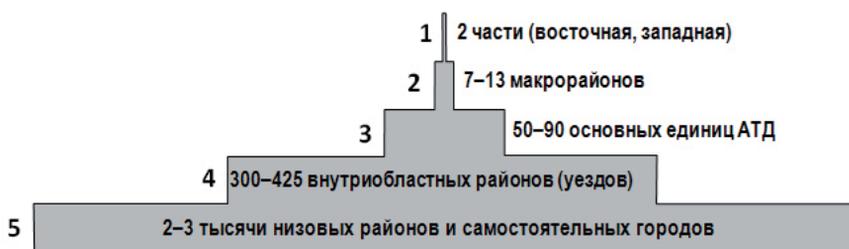
Ритмика пространства довольно устойчива во времени, и хотя эта устойчивость не абсолютна, одно дело, когда деление реагирует на изменение пределов страны, на процессы её заселения, освоения, и другое – если его перекраивают вопреки законам строения пространства. Тогда оно сопротивляется насилию.

Российскую норму АТД нащупала ещё губернская сетка Екатерины II, к подобию которой верхний этаж этого деления вернулся после раннесоветских экспериментов. При разной (падающей у нас к северу и востоку) плотности социального пространства управление стремится отчасти уравнивать число управляемых в ячейках, варьируя их площадь. Поэтому на Красноярском севере сельсоветы были обширнее Швейцарии, а в Чувашии – в тысячу раз меньше. Пытаясь перерезать “всё наоборот”, мы не получим ничего, кроме нелепиц и хаоса.

Резать легче, чем клеить. Проще перетасовать ведомства и чиновников, чем заставить их работать на развитие общества. Проще переделить районы, чем их развить и сплотить. А чем кончится передел? С. А. Тархов (2005) отмечал, что нарушение устойчивости системы АТД ведёт к коллапсу, но она стремится вернуться в исходное состояние. Ведь число и размер единиц АТД во многом определяют размеры самого пространства страны, а сложившиеся в России ритм и нарезка единиц если не вполне оптимальны, то всё же довольно естественны и возникли не вчера.

В общем, число уровней (рангов) и районов на каждом – не произвольно.

РФ нетрудно делить на две части, скажем, европейскую и азиатскую, труднее – на 3–4, в отличие от США и позднего СССР с их «макротриадами». Далее идёт с десяток основных районов, за ними – 50–90 единиц АТД, которых по известному правилу управления 1:7 может быть 70, но не 20–30. Следующая ступень – уезды, которых в СССР не стало, но географы, чувствуя пробел, считали возможным выделять внутриобластные районы (экономические, планировочные, микрорайоны) – 3–4 сотни. На муниципальном уровне имеем 2–3 тысячи районов и городских округов в нынешней версии и, по ней же, примерно 20 тысяч поселений. Общий вид “лестницы” дан на рисунке (по состоянию на 2003 г., без последней из перечисленных ступеней). Как видим, разный статус и функции сеток не ломают общего ритма районной организации общества.

Общая схема «районной лестницы (пирамиды)» России

Конечно, есть противоречие между его эволюцией и стабильностью АТД. Так, убыль населения на большей части РФ стимулирует укрупнение единиц разного ранга, но проекты таких реформ часто слишком радикальны и социально опасны, если физически отдаляют население от власти (особенно в условиях бездорожья). Поэтому специалисты требуют осторожности, когда речь идет о нарезке страны, заманчивой для бюрократов как поле имитации активности или шанс “сбыть с рук” беднейшие регионы, спрятать в больших ячейках межрайонные контрасты путём укрупнений и слияний.

Г. М. Фёдоров

Районирование российского общества целесообразно в научных и учебных целях. В целях управления районирование, отличающееся от административно-территориального и муниципального устройства, вредно, поскольку усиливает неуправляемость. И административно-территориальное устройство Российской Федерации по той же причине надо оставить в покое,

отложив, по крайней мере, до лучших времен, проекты новых объединений субъектов РФ.

А. И. Чистобаев

Об этом см. мою статью (точнее, главу) «Эволюция и современные функции районирования в условиях России» в книге «Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект» (Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – С. 143–154). С тех пор в моих взглядах по этому поводу ничего не изменилось. Только добавлю: проблемное районирование сопряженности с административно-территориальным устройством не имеет.

М. Д. Шарыгин

Все изменения в территориальной организации общества должны отвечать интересам проживающего населения. Успешность проведения реформ во многом зависит от степени их восприятия людьми, активной поддержки новаторских предложений. При этом следует учитывать неоднородность общества и особенно его расслоение по уровню жизни и классовой принадлежности. Видимо, наиболее устойчивые позиции занимает средний слой населения, интересы которого и следует учитывать. Подтверждением сказанному явился процесс объединения регионов-субъектов РФ.

Проект объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа был вынесен на референдум и подавляющим большинством населения был поддержан. В это же время коми-пермяцкая элита, проживающая в Москве, была против объединения, что объясняется ущемлением их элитных интересов.

Российские реформы происходят в наиболее кризисных сферах человеческого бытия. Необходимость реформирования осознается не только правительством, но и всем обществом. Проекты же реформирования разрабатываются в правительственных кабинетах без учета предложений местных жителей. Примерами таких федеральных проектов являются «Образование», «Здравоохранение», АПК, ЖКХ и др. Так называемая оптимизация образования и здравоохранения сопровождается закрытием малокомплектных школ, деревенских больниц, сельских клубов и библиотек, что ведет к деградации сельской системы расселения. В общественном сознании превалирует

мысль, что государство проводит преобразования не с целью обогащения человеческого потенциала, а с целью экономии бюджетных средств.

Подобная ситуация складывается в процессе реализации Федерального закона № 131, определяющего новую систему территориального устройства без учета региональных условий развития, включающих сложившийся образ жизни, культурно-историческое и конфессиональное наследие, природно-климатические и ландшафтные особенности, транспортное обустройство и системы расселения. Для совершенствования местного самоуправления в Пермском крае идет активный процесс по изменению границ и статуса муниципалитетов с учетом мнения местных жителей на основе референдумов. Обновленная система территориального устройства края более полно отвечает интересам проживающего населения и не вызывает массовых нареканий.

В. А. Шупер

Глубоко прав Л. В. Смирнягин как мыслитель-идеалист, утверждая, что экономические и социальные процессы в развитии общества должны протекать безотносительно к всевозможным административным границам; но насколько осуществима у нас эта американская мечта? Иерархическая пространственная организация российского общества – наша родовая травма, от которой никуда не деться. Дай бог, чтобы ее хоть как-то удалось врачевать развитием горизонтальных связей. Этому будет способствовать подлинная федерализация страны, но и федеральное государство само по себе – это еще далеко не гражданская нация, для которой внутренние пограничные столбы не более значимы, чем верстовые. Напротив, развитие федерализма может способствовать росту, а не снижению барьерных функций административных границ. А у нас ведь есть еще и республики, что также не упрощает дело. Не уверен, что взгляды Л. В. Смирнягина восторжествуют хотя бы при жизни его студентов.

Другие идеи Л. В. Смирнягина – безграничное районирование и районирование по плавающим признакам – все глубже проникают в умы и сердца отечественных географов, причем иногда настолько глубоко, что уже совершенно не видать приличествующих подобным случаям ссылок. Это – проблема даже не столько самого Л.В. Смирнягина, сколько научного сообщества, явно не слишком озабоченного снижением своего морального уровня. Между тем, рост внимания именно к месту самому по себе, а не его отношениям ко всевозможным вне его лежащим данностям, требует новых методов выделения этих мест. Вернакулярные районы, также внедряемые в менталитет

географов Л. В. Смирнягиным, могут быть в этом отношении очень полезны как средство выявления пространственной самоидентификации населения.

Вообще же, ситуация с районированием в географии, особенно социально-экономической, парадоксальна. Районирование – наша священная корова, выражение пространственной сущности нашей науки. На самом же деле районирование для географов – эрзац теории. Хорошая классификация – всегда побочный продукт хорошей теории, и блестящий тому пример – таблица Менделеева. Соответственно, и хорошее районирование – тоже продукт хорошей теории, и пример тому дал Б.Н. Зимин, сформулировавший представления о стандартном экономическом и стандартном экономико-географическом районах, вполне операционально их определив в рамках теории малых высокоразвитых стран. Однако, теоретическая бедность постоянно побуждает географов изобретать районирование вместо теории. Казалось бы, тогда хоть методы районирования должны были расцвести, как розы в саду. Однако и тут застой, почти такой же, как и в теории. Как после этого утверждать, что бедность – не порок?

2.7. МЕНТАЛЬНАЯ КАРТИНА РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ГЕОГРАФА-ОБЩЕСТВОВЕДА

А. Г. Дружинин

Ментальный образ России в массовом сознании крайне упрощён; в этом огромная беда (и вина) и общества в целом, и географов-обществоведов в частности, практически дистанцировавшихся как от серьёзных теоретических обобщений «новорусских» реалий, так и от их детального, повсеместного (в том числе экспедиционного) исследования. Чрезвычайно важно, в этой связи, последовательно выпутываясь из сетей стереотипов, интеллектуальных мод и эмоциональных «выплесков», системно, в продуктивном взаимодействии с экономистами, социологами, политологами и культурологами формировать и активнейшим образом внедрять в массовое сознание *реалистичную картину факторов, проявлений и следствий территориальной социально-культурно-экономической динамики*. Столь же актуальными представляются и наши усилия по инвентаризации и осмыслению предельно широкой по своей географии «*палитры*» ментальных образов страны, причём, подчеркну, в данном случае имеется в виду не только совокупность экспертных оценок и саморефлексий в разрезе конкретных населённых мест, субрегионов, регионов, но и необходимость выстраивания обширной конструкции взаимодополняющих взглядов на территориальную организацию Российской Федерации из её *различных* географических центров (не только Москвы!), равно как и осмысления доминирующих «образов России» в США, странах Евросоюза, Китае, Индии, Турции, арабском мире и др. Всё это требует, разумеется, не только соответствующего уровня профессиональной компетенции, но и существенно более высокой степени *консолидации и координации* сообщества российских географов-обществоведов.

В. Л. Каганский

Следует твердо заявить, что *ландшафт* (будь то природный или культурный), как явление, феномен, понятие, категория, природное или культурное закономерное тело, *массовой культуре просто не дан*. В ней нет такого образования. Тем более бессмысленно предполагать какую-то его осознан-

ность и эксплицированность. Более того, даже среди образованной публики такое представление – редкость величайшая! Я утверждаю это на основании взаимодействий с представителями многих профессий и групп во множестве мест России. Само представление о закономерности пространства – величайшая редкость! Без вживленности же такого представления (в любой форме) *невозможна и какая-либо картина российского пространства.*

В массовой культуре, включая массовую интеллигенцию, представление о ландшафте прямо противоположно научно-географическому. Здесь «ландшафт» *совершенно бессвязен и фрагментарен*, это отдельные разрозненные места; большая часть поверхности Земли буквально является ничем и культурно-семиотически не существует. Места заданы местом жизни или сугубо внешним образом (например, районы рекреации, местожительство культурных героев, место действия художественных произведений, мифов и прочее). Такое представление часто поверхностно сакрализовано. Нередко ландшафты заданы «классическими» художественными произведениями, причем очень избирательно – ландшафт Л. Н. Толстого или А. П. Чехова мнится реальным (а это явно уже не так), а ландшафт «Сталкера» А. Тарковского игнорируется, хотя это вполне адекватное представление для советско-постсоветского ландшафта. Между значимыми местами лежит анонимное, безразличное или враждебное пространство. Значимые для жизнедеятельности места связаны чисто утилитарными траекториями перемещений. Одновременно, «рои мест» ценностно поляризованы, что превосходно показывает Ю. Г. Вешинский, но это именно множества отдельных объектов.

На ландшафт сейчас ориентирована литература (вообще искусство) «второго ряда» – местные писатели-краеведы, пейзажисты-натуралисты, художники-анималисты, документальное кино и телевидение *etc.* **Элитарное искусство современности**, кажется, предельно далеко от ландшафта: однако оно является и ландшафтно нагруженным, и частично ландшафтно интерпретируемым.

Если реконструировать массовые представления, то ландшафт – это совокупность точек с небольшими неопределенными окрестностями, и она центрирована по месту постоянного или рекреационного пребывания. Иное, еще более неадекватное, представление присуще социологам, экономистам и прочим политологам – представление страны набором федеральных округов, а последних – набором регионов, внутренняя организация каковых игнорируется. Аналогично и властно-государственное представление.

Показательно самое если не распространенное, то коммерчески «раскрученное» представление о культурном ландшафте – как обустроенно-украшенного пространства между границами земельного участка и стенами здания. Это представление широко выражено в рекламе и особенно журнале «Дизайн ландшафта».

Ненаучное и лежащее вдалеке от высокой культуры представление, присущее народу в терминологически точном смысле (не массам), – достаточно адекватно, хотя локально и все более мифологизируется.

Единство массового, интеллигентского, «экспертного» и чиновничье-государственного представления о пространстве – странный, важный, прискорбный и тревожный факт.

Для этой склейки важно то, что представление это *огосударствлено и мифологично, предельно фрагментарно и противоречиво, кусочно.*

Огосударствлено само видение пространства. Пространство дано названным группам лишь в государственной оптике, которую трудно осознать и еще труднее преодолеть. *Государственная схема пространства куда сохраннее ныне, нежели само государственное пространство.* Многое видится как результат действий государства, хотя таковым не является. Власть же видит не все то, что существует, а только лишь то, что имеет определенный статус, заданный сугубо нормативно и даже всего лишь аппаратно. **В сфере пространства для государства существуют лишь такие аспекты и фрагменты, каковые служат поводами аппаратной коммуникации,** – иного просто не существует; само пространство страны в целом, ее особый ландшафт, его резчайшая трансформация в пригородах крупнейших городов, одичание Внутренней Периферии (список обширен!) как таковые вовсе для государства не существуют; не тематизированное в государственной онтологии пространство не дано государству. Власть не то что бы не видит пространства помимо государства, она не догадывается о его существовании. Государство само порождает предметы своего видения; но государственная картина пространства в основном фиктивна и мнима.

Сама же эта картина пространства России крайне груба. Она содержит лишь те детали, что есть в статусной, официальной, нормативной онтологии – регионы или города как статусы, а не типы районов или типы поселений. Самое большое – страна видится составленной из субъектов федерации. Впрочем, страна видится (как ни дико это) составленной и из 8 федеральных округов. В определенных сферах вопрос «Ну, что там у вас в округе?» расценивается как осмысленный. Округа или регионы – но предстают они нерасчлененными административными телами.

Образ современного пространства России у политической элиты (как и в средствах массовой информации) географически очень беден, неполон и противоречив; однако устойчив и прост. Структура этого образа – набор *отдельных* регионов и городов. Их совсем мало: есть Татария, Башкирия, Якутия, но почти нет Казани, Уфы, нет Якутска. Курьезно, что в **комплексном образе огромной РФ территориальных деталей куда меньше, нежели персональных:** в этих кругах на слуху сотни имен политических и иных персонажей и только немногие десятки мест.

В России сейчас на слуху очень немного городов и регионов, а известно о них совсем мало. Большинство регионов почти неизвестны и не представлены в собирательном образе страны. *Многие регионы чем-то заслонены* – мощными соседями, своими столицами, даже своими лидерами; постепенно регионы заслоняются федеральными округами. Так, Чувашия заслонена своими крупными и важными соседями – Татарстаном и Нижегородской областью. Еще хуже положение Марий Эл и Мордовии. Красноярский край заслонил Хакасию, а ведь ее достояние – отнюдь не только ГЭС, алюминиевый завод и особая горнолыжная трасса; Иркутская область задвинула Бурятию; Петербург и Ленинградская область – Карелию.

Явное большинство регионов России – заслоненные, ведь на виду лишь два десятка регионов – Татария и Башкирия, Москва и Петербург, Свердловская и Челябинская области Урала, Нижегородская, Самарская и Саратовская области Поволжья, Краснодарский и Красноярский края (их путают!); недавно и Пермская область вошла как непосредственная составная часть в образ России; регионы Кавказа представлены в образе пространства иначе, нежели «обычные» регионы. Входят в образ особым образом и некоторые «вторые города». Но даже с их учетом в этом образе пространства актуализировано не более полусотни мест страны.

Государственная картина пространства игнорирует разнообразие мест, которое можно охватить лишь сложными типологиями и районированиями, но ***содержит только повторяющиеся стандартные детали***. Власть не рефлектирует, что она ультрареалистична (в смысле философской антиномии «реализм - номинализм»): реальность общих (статусных) категорий для нее несравненно выше, нежели реальность конкретных мест. *Оборотная сторона стандартизации – крайняя индивидуализация: власть работает с конкретными местами как с чем-то почти уникальным*; крайности реализма диалектически переходят в крайности номинализма. Реальность пространства проваливается в пропасть между немногими тощими статусными схемами, имеющими аппаратное основание, и конкретными местами, часто персонифицируемыми. Закономерное разнообразие мест не охватывается; сложная (но закономерная) ткань ландшафта просто игнорируется.

Представление о пространстве как сотворенном властью лишает саму власть возможности видеть в пространстве не то, что закономерности, – просто некоторую независимую реальность. Равно и любая динамика видится как результат действий власти (удачных либо неудачных) и противодействия ей; спонтанность и самоорганизация игнорируются. Явно и закономерно структурированное пространство меняется сегодня вполне закономерным образом, радикально и стремительно; но эти процессы не воспринимаются ни властью, ни масс-медиа, ни общественностью; «экспертным сообще-

ством» они также почти не воспринимаются; впрочем, мышление «экспертов» чрезвычайно огосударствлено, отчего, в частности, они очевидно вредны для решения собственно государственных задач.

Государство, в представлении о пространстве, – самодовлеющая сила, единственная, сталкивающаяся только с иными государствами или откровенно антигосударственными силами, лишенными какой-либо позитивной определенности. Но здесь есть явный парадокс. Тотально-всемогущее государство оказывается беспомощным и часто совершенно бессильным. Даже при тотальной огосударствленности пространства СССР «государство» было не в состоянии достичь ограниченных конкретных целей. Так, десятилетиями не удавалось (а это – декларированные цели развития страны) приостановить рост крупнейших городов или обеспечить реальный «сдвиг производительных сил на восток». В ландшафте страны парадоксально совмещались и переплетались властное пространство и пронизавшие его спонтанные структуры обыденной жизни. Именно поэтому власть могла делать с любым местом пространства все что угодно, но оказалась бессильной перед закономерностями пространства как такового. Пределом и высшим выражением этого бессилия стал распад СССР, детерминированный исключительно структурой пространства; действия же тогдашнего невменяемого Центра СССР только ускоряли и обостряли процесс распада СССР; ведущие политики той поры до сих пор не поняли связи устройства пространства и распада СССР.

Государственная власть не в состоянии считаться с закономерностями пространства, с пространственным саморазвитием, но она в состоянии нанести пространству огромный урон. Неспособность государства считаться с закономерностями пространства страны и, тем более, использовать эти закономерности (**пространственная невменяемость** в точном смысле) носит хронический характер. Игра власти с пространством – игра отнюдь не с положительной или хотя бы нулевой суммой. Нет, это игра с отрицательной суммой; это такое взаимодействие власти и пространства, когда результаты носят взаимно негативный, обоюдно вредный и разрушительный характер.

Следует сказать, что это картина – скорее уходящая; само общее представление о пространстве и пространстве России сменяется пестрой мозаикой представлений отдельных групп. Как современный культурный ландшафт становится парциальным (частичным), так парциальным становится и его образ. Ориентироваться на общий, суммативный образ в социальной и когнитивной практике уже не очень актуально.

А. И. Трейвиш

Вся картина в массовом сознании требует специального изучения, я же приведу вначале мнения «образованных классов» о просторах страны и их освоении за два-три столетия, когда они сильно менялись.

Все помнят пророчество М. В. Ломоносова о прирастании Сибирию и Северным океаном. Слова В. О. Ключевского об истории России как страны, которая колонизируется, но с оговоркой, что расширения государства обратно пропорциональны развитию свободы народа. О том же писал В. И. Ленин: развитие вширь замедляло развитие вглубь. Сначала почти о том же – его идейный оппонент Н. А. Бердяев: огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств. А дальше у него иначе: овладение пространствами сопровождалось страшной централизацией, но пространства охраняли русского человека, давали ему чувство безопасности. И в наши дни историк И. Супоницкая повторяет те же тезисы в некоторой рекомбинации.

Когда обострялось восприятие России как безбрежно-бездорожной страны? Один из таких периодов – 1830-е гг. В 1831 г. А. С. Пушкин сочинил стихотворение «Клеветникам России». Там было: «Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды, // От финских хладных скал до пламенной Колхиды, // От потрясённого Кремля // До стен недвижимого Китая, // Стальной щетиною сверкая, // Не встанет русская земля?». Другой поэт и друг Пушкина П. А. Вяземский среагировал в дневнике: «Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч.... Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врястяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст...». Тут же П. Я. Чаадаев, писавший, что география чуть ли не затмевает всю нашу историю.

Почему тогда, в 1830-е гг.? Да потому что в Европе строились железные дороги, сжимая тамошнее, и без того меньшее, пространство, а мы отставали. И навёрстывали, во многом наверстали ещё до революции. К 1914 г. Россия по протяжённости железных дорог стала второй в мире после США и, кстати, остаётся такой (не считая ЕС как целого и быстро догоняющего РФ Китая).

Был у нас и период эйфории от великого социального эксперимента, поступи индустриализации – рывка в освоении территории, а прежде всего – в развитии. Отсюда гордость, вплоть до «Широка страна моя родная», хотя слова В. И. Лебедева-Кумача «где так вольно дышит человек», написанные в 1936 г., позже могли звучать издевательски. Яркий пример противоречивого энтузиазма находим в прозе В. П. Катаева «Время, вперед!» о строительстве знаменитой Магнитки. Одноимённый марш Г. В. Свиридова десятилетиями предваряет новости на ТВ. Совсем уж географизированный вариант: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!»

У больших государственных пространств есть, в том числе с точки зрения широкой публики, большие плюсы и минусы. Оно даёт чувство безопасности, «укрытости». Мы его раздвигаем, чтобы всё было своё. Но отгородиться от мира и найти в нём своё место – не одно и то же. На большой территории много ресурсов. Отсюда тяга к освоению всего, что можно освоить, а это риск распыления всегда ограниченных людских, материальных и прочих средств, вплоть до психологических. Большой стране по плечу большие задачи, но при условии социального сплочения. Когда же нарастает груз свинцовых тяжестей жизни в большой родине, мы ищем малых, как И. А. Бродский: «Если выпало в Империи родиться, // лучше жить в глухой провинции у моря». Вес великана в мире велик благодаря даже одному пространству (если немного населения и не так сильна экономика). Но возникает мания величия, привычка всех мерить на свой аршин. Иногда это соединяется с манией преследования, присущей разным странам – и малым, и большим.

Что касается восприятия частей страны массовым сознанием, то оно довольно устойчиво. Обычно различают Русский Север, Центр, Юг, Поволжье (Приволжье), Урал, Сибирь, Дальний Восток. Чиновники, статистики, учёные меняют их состав, порой коряво (относя явно уральское Оренбуржье к району Волги и т. д.), но сами части от этого не исчезают. Конечно, в ходе истории их ментальные картины менялись. Смещались представления о западе и востоке страны. П. П. Семёнов-Тян-Шанский писал, что до середины XVI в. **земли к востоку от диагонали Харьков – Пермь** были именно Востоком, Азией. Позже Европейская Россия поглотила Волго-Уральский пояс. А теперь, кажется, всё идёт к тому, чтобы делить территорию страны примерно пополам по Енисею.

Изменчивы взгляды на “содержание” районов. Их советское понимание, как цехов большого завода, уступает место более широкому эко-социальному и гуманитарному. Человека вспомнили! А началось это давно. Когда по радио сообщали, что на Урале ожидаются дожди и что хирурги там делают чудеса, это означало, что госплановские районы уже не только хозяйственные, они вошли в широкий, почти бытовой обиход (чего власть не учла, вводя в 2000 г. федеральные округа).

Хуже обстоит дело с неформальными низовыми районами. Зато окрепли в сознании ячейки основного АТД. Спрашивая приезжего, откуда он, обычно слышишь название области, края, республики (или города, если он крупный, известный). И нельзя считать все эти регионы искусственными, навязанными сверху: у половины есть исторические предшественники в лице губерний или средневековых княжеств. А если исключить республики, автономные округа, оставив края и области, то получится, что свыше 70 % из них родились как ячейки АТД до 1917 г. Их “полисное устройство”, именование по городо-центру и т. п. тоже традиционно и восходит, похоже, ещё к варягам.

Чем дольше живёт единица, тем она прочнее входит в наши ментальные карты и тем легитимнее для сознания. Если бы это ещё понимали наши урареформаторы и революционеры, так любящие эксперименты со страной и с её делением (см. вопрос 2.6); а ведь она – не Иван, родства не помнящий!

То, что картины пространств России разные, словно это разные страны, неудивительно: наши история, политика, ментальность богаты крайностями. А что же делать, когда обостряется “раздрай” в обществе и пространстве? Ну, посмотреть хотя бы ответ на вопрос 2.1.

Г. М. Фёдоров

Ментальная картина российского пространства в массовом сознании – как и прежде: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». (Повесть временных лет, перевод Д. С. Лихачева. См.: Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

А. И. Чистобаев

Ментальная картина российского пространства имеет существенное значение и для политики, и для экономики. Однако в массовом сознании российских этносов она не нашла должного отражения. Мы, географы-обществоведы, мало уделяем внимания этому вопросу. Более того, в моей памяти свежи критические выступления коллег по поводу учения Л. Н. Гумилёва. Но надо признать, что за последние годы многие из них от критики гумилёвского учения перешли не только к признанию, а и к восхвалению его. К сожалению, «флюгерность» всегда была свойственна некоторым из преобладающих на географическом поле познания.

В. А. Шупер

Географические представления широчайших народных масс о родной стране все более удаляются от объективной реальности, чему способствует как катастрофическое снижение образовательного уровня населения (большинство школьников не в состоянии даже определить расстояние по карте),

так и огромное превалирование выездного туризма над внутренним. При-
скорбно, но россиянам выгодней отдыхать за границей, поэтому надеяться
на практические знания как замену теоретическим, увы, не приходится.

Всеобщее распространение сначала среднего, а теперь и высшего обра-
зования, разумеется, не могло не привести к резкому снижению его уровня,
однако не меньшую роль играет и отсутствие просвещенного патриотизма,
осознанного стремления связать свою судьбу со своей страной и, засучив ру-
кава, заниматься ее реконструкцией. Напротив, по данным многих социоло-
гических опросов, среди молодежи преобладают чемоданные настроения,
респонденты заявляют о своем желании уехать в силу невозможности реали-
зовать себя на родине. И хотя подавляющее большинство никуда не уедет, а
из уехавших далеко не все найдут за границей счастье, эти настроения никак
не способствуют интересу к своей стране и, тем более, ее развитию.

Отметим, что чемоданные настроения (как и реальная склонность к эми-
грации) тем сильнее, чем выше образовательный уровень и уровень благо-
состояния. Поэтому «элита» (в нашей стране это слово трудно употреблять
без кавычек) не задает образцов положительного отношения к России, не
создает моды на хотя бы поверхностное знание ее географии. Возможно,
пробуждение гражданского общества будет сопровождаться некоторым ро-
стом патриотизма. Если он станет просвещенным, это будет способствовать
вдумчивому отношению к своей стране, к ее истории и географии.

3.

БУДУЩЕЕ РОССИИ: ДЕТЕРМИНАНТЫ, СЦЕНАРИИ, СТРАТЕГИИ (ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

3.1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: УГРОЗА ИЛИ УСЛОВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ?

П. Я. Бакланов

Безусловно, в долгосрочном развитии России и ее крупных регионов существуют проблемы, угрозы и ограничения. Сырьевая направленность экономики, низкие темпы реконструкции, модернизации материально-технической базы, реальные эколого-географические проблемы, в ряде регионов – снижение численности и отток населения – все это требует специального анализа. Но, в то же время, почти все эти проблемы имеют свои географические «срезы», аспекты. Именно поэтому в региональном анализе важна географическая и, прежде всего, экономико-географическая составляющая.

В совокупности необходимы выделения и оценки региональных проблем и их географических составляющих, а с другой стороны – географических факторов долгосрочного развития. Сложившуюся ТОО, при этом, следует рассматривать и как результат прошлого развития, и как фактор долгосрочного развития. Выделение и анализ основных ТСЭС региона, их реальных и потенциальных звеньев, тенденций и вариантов изменений ТСЭС (в том числе при реализации крупных инвестиционных проектов), выход на оценки экономической, социальной и экологической эффективности вариантов регионального развития – такова общая схема конструктивного экономико-географического анализа регионального развития.

А. Г. Дружинин

В своей региональной проекции Россия в существенной мере предстаёт *единством разного* (в хозяйственных укладах, репродуктивном поведении населения, способах его социальной организации и др.). Углубляющаяся регионализация (в том числе и этнокультурная), выступая отчасти фактором, отчасти следствием социально-экономического развития, множит территориальные различия, усиливает центробежные векторы, продуцируя эрозию единства и дополнительные риски дезинтеграции.

Важно, при этом, учитывать как общий характерный для РФ этнодемогра-

фический тренд (доля русских в населении страны в 2002 г. составляла 79,8 %, в 2010 – 77,9 %, а к 2050 г., по нашим расчётам, может уменьшиться до 69 %), его макрорегиональные проявления, когда, к примеру, на Юге России уже сейчас удельный вес русских чуть менее 62 % (в том числе в СКФО – 30 %), а к середине столетия способен снизиться до 50 (в СКФО – до 19 %), так и нарастающую моноэтничность «этнических» территорий, наиболее зримо проявляющуюся в условиях Северного Кавказа (таблица).

Удельный вес русских в регионах Юга России, %*

Регионы	1989	2002	2010
Республика Адыгея	68,0	64,4	63,6
Республика Дагестан	9,2	4,7	3,6
Республика Ингушетия	13,2	1,2	0,8
Чеченская Республика	24,8	3,7	1,9
Кабардино-Балкарская Республика	32,0	25,1	22,5
Республика Калмыкия	37,4	33,6	30,2
Карачаево-Черкесская Республика	42,4	33,6	31,6
Республика Северная Осетия – Алания	29,9	23,2	20,8
Краснодарский край	86,7	86,6	88,3
Ставропольский край	84,0	81,6	80,9
Астраханская область	72,0	69,7	67,6
Волгоградская область	89,1	88,9	90,0
Ростовская область	89,6	89,3	90,3

* Составлено по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

Успешно противостоять рискам возможной дезинтеграции можно лишь перманентно повышая общую эффективность и привлекательность *соразвития* регионов в оконтуриваемом государственными границами Российской Федерации политико-правовом, рыночно-хозяйственном и социально-гуманитарном пространстве. Ради сохранения территориальной целостности страны важно, одновременно, не замыкаясь (в управлении, образовании, научном процессе) на единой (пусть и наиболее рельефной, базовой) матрице субъектов РФ, стимулировать **поливариантность российской регионализации** и «усложнённость» территориальной организации российского общества, поддерживая её «меж-», «над-» и «нерегиональные» формы, т. е. ситуацию, когда любой регион, в том числе и «этнический», своими фрагментами имплантирован в «параллельные» регионы (выстроенные по иным признакам и в отличной от привычного административно-территориального деления сетке), в трансграничные структуры, а также вмещает в себя инорегиональные сетевые элементы, участвует в межрегиональных объединениях.

Н. Н. Клюев

Россия – новая страна, её государственность и «гражданская нация» лишь формируются. Остановимся на предпосылках этнического национализма. Ведь очевидно, что «позитивному» нациестроительству деструктивный этнический национализм, мягко говоря, не содействует.

За 1990–2009 гг. прирост численности населения показали лишь 20 регионов России, 13 из них – это национально-территориальные образования, в том числе все республики Северного Кавказа. Причём наивысший относительный прирост населения зафиксирован в Ингушетии (269,3 %) и Дагестане (146 %), тогда как российский индекс составил 95,7% (Тверская область – 81,8 %, Псковская – 81,7 %). Как видим, на фоне общероссийской депопуляции население в национальных республиках растёт, причём в ряде северокавказских республик очень существенно.

Для нациестроительства в России, очевидно, особое значение имеет доля в населении государствообразующей нации – русских. Как известно, интенсивно идёт процесс «вымывания» русского населения из национальных образований. За период между переписями 1989 и 2002 гг. доля русских, украинцев и белорусов уменьшилась в 28-ми из 32-х национально-территориальных образований (исключение составили Еврейская АО, Коми-Пермяцкий АО, Удмуртия и Карелия; административно-территориальное деление – по состоянию на 2002 г.). Но если в таких республиках как Мари Эл, Мордовия, Чувашия их сокращение составило 0,1–0,2 %, то в Татарстане и Башкортостане – 4,1 и 3,5 % соответственно, а в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – 7,7–9,7 %. Особенно сильно доля славян уменьшилась в Чечне и Ингушетии. В Чечено-Ингушской АССР в 1989 г. она составляла 24,1 %, а в Чечне в 2002 г. – 3,8 %, в Ингушетии – 1,2 %. Правда, «исход» русских с Северного Кавказа начался уже в 1970-е годы (в 1970 г. их доля, например, в Чечено-Ингушской АССР составляла 32,7 %).

Очень велики в России межрегиональные различия по демографическим параметрам. Естественный прирост населения колеблется от –12 % в Тульской обл. до +22,4% в Чеченской Республике (2007 г.). В период 1990–2007 гг. кардинальные различия в естественном приросте населения между центрально-русскими областями и северокавказскими республиками сохранились – в первых он устойчиво отрицательный, во вторых – положительный. Разность в естественном приросте населения между пятью регионами-лидерами и пятью аутсайдерами выросла с 20,8 раза в 1990 г. до 24,5 раза в 2007 г.

Различия в воспроизводстве населения обусловили, в частности, и различия в его возрастном составе.

*Население моложе трудоспособного возраста
в некоторых регионах России (%), 2007 г.*

10 самых «молодых» регионов		10 самых «старых» регионов	
Чеченская Республика	32,9	г. Санкт-Петербург	12,3
Республика Ингушетия	29,9	г. Москва	12,4
Республика Тыва	28,7	Тульская область	13,1
Республика Дагестан	26,2	Ленинградская область	13,2
Агинский Бурятский АО	25,7	Московская область	13,6
Усть-Ордынский Бурятский АО	24,7	Рязанская область	13,6
Республика Алтай	23,6	Ивановская область	13,7
Республика Саха (Якутия)	23,3	Воронежская область	13,8
Ненецкий автономный округ	22,0	Смоленская область	13,8
Чукотский автономный округ	21,6	Ярославская область	13,9

Все самые молодые российские регионы – это удаленные от центра национальные республики и округа. Старое население концентрируется в столицах и русском историческом ядре – в Московской, Тульской, Рязанской и других областях.

10 самых неблагополучных регионов по отношению среднедушевых доходов к прожиточному минимуму, 2007 г.

Регионы России	%
Усть-Ордынский Бурятский АО	117,6
Республика Калмыкия	170,5
Республика Ингушетия	173,3
Республика Тыва	192,8
Республика Алтай	194,9
Ивановская область	199,8
Республика Адыгея	207
Амурская область	215,4
Республика Мордовия	225,4
Еврейская автономная область	227

Среди «десяти первых» регионов РФ по ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (в 2007 г.) семь – это национально-территориальные образования, в том числе шесть – республики Северного Кавказа, а лидируют в этом списке с большим отрывом Ингушетия, Чечня и Дагестан.

Таким образом, уже через четверть века Россию ожидают серьезные подвижки в этническом составе населения (которые особенно заметны на юж-

ных и восточных окраинах страны). Конечно, эти подвижки являются лишь косвенной угрозой целостности России, но для ее устранения требуется широкий комплекс мер по действенному включению республиканских этносов в российский социокультурный контекст.

Если по демографическим параметрам национальные республики, в особенности северокавказские, как правило, являются лидерами, то по экономическим показателям – картина обратная.

Крайне неблагоприятной тенденцией выступает усиление территориальных различий по уровню безработицы. Эта негативная тенденция не преодолена и в «позитивные нулевые» годы.

Уровень безработицы в некоторых российских регионах в 2007 г., %

10 самых неблагоприятных регионов		10 самых благополучных регионов	
Чеченская Республика	53	г. Москва	0,8
Республика Ингушетия	47,3	Московская область	2,0
Республика Дагестан	20,2	г. Санкт-Петербург	2,1
Карачаево-Черкесская Республика	18,3	Челябинская область	2,5
Кабардино-Балкарская Республика	17,6	Тульская область	2,6
Республика Тыва	17,1	Ямало-Ненецкий АО	2,7
Республика Калмыкия	14,4	Липецкая область	2,8
Республика Бурятия	12,9	Костромская область	3,3
Республика Адыгея	10,3	Калининградская область	3,4
Читинская область	10,1	Ярославская область	3,4

По уровню безработицы в стране ожидаемо лидируют северокавказские республики. Несомненно, на этом сказывается высокая степень самозанятости населения в личных подсобных хозяйствах, высокая развитость теневого сектора, а также, отчасти, и желание трудиться именно в этих сферах. Региональные программы формирования новых рабочих мест должны учитывать и эту склонность местного населения. С позиций территориальной целостности страны чрезвычайно важно, что высокой безработицей поражены национальные окраины страны (в списке из 10 самых «безработных» – 9 национально-территориальных образований, в том числе семь северокавказских плюс Калмыкия).

Таким образом, отмеченные сдвиги на этноэкономических картах России – гомогенизация национального состава населения республик, рост в них численности жителей с резким увеличением доли молодых возрастов на фоне усиливающейся бедности и безработицы – формируют предпосылки роста этнического национализма. Их нельзя не учитывать при обсуждении проблемы строительства российской гражданской нации.

Ю. С. Колесников

Современной России досталось в наследство уникальное, по мировым меркам, по своему многообразию и неоднородности социо-природо-хозяйственное пространство. Поэтому процессы регионализации в России, понимаемые как структурирование пространства в формах и масштабах, создающих наилучшие социально-экономические и институциональные условия для капитализации его ресурсов и уникальных свойств для расширенного воспроизводства человеческого капитала, являются естественными и объективными, содержат как историческую (традиционную), так и современную (глобальную) составляющую.

Традиционную (устойчивую) составляющую процесса регионализации образуют природные ресурсы (их масштаб и состав), сложившиеся энергопроизводственные связи региона, исторически сложившиеся хозяйственные уклады, этнокультурные формы организации жизни социума.

Глобальная составляющая процесса регионализации включает институты глобального рынка, межрегиональную конкуренцию, современные технологические уклады, продукция которых конкурентна на мировых рынках, мировое образовательное пространство и научно-информационные сети. Взаимодействие традиционных составляющих региональных социально-экономических систем и глобальных институтов экономики формирует траекторию и формы регионализации социально-экономического пространства.

Современная глобализация имеет двойственную природу воздействия на регионы: с одной стороны, она расширяет их хозяйственное пространство, сокращает затраты на трансакции и повышает мобильность факторов производства, трансформируя инновационное время региона, обеспечивая ускорение его социально-экономического развития; с другой, – дает дополнительный импульс возрастанию территориальной асимметрии. На противоречивом характере процессов глобализации фокусирует внимание Дж. Стиглиц. Отмечая в качестве ее положительных сторон быстрый экономический рост в силу открытия рынков для международной торговли, увеличение продолжительности жизни и жизненного уровня населения, уменьшение чувства изоляции, открытие доступа к знаниям, технологиям, он также констатирует растущее социальное, экономическое и территориальное неравенство в условиях глобализации.

Ряд фундаментальных противоречий процесса глобализации применительно к экономике слаборазвитых стран раскрыл Г. Мюрдаль, обосновав наличие в глобальном хозяйстве особых локальных зон, развитие которых опирается на свои модели хозяйствования. Г. Мюрдаль показывает, что нельзя сформировать высокотехнологичные отрасли экономики, опираясь на базис нищеты, неудовлетворенности элементарных потребностей.

Противоречивый характер воздействия глобализации на региональное развитие проявляется в следующем:

- * поляризации пространственного развития – разделении страны на «богатые» и «бедные» регионы по уровню экономического развития и доходам населения;

- * «возвратной» индустриализации сырьевого типа, росте доли промышленности в ВВП, усилении роли сырьевых регионов со специализацией на экологически «грязных» производствах;

- * росте мобильности населения в крупнейших центрах (трудо­вой, учебной, рекреационной), богатых регионах (преимущественно рекреационной) и приграничных регионах (трудо­вой в виде челночного бизнеса);

- * модернизации стандартов потребления в крупных центрах и «богатых» городах экспортных отраслей;

- * росте информационной открытости в крупных городах, но, при этом, заметен и рост социокультурных фобий как ответ глобализации;

- * декоративной модернизации политических институтов (копирование форм и эффективных избирательных технологий) при сохранении преимущественно неформальной институциональной среды.

Стандартизация и унификация являются характерными процессами, присущими глобализации. С этой точки зрения готовность регионов к работе по единым бизнес-стандартам повышает их шанс на использование возможностей глобализации и ведет, в определенной мере, к унификации и других элементов региональных систем. В то же время возрастает значение тех элементов локальной среды, которые придают регионам уникальность, повышают их притягательность для потребителей и обеспечивают конкурентные преимущества, которые невозможно воспроизвести в других местах. К таким преимуществам можно отнести экономико-географическое положение, знания, социальный капитала, имидж, выделяющий регион. Глобализация сопровождается, одновременно, усилением роли локальных факторов, которые ведут к необходимости сохранения своеобразия регионов. Наблюдается парадокс, который можно сформулировать таким образом: в условиях конкуренции субъекты конкуренции становятся все более глобальными, а конкурентные преимущества все более локальными, капитализация которых создает инновационную ренту.

Таким образом, глобализация существенно изменяет условия капитализации ресурсов регионов:

- возрастает роль регионов в обеспечении мирохозяйственного развития; регионы становятся субъектами глобальной экономической системы, получают возможности конкурировать за факторы производства глобально и использовать преимущества глобализации;

- регионы подвергаются воздействию со стороны глобализации в геоэкономическом контексте, который существенно влияет на траекторию и перспективы развития регионов;
- конкурентоспособность ресурсов регионов на мировых рынках становится условием обеспечения их безопасности и развития;
- глобализация снизила значение традиционных относительных преимуществ, и актуальными становятся конкурентные локальные преимущества, которые не могут быть воспроизведены в других местах;
- возрастает значение самостоятельности регионов в поиске и использовании конкурентных преимуществ, необходимости внутренней консолидации фирм и корпораций, малого и среднего бизнеса для обеспечения стабильности регионального воспроизводства.

Для российских регионов эта проблема крайне актуальна. Хотя объемы иностранного инвестирования в экономику российских регионов невысоки, однако, либерализация внешней торговли, развитие информационных технологий и глобальных рынков привели к изменениям в российских регионах. Они стали оценивать себя как действующие экономические агенты в глобальной экономике, используя возможности и ресурсы региона.

Процессом, противоположным глобализации, является регионализация; она направлена на выявление и сохранение локальной индивидуальности и своеобразия регионов. Многообразие национальных, культурных и других особенностей обеспечивает выживаемость населения, с одной стороны, и социальную и культурную идентификацию людей – с другой, что само по себе составляет богатство и обеспечивает, на наш взгляд, генетическую устойчивость общества.

Взаимодействие глобализации и регионализации породило явление, которое называют «новой регионализацией». Этот процесс подразумевает образование регионов, выделяющихся своим конкурентным положением, что проявляется в:

- образовании трансграничных регионов;
- выделении высоко конкурентных регионов внутри административно-территориального устройства страны (например, образование кластеров или промышленных районов);
- выделении не имеющих четких пространственных границ виртуальных регионов, имеющих доступ к новым экономическим ресурсам.

Как показывает анализ высоко конкурентных регионов мира, в основе появления этих регионов лежит система внутрирегионального взаимодействия, основанная на механизмах, способствующих передаче знаний и инноваций по всей цепочке от потребителя к производителю, т. е. регион выступает как единый предприниматель. Это связано с тем, что на смену ценовой конкуренции приходит динамическая на основе дифференциации и обладания

уникальными, трудно копируемыми ресурсами, нематериальными активами, создание которых требует динамизма и самостоятельности экономических субъектов. Именно поэтому повышается автономизация регионов.

По мере развития глобализации (а значит – интернационализации, унификации, стандартизации продуктов и услуг) возрастает значение уникальных невостребованных ресурсов и территориальных условий хозяйствования, способных не только выступать в качестве конкурентного фактора производства, но и воспроизводить доход по типу монопольной ренты.

Положение регионов начинает зависеть все больше не только от макроэкономической политики стран, но и от особенностей территориальной производственной системы, собственной активности региона и региональных властей и элит. Использование новых возможностей глобализации и создание локальных преимуществ позволяют регионам не только влиять на свое положение, но и «обгонять» развитие своей страны, способствует повышению устойчивости национальной экономики, повышению уровня капитализации территориальных ресурсов.

В глобализирующейся экономике главным фактором развития социально-экономических систем регионов стали горизонтальная и вертикальная интеграция и повышение конкуренции на локальных рынках, что обусловило формирование сетевой экономики и кластеров, обеспечивающих повышение конкурентоспособности и определяющих устойчивое развитие в региональном и национальном масштабе. Формирование сетевой экономики и кластеров стимулирует развитие внутреннего потенциала регионов, способствуя, тем самым, сокращению межрегиональных различий. Сетевая экономика формируется на основе двух типов интеграции:

* создания вертикально интегрированных систем, реализующих полный воспроизводственный цикл; создание вертикально интегрированных систем обусловлено многоуровневой физической архитектурой системы продуктов; такая многоуровневая воспроизводственная система предполагает существование многоуровневой сети производителей, которая обеспечивает изготовление компонентов на каждом уровне и их продажу сборщикам на следующем, более высоком уровне системы; она представляет собой сеть создания стоимости;

* развитие горизонтально интегрированных структур в виде кластеров; кластерная политика (вместо политики замкнутых циклов) является не просто сменой приоритетов, но и изменением самой концепции регионального управления и региональной политики.

Интеграционная природа сетей и кластеров обеспечивает включенность экономики региона в глобальные экономические процессы, капитализацию его территориальных ресурсов. Таким образом следует сделать вывод, что социально-экономическая и этнокультурная регионализация в условиях гло-

бализации повышает конкурентоспособность национального хозяйства и содействует укреплению целостности социально-экономического пространства России.

О. В. Кузнецова

Социально-экономическую и этнокультурную регионализацию вряд ли можно рассматривать как угрозу территориальной целостности страны. Сложно вспомнить сколько-нибудь серьезные проявления в последние годы настроений, связанных с отделением тех или иных регионов от России.

Напротив, регионализация (под которой имеем в виду процесс перераспределения полномочий, передачи их с федерального на региональный уровень) – это необходимое условие развития страны на современном этапе. Вполне можно согласиться с доминирующим в последнее время мнением, что чрезмерная централизация последних лет ни к чему хорошему не привела, и для повышения эффективности социально-экономической политики государства надо усиливать роль и полномочия региональных властей.

Т. Г. Нефёдова

Роль этнокультурного фактора в регионализации сельской местности усилилась. Я хочу обратить внимание не столько на политические, сколько на экономические последствия этого в сельской местности. Лучшая поддержка сельского хозяйства и лучшее сохранение сельского менталитета в деревне в ряде республик способствовали тому, что его кризис был не столь значителен в 1990-е годы, как в русских регионах. Хотя процессы, происходящие в сельском хозяйстве разных республик кардинально отличались. В Татарстане, Башкортостане и других поволжских республиках сохранились колхозы при мощном личном хозяйстве населения. В южных районах Европейской России и на востоке страны, наоборот, производство в этнически нерусских районах перешло в частные хозяйства, часто с их клановой организацией.

Тем не менее, и в республиках, и в российских краях и областях этнически нерусские села и предприятия оказались в новых условиях более конкурентоспособными. Например, в республике Чувашия при прочих равных условиях (южные периферийные районы) наиболее успешны поселения с преобладанием татарского населения (например, в Комсомольском районе), где стоят

богатые каменные дома, живы предприятия, лучше сохранилось поголовье скота, выше его продуктивность и чрезвычайно активно само население, притом, что его численность в 1990–2000 гг. выросла. А самые депрессивные – русские (например, в Алатырском районе) с сильным оттоком населения, деревянными черными избами, упадком собственного сельского хозяйства. Хотя город Алатырь сохранил черты богатого купеческого центра мощного в прошлом аграрного района. Чувашские районы находятся посередине между этими крайними типами. Дело, возможно, не столько в национальном менталитете, сколько в запаздывающей урбанизации нерусского населения.

Для этнических взаимодействий очень важна пространственная организация и характер соседства. Если в этнически мозаичном Поволжье многовековое соседство разных народностей не приводит к конфликтам, то во фронтальных зонах по границам с республиками, например на равнинах Юга России, уровень межэтнического напряжения в последние годы заметно вырос. Он связывается обычно с миграционным (официальным или неофициальным без прописки) притоком кавказских народностей из соседних республик, увеличением их доли на равнинных территориях, вплоть до смены региональной идентичности, например на северо-востоке и востоке Ставропольского края, где доля кавказских народностей в удаленных селах уже перевалила за половину. Это приводит к явной сегрегации сельского пространства по этническому признаку.

Этническое напряжение в сельской местности Юга в своей основе во многом имеет экономическую подоплеку, в том числе связанную с конфликтами землепользования и большей конкурентоспособностью традиционного полупастбищного хозяйства народов из соседних республик. В 1970–1980 гг. приток кавказских народностей в Ставрополье был вызван искусственным дефицитом трудовых ресурсов в советское время и востребованностью традиционных навыков животноводства (большинство работало чабанами). Поэтому он поощрялся руководящими органами и положительно воспринимался населением. В большинстве многонациональных сел собственно этнические конфликты появились недавно. Новые экономические причины вызвали обострение восприятия культурных различий. При высокой безработице в сельской местности и дефиците пастбищных ресурсов вокруг сел и кошар большие стада скота кавказских мигрантов, выбивающих остатки пастбищ, вызывают недовольство как местного населения, так и администраций. Есть попытки ограничения притока мигрантов и поголовья скота в их хозяйствах. Но процесс, набравший силу, остановить невозможно, так как сложились мощные диаспоры, которые привлекают соплеменников.

Отъезд русского населения из районов, привлекательных для мигрантов, подталкивает кризис предприятий, отсутствие мест приложения труда и его

неспособность конкурировать в частном сельском хозяйстве с кавказскими народностями. Наиболее активная часть русского населения уезжает в пригороды, на запад края или в города. Повышенное напряжение возникает и в местах, где приглашают временных трудовых мигрантов из соседних республик. Мало пьющие, настроенные на заработки, они готовы работать на прополке, уборке винограда и фруктов за гораздо меньшую оплату, в чем заинтересованы руководители предприятий и фермеры. Тем самым они понижают расценки на труд и усиливают безработицу и недовольство местного населения.

Мигрируя в западные районы Ставрополя, более плотно заселенные славянскими народностями, представители других этнических групп обычно селятся на окраине городов (городской периферии) или в сравнительно небольших и удаленных поселениях, то есть во внутренней сельской периферии районов, в то время как в крупных и центральных поселениях преобладают славянские народности. Поэтому по географическому положению и размеру поселений уже можно судить об их национальном составе и характере землепользования.

Поляризация сельского пространства по осям «север-юг» и «центр-периферия», концентрация местного населения в более благоприятных южных и центральных районах и занятие северных и периферийных районов «пришлыми» – вообще характерны для России. Только в Ставрополье, как фронтальной с кавказскими республиками зоне, на неудобной периферии местное население замещается, в основном, мигрантами из соседних республик. А, например, в Нечерноземье, неудобные для земледелия периферийные районы занимают городские (московские) дачники.

А. Н. Пилясов

Это вопрос по российской модели федерализма. Здесь нельзя отвечать только про регионализацию. Нужно найти место России на качелях регионализма и глобализации; где она? Можно процитировать академика РАН В. В. Алексеева, который в работе «Регионализм в России» (Алексеев, 1999) пишет о вечном региональном императиве для России – проблеме увязки общегосударственных стандартов и сильного регионального своеобразия, которая обречена решаться в рамках любой экономической модели, в любую – индустриальную и постиндустриальную – эру.

Ю. В. Поросенков

В самом широком смысле слова под регионализацией (применительно к конкретной стране) можно понимать процесс и результат развития по укреплению экономических, политических, социально-культурных и иных связей между ее территориальными единицами и формированию внутри страны отдельных регионов. Огромная территория России с зональными и азональными особенностями в природных условиях и ресурсах, резкие различия в уровне её заселенности, сложная политическая и этноконфессиональная структура, одновременность вхождения отдельных территорий в состав страны, четко выраженная дифференциация в специализации и уровне развития хозяйства – все это предопределило социально-экономическую и этнокультурную регионализацию как объективно существующее условие российской жизни.

Существенная регионализация страны на разных этапах российской истории потребовала неодинаковых подходов к организации государственной власти. При этом, как показывает исторический опыт, ослабление центральной власти и нарастание регионализма почти всегда приводило к ослаблению страны и ухудшению положения широких народных масс. Российское общественное мнение в целом выражало заинтересованность в централизации государственной власти. Такой подход в начале XX века в конечном итоге реализовался в монархии с ее унитарным государственным устройством и четкой субординацией власти по вертикали. Однако индустриализация страны на рубеже XIX в., **существенные изменения в социальной структуре населения**, быстрый рост культурно-этнического самосознания по мере развития национальных окраин привели к полному крушению унитарно-монархического государственного устройства в процессе революций 1917 г. и последующей гражданской войны. В итоге, бывшая полиэтническая и поликонфессиональная Российская империя оказалась на грани полного распада.

В 20-е годы XX в. восстановление страны в рамках советской политической системы стало возможным лишь при учете региональных интересов, в результате чего возникло федеративное по форме, но унитарное по сути советское государство. СССР по конституции представлял из себя федерацию с большим числом национальных автономий разного иерархического уровня. А унитарность страны гарантировалась единой во всех регионах государственной собственностью, плановым характером экономики и диктатурой советской власти. Все это гарантировало в какой-то степени единство политических отношений и выравнивание различий в уровне жизни населения при определенном учете региональной и этнокультурной специфике.

Принципиально другая ситуация сформировалась в условиях постсоветской России. Основным ее отличием является быстро нарастающая регио-

нальная поляризация по уровню и даже образу жизни населения. Переход России к рыночной экономике и интеграция ее в систему мирохозяйственных связей привели в первой половине 90-х годов к массовому обрушению обрабатывающей промышленности и резкому повышению удельного веса сырьевых отраслей в структуре российского экспорта. В выигрышном положении оказались столичные, крупные портовые центры, регионы добычи энергоресурсов, выплавки цветных и черных металлов. В кризисном положении – большинство староосвоенных агропромышленных регионов. Социальная поляризация населения нашла свое выражение в территориальной поляризации регионов страны. Формирование частной собственности привело к возникновению и укреплению региональных финансово-экономических групп, а в национальных регионах – этнических кланов, которые стали контролировать экономическое и политическое развитие регионов. Такое положение представляет реальную угрозу территориальной целостности страны.

Современная интенсивно протекающая социально-экономическая и этнокультурная регионализация – объективная реальность страны, с которой нужно считаться. Современная Россия сформировала свой механизм государственной власти. Россия стала весьма дробной федерацией, субъектами которой стали все бывшие автономные республики и области, края и области с преобладающим русским населением, столичные города – Москва и Санкт-Петербург и даже автономные округа. При такой дробной структуре «унитарность» государственного устройства пока гарантируется тем, что большинство субъектов федерации в значительной степени зависят от дотаций из федерального центра. Кроме того, прослеживается и некоторая тенденция к сокращению числа субъектов федерации за счет включения некоторых маломощных автономных округов в состав областей и краев. В конечном счете, современный государственный механизм должен гарантировать право жителей всех регионов на приемлемый для них уровень и образ жизни при соблюдении Конституции и законов РФ. Современное государственное устройство страны, как федеративной республики, в принципе позволяет это сделать, но требует от федеральных и региональных органов власти эффективных мер по противодействию развитию национализма и сепаратизма.

А. И. Трейвиш

Думаю, что регионализм и регионализация – антонимы централизма и централизации (и с ними – однообразия, унификации), но ещё не синонимы сепаратизма и дезинтеграции. Региональные движения растут из протеста

против мелочной опеки регионов центром. В федерациях её должно быть меньше, но эту вывеску используют разные фактические устройства.

Регионализм становится сепаратизмом «в пределе», когда региональные сообщества, готовые к большей самостоятельности, встречают глухую стену и ждут её падения. Сепаратизм сразу оживает, как при распаде СССР и «федерализации» РФ, когда Б. Н. Ельцин предложил брать столько суверенитета, сколько удержат. Оценки этого бума регионов сразу разошлись. Одни увидели в нём естественную реакцию общества на советский гиперцентрализм, другие – несоветскую, даже нефеодалную реакцию региональных элит на слабость центра и «асимметрию» РФ (разные статусы и фактические права республик и русских областей). Тогда Россия уцелела, но угроза её единству осталась.

Гиперцентрализм цементирует страну путём обрыва обратной связи. Укрепляя вертикаль власти, он, по словам Б. Б. Родомана (2000), разрушает горизонталь общества в масштабе страны, и в момент кризиса ей недостаёт внутренних скреп. Это ставит её на грань распада при ослаблении верховной власти, ибо связи, навязанные сверху, прочны, пока прочен верх. До поры в конституционном праве выхода республик из СССР проку было так же мало, как в праве слона на тонны еды в нищем зоопарке: «съесть-то он съест, да кто ему даст!». Но вот «не дающий» исчез, а клетки открыты...

Когда рушатся старые скрепы, региональная идентичность остаётся и начинает доминировать над общенациональной. В «этнических» регионах она и так слабее, поэтому риск их потери выше. Но это не значит, что все они больше обретают, чем теряют с выходом из страны. Порой наоборот, только федеральный центр, предпочитая иметь дело не с массами, а с «ханамибаронами», заигрывая с ними, создаёт иллюзии, могущие увлечь регион в «автономное плавание».

А русский регионализм под пятой централизма стал особенно низовым и потаённым. Потому так трудно даже в век Интернета собрать коллекцию обыденных культурных районов, как и районов неформальных промыслов, сельских хозяйств населения. Их надо открывать, словно в эпоху Колумба. Работает присущий «неинформационным» обществам нигилизм в отношении к своему глубинному богатству и устройству, а часто нежелание, особенно чиновное, о нём знать. Географические условия России, облегчая диффузию культур, сами тормозят регионализацию. Она заметнее для верховной власти на уровне макрорайонов. Сибирскому областничеству, горско-Кавказскому конфедерализму не укрыться от Кремля, как фольклорным кацкарям на Ярославщине или какому-нибудь Великолукскому «сепаратизму».

Регионализм вообще-то более универсален, неустраним, а заодно и более географичен, чем федерализм. Он есть в большинстве крупных государств независимо от их формального типа. Россия может отказаться от федерализма де-факто и даже де-юре, но всё равно останется многорайонной

страной. Если с региональным и этническим сепаратизмом центр обязан вести борьбу, то с регионами и регионализмом полезнее найти общий язык. Альтернатива здесь та же, что в вопросах свободы личности, рынка, СМИ и гражданского общества, один из видов которого регионализм, собственно, и составляет. Либо «тащить и не пущать», будучи готовым к редким, но едким реакциям на такую политику, либо давать региональной свободе законный выход, не ущемляющий других свобод.

Не стоит ставить нас перед выбором: или малая родина, или большая. М. П. Крылов как-то заметил, что он некорректен подобно вопросу ребенку: кого больше любишь, маму или папу? Он не обязан выбирать и будет прав, если скажет: обоих. Конструктивнее лозунг единства России в разнообразии, лелеемом краелюбием и краеведением, а не вечная борьба с ними. Чтобы сохранить страну, надо учиться использовать взаимодополняющие различия для развития органических низовых, более прочных связей, а не стирать и подавлять эти различия. Слишком вероятно, что конечный результат окажется прямо противоположным ожидаемому.

Э. Л. Файбусович

Мы рассмотрим только проблемы этнокультурной регионализации. Хорошо известно, что в советский период развития нашей страны создание автономных республик и областей было формой реализации права наций на самоопределение. Существование в качестве автономий позволило обеспечить этническую консолидацию «титულных» народов, развитие их национальной культуры и экономики. После развала Советского Союза антисоветская пропаганда подвергла резкой критике национальную политику Советской власти, которая осуществила административно-территориальное деление с учетом этнического признака и этим, якобы, создала предпосылки для отделения этнических регионов (уровня союзных республик) от Советского Союза. Напомним, что во всех советских конституциях декларировалось право союзных республик на сецессию. Такого права были лишены автономные республики и области. Но, якобы, именно их существование порождало и порождает тенденцию к сепаратизму. В этом видится угроза территориальной целостности современной России.

Можно говорить о наличии трех основных позиций по вопросу о значении этнокультурной регионализации. Первую условно назовем «имперской», она представлена в декларациях ЛДПР и носит явно шовинистический характер. Пропагандируется идея возврата к дореволюционному губернскому

административно-территориальному делению, которое в большинстве случаев не совпадает с ареалами расселения даже относительно крупных и территориально консолидированных народов, населявших империю. Проще говоря, выдвигается тезис «нет автономий, нет проблем», поскольку у населения нет юридических оснований для борьбы за отделение территории, на которой оно проживает. Опыт многих стран свидетельствует о том, что отсутствие автономий для народа, требующего отделения, только разжигает сепаратистские страсти. Примеры последних десятилетий: борьба тамилы в Шри-Ланке, курдов в Ираке и Турции, албанцев, живущих в пределах бывшей Югославии, осетин в Южной Осетии после ликвидации автономии и т. д. С другой стороны, придание этническим регионам республиканского статуса может даже усилить их желание развиваться в составе Российской Федерации.

Вторую позицию мы назовем «экономической». Уже в первые годы существования Советской власти при проведении работ по экономическому районированию и связанных с ним мер по изменению в административно-территориальном делении возникло противоречие между чисто экономическим подходом и необходимостью учета границ национально-территориальных образований, которые формировались в этот период. При этом, в подавляющем большинстве случаев решения принимались в пользу этнотерриториального признака. Так, не допускалось включение в отдельный экономический район части этнотерриториальной единицы, поскольку это привело бы к нарушению ее целостности. В наше время экономические мотивы выдвигаются с большей степенью обоснованности. Достаточно хорошо известно (мы об этом уже написали в статье, принятой к печати в «Известия РГО»), что значительная часть республик в составе Российской Федерации относятся к наиболее отсталым или депрессивным регионам и в известной мере это определяется их «маломощностью». Предполагается, что включение таких национальных территориальных образований в состав более крупных и экономически развитых регионов России (как это уже сделано с большей частью автономных округов) позволит преодолеть их отставание. Этому противоречит исторический опыт. Ведь отставание таких нынешних республик как Адыгея, Карачаево-Черкесия, Республика Алтай сложилось тогда, когда они входили в состав краев. Более высокий экономический уровень этих краев никак не повлиял на подъем экономики указанных республик (в прошлом, автономных областей). Да и нет никакой уверенности в том, что всякого рода субвенции, субсидии из Федерального бюджета этим республикам не будут перераспределены в пользу тех краев, в состав которых они войдут. И это обстоятельство нанесет экономический ущерб не только «титальному» этносу, но и русскому населению ликвидируемой республики. В то же время

упразднение республиканского статуса может ущемить национальное достоинство народов этих республик. Одно дело чувствовать себя гражданином субъекта федерации, название которого соответствует титульной национальности и национальной идентичности гражданина, другое дело – быть жителем региона, в котором тебя сочувственно (в известной степени) называют «нацменом». Кроме всего прочего, сторонникам поглощения национально-территориальных образований не стоит опираться в качестве примера на отсутствие национально-территориальных образований в такой полиэтничной стране как США. Дело в том, что в США, кроме аборигенов-индейцев все жители являются мигрантами по происхождению и, соответственно, не могут претендовать на какую-либо территорию со ссылкой на историческое право владения. Что касается бывшей Российской империи, большая часть населяющих ее народов на момент присоединения были аборигенами тех территорий, на которой они проживают и сейчас и, следовательно, имеют исторические право на них.

Третью позицию можно назвать «интернационалистской». Она предполагает сохранение статуса самостоятельных республик в составе Российской Федерации с учетом национальных чаяний, населяющих их «титульных» народов. В то же время, как отмечено выше, сохранение республиканского статуса будет приветствоваться и «не титульным» населением. Можно предположить, что в случае проведения референдума основная часть сознательного населения республик выскажется за сохранение их статуса в качестве неотделимой части России. Это касается и титульного этноса и населения другой этнической принадлежности. Сохранение статуса республики и титульного этноса как исторического хозяина территории будет способствовать развитию национальной культуры, формированию национальных кадров. Никакая «культурно-национальная автономия» не может заменить республиканского статуса. Эта форма учета интересов этноса пригодна только для тех этнических общин, которые постоянно проживают вне территории своей республики. Наконец, следует учитывать, что в рамках республик достаточно часто совпадает региональная и этническая идентичность. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. из 21 республики представители титульных этносов составляли более половины населения своих республик в девяти, и близко к половине – еще в трех. Заметим, что не только для якутов характерна якутская региональная идентичность, она присуща и представителям малочисленных народов, проживающих на ее территории, а также русским, многие из которых являются потомками тех, кто переселился сюда в предшествующие столетия. Они себя называют «якутяне». Можно предполагать, что и русским, составляющим значительную часть (вплоть до подавляющей)

населения таких республик как Карелия, Коми, Татарстан, Мордовия, Удмуртия, Бурятия присуща соответствующая региональная идентичность, а не, допустим, некая Северо-Западная или Прикамская.

Наша точка зрения (а в подготовке данного материала участвовала А. Т. Калоева – старший преподаватель кафедры региональной экономики и природопользования СПбГУЭФ) совпадает именно с третьей позицией – этнокультурная регионализация, закрепляемая республиканским статусом территории, в современных условиях является лучшим способом сохранения территориальной целостности России.

Г. М. Фёдоров

Социально-экономическая и этнокультурная регионализация, имеющая тенденцию превратиться в региональный сепаратизм, в условиях, когда российское государство продолжает строиться, когда гражданское общество мало влияет на решения властей, представляет собой угрозу территориальной целостности России. В то же время, не менее вредно и игнорирование региональных особенностей. Требуется взвешенный, научно обоснованный баланс между регионализацией и централизацией.

А.И. Чистобаев

И социально-экономическая, и этнокультурная регионализация всегда имела, имеет и будет иметь место в условиях России. И то, и другое является и угрозой, и условием территориальной целостности и социально-экономического развития страны. Всё зависит от приоритетности и эффективности региональной политики. В её основе должны лежать не только экономические индикаторы, а и социальные, и экологические, и этнические, и конфессиональные. Они, индикаторы, не должны вступать в противоречие друг с другом. Необходимость такого понимания сущности устойчивого развития региона осознана нами, географами-обществоведами. Но этого мало: свою компетенцию в этом вопросе нам надо транслировать в массы. Нам нельзя замыкаться в узком круге коллег. Нам надо пропагандировать свои знания, публиковать не только научные, но и научно-популярные работы. Но самое главное: нам надо гордиться принадлежностью к своей науке, которая, в отличие от ряда смежных наук, не ударила лицом в грязь за лихие

десятилетия на стыке веков, не опустила планку требований к диссертантам (хотя такие попытки со стороны ряда коллег были).

М. Д. Шарыгин

В постсоветский период проблемы регионального развития значительно расширились и углубились. Исторически сложившаяся неоднородность социально-экономического пространства России многократно возросла при нарастании кризисных явлений в экономике и переходе к рыночным реформам с включением механизма рыночной конкуренции. Регионы с разной структурой экономики и разным менталитетом населения по-разному адаптировались к рыночным условиям, в результате чего появились депрессивные и отсталые территории, богатые и бедные российские субъекты. Для активизации регионального развития и сохранения единого социально-экономического пространства необходимы укрепление общегосударственного начала и более действенная региональная политика. Упование на регулирующие рычаги рынка привело к снижению роли государства и потере многих методов управления.

Значительное ослабление регулирующей роли государства выразилось в сокращении государственных инвестиций в региональное развитие, отмене большинства региональных экономических и социальных компенсаторов. В результате, по величине среднедушевого производства валового регионального продукта и среднедушевым реальным доходам населения субъекты Российской Федерации стали различаться более чем в 20 раз. Такая резкая дифференциация имеет своим неизбежным следствием расширение ареалов депрессивности и бедности, ослабление механизмов межрегионального экономического взаимодействия и нарастание межрегиональных противоречий. Все это значительно затрудняет проведение единой общероссийской политики социально-экономических и культурных преобразований. Чрезмерные различия в условиях жизни населения центра и периферии, различных регионов страны воспринимаются обществом как нарушение принципов социальной справедливости и могут приводить к усилению центробежных тенденций.

Для предотвращения этих процессов необходимы компромиссные решения по согласованию интересов страны и регионов, сохранение и укрепление «вертикальных» и «горизонтальных» связей управленческих структур. Ослабление регулирующей роли государства чревато усилением автаркических тенденций по замыканию региональных экономик в собственных границах, что может привести к снижению эффективности хозяйственного развития

страны. В некоторых регионах произошел такой спад производства и такая структурная разбалансированность, что без инвестиционной поддержки государства им не выйти из кризисного состояния.

Регулирующая роль государства в рыночных условиях может проявиться в политическом заказе на научное обоснование социально-экономического районирования и территориального устройства страны. Выполнение заказа географами-обществоведами совместно со смежными специалистами позволит найти рациональную форму территориальной организации многонационального российского общества и сохранить единое социально-экономическое пространство.

Не менее важна роль государства в процессах разработки и реализации региональной социально-экономической, демографической, этнокультурной, экологической, инновационной, инвестиционной и иной политики. Новая региональная политика может снять напряженность взаимодействий между регионами и муниципалитетами, урегулировать межэтнические и межконфессиональные отношения.

В. А. Шупер

Увы, у нас есть только одно действенное лекарство от сепаратизма – успешное экономическое развитие. Нам надо как-то выиграть время до завершения демографического перехода в мусульманских республиках Северного Кавказа. Между тем, стимулирование рождаемости в масштабах страны не может не отодвигать «демографическую стабилизацию» в самых беспокойных ее регионах. Однако, трудно надеяться хоть сколько-нибудь успешно решить экономические, социальные и политические проблемы того же Дагестана, не решив проблем демографических.

Призывы наиболее отважных демографов принимать по миллиону иммигрантов в год также требуют самых серьезных размышлений о не столько возможных, сколько неизбежных последствиях. Ведь это, практически, американская иммиграционная квота, только у нас население 142 млн жителей, а не 312 млн, при несравненно более низкой способности к ассимиляции. А ведь наши студенты не могут успешно сдать экзамен, не рассказав, как скверно стал работать американский «плавильный котел»! Нам нельзя занимать страусиную позицию по отношению к иммиграции на том только основании, что она неизбежна.

3.2. ГРОЗИТ ЛИ РОССИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОПУСТЫНИВАНИЕ»? КАК ОБУСТРОИТЬ РОССИЙСКУЮ ТЕРРИТОРИЮ В УСЛОВИЯХ ДЕПОПУЛЯЦИИ? КАК АДАПТИРОВАТЬ СИСТЕМУ РАССЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА К ЭТОМУ ПРОЦЕССУ?

А. Г. Дружинин

И депопуляция, и теснейшим образом корреспондирующее с ней «социально-экономическое опустынивание» – тенденции в современной России столь же масштабные, сколь и устойчивые, долговременные. Их проявления и последствия неверно (и опасно!) как недооценивать, так и воспринимать упрощённо, при этом игнорируя общественно-географический контекст: локальную и региональную специфику, фактор соседства, межтерриториальную и этническую компаративистику. В последние годы *первостепенное внимание (на уровне как научного сообщества, так и власти) обращено на формальную сторону депопуляции, на количество населения, а не его «качество»* и, соответственно, дефицит либо избыток демографо-экономических ресурсов в условиях каждой конкретной территории. Вместе с тем, **наиболее существенные для постсоветской России** (зачастую полно-масштабно проявляющие себя даже в ситуации благополучных в плане динамики населения регионов и поселений) **стороны депопуляции заключаются в сокращении численности реально экономически активного населения, образованной и креативной молодёжи**, то есть в том, что напрямую проецируется на социально-экономическую ситуацию, предопределяет перспективы развития территории. В этой связи необходимы крайне взвешенные (в том числе и в пространственном плане) подходы к идентификации депопуляции, видению её факторов и последствий, выбору стратегий, мер и механизмов, ориентированных на локализацию и преодоление данного феномена. Следует, при этом, осознать, что **депопуляция – это не только демографическая, но и в огромной мере культурно-технологическая, политико-экономическая и социально-нравственная проблема**, имеющая, к тому же, своё выраженное общественно-географическое «измерение». Переломить депопуляционный тренд в сложившемся российском контексте – это значит вернуть полноценную экономическую жизнь (инвестиции, рабочие места, финансовые потоки, инфраструктуру) в сотни полузабытых властью и круп-

ным бизнесом городов и десятки тысяч вымирающих сёл и деревень, а также приостановить маргинализацию населения ведущих урбанистических центров, отток из них перспективной молодёжи в столицу и за рубеж. Не менее важно, также, **возродить у населения России ощущение позитивной социальной перспективы**, создать условия (информационные, институциональные и иные) для преодоления резко проявившегося в последние годы межличностного, группового, территориального и этнического *отчуждения* и, на этой основе, начать восстанавливать институт брака и семьи. Любая иная альтернатива (оставить всё как есть, массированно привлекать зарубежную рабочую силу и другое) по-настоящему не решит ни саму проблему депопуляции, ни более фундаментальную задачу – социально-экономической реконструкции российской территории и, вне сомнения, лишь ускорит закат русского суперэтноса.

Н. В. Зубаревич

Дальнейшее сжатие обитаемого пространства и концентрация населения неизбежны.

1. По данным переписи 2010 г., из 256 тыс. сельских поселений 13 % не имеют населения, еще в 24 % проживает менее 10 чел.; все они исчезнут в течение 10–20 лет. Только треть сельских поселений имеет более 100 жителей. Кроме того, в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах концентрируется 27 % сельского населения вследствие экономических и демографических факторов. Кроме юга, сельское население концентрируется в пригородах крупных городов; миграции в пригороды устойчивы.

2. Две крупнейшие агломерации (Москва, Московская область и Санкт-Петербург) концентрируют 16 % населения страны. Во всех городах-миллионниках, включая федеральные, и в близких к ним по численности (Пермь, Красноярск) проживает 21 % российского населения, и эта доля растет. В целом в городах с населением более 500 тыс. чел. проживает 31 % россиян.

С учетом этих объективных процессов экономически эффективна концентрация инвестиций в инфраструктуру только там, где концентрируется население. Декларируемые властями планы нового освоения и заселения Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера невозможно реализовать с учетом и экономических, и демографических барьеров.

В. Л. Каганский

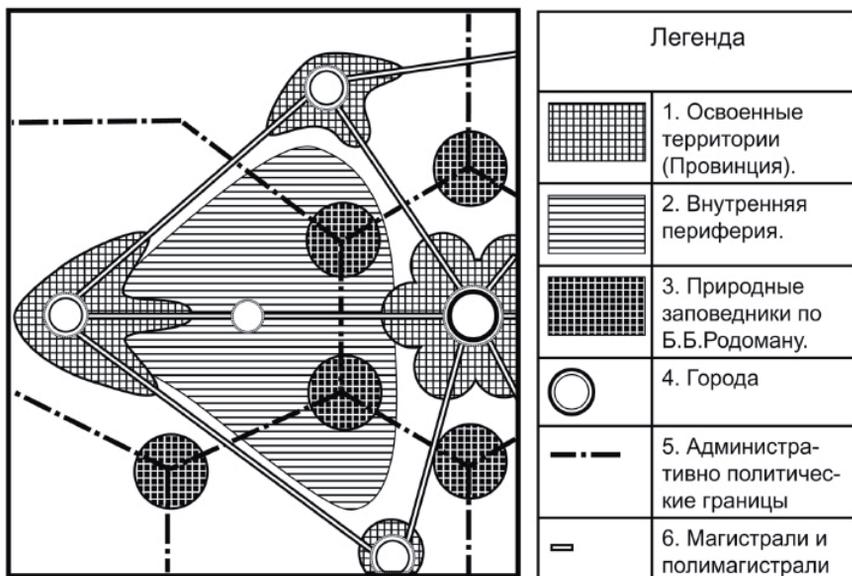
Общее необратимое сокращение населения России является непреложной закономерностью. Никакие демографические меры существенного результата дать не могут. Сокращение населения может быть компенсировано лишь массивной иммиграцией, что в силу умонастроений населения и элиты представляется крайне маловероятной. Одновременно происходит – на уровне страны в целом и на уровне регионов – резкая концентрация населения. Однако и мигранты не направляются (и вряд ли направятся) в пустующие периферийные районы. Судьба обезлюдившей Дальней периферии (она, однако, была относительно перенаселена) понятна и хорошо известна. Поэтому я хочу привлечь внимание к Внутренней Периферии.

Согласно стереотипам, менее хозяйственно освоены и экономически развиты, лишены самостоятельности и хозяйственной ценности, прежде всего, удаленные от центров страны территории – окраина, периферия. Однако *огромные массивы неполноценной ландшафтно и несамодостаточной экономически Периферии размещаются в самих глубинах страны, совсем недалеко от ее столиц*, иногда рядом с важнейшими центрами. Это – **Внутренняя Периферия**. Пространство России, унаследованное от СССР – **советское пространство** – устроено так, что все жизнеспособное централизовано, приближено к центрам, сконцентрировано. Каждый регион страны – это страна в миниатюре; и у него тоже есть своя периферия. В самом первом приближении *совокупность периферий внутренних регионов и дает нам Внутреннюю Периферию*. Она начинается примерно в полутора сотнях километров от Москвы и пронизывает насквозь даже самые освоенные регионы, занимая в них немалую долю территории.

Зона заслуживает особого внимания по комплексу причин. 1) При значительной и быстро растущей территории она малозаметна и малоизвестна, будучи в тени ближайших центров и заслонена ими. 2) Иногда кажется лишь анклавами более привычной Дальней Периферии в середине страны, однако она совершенно специфична и существенно отлична от нее, возникая в иных местах по совершенно иным причинам и имея иную пространственную форму. 3) В ее ландшафте происходят новые, неожиданные, противоречивые процессы. 4) Располагает значительными экологическими возможностями и нетривиальными ресурсами в силу богатого противоречивого географического положения. 5) Репрезентативна для все больших территорий. *Внутренняя Периферия малоизвестна, малозаметна, но территориально велика и богата неожиданностями.* Зона реализуется на разных уровнях – от всего бывшего СССР до районного; она предсказана теоретически, а многочисленные путешествия лишь подтвердили ее наличие, распространенность и массивность.

Собственно Периферия (дальняя, внешняя) задается расстоянием, удаленностью от центров, Внутренняя – положением на окраинах и особенно стыках регионов, внутри зоны Провинции. Характерные примеры дает даже внешний пояс самой Московской области и сопредельные значительные территории Тверской, Смоленской и Калужской областей, а также Внутренний Горный Урал между агломерациями городов-миллионеров. Принципиальным отличием Внутренней Периферии от Дальней служит то, что Дальняя Периферия – пространство, еще не освоенное, резервные территории, в то время как Внутренняя Периферия в основном пространство обычно уже некогда освоенное и лишаящееся сейчас этой освоенности. Относительно полноценный культурный ландшафт может когда-либо в будущем сформироваться на Дальней Периферии – но во Внутренней Периферии это достояние прошлого.

Такая логика местоположения и пространственной структуры зоны теоретико-географически промоделирована картоидом.

Внутренняя Периферия. Общая схема (картоид)

Рисунок акцентирует тройственное положение зоны: а) стык окраин регионов, б) нанизанность на административные границы (в том числе и границы государств), в) внутреннее положение зоны, в том числе и особенно внутри Провинции, г) близость к центрам. Здесь зона – единый значительный

компактный массив среди очагово-полноценной территории провинции; в отличие от позиции Б.Б.Родомана «наша» Внутренняя Периферия имеет собственные центры. Вопрос о том, смыкается ли внутренняя и дальняя периферия (или они непременно разделены более развитой Провинцией как на теоретической схеме, так и в реальности ландшафта России) – еще ждет своего решения.

В СССР Внутренняя Периферия также сильно отличалась от остальных территорий, даже от средней зоны (Провинции). Уже тогда участь этой зоны была печальна. Именно здесь отмечалась депопуляция и падение численности населения, каковое переселялось в более благополучные места; именно сюда вкладывалось мало средств; именно здесь располагались в своем большинстве так называемые неперспективные сельские поселения, которые и без всякой государственной политики поддержки «перспективных» были обречены на исчезновение. Процесс урбанизации, шедший последние полтора века, означал не только и не просто перемещение населения в города и превращение сельских поселений в городские – это была резкая концентрация населения, его централизация. При общем росте населения страны размер территорий, где сокращалось население, все увеличивался. Уже в СССР освоенность и хозяйство здесь поддерживалась достаточно искусственно, и даже тогда зона была малонаселенной и хозяйственно слабой. Прекращение государственной опеки и характерная для кризиса концентрация населения и производства сделала значительные территории «брошенными», социальный кризис и одичание культурного ландшафта здесь налицо и нарастают.

Сейчас же различия резко увеличились. Во время кризиса производство концентрируется, сосредотачивается, «покидая» менее благоприятные территории. Немаловажно и то, что сельское и лесное хозяйство – важные для этих мест – вошли в режим реальной экономики; никто больше не заставляет искусственно поддерживать освоенность (распаханность и прочее) земель; куда большее значение приобрели транспортные и энергетические затраты. На значительной части территории Европейской России, как показано Т. Г. Нефедовой, жизнеспособная сельская местность и сельское хозяйство возможны лишь в пригородах. Тем самым, удаленные территории каждого региона были обречены на прозябание. Искусственное «размазывание» человеческой деятельности и производства по пространству (почти) перестало субсидироваться государством. Сыграли свою роль демонтаж узкоколейных железных дорог, свертывание малой авиации, быстрый упадок водного транспорта. Внутренняя Периферия становится все менее связанной внутренне и все более удаленной от центров в пространстве не километров – но времени и стоимости проезда, социальной доступности.

Кризис (последние десятилетия страна проходит именно череду кризи-

сов) – это усиление неравномерности пространства, рост контрастов, новая поляризация. В пору кризиса его последствия крайне неравномерно обрушиваются на территорию. *Именно Внутренняя Периферия – та огромная зона ландшафта современной России, на которую пала основная тяжесть череды кризисов.* В обычном культурном ландшафте главные различия мест – это различия между разными районами, межрайонные контрасты. Наше, еще советское по структуре пространство, характерно именно тем, что в нем *главные различия – внутренние, **внутрирайонные**,* в пределах регионов. Основа пространственной дифференциации – это различия не между районами, а различия внутри регионов, между их центрами и окраиной, между сердцевинной региона и его периферией. В каждом, даже самом бедствующем регионе, его административному центру в силу структуры пространства суждено быть относительно процветающим; верно и обратное – в каждом, даже процветающем регионе, его периферия относительно, а часто и абсолютно бедствует.

Сейчас в стране, взятой статистически как целое, идёт экономический рост, но это не касается большинства территорий. Внутренняя Периферия – деградирующая изнанка, оборотная сторона относительно процветающих центров регионов и вторых городов, противоположный им полюс. Кризис – это еще и резкое сосредоточение сил, концентрация воли, а не только экономики. У Внутренней Периферии, утратившей активное население, лишённой социального капитала еще в советское время, этой силы и воли совсем не осталось. Весь XX в. состоял не только в (сильно преувеличенном) освоении территорий на востоке России, – но и в периферизации даже исторического центра России.

Кажется, что в то время как центры, вторые города и смежные территории активно вестернизируются и модернизируются, растет ресурсная Периферия; Внутренняя Периферия просто остается в своем советском прошлом. Это совершенно не так. *В них идут равно активные, но **прямо противоположные процессы.*** Внутренняя периферия не входит в рынок – она переходит практически к натуральному, почти безденежному хозяйству, получая извне незначительные средства, да и те нередко в виде пенсий или пособий. Социалистическое народное хозяйство на этой территории, представленное, как правило, монопрофильными промышленными предприятиями и, соответственно, моноотраслевыми поселениями («моногородами – хотя, по сути, это поселки городского типа независимо от размера), просто пало и почти исчезло; в упадке и бывшие колхозы и совхозы; разлагается материальная и социальная инфраструктура, бывшая в прямой зависимости от производственных единиц. Главный источник выживания населения – натуральное или полунатуральное сельское хозяйство; им занимается всё население этой зоны,

даже формально городское (приусадебные участки и так называемые дачи). Распространяются и еще более архаичные хозяйственные уклады; население немалой части территории страны не может выжить без собирательства – сбора грибов, ягод, лекарственных растений, частью и на продажу, неотличимой от браконьерства охоты, рыбной ловли и современной формы собирательства – сбора металлолома цветных и черных металлов, неотличимого от разграбления еще как-то полусуществующей инфраструктуры. Разумеется, это зона социальной катастрофы и огромной деградации населения.

Здесь царствует не консервативность, не сохранение каких-то советских или досоветских форм жизни, не просто стагнация, а острый кризис, упадок, социальная катастрофа, стремительная архаизация жизни, распад системы жизнеобеспечения, упадок инфраструктуры. И это – на сотнях тысяч, если не миллионах квадратных километров, где живут десятки миллионов людей. Немногочисленные точки роста здесь обычно ориентированы вовне, мало связаны с территорией и общей картины совершенно не меняют.

Именно потому, что Внутренняя Периферия – не группа регионов, а совокупность административно разрозненных частей подавляющего большинства регионов, она и не привлекает особого, вернее никакого внимания, не стала предметом здесь необходимой государственной поддержки – особой региональной политики, в основном оперирующей регионами как целыми.

Однако неверно думать, что участь этой зоны можно изменить какими-то массированными инвестициями – нет, это территории уже лишившиеся всякого потенциала, утратившие социальный капитал и какие-либо шансы обычного экономического саморазвития. *Здесь могут помочь только нетривиальные и, одновременно, совершенно радикальные меры.*

*Парадоксально, но Внутренняя Периферия – **Новая и Новейшая Периферия**. Дело хотя бы в концентрации хозяйства и населения по мере становления все новых систем транспорта с концентрацией транспортных потоков. Культурный ландшафт становится все более и более анизотропным. Присущие Периферии как зоне и типу культурного ландшафта особенности здесь налицо: низкая освоенность и преобладание природных компонентов ландшафта, центростремительная транспортная сеть (ее связность и густота падают очень давно), слабость внутренних горизонтальных соседских связей, фрагментарность, несостоятельность и несамостоятельность, зависимость от внешних центров, понимание и использование массивов природного ландшафта исключительно как ресурса без признания его особой ценности и т. д.*

Эта зона неизбежно будет разрастаться.

Полимасштабность таких понятий, географическое положение России между урбоиндустриальными (Западной) Европой, Северной Америкой и

*Восточной Азией (южные соседи – случай особый), фоновые процессы, охватившие значительную часть страны позволяют утверждать: **значительной части России и России в целом присущи все основные черты Внутренней Периферии** – мировой, глобальной Внутренней Периферии.*

Состояние культурного ландшафта зоны нельзя интерпретировать однозначно: откат освоенности, разрушение инфраструктуры, социальная катастрофа и утрата социального контроля – но и активная спонтанная ренатурализация ландшафта, естественное самовосстановление лесов и степей на месте забрасываемых сельскохозяйственных угодий. А что же здесь происходит с собственно **культурным ландшафтом**? Изменения разительные и отнюдь не однозначные по последствиям. Именно в этой зоне общегосударственная статистика общего сокращения площади пашни оборачивается массовым, уже фоновым забрасыванием сельскохозяйственных угодий. Культурный ландшафт в узком смысле как обжито-освоенное, окультуренное пространство – здесь явно деградирует, освоенность повернула вспять. Именно здесь поля зарастают лесом даже вдоль асфальтированных дорог, исчезают на глазах деревни, ветшает и рвется транспортная сеть, рушится вся инфраструктура. Для этой зоны стало характерным появление и распространение особой новой «формации» дачающего культурного ландшафта «русской саванны», – спонтанно зарастающих лесостепями открытых в прошлом аграрных ландшафтов. Природа здесь «берет свое». Натурализация жизни населения сопровождается ренатурализацией, спонтанным вторичным оестествлением ландшафта. Поля зарастают, на их месте уже растут молодые леса. Всё это уже имело место и в конце советской эпохи (когда пашню было запрещено выводить из использования, хотя бы и номинального). Современный кризис не только породил новые процессы, но и активизировал уже шедшие процессы хозяйственной деградации этих территорий; на территориях Псковской и Новгородской областей эта деградация идет уже столетия.

*Статусно-пространственное положение зоны предопределяет ее социальный и экономический упадок – но именно поэтому зону нужно трактовать как **потенциальный источник экологических ресурсов и носитель экологических функций**, например, место для новых особо охраняемых природных территорий (ООПТ), возможно, в сочетании с рекреационными. Созданию ООПТ малочисленность и малая активность местного населения только способствует. Дачно-коттеджный бум пригородов крупнейших городов трансформировал природные угодья и сильно их фрагментировал, разрушив экологические и рекреационные функции ландшафта. Но территории с этими функциями необходимы как раз достаточно близко от крупнейших городов; сейчас сосед пригородов – именно Внутренняя Периферия.*

Главное в российском пространстве определяется географическим поло-

жением места относительно центра страны и региона. Разумеется, это фактор почти вечный, и дефицит инфраструктуры как его следствие для Внутренней Периферии практически невозможно изменить. **Эти территории никогда не будут находиться в благоприятных условиях для привычного экономического развития.**

Значит ли это, что они обречены влечь жалкое существование, деградировать дальше и догнивать, рассчитывать и существовать на помощь и подачки? Действительно ли они лишены ресурсов?

Однако эти территории именно в силу их географического положения, резкого сокращения пашни и других угодий, сокращения населения, упадка производства *имеют реальный шанс на развитие*. На выживание исключительно через развитие. *Если у этих территорий и есть какое-то будущее, – то оно в обретении ими экологических функций*. Неблагоприятные для экономического развития хотя бы только в силу уже упомянутых причин территории могут и должны идти не наперекор реальному ходу событий, а использовать этот реальный ход событий. В мире в целом, в Европе, в России, и особенно в Европейской России, остро недостает разнообразных особо охраняемых природных территорий – заповедников, национальных парков, природных резерватов и т. п. Если для территории невозможно интенсивное экономическое развитие – значит, при прочих равных (а здесь это выполняется) ее единственный шанс – в экстенсивных, экологических и экологизированных формах землепользования – от собственно охраны природы до экологического (ландшафтного) туризма и охотничьего хозяйства. В мире крайне дефицитны территории, на которых спонтанно, «само собой» природы становится все больше, а хозяйства все меньше. Но именно таковы наши внутренние периферии; *они уже размещены именно так, чтобы органично выполнять экологические, природоохранные функции*. Внутренняя Периферия России уже размещается как потенциальный экологический буфер между урбоиндустриальным центром страны и промышленным Уралом, зоной КМА, новыми ресурсодобывающими территориями. Немаловажно и то, что мировое сообщество субсидирует охрану природы на всех территориях, верно это и для современной России, получающей определенные экологические инвестиции.

Я считаю попытки традиционного хозяйственного развития зоны бессмысленными, хотя бы в силу идущей концентрации и населения и экономической активности; и эта зона оказываются в еще худшем экономическом положении. Следует исходить из презумпции реальности и осмысленности концентрации. Зона имеет фундаментальную специфику, на основе которой только и возможен ее особый нетривиальный экономический подъем – **экологическая конверсия территориальной структуры, то есть превращение экономических «недостатков» некоторых территорий и вообще**

территориальных систем в экологические преимущества и экологические ресурсы. Экологическая конверсия всей структуры советского пространства, особенно – экологическая конверсия структур узловых районов, образующих функциональный каркас региональной структуры нашего пространства, желательна, спасительна и стратегически неизбежна.

Н. Н. Клюев

«Социально-экономическое опустынивание» и даже одичание российской территории интенсивно происходит последние 20 лет и является прямым следствием общественных трансформаций. Кстати, это вроде бы очевидный «плюс» с чисто экологических позиций. Но нельзя не учитывать, что огромные, далеко еще не *освоенные* (т. е. – по В. И. Далю – не *свои*) природные ресурсы России, включая ее территорию, вряд ли останутся вне поля зрения других стран в условиях острого дефицита природных ресурсов в мире. В этом внимании внешнего мира к диспропорции между малоосвоенной российской территорией и относительно небольшим населением заключена реальная угроза национальной безопасности России. Поэтому проблема формирования «белых пятен» на карте страны требует тщательной проработки не только с экологических, но и с геополитических позиций.

На мой взгляд, Россия отнюдь не фатально обречена на депопуляцию, во всяком случае, её темпы можно и нужно затормозить посредством крупномасштабных инвестиций в провинцию. Инструментами региональной политики реально предотвратить и дальнейшее опустошение территории, правда, это потребует существенных изменений отечественной политической «машины».

О. В. Кузнецова

Сокращение численности населения страны, а при самом благоприятном раскладе и небольшой рост – объективная реальность. Россия неизбежно будет оставаться страной с низкой плотностью населения. И необходимо понимать, что никакая политика государства не позволит, к примеру, так заселить восточные регионы страны, чтобы в них плотность населения была выше, чем в Китае. И, как представляется, нет ничего плохого в том, что население не будет проживать в некомфортных по природно-климатическим условиям

и плохо освоенных в инфраструктурном отношении регионах. Китайцы тоже вряд ли захотят там жить. Да и бороться с нелегальной миграцией и обеспечением территориальной целостности надо отнюдь не мерами демографической политики.

Концентрация населения – это, как уже было сказано выше, объективно идущий процесс, и депопуляция еще больше усугубляет его последствия для территорий миграционного оттока населения. Другое дело, что государство, еще раз повторим, не может справиться ни с ростом городов, ни с поддержанием достойного уровня жизни в депопулирующих зонах.

Как нам представляется, в идеале необходимо взвешенно оценить перспективы развития всех населенных пунктов в стране – в рамках уже запущенного стратегического планирования (качество этого планирования во многих случаях оставляет желать лучшего, но надо улучшать качество планирования, а не отказываться от него).

В отношении бесперспективных населенных пунктов желательно принимать решение об оказании населению помощи в переезде на новое место (если само население на это готово) или же соглашаться на дотирование таких территорий, поддержание в них жизни на какое-то время (если, к примеру, речь идет об умирающих деревнях). Но территории, имеющие потенциал развития, должны получить соответствующую поддержку со стороны федеральных и/или региональных властей (вложения в недостающую инфраструктуру, финансовую и иную поддержку инвесторов и пр.). Создать условия для экономического роста там, где уже есть жилье и инфраструктура, зачастую дешевле, нежели создавать их на новом месте.

В растущих городах должны быть в первую очередь решены проблемы жилищного и дорожного строительства. Формирование реального рынка жилья на самом деле может сильно помочь объективно идущим процессам миграции населения, оптимизации системы расселения. Но вопрос этот выходит за рамки географии.

Т. Г. Нефёдова

Сжатие освоенного сельского пространства в последние годы усилилось. Это вызвано: 1) продолжающейся депопуляцией сельского населения при незавершенности процессов урбанизации и кризисе местообразующих отраслей, 2) деградацией социальной инфраструктуры в небольших поселениях, которая усиливается последними действиями властей по их объединению; 3) территориальным сжатием хозяйственной деятельности в сельской

местности, особенно сельского и лесного хозяйства в природно и социально маргинальных районах. Это привело к фактическому сокращению площадей используемых сельскохозяйственных земель, которое началось задолго до кризиса 1990 гг. Только отражаемые статистикой потери сельскохозяйственных угодий всех категорий хозяйств за 50 лет составили более 30 млн га, из них две трети – за годы кризиса и реформ. На самом деле потери земель гораздо больше. Площади, все еще числящиеся у предприятий пашней, но не используемые, зарастающие сорными травами и лесом увеличились (особенно в районах с природными или демографическими ограничениями развития сельского хозяйства, главным образом на периферии регионов) и достигают в России 40 млн га.

Сжатие освоенного сельского пространства привело к экспансии социально-экономического опустынивания и к расширению как внешней периферии страны, так и внутренней периферии регионов. Расчеты, проведенные по 1800 административным районам России, показали, что к внешней периферии можно отнести 70% территории России, к внутренней – еще около 15 % (Нефёдова, 2008, 2011).

Процессы усиления социально-экономического опустынивания хорошо видны на всех масштабных уровнях. Расширяется внешняя периферия в результате ухода населения и хозяйства из восточных и северных территорий со сложными природными условиями (исключение – районы добычи углеводородов). Расширяется внутренняя периферия в результате стягивания хозяйственной жизни в Нечерноземье к пригородам, а на юге – в районы с лучшими природными условиями и лучше сохранившимися трудовой потенциал. Внутри муниципальных районов локальная периферия также расширяется из-за забрасывания земель, смены населения и экстенсификации землепользования. В Нечерноземье в удаленных районах реально жизнеспособны лишь центры поселений. Более половины пашни никем не востребовано и зарастает лесом. Фермеров местная среда из себя не производит, а мигранты также стремятся на юг и в пригороды. Лишь 14 % домохозяйств готовы к товарному производству, даже если им оказать ту или иную помощь (см. www.ugory.ru Угорский проект. Публикации). В таких районах спонтанно осуществляется *модель экономики «хозяйственного сжатия»*, которая неизбежно приводит к усилению очаговости освоения и к использованию иных природных ресурсов: древесины, даров леса, ландшафта в целом. На Юге прибыльность растениеводства способствует возвращению части заброшенной в 1990-х гг. пашни в оборот при катастрофическом снижении поголовья скота.

Сложившиеся пространственные структуры в сельской местности на разных масштабных уровнях имеют разную изменчивость. На национальном и региональном уровнях традиционное различие между Севером и Югом

усиливается благодаря более ярко выраженному территориальному разделению труда в сельском хозяйстве. Различия между пригородами и периферией сохраняются. При этом, в последние десятилетия приспособление к новым коммерческим условиям при очень слабом межмуниципальном горизонтальном взаимодействии только усиливали существующие внутрирегиональные контрасты.

Можно сказать категоричнее. *Собственно географические факторы структуризации сельского пространства России, т. е. положение на осях «север-юг», «пригород-периферия», «русские-нерусские регионы», оказались для сельской местности куда важнее политических, институциональных и общеэкономических факторов: социализма или капитализма, плана или рынка. Они формируют некую эндогенную основу, влияющую на характер воплощения в той или иной местности общих макроэкономических или институциональных изменений.* При всех изменениях фактор колеи (path dependency) имеет для России огромное значение.

Современный технологический прогресс транспорта и сфера услуг, который концентрируется в городах и вокруг них, не способен снизить значение природных и социально-экономических контрастов на огромных необустроенных пространствах России. *Поляризация сельского пространства и адаптация хозяйства к природным условиям и, главное, к наличию трудового потенциала, который кроме юга сосредоточен в пригородах и в некоторых этнически нерусских районах, в современной сельской России неизбежны. Пространственного сжатия сельской экономики не избежать.* А в таком случае им лучше управлять, чтобы предотвратить общую экономическую и социальную катастрофу прежде освоенных территорий.

Но объективность процесса сжатия освоенного пространства вовсе не отменяет разумной региональной политики, которая при ставке на полюса экономического роста должна разрабатывать альтернативные варианты для оставшихся за пределами этих полюсов территорий. Основная задача региональной политики 80–90 % периферийных территорий России, куда вписаны и большинство депрессивных малых городов, – не усиливать социальные различия и подталкивать процесс опустошения территории, что делается путем инициированного Министерством регионального развития РФ объединения сельских поселений, а искать альтернативные пути выживания и занятости для примерно трети сельского населения и около 10 % городского. Там, где есть население, необходимо поддерживать социальную инфраструктуру в сельской местности, в том числе и в тех местах, откуда уходит сельское хозяйство, но где намечаются новые направления развития, в том числе и дачно-рекреационного. Именно *сочетание политики управляемого сжатия индустриальных отраслей* (сельского хозяйства, лесной промышленности),

не обеспеченных социальными ресурсами в депопулирующих районах, *и поддержки инфраструктуры для возникновения новых постиндустриальных элементов и малого бизнеса* могут стать основной стратегией развития сельской местности. Важной задачей становится возвращение хотя бы части отходников, которые и составляют основной потенциал сельских сообществ в депрессивных районах. Это важно хотя бы для сохранения социального контроля над прежде используемыми территориями.

А. Н. Пилясов

Все ответы лежат на пути повышения мобильности россиян. Нужно адаптировать российское пространство не только к потере численности населения, но и к нарастающей космополитичности, мультикультурности, что неизбежно в условиях глобализации. Причем, эти процессы начинают уже проявляться на атомарном уровне – как, например, мечеть в северном Норильске.

Ю. В. Поросенков

«Социально-экономическое опустынивание» – новый термин в социально-экономической географии. Хотя он пришел из физической географии, но строится на смысловом обозначении в русском языке «пустыня» – не только как обширная засушливая область с небольшим количеством осадков, резкими колебаниями температуры воздуха и почвы и скудной растительностью, но и пониманием пустыни как безлюдного и хозяйственно неиспользуемого места. Поэтому, под социально-экономическим опустыниванием следует понимать процесс обезлюдения территории, который сопровождается ее исключением из хозяйственной деятельности или, по крайней мере, резким снижением интенсивности ее использования. В основе этого процесса лежит депопуляция (то есть вымирание населения) и его миграционный отток.

Социально-экономическое опустынивание – объективно происходящий процесс современной России. Страна переживает серьезный демографический кризис, связанный с переходом к однодетной и бездетной семье, который наблюдается почти во всех развитых странах мира, следствием которого является суженное воспроизводство населения при снижении доли детей и молодежи, при одновременном постарении населения. Реализация в настоящее время специальной федеральной демографической программы не-

сколько смягчает этот процесс, но вряд ли может полностью его блокировать, тем более, что в предстоящие годы страну ожидает демографическая «яма». Поэтому выйти на нулевые темпы прироста возможно лишь за счет массового притока населения из-за рубежа.

Для многих территорий страны «социально-экономическое опустынивание» является, кроме того, результатом массового миграционного оттока населения, особенно молодежи. В макротерриториальном аспекте такое направление динамики населения охватывает восточные и северные регионы страны, а на микротерриториальном уровне – периферийные территории субъектов РФ и даже периферию их муниципальных районов и «сельских поселений». Последний аспект связан с тем, что в условиях постсоветской России происходит быстро протекающая концентрация населения в ее социально-экономических центрах, причем темпы концентрации населения возрастают по мере перехода от «центральных мест» муниципального уровня к центрам субъектов РФ и ее основным мегаполисам.

Процессы «социально-экономического опустынивания» и их результаты требуют принципиально иной общенациональной и региональной политики в сфере территориальной организации и общества в целом. Если в условиях плановой государственной экономики основной задачей выступало, по существу, самообеспечение страны всеми видами товаров, изделий и услуг, что обусловило максимально возможное вовлечение всех территорий страны в орбиту экономической деятельности, то в современной рыночной экономике на первый план выходит экономическая целесообразность тех или иных видов хозяйственной деятельности на используемых территориях. Это позволяет, с одной стороны, оставить в хозяйственном обороте только те территории, эксплуатация которых дает в настоящее время определенный экономический эффект. Это делает возможным выйти на экономически целесообразную структуру землепользования и на ландшафтные технологии организации сельского хозяйства. При таком подходе возможна реанимация многих естественных ландшафтов на староосвоенных территориях, которые были потеряны на этапе экстенсивного хозяйствования, расширить и улучшить туристско-рекреационный потенциал территорий.

С другой стороны, на макроуровне как из геоэкономических, так и геополитических соображений нельзя допустить «социально-экономическое опустынивание» восточных и северных территорий страны ниже определенного уровня их устойчивости, выход за пределы которого вызывает цепную реакцию разрушения их сложившихся систем расселения и хозяйственной жизни. В этом аспекте должна быть научно обоснована и реализована специальная общенациональная политика по стимулированию развития в них опорных регионов, ареалов и центров. На мезо- и микроуровне в староосвоенных

регионах страны должна быть разработана программа государственной и частной поддержки «центральных мест», которые выступают в качестве ядер муниципальных образований.

А. И. Трейвиш

Такое опустынивание грозит не всей России, но значительной её части. Если ограничиться «ойкуменой» (2/3, если не 70 % страны – и так пустыня), то, за вычетом городских агломераций, южных и некоторых других земель с довольно густым и пока не скудеющим населением, останутся 3–4 млн км², где угроза реальна. Как минимум, целая Индия. Чаще всего это лесная зона. Лесистость страны будет расти, что может радовать лесопромышленников, экологов, грибников, но в иных отношениях неутешительно.

Что делать? Может быть, заселить пустоши теми же индусами, которых скоро будет больше, чем китайцев? Да, миграция из трудоизбыточных стран – один из способов решения проблемы, но, увы, чреватый другими, включая геополитические. Следует хотя бы избегать такого расселения мигрантов, при котором внутри России возникают крупные однородно-компактные анклав, будь то гетто в больших городах или «инокультурные» сельские поселения.

Трудно ожидать массового добровольного возврата российских горожан на пустующую периферию. Подобные случаи есть, в том числе организованные в так называемых экопоселениях с благими целями... и отчётливым привкусом сектантства, а также единичные, по личным мотивам. Социологи, описывая это движение, применяют термин *дауншифтинг*, который, в данном случае, означает сознательное понижение социального статуса ради жизни для себя. Дело в том, что большинству «дезурбанизантов» не найти достойных занятий кроме фермерства, учительства, немногих других. Но и тогда вписаться в не очень радушную местную среду им трудно.

Резко повысить привлекательность глубинки для всяческого бизнеса и мигрантов из городов можно при радикальном улучшении их обустройства. Какого? Новые и недорогие средства связи уже совершили скачок, сделав обжитые пространства страны информационно проницаемыми. Но, как уже отмечалось, это не привело ни к закреплению в них местной молодёжи, ни к массовому притоку «креативного класса», даже фрилансеров, работающих по Интернету и не стеснённых в выборе места жительства. Ведь жить весь год в деревне, такой милой летом, непросто: кому-то надо колоть дрова, носить воду, расчищать сугробы. Энтузиастов самообеспечения наберутся десятки, первые сотни тысяч, но не миллионы.

Мощным реальным потоком остаётся сезонно-дачный, представленный вдали от метрополисов в основном лицами полусвободных профессий, ещё не старыми пенсионерами, их внуками. Да, тот самый, к которому у нас не принято относиться серьёзно. А он сохраняет селения и дома, хотя не спасает колхозные поля и фермы. Дачникам тоже нужен минимум инфраструктуры и услуг, прежде всего электричество, дороги, автобусы, автолавки, доступные медицинские центры. Им самим их не обеспечить, а местных чиновников дачники зачастую только раздражают.

Адаптация к опустыниванию, как и всё прочее, начинается с головы, т. е. с тех же властей. Многие местные руководители словно бы давно живут в пустыне и на ней зарабатывают, скажем, организуя охоту-рыбалку и баньку-пьянку для заезжих столичных или западных толстосумов. С деревенских старушек им взять нечего, и те тихо вымирают. А остатки трудоспособного населения промышляют чем могут, деградируют (пьют) или идут «в отход».

Ещё советская власть могла ввести глубинные надбавки к зарплатам и пособиям, подобные северным, ибо, просто живя в глуши, люди выполняют социально-государственную миссию – не дают глуши заглохнуть совсем. Но боюсь, что предлагать эту меру и сегодня бессмысленно.

Во всяком случае, не надо ускорять процессы опустынивания, повторяя позднесоветские программы сселения неперспективных деревень. На сей раз под видом укрупнения сельских школ и целых поселений, что лишает многие центры административного статуса, а с ним скромного набора услуг, удаляя их от жителей на десятки километров. Федеральные ведомства, экономя бюджетные копейки, показывают, что они, как и местные, «возглавляют» запустение, а не сдерживают его.

С другой стороны, если океан российской периферии потому так могуч, что в нём мало центров-островов, а многие из них слишком хилы, то браться за вторичную пустыню надо именно с них, а также с «прибрежных вод», т. е. пригородов. В самом деле, трудно представить современную процветающую провинцию без сильных и богатых городов, их спутков. Только богатство и сила не гарантируют безопасности, покоя, уюта.

Урбанистическая скученность, стрессы, дороговизна недвижимости и т. д. рано или поздно, в той или иной форме вытолкнет часть жителей и бизнесов за рамки городов и агломераций. Этот «push effect» может ускорить переполнение центров теми же самыми мигрантами, но он вряд ли уведёт горожан далеко. А Россия велика, так что ждать вторичного освоения и заселения её депопуляционных дыр придётся долго. Думать же о судьбе 20–22 млн человек, ещё живущих в глубинке (вместе с тамошними городками), и как-то им помогать надо. Иначе что это за страна и государство!

Э. Л. Файбусович

Процесс деградации систем расселения низового уровня (бывших районов и сельсоветов) имеет длительную историю. Набрал обороты в последние 20 лет, он прошел точку возврата. Процесс затронул, в основном, территории, именуемые российским Нечерноземьем, его европейскую часть, и наиболее ярко выражен в пределах перечисленных ниже в таблице областей.

Характеристике процесса посвящены многочисленные научные работы и публицистические сочинения. Из последних назовем статью В. Я. Кириллова в газете «Аргументы недели» 24.11.2011 г. В родном для автора Андреапольском районе Тверской области на 16 бывших совхозов и колхозов приходится около 400 трудоспособных. При отсутствии материального производства в ближайшие годы во многих районах «не останется сельских школ, не нужны будут сельские библиотеки и клубы». В тяжелом положении находится и районный центр Андреаполь, где резко сократился выпуск промышленной продукции на сохранившихся предприятиях, а большинство существовавших ранее прекратило свою деятельность. В результате район теряет и градообразующие предприятия, и значение «центрального места» из-за деградирующего окружения.

Удельный вес нежизнеспособных СНП в общей численности СНП в субъектах Российской Федерации, %

Субъект РФ	Удельный вес СНП в общем числе СНП, %	
	без населения	до 10 человек
Ивановская область	21,0	34,4
Костромская область	34,4	31,4
Смоленская область	20,3	38,1
Тверская область	23,4	38,4
Ярославская область	25,7	41,4
Архангельская область	21,5	35,9
Вологодская область	26,3	40,6
Новгородская область	18,6	41,4
Псковская область	23,0	46,6
Кировская область	24,9	31,2

Мы (а в подготовке данного материала принимала участие В. В. Плечанова – аспирантка кафедры Региональной экономики и природопользования СПбГУЭФ) не входим в обсуждение причин этого явления. Просто констатируем факт. Через это прошли многие европейские страны, даже со значительно

большей плотностью населения. Например, Англия в период промышленной революции на рубеже 18–19 вв., одним из следствий которой было появление категории «гнилых мест», потерявших свое население и производственный потенциал. Да и в русской истории такое встречалось не раз. После Ливонской войны обезлюдели многие населенные пункты Северо-запада. В «Писцовых книгах» часто встречается указание для поселений «в пуге».

В системах расселения многих российских регионов существует большое количество сельских населенных пунктов (СНП), которым можно с уверенностью поставить диагноз «нежизнеспособность». Диагноз ставится на основе сочетания двух показателей: 1) число жителей менее 10 человек (правильнее было бы взять нижний предел 25 человек, но такие данные не публикуются), 2) доля жителей ниже пенсионного возраста более 50 %. Падение показателей ниже этого минимального уровня – свидетельство нежизнеспособности СНП. Определенное значение имеет еще дополнительный показатель – достаточная густота СНП, которая при наличии развитой дорожной сети способна обеспечить функционирование малолюдных СНП типа хуторов.

В таблице представлены данные, рассчитанные нами на основе материалов переписи населения 2010 г., показывающие долю нежизнеспособных СНП в общей численности СНП по 10 субъектам РФ, где процесс деградации особенно ярко выражен. К категории нежизнеспособных мы отнесли населенные пункты без населения (парадоксальный термин) и имеющие население до 10 человек.

Не имея в своем распоряжении данных о возрастной структуре населения, мы ограничимся доказательством нежизнеспособности мельчайших СНП на самом низовом уровне на примере двух сельских поселений Бокситогорского района Ленинградской области, расселенческая ситуация в котором практически не отличается от соседней Вологодской области. В Радогощинском сельском поселении Бокситогорского района (по состоянию на начало 2011 г.) из 21 СНП, с исходной людностью (1989 г.) до 25 человек, в 20 – население резко уменьшилось, в том числе 3 остались вовсе без жителей. Справедливости ради отметим, что потери населения и в 4 остальных СНП оказались значительными. В целом же, численность населения сельского поселения уменьшилась за 22 года на 44 %. И только центральный СНП – деревня Радогощь – сохранила исходную численность. Происходит процесс пассивной концентрации населения. Доля населения центрального поселения возросла с 36 % в 1989 г. до 67 %. Убыль населения в остальных СНП объясняется как превышением в них смертности над рождаемостью, так и миграцией за пределы сельского поселения. Явление активной концентрации, то есть роста людности центрального поселения за счет переезда в него жителей мелких СНП, не наблюдается или лишь компенсирует отрицательное сальдо мигра-

ции центрального СНП за пределы территории поселения и естественную убыль в нем. Несколько сложнее положение в Самойловском сельском поселении. Здесь на исходную дату существовало 3 относительно крупных сельских населенных пункта, и все они потеряли за 22 года значительную часть своего населения. Однако, все остальные поселения, с людностью менее 200 человек, понесли гораздо большие потери. Благодаря этому, доля трех крупных поселений выросла с 76 % до 86 %. А доля 19 мелких СНП сократилась с 10 % до 6 %, численность 7 СНП сократилась до 1 жителя.

Деградация системы расселения требует принятия решения о выборе стратегии реагирования на этот процесс. Возможны следующие варианты ответов: а) ожидать решения проблемы «естественным путем» (без применения каких-либо мер) вымирания нежизнеспособных СНП и выживания в результате «естественного отбора» более удачливых; б) попытка законсервировать существующую систему расселения, реанимируя умирающие СНП любой ценой; в) принять компромиссное решение –сосредоточить усилия, включая материальные ресурсы, для поддержания жизнеспособности части сельских населенных пунктов, пожертвовав остальными.

Не совсем ясны критерии отбора кандидатов на сохранение или даже развитие. В значительной мере выбор стратегии «в» предполагает реконструкцию существующего низового АД. В первую очередь, должны получать поддержку Центральные места низового уровня, то есть центры муниципальных районов, сельские и мелкие городские поселения. В связи с этим возникает проблема реконструкции системы низового административно-территориального деления (АТД). Пора признать, что существующее дробное деление на уровне районов и так называемых сельских поселений не соответствует реальным изменениям в расселении. А.И. Костяев с соавторами признает существование кризисных территорий, в которых в самой ближайшей перспективе территориальному образованию (сельскому поселению, сельскому и городскому населенному пункту) грозит прекращение своего существования в своем прежнем статусе (Методология исследования..., 2011).

Чрезмерно дробное низовое АД приводит, прежде всего, к возрастанию несоответствия между числом управленцев и экономикой территории, которой они управляют. Для многих субъектов РФ сокращение объема сельскохозяйственной продукции за последние 20 лет произошло более чем вдвое: Ивановская область – 47 % от уровня 1989 г., Смоленская – 44 %, Архангельская – 34 %, Мурманская – 35 %, Псковская – 36 %. поголовье крупного рогатого скота во всех субъекта РФ Центрального федерального округа в 3–5 раз меньше, чем в 1990 г., а в субъектах Северо-Западного федерального округа и того ниже. Производство молока уменьшилось в 2–3 раза во всех субъектах РФ (кроме Белгородской и Владимирской областей), а в Северо-

Западном – более чем в 2–3 раза (кроме Вологодской и Ленинградской областей). Фактически, это означает многократное снижение экономического эффекта от работы местной администрации, то есть объема производства на одного чиновника. Причина падения объемов производства и сокращения площадей сельскохозяйственных угодий – сокращение численности производительного населения, которое (сокращение) не компенсируется повышением производительности труда. Потери рабочей силы связаны как с миграцией из сельской местности, так и выходом населения за пределы трудоспособного возраста. Следовательно, районная администрация, в основном, обслуживает социальные нужды пенсионеров. Возникает парадоксальная ситуация, что в депрессивных районах, где почти не осталось производственных отраслей, «собственные доходы формируются из налогов, поступающих от доходов физических лиц, получающих регулярную заработную плату в бюджетных организациях, в том числе достаточно высокую в сфере управления» (Методология..., 2011, с. 43). Многочисленный управленческий аппарат содержится исключительно для поддержания заведомо нежизнеспособных СНП, что слишком дорого обходится обществу в целом.

Нам уже приходилось высказываться в пользу решения о значительном сокращении числа муниципальных районов в наиболее депрессивных субъектах РФ. Образованиям, которые станут результатом такого укрупнения, следует дать историческое название уезд. Оптимальное количество уездов может быть примерно равно количеству уездных городов в дореволюционных губерниях – 7–8 для небольших субъектов РФ. Соответственно, укрупняются сельские поселения, которым следует вернуть историческое название волость (или соответствующий национальный эквивалент). Не вызывает сомнения, что столь радикальное изменение количества административных центров, которое имеет положительное значение, обеспечивая концентрацию ресурсов и усиление мощности Централных мест, в то же время несет и негативные последствия – приведет к гибели нежизнеспособных поселений, в том числе потерявших административный статус. Но это – жертва, на которую общество вынуждено пойти, чтобы остановить распространение «гангрены». Разумеется, желательно, чтобы процесс укрупнения не диктовался исключительно сверху, а проводился демократическим путем, то есть с учетом мнения населения.

Г. М. Фёдоров

Безусловно, России грозит и «социально-экономическое опустынивание», и, кроме того, постепенная замена русского этноса и ряда других российских

этносов с низкими темпами воспроизводства населения другими народами за счет массовой иммиграции. «Свято место не бывает пусто», что можно видеть уже не только на примере экономически развитых стран зарубежной Европы, но и многих российских регионов.

Нужно говорить не о том, как обустроить российскую территорию в условиях депопуляции, как адаптировать систему расселения и территориальную организацию общества в целом к этому процессу, а совсем о другом. О стимулировании рождаемости, самосохранительном поведении и снижении смертности во всех возрастных группах, об увеличении продолжительности жизни. Можно с удовлетворением констатировать, что такие меры начинают осуществляться российским правительством, но нужны еще большие усилия в этом направлении. Нужно также сформировать соответствующее общественное мнение в пользу прочной семьи с 2–3 детьми. А не утверждать, как некоторые, весьма известные демографы еще в 1980-е гг., когда проблема депопуляции только возникала, что нечего государству заниматься регулированием рождаемости, что люди сами знают, сколько им нужно иметь детей. А если в нашей стране не будет хватать рабочей силы, то найдутся страны, откуда к нам приедут необходимые работники.

А. И. Чистобаев

Ответ на поставленные здесь вопросы можно дать в трёх–четырёх монографиях, а не на трёх - четырёх (и даже шести) страницах. Если основываться на интуиции, то можно сказать, что Россия «выживет», что депопуляция приостановится, что здравый смысл не позволит сконцентрировать население в 20-ти крупных агломерациях, как это видится президенту-юристу с позиций горожанина, не понимающего «глубинную» Россию, без которой немислимо существование России.

М. Д. Шарыгин

Депопуляция и повышенная миграция населения заметно отразилась на процессах функционирования сельской местности многих регионов страны. Появилась проблема социально-экономического опустынивания на территории Нечерноземья, Урала, Сибири. Резко уменьшились площади сельскохозяйственных угодий, сократилось поголовье скота, бывшие поля зарастают

мелколесьем, появились заброшенные деревни. В первую очередь деревни покинули мужики работающие, думающие и непьющие. Причиной оттока явились непродуманные реформы и вялотекущая аграрная политика. Сельскохозяйственное производство сохранилось лишь в крупных деревнях и селах и осуществляется на энтузиазме отдельных крестьян на фоне массовой безработицы – людей, у которых отсутствует желание работать.

Неизвестна судьба поселков городского типа (часть из которых стали сельскими), потерявших градообразующие предприятия. Развитие здесь малого и среднего предпринимательства тормозится противоречивостью нормативно-правовой базы, отсутствием профессиональных навыков населения, «узостью» потребительского рынка.

Проблема дальнейшего развития сельской местности должна решаться не только реформированием «сверху», но и реализацией инициативных предложений «снизу». Особенно велика роль проектов и схем территориальной организации производства и населения, разрабатываемых географами-обществоведами. *Требуют публичного обсуждения и географической экспертизы проекты культурно-экономического районирования, формирования 20 городских агломераций, разных сеток экономического, эколого-экономического, социально-экологического и других видов территориальной организации российского общества.*

В. А. Шупер

Этот вопрос – и есть главный вызов для отечественных географов. Каждый из нас пытается подступиться к этой проблеме со своим теоретическим и методическим инструментарием. Если взглянуть на ситуацию с позиций теории центральных мест, то следует исходить из того, что системы центральных мест имеют характерные размеры 10^4 – 10^5 км², т. е. охватывают страны и регионы, площадь которых составляет десятки или сотни тысяч кв. км. Именно в силу этой причины попытки создания единой системы расселения СССР, обжитая территория которого измерялась миллионами кв. км, были заведомо обречены на провал, в то время как в Литве (65 тыс. кв. км) в советские годы проводилась вполне успешная «экистическая» политика, территориальная организация республики развивалась разумно и эффективно. Поэтому и сейчас эта часть советского наследия получает положительную оценку.

Будущая территориальная организация России едва ли может основываться на «оазисах» из 22 крупных городских агломераций, в которых будет сосредоточен почти весь экономический рост. Она должна предполагать на-

личие ряда «пятен» площадью 10^4 – 10^5 км² и огромных пространств очагового освоения, составляющих примерно 2/3 территории страны. Зона очагового освоения была огромна и в советские времена, но с тех пор страна стала еще северней и восточней, а число очагов значительно сократилось из-за изменений экономической конъюнктуры, хотя возникают и новые. В современных условиях сжатие экономического пространства, о котором еще в 90-е годы писал Ю. Л. Пивоваров, совершенно неизбежно, но последним рубежом, на котором стране следует закрепиться, должны стать все же не агломерации, а «пятна», системы расселения, в пределах которых есть местности разных типов.

3.3. ПО КАКОМУ СЦЕНАРИЮ БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ В БЛИЖАЙШИЕ ДЕСЯТЬ–ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ (СЫРЬЕВОМУ, ИННОВАЦИОННОМУ ИЛИ ИННОВАЦИОННО-СЫРЬЕВОМУ) И КАК ЭТО ОТРАЗИТСЯ НА ТОО? КАКОВЫ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПО ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ?

А. Г. Дружинин

Дальнейшая пролонгация «сырьевого» сценария «развития» российской экономики предопределяется всей совокупностью эндогенных и экзогенных обстоятельств. В доминирующей в России экономической модели (рентоориентированной, компрадорской, вмещающей множество локальных монополий и олигополий) это, фактически, *базовый*, инерционный тренд. Обеспечивая текущее воспроизводство территориальной социально-экономической системы России, он, одновременно, ведёт к её последовательной деградации, лишаящей и русский этнос, и российскую государственность позитивной исторической перспективы. Приоритетен, конечно же, в данном контексте, инновационный сценарий. Однако, реальный процесс обретения социумом инновационных «черт» идёт крайне медленно и непоследовательно, тормозится дефицитом необходимых ресурсов, политической воли, стимулов. За «сколково-нанотехнологическими» миражами пока, к сожалению, лишь просматривается оказавшаяся в глубоком кризисе национальная система образования, всё ощутимее утрачивающая былой потенциал российская наука, практическое «равнодушие» отечественного бизнеса к инновациям, углубляющаяся технико-технологическая зависимость России в целом.

Воспроизводство базового фактора инновационной экономики – «человеческого капитала» – в РФ в существенной мере недофинансируется, что тормозит развитие социальной инфраструктуры, усиливает деградацию качества рабочей силы. Средняя заработная плата в РФ в 3–4 раза меньше, чем в наиболее развитых странах Евросоюза и в 7 раз уступает среднемесячной номинальной заработной плате в США. На отдых, культуру и образование среднестатистический житель Соединённых Штатов тратит сумму в 9 раз превышающую аналогичный показатель для РФ. Доля расходов на здравоохранение в ВВП России вдвое ниже, чем в высокоразвитых странах. Современный российский контекст, в итоге, не только не воспроизводит «человеческий капитал» в адекватном для решения задач инновационного развития

объёме, а напротив, отторгает имеющийся, продуцирует миграцию квалифицированной молодёжи, минимизируя возможности реализации инновационного сценария, локализуя его пространство (до масштаба лишь отдельных городских агломераций, отраслей, корпораций).

В последнее время модно говорить о постиндустриальной экономике, однако, за исключением нескольких крупнейших городов и курортно-рекреационных центров, *современная российская «постиндустриальность»* (она же, в сельской местности – в существенной мере и «постаграрность») *практически лишена инновационной (и позиционной) основы*. Представляя собой преимущественно продукт так и не реализованной в должном объёме реиндустриализации и, соответственно, частичной маргинализации российских городов, деградации сельского хозяйства на средне- и малопродуктивных землях и, казалось бы, парадоксального в ситуации депопуляции аграрного перенаселения, она в территориальном отношении фактически расслаивается на в целом корреспондирующие с «архипелагом» урбанистических метрополий ареалы реальной постиндустриальной активности и обширнейшие «**псевдопостиндустриальные**» территории с присущей им экономико-технологической многоукладностью (при доминанте отсталых укладов) и выраженным преобладанием в социальной структуре низкооплачиваемых служащих, сельских «рантье», лиц, живущих натуральным хозяйством, мелких торговцев, пенсионеров, маргиналов.

Любая инновация поляризует пространство, а в постсоветской России это особенно ощутимо. Естественно, что перспектива сырьевого сценария неприемлема для нашей страны, так как она крайне сужает географические рамки реальных позитивных социально-экономических изменений. Гипотетически вероятностное стимулирование инноваций в сырьевых отраслях придаст большую динамику крупнейшим городам (с ведущими университетами, в первую очередь техническими) и позволит осуществить частичную модернизацию промышленных предприятий. Однако, подобного рода «инновационно-сырьевой» сценарий гарантирует российской ТОО лишь аспектный эффект, консервируя существенную неравномерность региональных экономик и проявления социально-территориального иждивенчества. Рассматривая данный инвариант российской перспективы как вынужденный, промежуточный, следует, одновременно, ставить и решать стратегическую задачу **региональной всеобщности технико-технологических и социально-экономических инноваций**, с учётом, разумеется, возможностей той или иной территории, её структурных особенностей.

Н. В. Зубаревич

Сценарии старой Стратегии 2020 уже забыты, в том числе и властями. Предлагаемый прогноз представляет собой стандартный набор сценариев – оптимистический, инерционный и пессимистический, на каждый тренд наложена пространственная специфика России с различными комбинациями факторов и барьеров развития. Но при любой комбинации *основным трендом развития будет сжатие обитаемого и экономического пространства.*

С наибольшей вероятностью в России реализуется **инерционный сценарий** развития, продолжающий тренды пространственного развития. Его макроэкономический фон – затухающий восстановительный рост после кризисного спада 2008–2009 гг. и относительно невысокие темпы роста экономики страны в новом десятилетии из-за стабилизации цен на нефть и более медленного роста глобального спроса на ресурсы. На таком фоне пространственное развитие будет вполне предсказуемым, независимо от проводимой властями региональной политики.

- Сохранится гипертрофированная роль Москвы и концентрация в ней финансовых и человеческих ресурсов. Московская агломерация будет быстро развиваться и расширяться, охватывая прилегающие районы соседних областей. Однако искусственные инновационные проекты (Сколково) не изменят экономического профиля прилегающих к столице территорий, в них будет и дальше развиваться сервис, логистика, рекреация и промышленность, ориентированная на огромный столичный рынок. Развитие Санкт-Петербурга будет сильно зависеть от федеральной подпитки финансовыми ресурсами и институциональными мерами (переводом штаб-квартир крупных компаний – налогоплательщиков в северную столицу), но этих мер недостаточно для устойчивого роста, городу мешают общие для страны институциональные барьеры. Тем не менее северная столица становится все более постиндустриальным городом по структуре экономики, поэтому попытки вновь превратить ее в индустриальный центр автопрома неизбежно столкнутся с проблемой нехватки квалифицированной и относительно недорогой рабочей силы и необходимостью ее завоза из других регионов России или стран СНГ, специальной подготовки. Вряд ли сборочные автопроизводства смогут существенно повысить доходы городского бюджета, их вклад в развитие города будет относительно невелик.

- Ведущие регионы ТЭК сохраняют позиции в группе лидеров при сохранении объемов добычи (до 2020 г. эта проблема остро не стоит). Но в них будет стареть население, снижаться естественный прирост, будет расти миграционный отток молодежи, поскольку в регионах ТЭК создается мало новых качественных рабочих мест (экономика, основанная на добыче ре-

сурсов, нетрудоемка). Уехавшие уже замещаются миграционным притоком низкоквалифицированной рабочей силы из республик Северного Кавказа и Средней Азии, что неизбежно усилит социальную напряженность, проблемы наркомании и повысит нагрузку на систему социальной защиты населения.

- Немалая часть регионов из группы лидеров второго эшелона могут скатиться вниз – в «серединную» группу. Для ведущих металлургических регионов – это следствие снижения глобальной конкурентоспособности из-за старения советских промышленных активов, роста издержек по причине удорожания топлива и сырья. «Вниз» уже начали двигаться и некоторые развитые полифункциональные промышленные регионы, прежде всего Самарская область (снижение конкурентоспособности автопрома) и Пермский край (истощение минеральных ресурсов и отсутствие новых крупных инвестиций).

- При условии относительной политической стабильности на Кавказе продолжится более быстрый рост крупных русских регионов юга благодаря устойчивым преимуществам – более развитой инфраструктуре, наличию морских портов, ресурсному преимуществу в виде лучших почвенных и агроклиматических условий. Проведение Олимпиады, скорее, помешает устойчивому росту юга из-за чрезмерной концентрации инвестиций в одной точке и неизбежных проблем убыточности спортивных и прочих объектов после завершения этого путинского проекта.

- Будет усиливаться депопуляция Нечерноземья и других периферийных территорий Европейской России за счет высокой естественной убыли; продолжится концентрация населения в региональных центрах и других более крупных городах, но прежде всего – в агломерациях федеральных городов. Проблему деградирующей периферии решить не удастся из-за низкой мобильности населения и барьеров на рынках жилья в городах.

- Сохранится многочисленная группа «серединных» по уровню развития регионов, с небольшой ротацией вверх (несколько регионов с выгодным приморским положением и южные индустриально-аграрные) или вниз (полудепрессивные регионы машиностроительной и текстильной специализации).

- Несмотря на амбициозные федеральные программы, продолжится не только сжатие обитаемого пространства, но и деградация всей системы расселения Дальнего Востока и Забайкалья, за исключением крупнейших региональных центров – Владивостока, Хабаровска и, может быть, Южно-Сахалинска и Улан-Удэ. Экономика восточных регионов будет еще более поляризованной – наряду с центрами роста (столицы регионов, ведущие портовые города и локальные зоны добычи экспортного сырья) остальная территория будет инфраструктурно деградировать и терять население. При росте доходов федерального бюджета возможно возобновление дорогостоящих

инфраструктурных проектов на востоке и Севере, но их ждет бесславный экономический конец.

- Республики Северного Кавказа останутся «черной дырой» бюджетного финансирования, но в них будет расти трудовая миграция молодежи в другие регионы России, что немного смягчит проблемы безработицы. Процесс снижения рождаемости в республиках, остановленный мерами по ее стимулированию в последние четыре года, неизбежно восстановится и в следующих поколениях смягчит проблему избыточной рабочей силы. Для слабо развитых республик Сибири (Тыва, Алтай) клапан миграции так и не начнет работать из-за удаленности и более сильных культурных барьеров. Чечня по-прежнему останется фаворитом финансирования из федерального бюджета, к ней, в зависимости от политической ситуации, добавятся Ингушетия и Дагестан.

Худший сценарий – **стагнация и социально-экономическая деградация** – не только усиливает описанные выше тенденции деградации периферии, но и резко сокращает число перспективных зон роста из-за ухудшения институциональных условий и снижения инвестиций. Это возможно при деградации политического режима. Коротко можно сформулировать наиболее опасные тренды пространственного развития на перспективу.

- Быстрое ухудшение качества жизни в Московской столичной агломерации из-за инфраструктурных и экологических проблем при сохраняющемся росте численности населения. Деградация социальной среды может стимулировать эмиграцию наиболее конкурентоспособного населения (молодежи, лиц с высоким уровнем образования и более высокими доходами).

- В ближайшее десятилетие не следует ожидать ускоренного сжатия обитаемого пространства в периферийных территориях, перспектива их обезлюдения более долгосрочная – к 2030–2050 гг. На среднесрочную перспективу более вероятно адаптационная стратегия населения периферийных территорий разного вида (постаревшего Нечерноземья, восточных и северных районов), которая уже сформировалась и будет усиливаться. Это – сокращение легальной занятости, обеспечивающей трудовые гарантии и защиту, и рост самозанятости населения с использованием традиционных источников дохода – ЛПХ, лесных ресурсов, рыбы. Архаичный сдвиг в структуре занятости не только способствует деградации человеческого капитала, но приводит к росту неэффективных бюджетных расходов на поддержание социальной инфраструктуры в экономически полумертвых территориях и на социальную защиту их населения (пособия по безработице, социальные выплаты и др.)

- Рост напряженности, этнических противоречий и клановости в республиках Северного Кавказа будет стимулировать миграционный отток образованных и более модернизированных городских жителей в другие регио-

ны. Утрата «агентов модернизации» будет воспроизводить и усиливать традиционализм и конфликты. Одновременно в федеральные города усилится поток низкоквалифицированной рабочей силы, выталкиваемой из республик Юга конфликтами и отсутствием работы.

- Резкое замедление экономического развития крупных городов -региональных центров из-за дефицита инвестиций и ухудшения институциональных условий приведет к еще большей концентрации качественного человеческого капитала в федеральных городах. Еще важнее, что это ограничит возможности транслировать в регионы импульсы всех форм и видов модернизации – потребительской, поведенческой, ценностной. В России крупные города являются важнейшими «трансляторами» инноваций, обеспечивая их продвижение вниз по иерархической системе городов своего региона и в пригороды.

Этого перечня проблем вполне достаточно, чтобы прогнозировать существенное снижение человеческого капитала в России, без чего страна не сможет нормально развиваться.

Оптимистический сценарий **устойчивого инвестиционного роста** возможен только при значительном улучшении институтов (защиты прав собственности, снижения коррупции и др.) и роста открытости экономики страны. Даже плохая инфраструктура является менее жестким барьером, так как она может развиваться по мере экономического роста, это показал пример Сахалинской области.

В оптимистическом сценарии также присутствует пространственная поляризация развития. Экономический рост не бывает территориально равномерным, для инвесторов наиболее привлекательны регионы с конкурентными преимуществами, что позволяет ускорить и увеличить отдачу от инвестиций. Вряд ли в течение одного десятилетия пространственная конфигурация этих конкурентных преимуществ (факторов развития) существенно изменится, в России они особенно инерционны. Следовательно, точками роста будут в основном те же территории, что и в инерционном сценарии. Однако при снижении институциональных барьеров скорость и качество их развития повысятся. Кроме того, вырастет и число динамично развивающихся территорий за счет позитивного изменения баланса факторов и барьеров развития.

В целом, региональное неравенство, особенно в начальной фазе инвестиционного роста, будет усиливаться, так как регионы с низкими конкурентными преимуществами будут отставать. Но масштабы роста неравенства будут не такими сильными, как в 1990-е и начале 2000-х годов. Кроме того, инвестиции в «сильных» обеспечивают ускоренное развитие всей страны и рост ее финансовых ресурсов. Проблемы отстающих регионов могут решаться не только с помощью региональной стимулирующей политики (она далеко не всегда успешна даже в развитых странах), а, в первую очередь, с помощью

перераспределительной социальной политики и политики, нацеленной на рост человеческого капитала. Для такой политики есть главное правило – помогать нужно людям, а не регионам.

Чтобы не повторяться, в оптимистическом прогнозе пространственного развития можно выделить основные отличия от инерционного сценария.

- Расширение географии реализуемых ресурсных преимуществ. Поскольку ресурсные преимущества России остаются наиболее значимыми, реализация оптимистического сценария ускорит развитие нефтегазодобывающих и транзитных регионов Европейского Севера (Мурманская область, Ненецкий АО и республика Коми), Сибири (ЯНАО, Красноярский край) и Дальнего Востока (Якутия, Сахалинская область) благодаря проектам совместной добычи топлива с использованием западных технологий.

- Максимальное использование ресурсного преимущества плодородных и обширных земельных ресурсов. Быстрое развитие агросектора и пищевой переработки регионов Европейского юга (в первую очередь), а также более удаленных от путей экспорта регионов Поволжья и юга Западной Сибири. Их развитию поможет развитие современных форм горизонтальной интеграции производителей и поддержка государства с целью укрепления российских позиций на мировом продовольственном рынке.

- Быстрое расширение экономической зоны Московской столичной агломерации. Этот процесс идет достаточно активно, но пока охватывает только приграничные районы соседних областей вдоль крупных магистралей и центры отдельных регионов с более благоприятным инвестиционным климатом (Калуга). При снижении барьеров все области вокруг Москвы получат дополнительный приток инвестиций с целью создания товаров и услуг для огромного рынка столичной агломерации. Вторая составляющая этого процесса – дорожное строительство для сокращения экономического расстояния; ее должно реализовать государство в партнерстве и координации с бизнесом.

- Ускорение развития крупных городов-центров регионов. Растущий потребительский спрос будет стимулировать рост российских и зарубежных инвестиций в сектор услуг и пищевую промышленность крупных городов – региональных центров и их пригородных зон, поскольку этот спрос еще не насыщен. Первыми, конкурируя за инвесторов, будут притягивать инвестиционные ресурсы города-миллионники и близкие к ним по численности. Это снизит гипертрофию Московской столичной агломерации, а конкуренция городов-центров ускорит модернизацию муниципальных институтов.

- Реализация преимуществ соседства с развитыми странами. В регионах, граничащих со странами Евросоюза (Карелия и другие регионы Северо-запада), снижение барьерной функции границы и улучшение инвестицион-

ного климата будут способствовать притоку инвестиций. Это типичный тренд развития для приграничных регионов стран ЦВЕ, который не реализован в России из-за институциональных барьеров.

- Расширение географии реализуемых преимуществ приморского транзитного положения. В отличие от западных и южных приморских регионов, приморские зоны регионов Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Сахалин) пока не используют своих преимуществ из-за сильных институциональных барьеров и менее развитой инфраструктуры. Снижение институциональных барьеров «бандитского капитализма» позволит привлечь инвестиции, в том числе иностранные, что при координации с рациональными инфраструктурными проектами государства создаст необходимые условия для развития бизнеса. Приток китайских инвестиций и контролируемое привлечение рабочей силы также будет содействовать росту экономики Дальнего Востока, особенно его крупных городов.

- Формирование центров инновационного развития за пределами Московской агломерации. Эту функцию могут выполнять несколько крупных городов страны (Томск, Новосибирск и др.) с сохранившимся научным потенциалом. При улучшении инвестиционного климата они смогут получить венчурное финансирование, в том числе иностранное. Формирование спроса на инновации внутри страны остается более долгосрочной задачей. К сожалению, преимущество более качественного человеческого капитала недостаточно выражено в большинстве крупных городов России, поэтому инновационных центров будет немного.

- Повышение эффективности региональной политики в периферийных территориях. И при оптимистическом сценарии в России сохранятся обширные периферийные пространства, но государство будет стимулировать мобильность населения, облегчая миграцию (в первую очередь молодежи). Кроме того, будут развиваться более эффективные – мобильные и адресные – формы социальных услуг и помощи уязвимым группам населения периферийных территорий.

Поверить в этот сценарий пока очень трудно, хотя он реализован во многих развитых странах.

В. Л. Каганский

Население Земли продолжает расти. Продолжает расти и уровень экономического развития мировой системы в целом, и большинства стран и территорий. Следовательно, быстро растет общая средняя плотность населения

и антропогенная нагрузка на природный ландшафт, или, точнее, – на природные компоненты ландшафта. *Человечеству, средствам и продуктам его деятельности становится все более тесно на поверхности Земли.* Особенно тесно становится и многим группам людей, и видам деятельности с большими требованиями к пространству ландшафта.

В этих условиях само наличие значительной слабоосвоенной малонаселенной территории является редким благом. Один из постулатов современной экономической теории гласит – «ограниченное благо есть ресурс». Ресурс тем более ценный, чем более ограничено (редко) это благо.

В силу сказанного, *территория Российской Федерации уже есть ресурс* – даже безотносительно иных ресурсов на ее территории (полезных ископаемых, водных ресурсов, ресурсов биоматериалов и биоразнообразия и т. д. и т. п.). Иначе говоря, в глобальном горизонте и долгосрочной перспективе Россия располагает огромными все более дефицитными и ценными ресурсами.

Всякий ресурс следует использовать исходя, прежде всего, из его специфики и уникальности, особенно это относится к ландшафту. *В каждом месте следует делать в первую очередь то, чего нельзя делать больше нигде и что соответствует физическим, экономическим, символическим и позиционным особенностям места.*

Обширное слабозаселенное пространство и надо использовать именно как таковое, как обширное и слабозаселенное! Разумеется, речь идет о вписанности России в мировой контекст, в котором только и можно конвертировать периферийность, слабоосвоенность, бедность и «пустоту» пространства в эффективную экономику, особые формы освоения и процветание населения. Об экологической конверсии ландшафта России и его пространственной структуры речь шла в ответе на предыдущий вопрос.

Нет нужды говорить о необходимости экономического развития России в обычном смысле – это очевидно, но неизбежно касается лишь очень небольшой части территории страны.

Большое пространство ландшафта – и пространство больших возможностей. В данном случае пространство логических возможностей воплощается в ландшафте и слито с ним в единое целое.

Во-первых, российское пространство представляет собой **глобальный резерв** как для существующих, так и для еще не обнаруживших себя, будущих видов деятельности. В отличие от ледяных щитов Антарктиды, Гренландии и мирового океана, это пространство в значительной части пригодно для человеческой жизни, для создания культурного ландшафта. Освоена только его небольшая часть, а эффективно используется совсем малая.

Россия содержит **главный мировой земельный резерв**. Не менее важна роль России и как **глобального хранителя естественной пресной воды**. И

если с земельными ресурсами мировая ситуация неоднозначна, то дефицит пресной воды – особенно питьевых кондиций – налицо; это более важно, нежели привычные минеральные ресурсы.

Во-вторых, ценность – и притом все большую – представляют территории, где можно разворачивать **экстенсивные виды деятельности** либо виды деятельности с очень высокой избирательностью к среде, особенно ландшафтной. Это, прежде всего, разного рода экологическая деятельность, сконцентрированная вокруг создания сети особо охраняемых природных территорий, но не сводящаяся к ней. Роль России как мировой глобальной экологической державы – хотя бы как **планетарного экологического стабилизатора** – уже ясна (Клюев, 2002), как и возможная перспектива экологической специализации России в качестве главного мирового заповедника (Родоман, 2006). Сюда же относится роль ландшафта России как **источника огромного биоразнообразия** (учитывая и слабую освоенность, и неполную изученность территории в этом отношении), а также громадного источника редких биоматериалов (лекарственные растения и животные и т. п.). Кто знает, какие именно виды, сообщества, ландшафты на территории России могут оказаться ценными либо как ресурсы, либо как факторы глобальной ландшафтно-экологической стабильности, и чья ценность может быть экономически конвертирована... Более привычные виды деятельности тоже могут предъявить спрос на значительные территории...

Наконец, достаточно разнообразный ландшафт России – мировой рекреационный ресурс, что тривиально, но не оценено на перспективу.

Не менее важно, хотя и пока непривычно совсем другое – сейчас все более значимыми становятся **креативные ресурсы и креативные виды деятельности**, где творчество сращено с утонченными формами рекреации. Именно для них существенен живописный и, притом, очень емкий ландшафт с возможностями изоляции; может быть, такие вдохновляющие ресурсы – чуть ли не главные на перспективу! Учитывая мощный культурный потенциал России, можно говорить об уже имеющемся **сочетании на ее территории двух основ креативной экономики – богатой разнообразной культуры и разнообразного ландшафта.**

Н. Н. Клюев

Исследования показывают, что хозяйственный комплекс России продолжает деградировать. Альтернативой нынешней неэкологичной природо-емкой сырьевой траектории движения страны справедливо считается эко-

номика знаний, развитие инновационно-информационного сектора, ведь «устойчивое развитие предполагает постепенное замещение материальных ресурсов интеллектуальными». В этой связи актуально проанализировать сферу услуг, чтобы понять, насколько национальная и региональные экономические структуры соответствуют задачам инновационного рывка, современным экологическим вызовам.

За постсоветский период доля сервисного сектора в экономике страны сильно выросла. При этом, естественно, сократилась роль материального производства, что обычно трактуется позитивно как «постиндустриальное развитие». Однако наблюдается крайне неравномерное изменение отдельных отраслей в составе сервисного сектора. Если количество управленцев, финансистов и работников торговли за 1990–2004 гг. увеличилось примерно вдвое, то число работников образования несколько сократилось, а научных работников уменьшилось почти на 2/3. Налицо регрессивные подвижки в третичном секторе нашей экономики.

Для оценки «качества» постиндустриального развития предлагается использовать показатель уровня «прогрессивности» третичного сектора – долю занятых в образовании, науке, здравоохранении и культуре от всех занятых в сфере услуг. Эта доля сократилась с 56 % в 1990 г. до 41 % в 2004 г. Отличительной чертой отечественной сферы труда является выталкивание занятых из сокращающегося производства на «дикий» раннекапиталистический рынок, в частности, в торговлю. В рыночную торговлю, гостиничный бизнес, общественное питание тоже, конечно, проникли компьютеры и информационные технологии, но преобладает все же тяжелый малоквалифицированный ручной труд. В третичном секторе России сформировался «торгово-бюрократический флюс».

На рубеже веков доля «прогрессивных» отраслей в составе третичного сектора уменьшилась везде, кроме Якутии, Тывы и Тюменской области. При этом, в десяти регионах, включая Московскую, Нижегородскую, Самарскую, Ростовскую и Челябинскую области, эта доля сократилась существенно – на 13–18 % (легко заметить, что это – далеко не рядовые области).

Самые «прогрессивные» структуры сектора услуг наблюдаются в республиках, расположенных на периферии. Парадоксально, что относительно слабым развитием научно-культурно-образовательной сферы отличаются Самарская, Ленинградская области и даже Москва. Ясно, что такая динамика ключевых регионов не соответствует задачам инновационного, информационного, экологически ориентированного развития страны.

Сервисный сектор формируется в России не на развитой индустриальной базе, а вместо неё. Для России ныне актуальнее реиндустриализация, а не постиндустриализация.

Исходя из ущербности *отраслевой структуры* нашего хозяйства, на высшем управленческом уровне провозглашён лозунг построения инновационной экономики. Это, естественно, правильный выбор. Однако, у нас ущербна не только отраслевая, но и *территориальная экономическая структура*. Чрезвычайно низкий уровень инфраструктурной обустроенности территории определяет разительные контрасты и диспропорции. Разумеется, стране нужны и новые наукограды, и новые дороги. Замечу, однако, что создателей и носителей новых знаний и высоких технологий не может удержать у себя даже богатая Западная Европа. Поэтому дороги – важнее. Отсюда в качестве приоритета федерального уровня следует считать проект инфраструктурной интеграции России: её дорожного и коммуникационного «сшивания», обеспечения дешевизны транспорта и других внутренних коммуникаций, информационного равенства, объединения социо-культурного пространства.

Россия сильно отличается от других стран неблагоприятным географическим положением и природными условиями: суровым климатом, огромной неосвоенной территорией отнюдь не компактной конфигурации, ограниченностью выходов к незамерзающим и открытым морям, удаленностью от основных морских транспортных маршрутов. Эти обстоятельства снижают конкурентоспособность отечественных товаров на мировом рынке. Россия вынуждена выплачивать ренту местоположения. Действительно, наша природа диктует ориентироваться на сложное, наукоемкое производство, развивать научно-образовательный комплекс, что позволит уменьшить «бремя российского пространства и российской природы». По той же причине новые средства коммуникации – Интернет, мобильная связь нам гораздо нужнее, чем, например, компактной и насыщенной инфраструктурой Дании. Но этого мало, наукоёмкое производство – оно всё-таки во многом «точечное», а Россия – это не Сингапур и не Сянган (Гонконг). И населения побольше (пока), и территорию надо, если не осваивать, то, хотя бы, держать.

Природные условия России препятствуют «фронтальному» вхождению страны в международное разделение труда, диктуют самодостаточный тип экономического развития страны, который, конечно, нельзя отождествлять с автаркией, чреватой структурными деформациями, монополизмом, техническим застоём. Острая необходимость для России всемерного развития внутреннего рынка – это не призыв к самоизоляции из каких-либо идеологических соображений, а жесткая необходимость выживания, чтобы еще бороться за достойное место в глобальной экономике.

Вместе с тем, принципиально важно понимать, что географические условия России не фатально чреваты ее отставанием от авангарда планеты. Но этот географический оптимизм связан с целенаправленным поиском перспективных отраслей, с которыми Россия могла бы выйти на мировой рынок,

с разработкой собственных технологий, своих методов организации хозяйства и территориальной организации общества.

Ю. С. Колесников

Россия весьма дифференцирована по уровню социально-экономического развития и потому вхождение ее регионов в постиндустриальную стадию развития будет различаться по стартовым условиям, срокам и траекториям.

Значительная часть российских регионов относится к периферийному и полупериферийному типу с отсталой экономической структурой, неразвитой производственной и социальной инфраструктурой, несбалансированными рынками труда, слабыми инновационными импульсами. Возможности и перспективы развития этой группы регионов по постиндустриальной модели в ближайшее время, по-видимому, следует оценивать весьма осторожно.

Типичным для этой группы регионов является Северный Кавказ (в масштабах Северо-Кавказского федерального округа). Рассмотрим на его примере возможности движения в сторону постиндустриальной модели развития, перспективы и условия модернизации региональной экономики.

Регион Северного Кавказа следует позиционировать как периферию, где модернизационные процессы («индустриализация», «коллективизация») советской, плановой модели осуществлялись в форме «пристройки» к существующей мелкотоварной, полунатуральной, кустарной экономике фрагментов индустриальной экономики (машиностроение, химическая промышленность, промышленность строительных материалов, продукция оборонного комплекса). Последние не изменили радикально основной тип регионального хозяйства как аграрно-мелкотоварного и, следовательно, не изменили и тип занятости населения. То есть, имела место недомодернизация региональной экономики, к тому же – прерванная войной и связанными с ней трагедиями выселения народов (заметим, что их возвращение в 60-х гг. XX в. сопряжено с восстановлением, возвратом к традиционным формам хозяйствования).

Поэтому, вторая волна модернизации России 60-х гг. XX в., связанная с реформами А. Н. Косыгина и появлением нефтедолларов за счет высоких цен на нефть, столкнулась на Северном Кавказе с нерешенными задачами и архаичными хозяйственными укладами, социальными институтами и структурами, сохранившимися в условиях недомодернизации первой волны, превратившись, при этом, в вяло текущий процесс, то затихающий, то оживляющийся (в зависимости от макроэкономической конъюнктуры).

Введение в регионе в 90-х гг. рыночных правил игры, открытие его хозяйства для глобальных рынков сырья, продукции, рабочей силы фактически разрушили созданную здесь небольшую индустриальную «пристройку» и обнажили истинный характер социально-экономических «модернизаций», а именно – их несистемный характер, то есть то, что экономическая ткань, тип хозяйственного уклада и его институты после двух волн модернизации продолжают находиться в противоречии с современными формами организации производства и экономики, с их модернизационно-инновационными трендами.

Аграрно-полунатуральный тип хозяйства в качестве господствующего, скрепленный традиционными семейно-родовыми, кланово-корпоративными, этноориентированными отношениями воспроизвел и характерный для него тип занятости – *аграрное перенаселение*, присущее эпохе раннего капитализма, первоначального накопления капитала, первого этапа индустриализации с сопутствующей ему застойной безработицей, отходничеством, низким уровнем жизни, замкнутостью хозяйств, неразвитостью коммуникаций.

Вследствие аграрного перенаселения из республик «вымывается» наиболее образованная и квалифицированная часть населения (отрицательное сальдо миграции, по итогам 2010 г., характерно для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чеченской республики), лишая регион главного ресурса модернизации – молодых инноваторов.

И это, следует заметить, в условиях невозможности в обозримой перспективе повторения опыта второй волны модернизации, когда на Северный Кавказ на строящиеся и введенные промышленные объекты приезжали специалисты и рабочие из других регионов России.

Сегодня уже ясно, что, несмотря на известные и широко признанные достижения в развитии производительных сил, культуры, образования, науки народов Северного Кавказа за годы советской власти, в XXI в. регион вошел отягощенный внутренними проблемами и системными противоречиями.

Макроэкономическое отставание Северного Кавказа по ряду важнейших показателей не уменьшилось, дотационность бюджетов его республик хотя и снижается, но медленными темпами; инвестиционный потенциал не позволяет поддерживать модернизационные импульсы; инвестиционные мегапроекты усиливают процессы диверсификации регионов.

За десять последних лет территориальные и вполне конкурентные ресурсы Северного Кавказа оказались распределенными между десятком олигархических групп при пассивном или активном участии региональных (и федеральных) властных структур. Экспансия крупного бизнеса (как правило, имеющего столичную прописку) в регионы Северного Кавказа привела к серьезному перераспределению собственности, ресурсов, инвестиций, фи-

нансовых потоков. А действующие механизмы и инструменты региональной политики государства пока не способны уменьшить издержки экстерриториальности капитала, существенно снижающие налоговую базу региона, уводящую ресурсную ренту из региона. Глобальные бизнес-сети, таким образом, осуществляют неэквивалентный обмен ресурсами региона, насаждают сырьевую экономику, закрепляют его периферийность и, следовательно, способствуют росту потенциала конфликтности.

В регионе отсутствуют в достаточном объеме ресурсы для модернизации экономики, создания ее инновационного варианта, тем самым усиливая конкуренцию между различными целевыми группами этнической элиты, которая существует как в «холодной», так и в «горячей» формах.

Наши с Ж. Д. Дармиловой (2009) расчеты показывают, что для накопления ресурсов модернизации за счет собственных источников (прибыль и т. п.) потребуются (при благоприятных условиях развития) десятилетия. Поскольку собственными ресурсами федерального значения Северный Кавказ не располагает, основой модернизации его экономики, как и в первой половине XX в., могут стать лишь ресурсы федерального бюджета и инорегиональные ресурсы крупных корпораций и сетевых структур, ресурсы транснациональных компаний.

Ключевые задачи развития Северного Кавказа состоят не в достижении каких-то, пусть самых важных, макроэкономических показателей (увеличение к 2025 г. темпов роста в СКФО валового внутреннего продукта до 7,7 %, повышение размера заработной платы в 2,5 раза и т. п., хотя это весьма важные целевые показатели утвержденной «Стратегии» СКФО), а в переводе на современные экономические механизмы и социальные технологии всего территориально-хозяйственного комплекса и социальной сферы региона, модернизации экономической структуры и придании ей современных форм корпоративной и сетевой организации бизнеса.

Главное в экономической сфере – корпоратизация и сетизация мелкоотраслевого сектора, его индустриализация. Достижению этой ключевой задачи могут способствовать следующие среднесрочные экономические стратегии:

- Стратегия капитализации территориальных ресурсов, требующая, кроме всего прочего (развитие рынка недвижимости, корпоратизация госимущества, создание инфраструктуры инновационной деятельности), государственного регулирования политики включения крупных инорегиональных структур в региональную экономику, повышения эффективности нормативно-правовой защиты региональных ресурсов и регионального имущества от избыточного давления экстерриториального капитала. В состав объектов федеральной региональной политики должны быть включены новые игроки в пространстве региональных экономик, формирующие отныне

их «ландшафт» и конкурентоспособность – крупные корпоративные структуры («нерезиденты») и крупные сетевые бизнес-структуры.

- Стратегия модернизации институтов этноэкономики, оптимизация структур хозяйственных укладов в регионе на базе технологий их корпоратизации, включения в сетевые хозяйственные взаимодействия и др. Особое значение имеют, при этом, меры по снятию институциональных дефицитов в развитии предпринимательства во всех секторах многоукладного хозяйства регионов, в том числе, – комплекс социальных технологий по преодолению этнических барьеров в межрегиональном бизнес-взаимодействии, а также создание более адекватного механизма перераспределения природной ренты в практике использования конкурентных локальных ресурсов.

- Стратегия конвергенции разобщенных рынков Северного Кавказа на базе создания современной транспортно-логистической инфраструктуры.

- Стратегия формирования единых для макрорегиона институтов развития (типа созданной Северо-Кавказской корпорации развития) – корпораций по развитию кластеров (в том числе – туристического), корпорации по развитию технопарков в регионе, венчурного фонда и т. п.

Разумеется, при этом должны получить инвестиционную поддержку приоритетные отрасли производства – транспорт, электроэнергетика, АПК, туристско-рекреационный комплекс и др. Но это уже в рамках обычной типовой экономической политики и ее инструментария (программы, межбюджетные трансферты, льготы и т. п.). Но главное, подчеркнем еще раз, это модернизация социальных форм организации экономики и занятости населения, преодоление «аграрного перенаселения», развитие сетевых хозяйственных взаимодействий «по вертикали» (корпорация – отрасль – уклад – домохозяйство) и «по горизонтали» – интеграция хозяйственных локалитетов Северного Кавказа.

Подводя итог, следует, по-видимому, констатировать, что для периферийных регионов, подобных Северному Кавказу, накопление ресурсов для модернизации самой структуры экономики и ее институционального каркаса потребует длительного времени (10–15 лет), а переход к постиндустриальной модели развития ставит в качестве приоритета задачу повышения уровня капитализации конкурентных ресурсов, привлечения инвестиций крупных транснациональных компаний, а также иных механизмов государственной бюджетной политики, стимулирующих экономический рост и расширение внутренних финансовых ресурсов региона.

О. В. Кузнецова

Реалистичным и, вместе с тем, желаемым сценарием развития российской экономики можно считать инновационно-сырьевой (чисто сырьевой сценарий нежелателен, а инновационный маловероятен). Говоря об инновационно-сырьевом сценарии, мы имеем в виду сохранение значимой роли сырьевого сектора экономики, но при постепенном возрастании значимости других секторов. Реализация такого сценария вряд ли кардинальным образом ломает складывающиеся тенденции в развитии территориальной организации общества, хотя некоторые коррективы, конечно, возможны (может усилиться роль городов науки, начаться более динамичное развитие регионов несырьевой специализации).

Вопрос о постиндустриальной модели развития российских регионов очень популярный, но вместе с тем очень неоднозначный, поскольку не существует очевидных критериев выделения постиндустриальной модели. Постиндустриальное общество обычно характеризуют двумя его особенностями: во-первых, ускоренным ростом сферы услуг по сравнению с ростом производства, преобладанием сферы услуг над сферой производства; во-вторых, включением в производственные ресурсы знаний и информации, доминирующей ролью в развитии экономики научных разработок. Если говорить об ускоренном росте сферы услуг, то для России эта задача, на наш взгляд, неактуальна. Ускоренный рост сферы услуг может быть тогда, когда промышленность достигла высокого уровня своего развития. А это, увы, не российский случай. В России задача развития производства, особенно высокотехнологичного, весьма и весьма актуальна. А вот возрастание роли научных разработок в развитии экономики – одна из важнейших задач для России.

Проще говоря, в международном разделении труда Россия пока специализируется в основном на экспорте сырья. Рассчитывать на специализацию всей страны на экспорте услуг – утопично (набор таких услуг пока не просматривается). Следовательно, для сокращения зависимости от экспорта сырья надо самим производить больше высокотехнологичной продукции, снижая зависимость от импорта, и, по возможности, поставляя высокотехнологичную продукцию на экспорт. А это значит, что надо развивать собственную промышленность, в том числе фармацевтику, электронику, другие сложные отрасли.

Поэтому, как нам представляется, более прагматичным вопросом является вопрос об условиях развития высокотехнологичной промышленности в российских регионах. Очевидно, что в более выигрышной ситуации окажутся регионы с более высоким уровнем развития образования и науки, наличием квалифицированных кадров. В наиболее экономически отсталых регионах

перспективы появления высокотехнологической промышленности неочевидны; вероятно, что, по крайней мере, в обозримой перспективе их специализация будет иной. В масштабах страны вполне возможна специализация на туризме, агропромышленном комплексе, сырьевых отраслях. Важно, на наш взгляд, понимать перспективы развития разных регионов и оказывать со стороны государства поддержку зарождающимся точкам роста.

А. Н. Пилясов

Думаю, что ситуация в России будет, с неизбежными отступлениями, зигзагами, развиваться по смешанному, инновационно-сырьевому сценарию. Возможности российских регионов в постиндустриальной экономике будут резко неравноценны и определяться степенью центральности их местоположения на карте России и мира. Но – подчеркну – хотелось бы видеть в постиндустриальной модели не существующие поголовно регионы-получатели федеральных бюджетных средств, а укрупненные и более экономически сильные российские регионы, способные к устойчивому развитию на собственной основе. Я предпочел бы говорить об одновременно происходящих переменах в экономической структуре регионов (от индустриальной к постиндустриальной, интеллектуальной) и изменениях в самой пространственной конфигурации этих регионов – как более крупных субъектов Российской Федерации, с большей площадью и более мощной экономикой. Каждый должен будет искать свое место в новой экономике, рекомбинируя сложившиеся экономические компетенции с новыми и, в результате, развертывая новые виды экономической деятельности.

Ю. В. Поросенков

Прежде чем ответить на вопрос, несколько слов о сущности понятий, заложенных в обозначение данных сценариев. «Сырьевая» экономика ориентирована преимущественно на добычу и экспорт природно-сырьевых ресурсов. Этот тип экономики характерен для современной России и стал результатом «свертывания» многих обрабатывающих производств. «Инновационная» экономика, необходимость развития которой в настоящее время декларируется в качестве одной из целевых установок развития страны на ближайшее 5–10 лет, предусматривает производство и экспорт принципи-

ально новых (конкурентоспособных на мировом рынке) товаров, изделий и услуг, а также технологий и форм организации хозяйства и общества.

Реальный сценарий, по которому будет развиваться Россия в ближайшие годы, определяется с ее конкретными возможностями. Пока страна находится в зоне «бифуркации», выход из которой возможен по разным сценариям. С нашей точки зрения, в стране сохранится, скорее всего, сырьевой характер экономики с внедрением в нее как в отраслевом, так и региональном аспектах некоторых элементов инновационного развития. В поддержку такой точки зрения можно привести следующие соображения. Во-первых, Россия обладает огромным природно-ресурсным потенциалом, использование которого определяется спросом на мировом рынке. Поэтому было бы недальновидно отказываться от этого, пока определяющего характера развития российской экономики. К тому же, значительная часть современной экономической элиты явно заинтересована в таких видах деятельности, которые дают значительную и гарантированную прибыль.

Во-вторых, инновационная перестройка экономики России потребует огромных финансовых средств, которых у страны нет. Вряд ли можно осуществить крупномасштабную инновационную перестройку экономики только за счет средств государственного бюджета, который обременен необходимостью выполнения социальных обязательств перед населением, реализацией принятой программы усиления силового блока и одновременной необходимостью аккумулирования средств для преодоления очередного финансово-экономического кризиса. К инновационному развитию страны пока достаточно настороженно относится и определенная часть бизнеса, поскольку такое развитие требует огромных капиталовложений, но не гарантирует быстрого получения прибыли. К тому же, на мировом рынке никто не ждет Россию с ее инновационными продуктами и технологиями. Свое место на рынке придется отстаивать в жесточайшей конкурентной борьбе.

В третьих, Россия пока не готова к широкому инновационному развитию и в кадровом отношении. Высокий образовательный уровень населения и фактически сложившееся всеобщее высшее образование по причине массовой невостребованности специалистов, низкого уровня оплаты их труда и девальвации дипломов – создали достаточно сложную атмосферу восприятия инноваций в обществе. Нужна коренная перестройка забюрократченной системы профессионального, в том числе и высшего образования, но она тоже требует средств.

Всё это в совокупности на ближайшие годы делает возможным только весьма ограниченное инновационное развитие страны. Одним из объектов такой коренной модернизации выступают предприятия ОПК, особенно те из них, которые гарантируют стратегическую безопасность страны и где нет прямой конкуренции иностранных фирм (например, производство ракетного и

ядерного вооружения). Их развитие потребует внедрения инновационных технологий также в тех отраслях и производствах, которые выступают смежниками предприятий ОПК или их обслуживают.

Для России крайне важным выступает внедрение инновационных технологий в сырьевой сектор ее экономики – в разведку, эксплуатацию и переработку сырья. Это связано с необходимостью экологического и экономического блокирования неблагоприятных горно-геологических, транспортных и природных условий в регионах Сибири и Севера. От добычи и экспорта своих природных ресурсов Россия должна получать максимально возможный доход в конкретных условиях страны и мирового рынка. Именно это должно определять конкретную степень глубины отечественной переработки сырья.

Такой сценарий экономического развития определяет возможности и перспективы развития российских регионов по постиндустриальной модели. В этих условиях на инновационную постиндустриальную модель развития в России перейдут наиболее развитые социально-экономические центры (в первую очередь – крупнейшие мегаполисы) и регионы не только с обрабатывающей, но и горнодобывающей промышленностью. Но одновременно с ними еще долгое время будут существовать регионы, находящиеся на индустриальной и доиндустриальной стадиях развития. Это предполагает дальнейшее усиление процессов поляризации российских регионов.

А. И. Трейвиш

На первый подвопрос ответить не могу – не знаю. Несколько замечаний о территориальных проекциях двух сценариев сделаю, хотя всё, по-моему, самоочевидно.

Сырьевой вариант – это сдвиг материального производства на север и восток, плюс развитие трасс поставок, экспортных портов. А инновационный (идёт ли речь о науке, технике, сложной индустрии или сервисной экономике) – связан с «рассредоточенной концентрацией» по ряду узлов, районов и общим сдвигом в западном направлении. Ясно и другое: пропорции расселения, а с ним потребления, не побегут за капиталами и производством так резко, как в XX в. У них разные требования к ресурсам и условиям, т. е. факторы размещения. Инновационный сценарий, в отличие от сырьевого, к тому же сам привязан к расселению, по крайней мере, к его «вершинам».

К перспективам постиндустриальной модели придётся зайти издалика. Во-первых, это не синоним инновационного развития: новшества проникают и в агросектор, политику, культуру. Во-вторых, сомнителен термин. Суть аграрной и промышленной экономик видна из их названий, тогда как у «по-

слеиндустриальной» два лица, две модели: сервисная и информационная, соответствующие третичному и четвертичному секторам. Они реагируют на пространство по-разному. Информация летуча и вездесуща. Сервис же часто immobiliare клиента. Мы едем за туристическими, университетскими, другими услугами, а ради привязанных к недвижимости коммунальных – сидим дома, но суть и здесь та же.

По доле вторичного сектора в ВВП Россия – среднепромышленная страна, но производительность индустриального труда низка, мы уступаем по ней очень многим. В ключевых обрабатывающих отраслях картина хуже. Советское машиностроение с 1/3 промышленного «вала» считалось мотором технического прогресса. Сейчас оно даёт чуть больше 1/6 продукции, в ряде производств (металлорежущих станков, тракторов и др.) выпуск сократился многократно. Из десятков тысяч предприятий советского ВПК уцелели всего 5 %. К 2008 г. лишь 18 % регионов превысили уровень производства 1990 г., а свыше 50 %, включая многоотраслевую Нижегородскую и текстильную Ивановскую области, оборонную Удмуртию, уральские и южносибирские регионы, были от него ещё далеки.

Очень пострадала наука. Исследованиями и разработками в РСФСР занимались 1,9 млн чел.; в РФ их 0,7 млн и только Москва потеряла 0,5 млн исследователей, которых легче удержать в провинции, где поменьше других высокооплачиваемых рабочих мест. Концентрация кадров НИОКР в столице и вокруг нее всё же велика: 42 % численности в РФ, плюс 17 % в Петербурге и Нижнем Новгороде. О низком престиже, бюджетной нищете науки, старении её кадров говорить излишне.

В общем, база научно-технической версии постиндустриальной модели развития (экономики знаний, особенно если они – свои) сужается, для неё в стране остается немного подходящих мест. А как дела с сервисной версией?

На первый взгляд, отлично. По составу занятых вся страна и почти все регионы уже постиндустриальны. А по продукции – нет (см. ответ на вопрос 2.1). Почему же слаба сервисная экономика? Она требует внутреннего или внешнего спроса на услуги, т. е. туристов, клиентов медицинских и досуговых центров, приезжих студентов, вкладчиков в банки. Иначе – это убогий сервис для бедных. Тогда уж лучше рубить лес, делать кирпич, найти заказ военному заводу или копать огород, собирать на продажу дикоросы, т. е. вернуться к первичным промыслам, чем и подрабатывают миллионы россиян – почти все на селе и многие в малых городах. Но это порочный круг: бедность угнетает ростки сервисной экономики, а со старой промышленной – трудно добиться развития и одолеть бедность.

В перспективе мы либо всё же реализуем инновационно-техническую модель развития, либо опустимся на мировое дно, на роль энергосырьево-

го придатка Европы и (или) Восточной Азии. А ведь РФ – не Кувейт и даже не Канада: для 75 млн экономически активных россиян мало добычи и первичной обработки сырья. А раз по товарам широкого спроса и среднего качества Россия не вполне конкурентоспособна, то альтернативы научно-информационному прорыву у неё нет. Только как его обеспечить, мы толком не знаем.

Г. М. Фёдоров

У России нет выбора, кроме как развивать экономику по инновационному пути. В конце концов, любые месторождения имеют тенденцию кончаться. И инновационный, и, думается, почти то же самое – инновационно-сырьевой сценарии, не могут привести никуда, кроме как к полному краху экономики, и уже не в столь отдаленном будущем (посмотрите в справочниках, на сколько лет нам хватит, например, нефти?).

Инновационный сценарий, на взгляд автора, это не только развитие так называемых «инновационных» отраслей. Инновации возможны и необходимы во всех отраслях, в хозяйствующих субъектах разных размеров, и их прогноз довольно проблематичен (как и возникновение принципиально новых производств). Поэтому достаточно сложно прогнозировать и изменения в ТОО.

Что касается возможностей и перспектив развития российских регионов по постиндустриальной модели, всё (или почти всё) зависит от того, сумеет ли Россия в ближайшем будущем перейти на инновационный путь развития (поскольку в более отдаленном будущем будет поздно).

А. И. Чистобаев

В вопросе содержатся модные и, простите, наивные слова: сырьевой, инновационный или инновационно-сырьевой сценарии развития экономики России. И в самом деле: разве не нужны инновации в использовании сырья? Разве можно представить себе инновации без сырья? Можно ли вообще говорить о развитии производства без сырьевой базы? Должно быть всё, и оно, это «всё», в России есть. И, помимо сырья, есть умные головы, умелые руки. Остальное приложится. Но не само по себе, а при условии умелого, профессионального управления страной на основе научных парадигм, концепций, стратегий, разработанных учёными, включая нас, географов-обществоведов.

М. Д. Шарыгин

Регионы Российской Федерации находятся на разных стадиях социально-экономического развития. Два субъекта (Москва и Санкт-Петербург), опираясь на экономику всей страны, развиваются по постиндустриальной модели. Старопромышленные регионы находятся на стадии индустриального функционирования и технологического обновления. Регионам агро-индустриального типа еще предстоит пройти стадию индустриализации.

Переход России в постиндустриальное общество, видимо, будет поэтапным, с постепенным переходом на третичный и четвертичный сектора экономики на основе инновационных технологий. В стране уже формируется сеть наукоградов, технополисов, технопарков, академгородков, федеральных и национальных исследовательских университетов. Именно они должны совершить прорыв в информационно-коммуникационной системе, нано- и биотехнологиях, сфере услуг, производстве машин и оборудования. Важную роль в обновлении экономики могут сыграть компании «газелей», инициативы «мозговых атак», региональный менеджмент и др.

Индивидуальный путь функционирования российских регионов по постиндустриальной модели будет проходить в русле развития мировой цивилизации. Открытость России позволяет широко использовать научно-технические достижения высокоразвитых стран, учитывать позитивные и негативные последствия инновационных процессов. Открытость страны повышает конкурентные возможности регионов и стимулирует приток национальных и иностранных инвестиций. Богатый внутренний потенциал и благоприятные внешние условия создают благоприятный климат для перспективного развития страны и регионов. Но имеются и ограничения: расплывчатые контуры модернизации, наличие теневой экономики и коррупции, иждивенческие настроения в ресурсных регионах, пассивный менталитет населения.

В. А. Шупер

Наилучшим сценарием был бы инновационно-сырьевой; представляется очень привлекательной концепция постиндустриального освоения Сибири и Дальнего Востока, разрабатываемая А. Н. Пилясовым, о которой уже шла речь выше. Как любит повторять Андрей Илларионов (среди географов эту точку зрения наиболее последовательно проводит А. И. Трейвиш), нефть будет никому не нужна раньше, чем она кончится. Экономический кризис 1998 г., резкое падение курса рубля в 2008 г. были связаны отнюдь не с сокращением

добычи нефти и газа, а с падением цен на них. Между тем, невиданный размах манипулирования даже не общественным мнением, а общественным сознанием приводит к тому, что уже и наши коллеги дудят в ту же дуду: «на что будем жить, когда нефть кончится?», хотя вопрос этот с очевидностью встанет гораздо раньше. Вот тогда-то, возможно, и начнет как следует работать голова в направлении инноваций. Однако произойдет это не завтра и не сразу, поскольку у нас под боком Китай, обеспечивающий 20 % роста мирового потребления нефти. Как бы успешно китайцы не снижали энергоёмкость и ресурсоёмкость своей экономики, до Западной Европы им еще очень далеко, а спектр востребованных ресурсов, скорее всего, будет расширяться.

3.4. ОБШИРНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: КАКОВЫ СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ?

А. Г. Дружинин

Обширность российской территории – явление *соотносительное*, особенно в эпоху глобализации. С одной стороны, по своей площади Российская Федерация (свыше 17 млн кв. км, или 10,9 % всей суши) действительно масштабна, лишь ненамного уступая суммарному показателю по сопредельным Китаю, Казахстану, Турции и странам Евросоюза вместе взятым. С другой стороны, весь находящийся под юрисдикцией России массив земель и акваторий – всего лишь 3,3 % общей земной поверхности. К тому же, реальное социально-экономическое пространство в нашей стране (освоенное, благоприятное для жизнедеятельности) охватывает лишь часть (от 10 до 30 % в зависимости от методологии подсчёта) территории. *«Обширность» России, в этой связи, предстаёт не только параметризуемой географической данностью, но и сравнительной оценкой, ощущением её ландшафтного и общественно-географического многообразия, нереализованных хозяйственных возможностей, временных и экономических издержек маршрутов и расстояний.* В огромной мере она предопределяется природно-ресурсным потенциалом (локализованным преимущественно за пределами «социально-экономической ойкумены»), способностью к поливекторному (почти глобальному) геополитическому присутствию и трансграничному взаимодействию. «Обширна» российская территория (при соответствующей компаративистике) и для своих существенно более заселённых и экономически развитых соседей, испытывающих нарастающие природно-ресурсные дефициты. «Обширной» Российская Федерация представляется также в связи со своим разреженным урбанистическим каркасом, неудовлетворительной транспортно-экономической доступностью периферийных регионов, «недовключённостью» их в глобальные отношения и потоки. То есть, речь идёт о достаточно условной и неоднозначной ситуационной характеристике территориальной социально-экономической системы России (вмещающей в себя не только безусловный позитив, но и проблемные ситуации, риски), производной от общей конфигурации, организации и позиционирования её пространства.

Планета наша всё ощутимее перенаселена, её базовые ресурсы в целом дефицитны и являются объектом возрастающей геоэкономической конкурен-

ции; в данном контексте *контролируемая государством территория, её существенный масштаб, эффективность организации составляют важнейшее конкурентное преимущество, стратегический ресурс социально-экономического развития*. Отвечая на вызовы глобализации, Россия должна сохранять, удерживать и, даже, в какой-то степени «наращивать» (за счёт взаимодействия с сопредельными ареалами компактного проживания своих ведущих этносов, зарубежной активности российского бизнеса) своё пространство, предпринимая, при этом, необходимые усилия для преодоления (минимизации) негативных аспектов его «обширности». **Стратегия удержания территории** (ключевая на современном этапе), в этой связи, представляется малопродуктивной вне реализации целевых установок на её освоение, существенное повышение капитализации, снижение (насколько это возможно) экономических, транспортно-коммуникационных и культурных барьеров между группами регионов. Ресурсов для этого у России (где в силу преимущественно институциональных обстоятельств всё гиперзатратно – строительство и сохранение в рабочем состоянии инфраструктуры, обеспечение трансграничных потоков сырья, товаров, поддержание жизнедеятельности городов и в целом системы расселения) в настоящий момент, к сожалению, катастрофически мало. Практически исчерпана эндогенная ресурсная база реосвоения (требующего высокой мотивации, мобилизации и сверхжертв); оно уже не может вестись ни за счёт российской деревни, ни в существенной мере деградировавшей в постсоветский период индустриальной базы. Сохраняющиеся источники природной ренты «развёрнуты» в сторону крупнейших российских городов и глобальных урбанистических сетей и по политико-экономическим и социальным причинам также практически недоступны. В ситуации, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры чревато эскалацией регионального эгоизма и сепаратизма, **проблематика сохранения «обширности» территории России** (и, одновременно, социальной адаптации к ней) **не может не корреспондировать с сущностными подвижками в политико-экономических отношениях «по поводу» освоения территории, использования её потенциала.**

Стратегии использования российской территории должны быть, в частности, в максимальной степени *«географизированы»*, т. е. опираться на учет ландшафтно-экологических факторов и приоритетов, принципы адаптивности и комплексности хозяйственных практик, дифференцированный подход в природопользовании, общественно-географическое районирование. Крайне актуализирована и *«неорегионализация»* России на основе развития полимасштабной и многополюсной сети организующих территорию урбанистических центров (метрополий) с акцентом на государственную и корпоративную поддержку региональных столиц, «смыкания» ареалов их влияния (за счёт целенаправленной инвестиционной, инфраструктурной и тарифной полити-

ки), равно как и формирования (таксономическим уровнем ниже) «микрометрополий» на базе «окружных» центров.

За пределами ареалов метрополизации целесообразно *наращивать массив особо охраняемых природных территорий* (нынешние 2,66 % занятой ими площади в РФ представляются недостаточными, несоответствующими потенциалу и интересам страны, её роли в глобальной экосистеме) при одновременном *расширении «очаговой» социально-экономической активности* на основе опережающего применения трудосберегающих технико-технологических инноваций, включая робототехнику. Весь процесс реосвоения российской территории должен быть предельно **«экономизирован»** (опираться на учёт комплекса эффектов, в том числе сопутствующих, долгосрочных) и, по возможности, **«деэтитализирован»** (с расширением практик государственно-частного партнёрства, стимулирующего соответствующие корпоративные стратегии). Необходимой представляется и своего рода *«управляемая интернационализация»* использования отдельных российских территорий, базирующаяся на принципах многовекторности (страновой и корпоративной конкуренции), строгом учёте российских социально-экономических интересов (в том числе локальных и региональных), этнодемографических детерминант и экологических ограничений.

Н. Н. Ключев

По целому комплексу параметров наша страна остаётся ведущей экологической державой; состояние природной среды на её территории в решающей степени определяет экологическое будущее планеты.

Российская «ниша» на мировом сельскохозяйственном рынке может определяться тем, что Российская Федерация относится к числу экологически благополучных стран планеты. Качество отечественного продовольствия зачастую значительно лучше зарубежного по показателям санитарной и экологической безопасности. В силу этого важные отрасли российской специализации на мировом рынке – производство безопасной продукции, оказание рекреационных и экологических услуг. На мировом рынке экологичная сельскохозяйственная продукция (которую, в принципе, невозможно получить, например, в Западной Европе) ценится очень высоко. Этот сектор рынка в мире стремительно растёт. Выпасть из него – значит, опять отстать.

Особо чистые, «девственные» территории России сосредоточены в её северных районах. Отсюда вытекает важность сельскохозяйственного освоения севера: развития северного земледелия, пастбищно-кочевового животноводства.

водства – оленеводства, табунного коневодства, мараловодства, разведения яков. Помимо получения экологически приемлемой продукции, аграрное развитие севера послужит поддержке его коренных малочисленных народов, а также улучшит крайне неблагоприятную пространственную ситуацию, в которой ныне оказалась Россия. Аграрное освоение севера, организация его территории сделает нашу страну независимой в пространственном отношении. Сельскохозяйственное освоение территории является наиболее устойчивым типом освоения, что имеет важное геополитическое значение, не измеряемое экономическими категориями.

Для нас актуальным и, можно сказать, «имманентным» является такое направление, как техника и технология в северном исполнении.

Казалось бы, наше географическое положение очень неблагоприятное – на задворках Евразии, в ее самой неуютной северо-восточной части, среди ледяных изотерм. Однако посредством грамотной территориальной политики такое положение можно не только улучшить, но и сделать конкурентным преимуществом. Еще когда только строили Транссиб, морские судовладельцы опасались грозного конкурента в лице российских железных дорог. Однако, до сих пор наши «тихоходные» железные дороги проигрывают морскому транспорту. А современные технологии и методы организации перевозок позволяют сделать их скоростными и надежными. Перенос главной транспортной магистрали Евразии на нашу территорию требует не только технической модернизации транспорта и инфраструктуры. Нужна и институциональная модернизация – построение современной логистики, организация эффективных таможенных и пограничных служб и т. п.

Ю. С. Колесников

Обширная территория – это не только ресурс развития, но и дополнительные издержки для экономики, составляющими которых являются затраты на транспорт, дорожную сеть, энергетические и другие виды коммуникаций, инженерное обустройство территории и т. п. То есть, обширность территории – это дополнительный «оброк» на экономику (по разным оценкам – до 5–8 % ВВП). В специальной литературе в связи с этой проблемой говорят о «ресурсном проклятии», «голландской болезни», об отрицательном влиянии природного богатства на экономическую динамику страны (этим, в частности, объясняется устойчивость сырьевого характера российской экономики).

Обширность территории, требующая для освоения непомерных затрат на инфраструктуру, неизбежно возникающая при этом асимметричность разви-

тия инфраструктуры по сравнению с динамикой потребности в ней со стороны производства и, особенно, социальной сферы, превращает пространство (территорию) страны с его почти неисчерпаемыми ресурсами на определенном историческом этапе в тормоз социально-экономического развития. Кроме того, «эффект масштаба», который в экономической теории и практике всегда означал конкурентные преимущества в производстве добавленной стоимости, применительно к данному контексту расплывает экономические ресурсы, снижает эффективность использования и уровень их капитализации (пример – поставки в зарубежные страны в необработанном виде нефти, газа, древесины, зерна, подсолнечника и т. п.).

Для России проблема капитализации ее обширной и глубоко неоднородной по уровню развития территории становится ключевой в XXI в. Удельная капитализация совокупных ресурсов территории России в 5 раз ниже (а по некоторым регионам – в 30 раз ниже), чем в среднем по развитым и развивающимся странам (Арабкин, 2003). Капитализация рабочей силы, инженерной и научной компетенции в России в 4 раза ниже, чем на Западе.

Транснациональные цепочки добавленной стоимости сконструированы так, что центры ее осаднения находятся вне сферы контроля продавцов. Того, что им достается, едва хватает на простое воспроизводство. В ядре глобальной экономики, играющем роль совокупной метрополии, сконцентрированы новые компетенции и финансовые технологии управления колониальной собственностью (нефтью, ураном, лесом, зерном). То есть, недокапитализация территории России является существенным сдерживающим условием ее экономического роста и глобальной конкурентоспособности.

Разрыв в уровне капитализации территории коренится не в ограниченности традиционных ресурсов (земля, природные ресурсы, трудовые ресурсы), а в исторически сложившемся отставании развития инфраструктуры, а также в издержках институтов распределения и институтов обмена. Исходя из этого, федеральная региональная политика на Юге России должна быть направлена, прежде всего, на формирование такой его пространственной организации, которая бы повышала стоимость активов, находящихся в распоряжении региона – человеческого капитала, недвижимости, земли, природных ресурсов, производственных активов. Создание институтов и механизмов капитализации территорий российских регионов, их потенциально конкурентных ресурсов – стратегически важный императив для новой федеральной региональной политики.

В. А. Колосов

Обширное пространство для России – одновременно и Божий дар, и проклятье. Большая часть территории отличается весьма суровыми природными условиями. Средняя ее освоенность очень низка, что объективно затрудняет мобильность населения и предполагает значительные транспортные расходы, тяжелым грузом ложащиеся на себестоимость продукции и экспорта (что было хорошо показано в оригинальных работах Л. А. Безрукова). Обширность пространства связана с удаленностью большинства регионов от моря – континентальностью страны, что опять-таки резко увеличивает транспортные расходы, особенно с учетом сырьевого характера ее экспорта. Вместе с тем, обширность территории связана с уникальным обилием и разнообразием природных ресурсов. Унаследованное от Советского Союза трансконтинентальное и межokeанское положение дает возможности для политического и хозяйственного маневра (например, экспорта энергоносителей не только в Европу, но и в страны АТР), хотя малонаселенный и в основном холодный российский Дальний Восток – не американская Калифорния. Россия обладает большими возможностями для международного транзита, которые пока используются мало.

Россия – одна из немногих стран мира, имеющих эксклавы. Перспективы Калининградской области, со всех сторон окруженной территорией стран Евросоюза, связаны с интеграцией в быстро развивающийся макрорегион Балтики. Существовали планы превращения области в полигон сотрудничества между Россией и ЕС, что открывало бы для нее возможность включиться в европейские рынки капитала и технологий в интересах всей страны. С 2002 г. действует федеральная целевая программа развития области, а с 2006 г. вступил в силу федеральный закон «Об особой экономической зоне в Калининградской области». Экономическая зона к настоящему времени не оправдала надежды. Тем не менее, перед кризисом 2008 г. темпы роста промышленного производства она имела в несколько раз более высокие, чем в среднем по России, в основном благодаря импорту компонентов для сборки ряда потребительских товаров.

Россия имеет больше соседей, чем любая другая страна в мире, что способствует диверсификации внешних экономических связей, но вместе с тем означает, что она призвана участвовать в решении политических проблем многих регионов одновременно. Общая длина границ России по сравнению с СССР изменилась мало, зато число приграничных регионов утроилось: 12 старых и 24 новых (из них 11 – по границе с Казахстаном, самой протяженной сухопутной границе в мире; она протянулась более чем на 7000 км). Возникновение десятков тысяч километров новых государственных границ и

адаптация к ним хозяйства и всего общества, особенно в приграничных районах – одна из острых проблем, вставших перед Россией после распада СССР.

Россия – уникальная страна, поскольку до сих пор имеет отчасти «вынесенную» на рубежи бывшего СССР таможенную (в Белоруссии) границу. Это связано с созданием в 1996 г. Россией и Белоруссией Союзного государства.

Рубежи обеспечения безопасности России не вполне совпадают с государственными границами и в результате военного присутствия в ряде стран СНГ. В соответствии с межгосударственными соглашениями, Черноморский флот России до 2017 г. сохраняет свою историческую главную базу в Севастополе. Российские военные и военно-воздушные базы имеются в Таджикистане, Армении и Киргизии. Россия арендует у Казахстана главный советский космодром в Байконуре. Россия пользуется станциями раннего оповещения о ракетном нападении в Барановичах (Белоруссия) и Габале (Азербайджан). Небольшой контингент российских войск охраняет бывшие советские военные склады в Приднестровье.

В долгосрочной перспективе сохранится сложное соотношение между государственными границами России и широким пространством интенсивного взаимодействия с соседними странами, охватывающим значительную часть пограничья. Это объясняется несовпадением государственной территории России с расселением миллионов русскоязычных жителей, общностью традиций и исторического прошлого. В Белоруссии и Киргизии русский язык провозглашен вторым государственным.

Пути компенсации проблем, связанных с обширностью пространства, низкой плотностью населения, особенностями геополитического положения страны и трансформации их негативных сторон в конкурентные преимущества, лежат через развитие коммуникаций и сетевых структур.

Современный транспорт – гарантия единства экономического пространства, свободного перемещения товаров и услуг, конкуренции и свободы экономической деятельности. Этому препятствует *физически и морально устаревшая инфраструктура, значительные различия в плотности и качестве транспортной сети*, особенно между Европейской частью России и регионами Сибири и Дальнего Востока. Многие регионы (Якутия, Магаданская, Томская области, Красноярский край, юг Дальнего Востока) остаются отрезанными от своих соседей из-за отсутствия прямых соединительных автодорог.

Подвижность населения России почти в 2,5 раза ниже, чем в передовых странах – как из-за недостаточного уровня доходов, так и нехватки современных транспортных коммуникаций, низких скоростей, несовершенства общественного транспорта. Низкая территориальная подвижность, в свою очередь, замедляет темпы роста благосостояния и качества жизни российских граждан, поскольку мешает созданию общегосударственного и региональ-

ных рынков труда, социальной и профессиональной мобильности, решению жилищной проблемы в крупных городских агломерациях.

Плотность автодорожной сети на единицу площади и на одного жителя от 2 до 25 раз ниже, чем в странах Запада и многих быстро развивающихся странах Азии. При общей длине дорог общего пользования с твердым покрытием в 531 тыс. км – дорог высшей категории только около 4 тыс. км (в США – 74 тыс., Китае – 20 тыс., Канаде – 17 тыс., Германии – 12 тыс., Франции – 10 тыс.). Более 30 тыс. населенных пунктов не имеют круглогодичной связи по автомобильным дорогам с твердым покрытием. Условия жизни 12 млн сельских жителей определяются отсутствием круглогодичного доступа к основным наземным коммуникациям, а значит, современным услугам. Резкое отставание от передовых стран в развитии сети автодорог приводит к сворачиванию сельскохозяйственного производства, снижению товаропотоков и потерям грузов, дезинтеграции административных центров и периферийных районов на всех территориальных уровнях, оттоку жителей, диспропорциям в системе расселения.

Быстрый рост парка личных автомобилей на фоне недостаточного развития сети и низкого качества автомобильных дорог не приводит к существенному росту территориальной подвижности граждан, развитию малого и среднего бизнеса, но порождает новые проблемы – высокую аварийность и смертность от ДТП. Число погибших в ДТП (в расчете на 1000 автомобилей) в 4 раза выше, чем в развитых странах.

Себестоимость перевозок в России в 1,5 раза, а доля транспортных затрат в себестоимости продукции – в 2–2,5 раза выше, чем в странах с развитой рыночной экономикой, что объясняется не только большими расстояниями, но и отсталостью транспортной системы.

Не соответствует современным потребностям *пространственная конфигурация транспортных коммуникаций*, из-за чего магистральные направления и главные узлы перегружены, в то время как пропускные способности других недоиспользуются, а многие регионы страдают из-за низкой плотности транспортной сети. Такие диспропорции ведут к росту экономических и социальных различий между регионами России. Так, около 2/3 внутрироссийских и около 70 % регулярных международных рейсов осуществляется через Москву, что значительно удорожает перевозки пассажиров и грузов. В то же время число аэропортов за последние 15 лет сократилось в четыре раза.

Хотя зависимость России от транзита внешнеторговых грузов через морские порты бывших советских республик значительно сократилась, мощности отечественной портовой инфраструктуры обеспечивают лишь около 80% потребности. Сохраняется определенная зависимость внешней торговли от иностранных коммуникаций и перевозчиков.

Существующая система *магистральных трубопроводов не полностью отвечает современной и перспективной структуре грузопотоков*. Строительство экспортных трубопроводов от крупных месторождений углеводородов в Сибири к тихоокеанским портам и границе Китая может придать значительный импульс развитию ряда российских регионов.

Однако возможности увеличения ВВП за счет экспорта транспортных услуг и *транзитный потенциал* России реализуются слабо. Через Россию идет только 2 % транзитных грузов между странами АТР и Европой.

Россия пока не наверстала сложившееся еще в советское время резкое отставание от развитых стран по уровню *контейнеризации* грузов – показателю развития современных транспортных технологий. Он вдвое ниже среднемирового уровня.

Причины такого положения кроются, во-первых, в несогласованности между собой по территории и времени крупных инвестиционных проектов в области инфраструктуры и других областях (развития перспективных центров обрабатывающей промышленности, НИОКР, укрепления обороны и безопасности, рекреационной деятельности, выделении зон приоритетного развития, охраны природного и культурного наследия и др.) и отсутствии координации крупных проектов в самих инфраструктурных отраслях – в сферах транспорта, энергетики, информатики и связи. Во-вторых, утрачены традиции согласования развития системы расселения и инфраструктуры на всех территориальных уровнях, сложившиеся в советском территориальном планировании. В-третьих, отсутствует общегосударственная концепция размещения мультимодальных транспортных узлов и логистических центров, что порождает конкуренцию между различными проектами и транспортными узлами. В-четвертых, действующие и строящиеся магистральные трубопроводы оказывают мало влияния на региональное развитие, поскольку вдоль их трасс и вблизи терминалов нет предприятий по глубокой переработке углеводородного сырья. В-пятых, техническое состояние коммуникаций и пропускная способность коммуникаций, входящих в международные транспортные коридоры, не соответствуют современным требованиям.

В последние годы в сфере инфраструктуры проведены базовые структурные и институциональные преобразования. Приняты транспортная стратегия России до 2020 г. и стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 г. В этих документах задачи транспорта увязаны с приоритетами социально-экономических преобразований. Предполагается, что страна сможет в среднесрочной перспективе в основном преодолеть последствия хронического недофинансирования инфраструктуры в прошлом.

С учетом капиталоемкости и длительности сроков окупаемости проектов налаживается государственно-частное партнерство в области инфраструк-

туры. Начата реализация крупных проектов, в которых сотрудничают федеральные ведомства, государственные корпорации и частные компании – например, проект создания транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Читинской области. В крупных государственных корпорациях (например, ОАО «РЖД», Газпроме) действуют подразделения, специально занимающиеся учетом региональных последствий и воздействий принимаемых руководством решений.

Однако транспортные и энергетические стратегии еще недостаточно увязаны с перспективами регионального развития и прогнозами эволюции системы расселения в условиях депопуляции. Наиболее дорогостоящие инфраструктурные проекты, финансируемые за счет федерального бюджета, нацелены на освоение новых месторождений полезных ископаемых на востоке страны, а не инновационное развитие. Программа строительства новых федеральных автодорог не соответствует реальным потребностям и темпам автомобилизации страны. Нет разделения компетенций и ответственности между федеральными, региональными властями и органами местного самоуправления за развитие и поддержание инфраструктуры, отсутствуют четкие механизмы государственно-частного партнерства и критерии поддержки инфраструктурных проектов разного уровня из Инвестиционного фонда. Это, в частности, приводит к резкому отставанию в строительстве и реконструкции не только федеральных, но и местных автодорог и аэропортов.

Можно предложить следующие меры для решения этих проблем. Инфраструктурные проекты должны стать обязательной частью в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ, муниципальных образований и составленных на их базе схем территориального планирования. Эти проекты должны быть согласованы с демографическим, трудовым и миграционным балансами территорий и мерами по созданию региональных рынков труда. Необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее распределение компетенций и ответственности в области транспорта между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов федерации и органами местного самоуправления. Развитие всех видов инфраструктурных объектов должно быть координировано, в частности, в целях увеличения доли мультимодальных перевозок и рационального размещения транспортных узлов по территории страны, соответствующего задачам региональной политики.

А. Н. Пилясов

Критично организовать новое земельное устройство российских пространств. На Севере речь идет о признании прав коренных малочисленных народов на землю традиционного проживания. В других северных федерациях этот вопрос давно решен, права закреплены за национальными корпорациями. Нужно идти тем же путем и России. Российские финансы должны опредмечиваться ее пространствами – в этом состоит сверхзадача управленцев федерального масштаба. Это означает, что даже помощь коренным жителям должна опредмечиваться их вековой связью с этой землей, отражать признание этой сокровенной их причастности к земле предков. Я много в последнее время думаю о том, какое огромное значение имеют в региональной экономике, для регионального сообщества, не просто объемы тех бюджетных средств, которые они получают из федерального бюджета, но ценностная направленность, окрашенность этих денег. И как это определяет степень разумности расходов этих денежных средств. Убеждён, что деньги, выделенные в признание вековой связи аборигенных народов с землей предков, расходуются совсем иначе, существенно более ответственно, чем деньги, которые получены от государства просто «на бедность».

Поэтому искусство российских государственных управленцев состоит в том, чтобы при выработке новых институтов региональной политики обязательно опредмечивать их, интегрировать их с пространствами региона. Региональные финансы возникают как самостоятельная сущность ввиду особенностей региональных пространств и региональной экономики. Выработать эффективную современную стратегию развития регионов, не признав теснейшей связи местных денежных ресурсов со свойствами регионального пространства, с институтами земельной и ресурсной собственности, думаю, невозможно.

Ю. В. Поросенков

Обширность российской территории – объективная данность, которая имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Позитивная сторона обширности России заключается в том, что она потенциально (при всех остальных равных условиях) обеспечивает страну все новыми и новыми ресурсами по мере их открытия и освоения. Обширная территория позволяет стране более широкий маневр с территориальными сдвигами населения и хозяйства, дает простор для дислокации военно-оборонного комплекса и стратегических вооруженных сил. В этой связи Россия вполне самодостаточна, что позволяет ей более легко переносить внутренние и внешние потрясения.

Негативные стороны обширности российской территории заключаются в значительных транспортных издержках для преодоления расстояния между ее регионами, высокой инерционности общественной и экономической жизни, большей сложности сохранить единое геоэкономическое и геополитическое пространство в условиях значительной связи приграничных территорий с теми или иными мировыми ядрами экономического развития (на западе – Евросоюз, на юге Европейской России – Турция, на крайнем юго-востоке страны – Китай, Япония, Корея.)

По нашему мнению, стратегия использования российского пространства должна заключаться в более четкой его стратификации на функциональные зоны, а все территории страны должны быть связаны транспортными полимагистралями и информационными каналами инновационного уровня. В рамках участия страны в международном разделении труда особое значение имеет полимагистрализация осей «запад-восток», «север-юг», освоение и обустройство трассы Северного морского пути и транзитных воздушных линий из Северной Америки через Арктику и Сибирь в Восточную, Юго-Восточную и Южную Азию. Для сохранения страны важное значение приобретает социальная поддержка транспортных связей населения отдаленных северных и восточных регионов с основной староосвоенной территорией Европейской России. Насущная необходимость обеспечения функционирования основных транспортных осей страны позволяет еще раз подумать о форме собственности хозяйствующих субъектов. Это не исключает даже восстановление государственной собственности, где этого требуют долгосрочные геостратегические интересы страны.

А.И. Трейвиш

По-моему, многое сказано. «Для порядка» – краткий перечень. По моим представлениям, обширность – это всегда или почти всегда:

- обилие природных ресурсов и разнообразие условий, глобальная экологическая значимость территории;
- для России – вкупе с особенностями её положения на карте мира – трансконтинентальность и межокеаничность, обилие разных соседей;
- полиальтернативность при выборе внешних и внутренних стратегий, возможности широкого пространственного манёвра;
- многорайонность, но зато обычно и некомпактность, этнокультурная и хозяйственная разнородность, неравномерность освоения и развития, нужда в совмещении разномасштабных идентичностей;

- большие расстояния и особая забота о способах их преодоления;
- склонность к самообеспечению, отгораживанию от внешнего мира в сочетании с гигантоманией и колониционно-освоенческим «синдромом»;
- громоздкость, инерционность, торможение инновационных процессов.

Не забудем, что размеры территории – единственный из базовых признаков, используемых для международных сравнений, по которому РФ удерживает безусловное первенство в мире. И хотя масштабы внутренней «ойкумены», благоприятной для жизни и ведения интенсивной деятельности, гораздо скромнее, это не умаляет значения географического пространства для развития и сохранения целостности России. Оно выступает в роли особого интегрально-го ресурса и в то же время лимитирует условия нашего развития.

Что же касается стратегий использования российского пространства, то в самом общем виде их надо искать между двумя крайностями, в которые часто впадали наши реформаторы-модернизаторы. Одна – это «растворение» в российских просторах, торможение, снижение эффективности и в итоге – пустая трата усилий. Другая – чрезмерная пространственная концентрация, фактически сверхмобилизация этих усилий (стратегия «сжатия страны в кулаки»), ведущая к поляризации освоенного пространства, усиливающая социальное расслоение, напряжение и, в конечном счёте, дезинтеграционные тенденции. Тем самым и она может свести на нет эффекты модернизации как способа устойчивого развития в интересах большинства граждан страны.

Вывод: мало одной стратегии, стимулирующей развитие «локомотивов» либо выравнивающей, перераспределительной. Такой стране, как Россия, нужны обе. А вот в каком сочетании, пропорции – особый, сложный вопрос, на который сходу не ответить.

Бесспорна нужда в лучшем обустройстве российской «ойкумены», в её скреплении, стягивании и связывании, развитии не только вертикальных, но и горизонтальных межрегиональных, межгородских связей. Такая стратегия, по сути, инвариантна относительно иных моделей, сочетается со всеми, важна для решения как внутренних, так и внешних задач: привлечения туристов, инвесторов, потребителей транспортных услуг, улучшения образа страны в мире, повышения её международного престижа.

А. И. Чистобаев

Обширность российской территории – не беда, а богатство, главный ресурс социально-экономического развития. В перспективе этот вывод будет

выступать ещё более явственным, чем сегодня. Главный элемент стратегии его использования – геоэкологический. Его значение распространяется на всю планету. Амазония в Бразилии и Сибирь в России – это «лёгкие» Земли, это цехи по производству кислорода, запасы которого, по мнению ряда учёных, включая автора этих строк, убывают. Но для того, чтобы геоэкологическая стратегия воплотилась, необходимо утвердить её на международном уровне. Её признание зависит и от нас, географов-обществоведов, способных, как никто другой, обосновать такую стратегию развития России.

М. Д. Шарыгин

Российская Федерация размещается на огромной территории, заметно дифференцированной по наличию природных ресурсов и климатическим условиям проживания людей, степени хозяйственной освоенности, плотности населения и т. д. Концентрация производства и населения в европейской части страны и южной полосе Сибири и Дальнего Востока резко контрастирует с остальной территорией с редким населением и отдельными очагами хозяйственного развития. Массовое освоение этой территории будет происходить на основе реализации нового технологического уклада, новой техники и дистанционного управления с минимальным использованием неквалифицированного труда. Важную роль в освоении уникальных богатств сыграет строительство железных дорог (Амуро-Якутской, Средне-Сибирской, Арктической), новых нефте- и газопроводов, автомобильных магистралей, оживление Северного морского пути. Развитие транспортной инфраструктуры в сочетании с человеческим капиталом и наукоемкими технологиями позволит укрепить целостность социально-экономического пространства страны и совершенствовать территориальную организацию общества.

В. А. Шупер

В 1992 г. мы с А. И. Трейвишем опубликовали статью «Теоретическая география, геополитика и будущее России». В ней указывалось, что наши бескрайние просторы с их природными кладовыми все время толкают страну на экстенсивный путь развития, что мы отдаем им больше, чем от них получаем. Через 20 лет мы видим, что отсутствие бескрайних просторов и природных кладовых не принесло счастья соседней Украине, что тезис относительно того,

что мы отдаем нашим просторам больше, чем от них получаем уже не представляется вполне очевидным. Нам надо разобраться с нашими пространствами, отказавшись как от подхода недалёковидного рантье, так и от интеллигентского самобичевания (наши пространства – наш первородный грех).

Может мы несколько поторопились сдать в Исторический музей ураосвоенческую идеологию, как ее именует А. И. Трейвиш? Если нам все равно жить с нашими бескрайними просторами, то эту идеологию надо менять, приспособливая к современным реалиям, а не высмеивать как пережиток. Население будет и далее смещаться на юг и в Московский столичный регион, о границах которого, правда, можно спорить; поляризация пространства будет все более нарастать по всей стране; Север и Сибирь надо в любом случае осваивать, а не заселять, как предлагают и сегодня некоторые горячие головы, не перегруженные географическими знаниями. Но уйдем мы от ресурсной зависимости очень не скоро, если вообще когда-нибудь уйдем.

Нам нужны представления о путях развития страны, соответствующие ее географическим и социальным реалиям. Нам надо, не жалея ни сил, ни средств, снижать энергоемкость и ресурсоемкость хозяйства, но не надо брать в качестве ориентира высокоразвитые страны с совершенно другой отраслевой структурой экономики. Нам надо не бросать деньги на ветер в прямом и переносном смысле, поспешая за цивилизованными людьми в разработке альтернативной энергетики, использовании возобновляемых источников энергии и прочее, а вкладывать средства в НИОКР в области управляемого термоядерного синтеза, где у нашей страны всегда были сильные позиции. И наши отцы, и мы сами в молодые годы прекрасно знали, что только энергия термоядерного синтеза позволит решить энергетические проблемы человечества. Может быть, именно это знание нам следует передать молодым – как важную социальную эстафету, а не бездумно метаться от одной моды к другой?

Разработка стратегии развития страны, хотя бы только в аспекте ее пространственной организации, требует максимального напряжения интеллектуальных сил. Она невозможна без радикального обновления теоретических представлений, совершенствования исследовательского инструментария, а также отказа от общераспространенных заблуждений с высокой идеологической составляющей – таких, как представления об антропогенной природе потепления климата, так называемом устойчивом развитии, мультикультурализме и других благоглупостей или просто глупостей.

Научное издание

**Пространство современной России:
возможности и барьеры развития
(размышления географов-обществоведов)**

Ответственные редакторы:
А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов

Компьютерная верстка *А. О. Дайкер*
Технические редакторы *С. С. Дружинина, Д. В. Свавицкая*
Дизайнер обложки *А. О. Дайкер*

Подписано к печати 27.03.2012.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Calibri

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 24,45.

Тираж 300 экз.

Качество печати рисунков соответствует предоставленным авторским оригиналам

ЗАО «Издательское предприятие «Вузовская книга»

125993, Москва, А-80, ГСП-3, Волоколамское шоссе, д. 4,

МАИ, Главный административный корпус, к. 301а

Т/ф (499) 158-02-35. E-mail: vbook@mail.ru; vbook@mai.ru

www.vuzkniga.ru

Региональное представительство

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, к. 14

Тел.: 8(863) 264-00-19. E-mail: vuzknigayug@mail.ru

Контактный телефон: 8-903-43-43-593

Отпечатано в типографии ЗАО «Книга»

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК